

В.К. ПИСКОРСКИЙ И РАЗВИТИЕ НАУКИ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ В РОССИИ

Казань
2019

В. Писарев

**Казанский
федеральный**
УНИВЕРСИТЕТ

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

**Казанский федеральный университет
Институт международных отношений**

**Российская академия наук
Институт всеобщей истории**

**Российское историческое общество
Казанское отделение**

**Российское общество интеллектуальной истории
Казанское отделение**

В.К. ПИСКОРСКИЙ И РАЗВИТИЕ НАУКИ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ В РОССИИ

Сборник научных статей

**КАЗАНЬ
2019**

УДК 93(092)
ББК 63.3(0)г(2)
В11

*Печатается по рекомендации
кафедры всеобщей истории
Института международных отношений
Казанского федерального университета*

Редакционная коллегия:

Н.В. Антонова, В.А. Ведюшкин, В.Н. Ерохин, Г.П. Мягков (сост., отв. редактор),
Е.А. Новикова, И.С. Пичугина, Э.В. Рунг, Р.Р. Хайрутдинов, Е.А. Чиглинец

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **В.П. Корзун**
(Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского);
доктор исторических наук, профессор **Т.Н. Иванова**
(Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова)

В11 В.К. Пискорский и развитие науки всеобщей истории в России: сборник научных статей / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. – 376 с.

ISBN 978-5-00130-178-3

В сборник включены материалы круглого стола с международным участием, посвященного 150-летию со дня рождения выдающегося историка, основоположника испанистики в России, профессора Казанского университета Владимира Константиновича Пискорского (1867–1910), проходившего 16 марта 2018 г. в Казанском федеральном университете. Статьи представлены учеными вузов и академических институтов Российской Федерации, Украины, Венесуэлы.

Книга адресована научным работникам, преподавателям вузов, учителям, аспирантам, магистрантам и студентам, всем тем, кто интересуется проблемами теории и методологии исторического познания, истории исторической науки.

Работа выполнена за счет средств субсидии, выделенной Казанскому федеральному университету для выполнения государственного задания в сфере научной деятельности.

УДК 93(092)
ББК 63.3(0)г(2)

ISBN 978-5-00130-178-3

© Издательство Казанского университета, 2019

«ПАМЯТЬ ЕГО В НАШЕМ УНИВЕРСИТЕТЕ НИКОГДА НЕ ДОЛЖНА ИЗГЛАЖИВАТЬСЯ»

Будет совершенно справедливым вынести в качестве эпитафии начавшего свою работу в Актовом зале Института международных отношений Казанского федерального университета круглого стола «В.К. Пискорский и развитие науки всеобщей истории в России» завет, который обратил в будущее коллега, единомышленник, продолжатель дела В.К. Пискорского профессор М.М. Хвостов¹. В известном смысле он побудил организаторов предложить публично отметить 150-летний юбилей В.К. Пискорского – ученого, педагога, общественного деятеля, за которым научное сообщество единодушно признает принадлежность к плеяде мыслителей, которые в начале XX века составляли славу русской науки. Историк-медиевист, первый отечественный испанист, он еще при жизни получил европейскую известность и признание. Его работы «Кастильские кортесы в переходную эпоху от средних веков к новому времени (1188–1520 гг.)» (1897) и «Крепостное право в Каталонии в средние века» (1901) не только доставили автору магистерскую и докторскую степени, но явились весомым вкладом в изучение истории средневековой Испании. В 1901 г. В.К. Пискорский был избран членом-корреспондентом Королевской академии науки и искусств в Барселоне.

Случилось так, что в начале XX века руководство историко-филологического факультета Казанского университета после усиленных поисков ученого, который мог бы занять кафедру всеобщей истории университета, остановило выбор на профессоре Нежинского историко-филологического института кн. Безбородко Владимире Пискорском. Обращает на себя внимание выявленный ка-

¹ Хвостов М.М. Владимир Константинович Пискорский. 1867–1910 // Волжско-Камская речь. 1911. 9 февраля.

занскими историками тот факт, что, выбирая среди ряда кандидатур, декан историко-филологического факультета проф. Дмитрий Александрович Корсаков особо внимательно отнесся к рекомендации давнего своего друга, выдающегося ученого, который в далеком 1871 году защитил в Казанском университете магистерскую диссертацию, профессора Киевского университета Ивана Васильевича Лучицкого. Тот в письме Корсакову так характеризовал своего ученика Владимира Пискорского: «...Как ученый, он вполне солидная величина. Приобрел имя в европейской литературе, усерднейший труженик, а главное, хороший руководитель практических занятий».

В результате В.К. Пискорский был избран сначала факультетом, затем Советом университета и, наконец, приказом Министерства Народного просвещения с 1 января 1906 г. был назначен ординарным профессором Казанского университета. Начался *третий*, казанский, период в жизни ученого, когда гармонически слились его научная, педагогическая и общественная деятельность, в результате которой мы ныне с гордостью говорим о Пискорском как выдающемся представителе профессорско-преподавательской корпорации Казанского университета и – шире – Казани, ибо, например, ученый стоял у истоков возрождения в городе высшего женского образования.

Вот это понимание роли и места ученого в истории российской исторической науки, в истории Казанского университета призвало нас сюда, на этот круглый стол. Ведь юбилеи выдающихся ученых пробуждают дополнительный интерес к их творчеству, позволяют пополнить сведения об их жизни, уточнить не проясненные моменты. Особо следует подчеркнуть, что наряду с решением научных задач, таких как расширение и уточнение знаний об истории науки, формировании целостной картины ее развития, у юбилеев есть *человеческое измерение*, и оно самое многогранное. У нас вновь есть повод сказать слова благодарности нашим предшественникам, нашим учителям, тем, кто создавал и обеспечивал развитие нашего научного сообщества.

В программу круглого стола включен ряд фотографий. Удивительный ряд. Он свидетельствует о традиции передачи знаний, о связи времен. Судите: ученик профессора Лучицкого воспитывает выдающегося ученика – профессора Николая Павловича Грацианского; его прямым учеником становится Сергей Платонович Сингалевич. А учитель многих находящихся в этом зале учителей современного студенчества, выдающийся педагог, работавший на кафедре всеобщей истории университета с 1946 по 1987 год, Ва-

сий И.В. Лучицкий был воспитанником Сергея Платоновича Сингалевича. И когда читаешь характеристику-свидетельство, данное педагогическому творчеству В.И. Адо его учеником и биографом Валентином Семеновичем Королевым: «*Студентам многих поколений навсегда запомнились семинары Адо – семинары мастера*»¹, а также вспоминаешь и свои занятия у Василия Ивановича, то невольно понимаешь, какое значение имело приобретение Казанским университетом профессора В.К. Пискорского, по оценке Лучицкого, «*усерднейшего труженика, а главное, хорошего руководителя практических занятий*».

И.В. Лучицкий
(1845-1918)

В.К. Пискорский
(1867-1910)

Н.П. Грацианский
(1886-1945)

С.П. Сингалевич
(1887-1954)

В.И. Адо
(1905-1995)

Как известно, жить и творить профессору Пискорскому довелось в переломный период российской истории, в эпоху потрясений, связанных с первой русской революцией, когда происходил и поиск путей развития российской высшей школы. Современники – коллеги Пискорского обратили внимание на то, что он важнейшей задачей считал, по словам профессора Е. Будде, «*готовить учащуюся молодежь к серьезному научному труду, к труду сознательному, и воспитать в молодежи идейную привязанность к науке*»².

Следует подчеркнуть, что у наследия В.К. Пискорского, в свою очередь, была нелегкая судьба. Сегодня можно уверенно говорить, что нигилизм относительно наследия так называемых буржуазных ученых изживался в советское время долго и трудно. Мы должны помнить, что немалая заслуга в восстановлении исторической справедливости в отношении В.К. Пискорского принадлежит уче-

¹ *Королев В.С.* Историк Василий Иванович Адо. 100 лет со дня рождения // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство. Казань, 2005. С. 297.

² *Будде Е.Ф.* В.К. Пискорский (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1910. Ч. 29. № 10. С. 56.

ным Казанского университета, прежде всего историографу, преподавателю кафедры всеобщей истории в 60–80-е годы прошлого века Асе Зиевне Ханиной. Ее вклад в изучение творчества Пискорского хорошо известен, именно ее статья к 100-летию со дня рождения ученого, опубликованная в 1968 году, положила начало научному изучению его творчества¹.

Вот и теперь кафедра всеобщей истории Института инициировала проведение круглого стола, посвященного 150-летней годовщине со дня рождения профессора Пискорского. Мы рады, что эту инициативу поддержали и откликнулись многие ученые. Соучредителем нашего круглого стола выступил Отдел западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН, признанный центр исследований в области истории средневековой Испании и Италии. Ведущие ученые-испанисты В.А. Ведюшкин, Г.А. Попова во главе с заведующим Отделом, членом-корреспондентом РАН П.Ю. Уваровым в этом зале. Мы рады видеть московских коллег, представляющих и вузовскую испанистику, – О.В. Аурова (ШАГИ ИОН РАНХиГС), А.В. Русанова (НИУ ВШЭ), и такую отрасль, как университетология, – здесь в зале один из основателей этого направления, профессор Высшей школы экономики, выпускница Казанского университета Е.А. Вишленкова.

Об интересе к творчеству Пискорского, к его эпохе свидетельствует весьма широкая география участников нашего круглого стола. Мы рады видеть известных историографов, видных специалистов в области науковедения профессора Омского университета А.В. Свешникова, профессора Брянского университета С.И. Михальченко, профессора Нижегородского университета А.А. Кузнецова, профессора Марийского университета Г.В. Рокину, заместителя директора по науке Института истории и социологии Удмуртского университета Д.А. Черниенко, известного слависта, доцента Самарского университета В.В. Кутявина.

Конечно, и до Омска, и до Брянска – путь не близкий. Куда большее расстояние пришлось преодолеть нашим иностранным гостям – профессору Университета Вальядолида Марии Анхелес Собалер Секо, преподавателю того же университета Хесусу Антонио Саламе Кольянтесу и профессору Барселонского университета Марку Руису Соррилье Крусате. Такова сила научного интереса к творчеству русского историка и к месту памяти, каким является Казанский университет. В числе заочных участников, представив-

¹ Ханина А.З. В.К. Пискорский (К 100-летию со дня рождения) // Вопросы историографии всеобщей истории. Вып. III. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1968. С. 65–81.

ших доклады, Ирина Сергеевна Пичугина (ИВИ РАН) – один из первых и авторитетных исследователей жизни и творчества В.К. Пискорского, профессор, руководитель Центра культурной и исторической антропологии ИВИ РАН Светлана Игоревна Лучицкая, правнучка учителя В.К. Пискорского Ивана Васильевича Лучицкого, много делающая для изучения его творчества. Заочное участие в работе круглого стола приняли известный исследователь педагогической деятельности В.К. Пискорского из Нежина (Украина) Елена Николаевна Труш и почетный профессор Университета Симона Боливара (Каракас, Венесуэла) Кристиан Альварес.

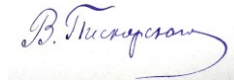
Особенно приятно нашему Институту – правопреемнику историко-филологического факультета еще того, Императорского, университета (пусть и опосредованно) – принимать и приветствовать ближайших родственников Владимира Константиновича Пискорского, его внучку Елену Александровну Новикову и его правнука – Александра Пискорского, прилетевших из Берлина. Елена Александровна, известный ученый-филолог, продолжая семейную традицию, сама является исследователем творчества Владимира Константиновича, много сделала, чтобы увековечить его память. Оргкомитет желает Вам и Александру приятных дней пребывания в Казанском университете, в Казани, о которой Ваш дедушка писал: «...Казань – хороший город, большой и достаточно благоустроенный», «работать в Казани даже лучше, чем в столицах», в другом письме: «Пока довольны Казанью и казанцами. климат все мы переносим хорошо, никто не болеет... Пользуемся театром, очень порядочным...». И еще: «Татар много, народ, в общем, очень симпатичный, честный». Это писал человек, знавший не понаслышке о многих городах Франции, Испании, Италии, Англии, Германии...

Глубина личности и грани научного наследия В.К. Пискорского, одной из крупных фигур отечественной науки всеобщей истории, педагога, замечательного человека – сложнейший объект исследования не только истории медиевистики, но истории духовной жизни и России, и Европы рубежа XIX–XX столетий. Выражаем уверенность, что работа круглого стола приблизит к пониманию закономерностей развития науки и интеллектуальной культуры в целом.

Р.Р. Хайрутдинов, председатель круглого стола, директор Института международных отношений КФУ;

Г.П. Мягков, профессор, председатель Казанского отделения Российского общества интеллектуальной истории

*«...человечество не обречено
вращаться вечно в заколдованном
кругу традиционных обществен-
ных отношений, раз оно осознало
их несправедливость. Под знаме-
нем науки оно выйдет из этого
заколдованного круга и получит
широкую возможность удовле-
творения своих законных потреб-
ностей»*

Раздел 1

ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ ПИСКОРСКИЙ – ВЫДАЮЩИЙСЯ РОССИЙСКИЙ ИСТОРИК

УДК 93(092)

Новикова Е.А.

ВСПОМИНАЯ ВЛАДИМИРА КОНСТАНТИНОВИЧА ПИСКОРСКОГО (10.08.1867, г. Одесса – 03.08.1910, г. Казань)

Статья посвящена памяти известного историка-медиевиста, профессора Владимира Константиновича Пискорского (10.08.1867, Одесса – 3.08.1910, Казань) и его родных. В статье идет речь о детях и внуках В.К. Пискорского и их вкладе в научную и культурную жизнь Киева и Украины.

Ключевые слова: В.К. Пискорский, семья В.К. Пискорского, З.З. Пискорская (Андриенко), К.В. Пискорский, Н.В. Пискорская, Елена Владимировна Пискорская, Елизавета Владимировна Пискорская, Переяславль, Киев, Аскольдова могила.

Мне, дочери самой младшей из дочерей Пискорского, Елизаветы Владимировны (19.10.1903, Нежин – 5.10.1978, Киев), повезло, хотя и в самом нежном возрасте, застать в живых старших дочерей В.К. Пискорского – Нину Владимировну (23.09.1894, Переяславль – 20.06.1953, Киев) и Елену Владимировну (7.01.1895, Переяславль – 9.11.1049, Киев) и долгие годы находиться

вместе с моими родителями и моим братом Андреем Ивановичем Пискорским (23.07.1925, Киев – 8.07.2007, Киев) в близких родственных отношениях с вдовой Константина Владимировича Пискорского Надеждой Васильевной (урожд. Калашниковой) и их дочерьми, Еленой Константиновной и Зинаидой Константиновной Пискорскими. Брата моего Андрея вместе с нашей мамой воспитывала еще и Зинаида Захаровна Пискорская, жена, самый любимый, близкий и дорогой для Владимира Константиновича человек, и ее мама. Сын Константина Владимировича Пискорского Володя и наш Андрюша (хотя и младше его на 6 лет) были «не разлей вода»...

Ужасная трагедия – преждевременная внезапная и совершенно неожиданная смерть 3 августа 1910 г. Владимира Константиновича, тогда профессора всеобщей истории Казанского императорского университета, во время прогулки в лесу вдоль железнодорожного полотна в дачной местности под Казанью оборвала чувство счастья и радости жизни семьи Пискорских, отразилась на их мировосприятии и душевном состоянии на всю жизнь. Расследование происшествия показало, что это не было предумышленным убийством. Скорее всего, утомленный после командировки за рубеж и погруженный в свои мысли, читавший газету ученый не услышал шума приближающегося поезда. Однако были и свидетели, которые утверждали, что, выезжая из леса, машинист не дал предупредительный свисток как было положено. Во всяком случае администрация железной дороги выплачивала пособие осиротевшим детям, а их обучение в гимназии было бесплатным. Отпевание погибшего профессора Пискорского проходило в университетской часовне университета. Гроб с телом отца для захоронения в Киеве на главном кладбище Аскольдова могила сопровождал Константин.

После смерти Владимира Константиновича семья решила возвращаться на родину, в Киев. Часть библиотеки мужа Зинаида Захаровна подарила университету. 400 книг поместили в шкафы основанного В.К. Пискорским Кабинета для практических занятий по всеобщей истории. Зинаида Захаровна писала другу мужа и крестному отцу Кости Евгению Александровичу Кивлицкому в Киев: «Теперь, когда мы их (книги. – *Е.Н.*) пересматриваем, когда видим подчеркнутые места, приписки на полях, так тяжело расставаться с ними, с ними от нас уходит часть Володи, его богатая умственная жизнь... Тоска смертельная, невероятная...» (19 августа 1911 г.).

Владимир Константинович и Зинаида Захаровна горячо любили друг друга, были гармоничной парой, исповедовали одни и те

же жизненные принципы и взгляды на воспитание своих четверых детей. Отец Зинаиды Захаровны (урожд. Андриенко), адвокат из рода казаков, получивших дворянство за заслуги предка во время Полтавской битвы, по сведениям Е.В. Пискорской, был отравлен из-за отказа участвовать в несправедливом юридическом процессе. После его смерти Зинаида воспитывалась в школах при монастырях, затем окончила гимназию в Киеве, получив диплом домашней учительницы. Она пленяла людей своей редкой красотой, мягкостью, обаянием, образованностью. Молодой Владимир Пискорский писал ей (20.08.1889 г.): *«Милая моя, хорошая Зиночка, я люблю тебя так горячо, как только способно любить человеческое сердце. Я знаю, что лучшего друга, как ты, у меня никогда не было и не будет... я верю, что твоя любовь – глубокая и в ней столько мягкости, женственности, прелести, что жизнь моя будет всегда согрета ею, и я буду счастливейшим человеком в мире. Ты меня одарила великим счастьем, и я глубоко убежден, что со мною ты будешь не менее счастлива, моя радость, моя жизнь, моя любовь!..»*¹.

После возвращения семьи в Киев Зинаида Захаровна, имевшая диплом домашней учительницы, очень образованная, непреременный помощник Владимира Константиновича в подборе материалов для его исследований, знавшая французский и немецкий языки, освоившая под руководством мужа английский язык, стала работать библиографом в библиотеке Университета св. Владимира. Константин, тогда уже студент юридического факультета Казанского университета, перевелся на юридический факультет Киевского. В письмах друзьям отца в Казань он отмечал, что всюду шныряют студенты со значками «черносотенцев». Не случайно, когда Константин окончил в 1914 г. университет, он получил не диплом, а лишь свидетельство об окончании университета (из-за «неблагонадежности»). Его сестры, Нина и Елена, после окончания гимназии поступили на Высшие женские курсы в Киеве. По окончании работали библиографами. Потрясенные смертью отца, они стали вегетарианками и никогда не давали согласия на предложения вступить в брак. Младшая сестра, Лиза, также поступила в гимназию (после революции – трудовая школа). Семья проживала в Киеве в двухэтажном доме № 9, в квартире № 3 по Бульварно-Кудрявской улице. По вечерам за большим столом под висячей лампой собиралась вся семья. Кто-то читал вслух. Кто-то рисовал или вы-

¹ Внезапная кончина Владимира Константиновича так потрясла Зинаиду Захаровну, что она открыла газовый рожок. Но погибла бы не только она. Константин вовремя остановил ее.

шивал. Слушая Диккенса, Нина рисовала героев и героинь книги и их костюмы (которые, наверное, украсили бы и современные журналы моды). В семье издавался рукописный журнал, который оформлял Костя. В 1915 г. он женился на Наденьке Калашниковой из Казани, подруге сестры Нины и любимицы Владимира Константиновича. Когда началась Первая мировая война, Константин был призван в армию, но комиссован из-за слабого сердца. Тем не менее он поступил санитаром в киевский военный госпиталь, закончил интендантские курсы и служил в Каменец-Подольске и Бердичеве в армии Брусилова. После службы по вечерам постоянно рисовал. В этих экстремальных условиях рождались удивительно изящные композиции акварелью, с использованием туши, белил, бронзовой и серебряной красок, которые впоследствии искусствоведы отнесут к стилю сецессии, некоторые к абстракции и футуризму.

Константин унаследовал демократические взгляды отца, предрекал новую революцию, читал лекции солдатам. В 1918-м году он был демобилизован и начал работать служащим в банке, которым руководил Г.Е. Афанасьев, замечательный историк с трудной профессиональной судьбой и крестный отец Владимира Константиновича. После революции Нина и Елена были направлены на какие-то тяжелые физические работы, из-за чего Елена Владимировна заболела туберкулезом. Лиза после окончания школы устроилась учетчицей на один из киевских участков Юго-Западной железной дороги. Потом преподавала рисование в школах. Когда появились трудности с продуктами питания, Костя с Лизой стали ездить в села менять какие-то оставшиеся от прежней жизни украшения. Их зашивали в шов грубого тканого мешка, чтобы не отняли по дороге банды. Добирались до сел на крышах вагонов, потом пешком. В Киеве постоянно менялась власть. На одних улицах расстреливали белых, на других – красных... Войска обстреливали город... Пискорские сначала спускались в подвал соседнего дома, но потом собирались все вместе в полутемной столовой, покоряясь судьбе: «если погибнуть, то всем вместе». В 1919-м году Константин, продолжая работать в банке служащим, поступил в Академию художеств в мастерскую профессора Георгия Нарбуга. В 1920-м году он участвовал в передвижной выставке киевских художников, среди которых были признанные мастера. Его приняли в киевский Союз художников. Во время правления гетмана Павла Скоропадского, бывшего боевого царского генерала, в Киеве открылась не только Академия художеств, но и Всеукраинская Академия наук, где начал работать друг В.А. Пискорского Е.А. Кивлицкий. В ее-то библиотеку и были приняты библиографами Нина и Елена Пискорские.

В картотеке библиотеки Академии наук в Киеве еще встречаются карточки, написанные их руками. В это время Зинаида Захаровна поддержала опального академика, историка церкви К.В. Харламповича, которого знала еще по Нежину¹, где семья жила во время профессорства Пискорского в Историко-филологическом институте кн. Безбородко. Дочерям Пискорских припомнили их дворянское происхождение. Нине и Елене приписали членство в вымышленной антиправительственной организации СВУ (Спилка визволення України – Союз освобождения Украины) и уволили. Со временем все же восстановили на работе как незаменимых работников. Нина Владимировна хорошо рисовала и изобразила своих коллег по работе. Этот альбомчик стал очень важным документом, потому что там были запечатлены некоторые сотрудники, позже репрессированные, следы которых затерялись.

В голодные 20-е годы Константин Владимирович с семьей (у них уже было трое детей) перебрался в село Совки под Киевом, где стал учить детей селян грамоте, чтению, письму, готовил с ними праздничные программы. Взрослым он читал лекции по всемирной истории и литературе, открыл изостудию и сельский театр, для которого сам писал пьесы на местные темы. Он заметил способности к рисованию у младшей сестры Елизаветы и посоветовал поступить в Художественный институт. Называл Лизу «Способкой». Она в детстве видела слова в цветке и могла в уме слагать большие суммы, так что к ней за помощью обращались даже старшие сестры-гимназистки. Не оставляя работу в школах Киева, Елизавета Пискорская поступила в Киевский художественный институт в 1922-м. Были тяжелые времена. Девушки ходили в юбках из мешковины и в сандалиях на деревянной подошве с веревочными завязками. Однажды Лизу исключили из института за то, что она «дворянка и дочка крепостника» [потому что он написал «Крепостное право в Каталонии» (кто-то сильно умный донес)]. Чтобы слушать лекции, Лиза пробиралась в аудиторию через окно, выполняла задания, и товарищи давали преподавателям ее зачетку. Так что учеба продолжалась. Преподавали замечательные художники Михаил Бойчук, Василий и Федор Кричевские и др. Профессор Бойчук, преподававший в духе монументализма, византийской иконы в сочетании с украинскими мотивами, был обвинен в «формализме» и... расстрелян. Это настолько потрясло Елизавету, что рисовать, как учил профессор М. Бойчук, она теперь не могла, а по-другому – не хотела. Она оставила личное творчество и избрала

¹ Харлампович К. Нариси з історії грецької колонії в Ніжині XVII–XVIII ст. (сост. А. Морозов). Нежин, 2011. С. 12.

путь художника-педагога. С момента создания в Киеве в 1936 году Дворца пионеров и до пенсии (за исключением лет эвакуации в годы Великой Отечественной войны) Е.В. Пискорская была бесменным руководителем изостудии и воспитала плеяду известных художников, скульпторов, архитекторов. Она была талантливым педагогом и замечательным человеком. Опекала детей «врагов народа» до войны, детей и «трудных подростков» послевоенного времени. Все они начинали в школе учиться лучше, чтобы иметь право учиться в ее изостудии. Елизавета Владимировна была членом Совета по искусству при Министерстве культуры, выступала с докладами на заседаниях всесоюзной Академии педагогических наук, в Киеве открыла городской Клуб юных художников, была депутатом райсовета нескольких созывов.

Константин Владимирович Пискорский, напряженно работая в селе, заболел тифом и в 1922 г. в возрасте 30 лет умер. Его картины и уцелевшие во время оккупации нацистами Киева студенческие работы Елизаветы хранятся в Государственном архиве-музее литературы и искусства и в Национальном художественном музее Украины. Зинаида Захаровна, Нина с Еленой, вдова Константина Надежда Васильевна посвятили жизнь воспитанию детей Константина Владимировича. Елена Константиновна Пискорская (2.02.1916, Киев – 26.08.1985, Киев) стала геологом, кандидатом наук. Зинаида Константиновна Пискорская (23.11.1918, Киев – 24.08.1984, Киев) училась там же на биологическом факультете и факультете романо-германских языков. Работала редактором журнала Института ботаники Академии наук Украины. Она писала стихи, которые высоко оценил поэт Павел Антокольский, а ее переводы поэзии с немецкого и украинского языков на русский – известный переводчик Григорий Кочур. Сын К.В. Пискорского, Владимир (1919, Киев – 1942, Старая Русса), увлекался механикой, закончил фабзавуч. Был призван по возрасту в армию, затем без передышки попал на финский фронт и во время Великой Отечественной Войны – на ленинградский, где стал разведчиком. Об их талантливой группе писали в центральной советской прессе. Владимир погиб под Старой Руссой в возрасте 23-х лет. Похоронен в братской могиле в д. Староежье. Сын Елизаветы Владимировны, Андрей Пискорский, в 17 лет ушел на войну, был минером, чудом выжил после травмы, поступил в Киевский университет на исторический факультет, но война напомнила о себе. С посттравматическим туберкулезом позвоночника он, лежа в гипсовой кровати три года, учился и закончил университет, сдавая экзамены и зачеты преподавателям на дому. Огромная заслуга Елизаветы Владимировны

и моего отца в том, что Андрей встал на ноги и начал с инвалидностью полноценно трудиться в Музее В.И. Ленина научным сотрудником и лектором, а также киевоведом-экскурсоводом. Воссоздал мемориальную квартиру, где жили мать и сестры Ленина в Киеве в доме на Лабораторной улице. Дом этот был типичным двухэтажным кирпичным киевским домом, интересным сам по себе как памятник старины. Андрей Иванович «раскопал» интересные истории и других жильцов дома. За аутентичными экспонатами он ездил в Ульяновск (Симбирск) и Казань. Многие старые большевики помогали ему, в том числе первая жена Дмитрия Ульянова А. Нещеретова и его дочь Анна Дмитриевна, которая приезжала в Киев на открытие Дома-музея. Однако со временем власти города в связи с новой политической ситуацией, да и интересами застройщика высотки, снесли этот культурно-исторический объект. Экспонаты дома, а также бывшего музея Ленина, ныне Украинского дома в Киеве, находятся в обширных подвалах последнего.

В киевской квартире, где после смерти главы семьи жили Пискорские, в т.н. «кабинете» стоял старинный письменный стол Владимира Константиновича, а над ним висел его большой портрет. В углу – книжный шкаф с изданными трудами, рукописями ученого и его архивом. На книжной полке – полный комплект словаря Брокгауза и Эфрона, сотрудником которого В.К. Пискорский был многие годы, и папки его драгоценного архива, которые он обозначил по периодам своей жизни: киевский, нежинский, казанский. На стене висели литографии портретов Франческо Ферручи и Савонароллы. В углу находился старинный столик тетушек Владимира Константиновича. В другой комнате, т.н. «столовой» (после уплотнения), полутемной комнате с «фонарем» (окном) в потолке, тоже хватало старины. Все это я видела своими глазами.

Мама моя, Елизавета Владимировна, с детства привила мне чувство «любви к отеческим гробам», водила на Лукьяновское кладбище (ныне мемориальное), где покоятся Зинаида Захаровна, старшие дочери, их бабушка, и на Зверинецкое кладбище, куда по велению властей можно было в 1936 году перенести захоронения с Аскольдовой могилы, где собирались сделать парк отдыха, а бесхозными памятниками мостить мостовую... Могила профессора Пискорского теперь на Зверинецком кладбище¹. Известный киевский историк-итальянист профессор Н.Н. Варварцев рассказывал:

¹ Усилия, предпринимаемые в течении 17-ти лет, по восстановлению довоенного распоряжения об охране его могилы государством увенчались успехом. Теперь могила считается памятником истории и находится под защитой государства, о чем свидетельствует соответствующая табличка на ограде.

узнав, что Пискорский похоронен в Киеве, известные итальянские историки и литературоведы посетили его могилу. А в рецензиях на изданный в 2014-м году «Флорентийский сборник» с трудами В.К. Пискорского по итальянской истории профессора Падуанского университета Ренато Ризалити и профессора Флорентийского университета Марчелло Гардзанити содержится высокая оценка исследований Владимира Константиновича по истории Италии. М. Гардзанити, в частности, писал: «...без сомнения, наша страна, знания про которую он стремился распространить в России, остается перед ним в долгу»¹.

После писем моего отца в 1967 г. в ИВИ в Москву, Нежин и Казань² по поводу 100-летия со дня рождения профессора В.К. Пискорского в Киев почти одновременно прилетели замечательные исследовательницы И.С. Пичугина (ИВИ РАН, Москва), которая уже активно опиралась на факты исследований В.К. Пискорского в своих работах и долгое время искала его архив по заданию своего научного руководителя академика С.Д. Сказкина³, и историк А.З. Ханина из Казанского университета. Обе – молодые, красавицы и умницы. Сохранность архива, полнота, ценность и его судьба, когда родные сберегли все материалы ученого и в годы Первой мировой, и гражданской войн, и Великой Отечественной войны, потрясли всех, кто посетил Пискорских. Из-за сырости и грибка в квартире на Бульварно-Кудрявской и тесноты жилья семьи Е.В. Пискорской родные решились передать архив в рукописный

¹ Slavia: rivista trimestrale di cultura. Anno XXIII. 2014. Numero 4. P. 225.

² В Казань на имя ректора Казанского государственного университета пришло письмо, написанное 8 февраля 1967 г. Елизаветой Владимировной Пискорской. В нем Елизавета Владимировна писала: «Хотелось бы, чтобы в Вашем университете, где прошли последние годы жизни ученого, также вспомнили бы о нем в дни столетнего юбилея, может быть Ваши историки поместят материал о нем в печатном органе Вашего университета, в казанской прессе. Все нужные данные я могу сообщить дополнительно. Помощь может оказать и мой сын, историк, Андрей Пискорский, сотрудник Музея В.И. Ленина, бывавший в Казани» (Архив А.З. Ханиной). Письмо было передано на кафедру всеобщей истории КГУ профессору А.С. Шофману. Казанский историк А.З. Ханина была в числе первых, кто был принят семьей Пискорских и получил возможность работать с материалами архива. Результатом стала большая статья «В.К. Пискорский (К 100-летию со дня рождения)», которая была опубликована в книге «Вопросы историографии всеобщей истории» (Вып. III. Казань, 1968. С. 65-81) [прим. отв. ред.].

³ Ирина Сергеевна Пичугина не только стала ярким и многолетним исследователем и пропагандистом наследия В.К. Пискорского, но и другом нашей семьи. Меня она также привлекала к участию в работе коллоквиума Испания – СССР (1987), публикациях в альманахе «Проблемы испанской истории» РАН и поддерживала в самые тяжелые минуты моей и моих детей жизни. За все это я выражаю ей огромную благодарность.

отдел Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина¹ (ныне – Российская государственная библиотека, Москва).

Рассматривая в 1986-м году в очередной раз собранные в архиве документы, фото, я начала переписывать корреспонденцию деда, среди которой было много интересных по содержанию писем товарищей Пискорского по университету и кружку И.В. Лучицкого (Н. Василенко, Е. Кивлицкого, Н. Молчановского, Д. Петрушевского, В. Мякотина и др.). О них писали М.В. Лучицкая в своих мемуарах, брат Н.П. Василенко Константин в «Воспоминаниях»², автор этих строк³. Письма членов кружка И.В. Лучицкого вошли в раздел «Эпистолярное наследие» книги «Вибрані твори та епістолярна спадщина» В.К. Пискорского⁴, совместного издания Института украинской археографии и источниковедения НАН Украины им. М.С. Грушевского и ИВИ РАН (Москва) (составители И.С. Пичугина, Е.А. Новикова). Так впервые через 80 лет после смерти В.К. Пискорского на его Родине была републикована часть его трудов, впервые опубликованы переписка и полная биография ученого.

Еще перед Великой Отечественной войной Д.М. Петрушевский, Н.П. Грацианский в Москве, Н.В. и Е.В. Пискорские в Киеве, министр народного образования УССР Даденков хлопотали о переиздании трудов В.К. Пискорского и его нежинского дневника, но этого сделать не удалось.

Елизавета Владимировна Пискорская до войны побывала в Москве у Д.М. Петрушевского и Н.П. Грацианского по их приглашению. Мы также искали учеников Владимира Константиновича по Нежину. Студент по фамилии Шереметьев, выступавший на митинге 19-го октября 1905 г (когда и В.К. Пискорский), к тому времени уже умер. Откликнулся из Ленинграда выпускник Историко-филологического института кн. Безбородко литературовед, фольклорист, исследователь украинской культуры Владимир Валерьянович Данилов⁵ таким письмом:

¹ В марте 1969 г. архив В.К. Пискорского был передан в рукописный отдел ГБЛ. См.: Москаленко А.Е. Введение [Пискорский В.К. Ян Амос Коменский. Вступительная лекция / Публикация А.Е. Москаленко и Е.А. Новиковой] // Вопросы истории славян. Вып. 3. Воронеж, 1970. С. 104.

² Воспоминания К.В. Василенко (рукопись в семейном архиве Н.К. Василенко в г. Киеве.

³ Новікова О.О., Сохань П.С. Київські традиції у дослідженні всесвітньої історії // Україна в європейських міжнародних відносинах. Київ, 1998. С. 237–250.

⁴ См.: Пискорський В.К. Вибрані твори та епістолярна спадщина / Упор. О.О. Новикова, І.С. Пічугіна. Київ, 1997. С. 282–324.

⁵ **Данилов Владимир Валерьянович**, кандидат педагогических наук, литературовед, ст. научн. сотрудник Института литературы АН СССР (ГМАЛИ Украины). Ф. № 303 К.В. Пискорского, г. Киев).

«Глубокоуважаемая и дорогая Елизавета Владимировна!

Я Вам уже сообщал, что учеником Владимира Константиновича я не был. Он читал на историческом отделении (3-й и 4-й курсы) европейскую историю, а я был славист, слушавший на 1-м и 2-м курсах русскую историю (проф. М.Н. Бережков, которому я очень обязан), древнегреческую и древнеримскую историю (проф. А.И. Покровский)...

Но зрительный образ его ясно стоит передо мной и спустя бо с лишком лет. Это был в полном смысле слова джентльмен, голос которого был индивидуален и запоминался хорошо. Я писал Вам, что в моей памяти остались две его лекции: публичная лекция о Бисмарке и речь на годичном торжественном собрании Института о средневековых университетах. Рядовых, аудиторных лекций Владимира Константиновича я не слышал. Говорил он содержательно, красиво, литературно, доходчиво.

Так как он с семьей жил на территории Института, постоянно встречал Владимира Константиновича в сопровождении Вашей мамы, мальчика и девочки в возрасте, полагаю, до 10 лет.

Уж позвольте быть откровенным. Ваша мама была приятная, миловидная женщина. Иногда она ходила с детьми. Не помню, чтобы встречал ее с покупками на Гоголевской улице. Вообще, ни разу не видел педагогических дам того времени: профессорских и преподавательских, чтобы они ходили “по снабжению”, даже с прислугами.

При встрече я, как полагается, раскланивался с ними, но не уверен, чтобы Владимир Константинович знал мою фамилию. А может быть, и знал, так как я еще студентом выступал с докладами в Историко-филологическом обществе при Институте, один раз в присутствии почетного попечителя Института, графа А.А. Мусина-Пушкина, одного из потомков по женской линии князя Безбородка.

Студенты-историки очень ценили Владимира Константиновича, так как он приобщал их к научной работе. Так, мои товарищи по курсу перевели с латинского языка “Lex salica” – “Салические законы”, которые были размножены гектографически. На выходном листе издания студенты написали: “Под редакцией проф. В.К. Пискорского”. Владимир Константинович попросил написать: “профессора”, так как “проф.”, сказал он, ассоциируется и с другим словом: “профан”.

Вот все, что моя память сохранила о Ваших папе и маме. Скажу по-латыни “Sit us terra levis!”

Искренне Ваш Вл. Данилов».

Работая с архивом В.К. Пискорского, я встречала много записей на листочках, документов, подтверждающих то, что когда-то мне рассказывала моя мать и которые иногда казались легендой. На основе материалов архива мы в Институте источниковедения и археографии НАН Украины им. М.С. Грушевского построили концепцию международной конференции на тему «Семейный архив как страница отечественной истории». Она прошла в Киеве в 2010 году как дань памяти В.К. Пискорского. Присутствовали докладчики из Парижа, Москвы, Киева, Чернигова, в их числе профессор В.А. Дятлов, ведущий сотрудник ИВИ РАН, энтузиаст «пискорсковедения» И.С. Пичугина, д.и.н. С.И. Лучицкая, дочь известного российского историка и большого друга В.К. Пискорского В.А. Мякотина Е.В. Мякотина-Каплан и др.¹

Прошедшая в Казанском университете 16 марта 2018 года конференция, посвященная 150-летию со дня рождения доктора всеобщей истории, члена-корреспондента Барселонской АН, члена Исторического общества Франции профессора В.К. Пискорского, подтвердила важность, актуальность его трудов и непреходящий интерес к его личности и научному наследию, изучение которого дает новые импульсы для исторических исследований ученых России, Украины и Испании.

Бібліографія

- Воспоминания К.В. Василенко (рукопись в семейном архиве Н.К. Василенко в г. Киеве).
- ГМАЛИ Украины (г. Киев). Ф. № 303. К.В. Пискорского.
- Пискорський В.К.* Вибрані твори та епістолярна спадщина / Упор. О.О. Новикова, І.С. Пичугіна. Київ: Фонд «Відродження», 1997.
- Харлампович К.* Нариси з історії грецької колонії в Ніжині XVII–XVIII ст. (сост. Морозов А.). Нежин, 2011.
- Slavia: rivista trimestrale di cultura. Anno XXIII, numero 4. 2014.
- Москаленко А.Е.* Введение [*Пискорський В.К.* Ян Амос Коменский. Вступительная лекция / Публикация А.Е. Москаленко и Е.А. Новиковой] // Вопросы истории славян. Вып. 3. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1970. С. 103–106.
- Новікова О.О., Сохань П.С.* Київські традиції у дослідженні всесвітньої історії // Україна в європейських міжнародних відносинах. Київ, 1998. С. 237–250.
- Родинний архів як сторінка вітчизняної історії: мат-ли. наук. конф. [присвяч. пам'яті д-ра всесвітньої історії, члена іст. т-ва Франції, чл.-кор. Барселон. акад. наук, проф. В.К. Пискорського (03.08.1867 – 10.08.19109)]. (Київ, 14–15 жовт. 2010 р.). Чернігів: ЧНПУ, 2011. 136 с.

¹ См.: Родинний архів як сторінка вітчизняної історії: матеріали наук. конф. ... (Київ, 14–15 жовт. 2010 р.). Чернігів, 2011.

Новикова Елена Александровна, кандидат филологических наук, Институт украинской археологии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины, г. Киев; novikovaelena22@rambler.ru

**REMEMBERING VLADIMIR KONSTANTINOVICH PISKORSKIY
(10.08.1867, Odessa – 03.08.1910, Kazan')**

The article is dedicated to the memory of the renowned historian and medievalist Vladimir Konstantinovich Piskorskiy (10.08.1867, Odessa – 3.08.1910, Kazan) and his relatives. The article describes V.K. Piskorskiy's descendants and their contribution to scientific and cultural life of Kiev and Ukraine.

Key words: the family of V.K. Piskorskiy, wife Zinayida Zaharovna Piskorskaya(Andriyenko), son Konstantin Piskorskiy, daughters Nina, Elena, Yelizaveta, Pereyaslavl, Kiev, Askoldova Mogila.

Novikova Elena Aleksandrovna, Candidate of Philology, Mikhail Grushevsky Institute for Ukrainian Archaeology and Sources Studies of the Ukrainian Academy of Sciences; novikovaelena22@rambler.ru

Пичугина И.С., Новикова Е.А., Золотухина М.В.

**«НЕТ ЖИЗНЕННЕЕ НАУКИ, ЧЕМ ИСТОРИЯ»:
РАЗМЫШЛЯЯ О ЛИЧНОСТИ В.К. ПИСКОРСКОГО**

В статье публикуются ранее не изданные «Наброски и впечатления» В.К. Пискорского о его поездке в Испанию¹, предваряемые воспоминаниями И.С. Пичугиной, долгие годы занимавшейся творчеством великого историка-испаниста, о знакомстве с семьей и архивом ученого, а также первых шагах по изучению его наследия в Москве.

Ключевые слова: В.К. Пискорский, семья В.К. Пискорского, З.З. Пискорская (Андриенко), К.В. Пискорский, Н.В. Пискорская, архив, Испания, историография, испанистика, путешествие в Испанию.

*Образование и труд открывают человеку
всегда самую почетную дорогу в жизни*

(из письма В.К. Пискорского З.З. Пискорской, Киев, 5 октября 1889 года)

Во все эпохи, а во времена ломки и социальных потрясений особенно людям свойственно искать точки опоры, нравственные ориентиры жизни в прошлом, находя в историческом опыте возможные варианты ответов на животрепещущие вопросы. Такой личностью, почитавшей науку истории как источник знания и необходимое условие движения вперед, и был Владимир Константинович Пискорский, принадлежавший к блестящей плеяде ученых-гуманитариев конца XIX – начала XX века, периода, отмеченного необычайным интеллектуальным подъемом стремительно модернизирующегося российского общества. Он оставил неизгладимый след в русскоязычной историографии – богатое научное наследие, которое могло бы быть еще более значительным, если бы не трагическая гибель ученого в 1910 году, когда ему исполнилось всего 43 года. Счастье, что столь рано обнаружился его талант и что он был рано понят и поддержан учителями. Неумолимое время создало перспективу, которая позволяет оценить масштаб этой личности как в контексте времени, сформировавшего его как ученого мирового уровня, так и последующих периодов, со всей беспристрастностью и строгостью оценивших вклад исследователя в историографию. Его собственная мировоззренческая позиция и его

¹ Точная дата поездки неизвестна, предположительно 1907 или 1910 год.

профессиональная деятельность отличались взвешенностью и сбалансированностью, тонким, вдумчивым учетом прошлого в интерпретации настоящего и размышлениях о будущем.

Много лет тому назад, когда начались мои занятия историей средневековой Испании¹, академик Сергей Данилович Сказкин², мой учитель, несколько раз повторял: «*Во что бы то ни стало разыщите архив В.К. Пискорского, он непременно где-то сохранился*». О нем Сергею Даниловичу неоднократно рассказывал один из любимых учеников В.К. Пискорского по Казанскому университету, талантливый Николай Павлович Грацианский³ – в последующем выдающийся профессор-медиевист, заведующий кафедрой средних веков исторического факультета во 2-м МГУ (впоследствии МГПИ им. Ленина, ныне МГПУ). Я пыталась найти архив в Киеве, Ленинграде, Казани, но безуспешно. Однажды у меня дома раздался телефонный звонок: «*С вами хотела бы переговорить Елизавета Владимировна, дочь Владимира Константиновича Пискорского*». Мне было трудно поверить в реальность происходящего. Оказалось, что Елизавета Владимировна пристально следила за публикациями и разыскала меня по моим работам. Этот звонок стал началом содружества и сотрудничества семьи В.К. Пискорского и меня на многие годы.

Судьба архива представляет интерес и сама по себе, и как страница трудной, трагической истории XX столетия. Стараниями семьи архив пережил революцию 1917 года, фашистскую оккупацию во время Великой Отечественной войны, что еще раз подтверждает истину: «рукописи не горят»⁴. Революция 1917 года застала семью на Украине. В своих письмах из Киева Зинаида Захаровна пишет о страшных событиях тех дней: «*жизнь так тяжела и столько*

¹ Здесь – в данном абзаце – текст от лица Ирины Сергеевны Пичугиной.

² **Сказкин Сергей Данилович** (1890–1973), историк-медиевист, академик АН СССР, Герой труда, доктор исторических наук, научный сотрудник Института истории РАН ИОН, профессор (с 1936 г.), зав. кафедрой истории средних веков МГУ (с 1949 г.), зав. сектором истории средних веков Института истории АН СССР (1961–1973), специалист по истории аграрных отношений, истории крестьянства, истории культуры Возрождения, социально-политической истории средневековья, организатор науки. Во время обучения в Московском университете в 1909–1915 гг. слушал лекции П.Г. Виноградова, Р.Ю. Вишера, Д.М. Петрушевского, А.Н. Савина, прошел школу в семинаре последнего.

³ **Грацианский Николай Павлович** (1886–1945), историк-медиевист, доктор исторических наук (1934), профессор (1934). Ученик В.К. Пискорского и М.М. Хвостова по Казанскому университету (1906–1914). После переезда в Москву в 1922 г. по рекомендации Д.М. Петрушевского становится профессором 2-го МГУ, сотрудником Института истории РАН ИОН.

⁴ Добавим, что Зинаида Захаровна, вдова Владимира Константиновича, в 1911 г. безвозмездно передала в дар Казанскому университету библиотеку мужа.

ужасов пережито, что смерть кажется вовсе не страшной, только бы умереть всем вместе... хлеб в городе на исходе... положение критическое, уехать из Киева некуда, везде плохо, да и не на что...»¹. К счастью, семье удалось спастись и спасти архив (он не был конфискован благодаря выхлопотанному семьей специальным постановлению Украинской академии наук от 14 мая 1921 года № 1269). В течение этих долгих драматических лет он хранился частично – у младшей дочери – Елизаветы Владимировны Пискорской, художницы, частично – у Надежды Васильевны Пискорской – вдовы старшего сына В.К. Пискорского, рано ушедшего из жизни Константина Владимировича Пискорского². Родственники В.К. Пискорского во время Великой Отечественной войны даже не уехали в эвакуацию, чтобы архив не оказался в руках нацистов. Впоследствии архив был систематизирован и в 1969 году передан в рукописный отдел Российской государственной библиотеки (тогда «Ленинки»). Многие материалы были систематизированы и подготовлены к печати усилиями одного из авторов статьи Е.А. Новиковой-Пискорской.

1 февраля 1968 года в Москве, в Институте истории Академии наук СССР было торжественно отмечено столетие со дня рождения ученого. Сопредседателями этого собрания были академики, замечательные историки – Сергей Данилович Сказкин и Иван Михайлович Майский, которые в своих выступлениях дали высокую оценку творчества В.К. Пискорского как талантливого ученого и истинного гражданина, посвятившего свою научную и преподавательскую деятельность изучению истории Испании, но не обошедшего вниманием и другие страны. То была «возможность вспомнить его имя и отдать должное ему как историку и как человеку». Акад. С.Д. Сказкин назвал В.К. Пискорского «главой отечественной испанистики», который всегда в своих исследованиях обращался к проблемам, имевшим «самое актуальное звучание в современной ему России»³.

¹ Письмо З.З. Пискорской от 20 февраля 1918 года. Архив Е.А. Новиковой.

² **Константин Владимирович Пискорский** получил юридическое образование, но всю жизнь серьезно занимался живописью, увлекался философскими проблемами искусства, был учеником выдающегося художника Г.И. Нарбута и стал одним из ярких представителей символистского и авангардистского направлений в живописи. Его работы хранятся в Национальном музее украинского искусства в Киеве, ЦГАМЛИ Украины, Музее истории г. Киева. Увы, и его жизненный путь оказался трагически оборванным: в 1922 году в возрасте 30 лет он скончался. Причина гибели – тиф.

³ Стенограмма заседания, посвященного столетию со дня рождения выдающегося русского историка-испаниста В.К. Пискорского (сектор истории средних веков, группа по изучению истории Испании Института истории АН СССР).

Жизнь этой на редкость цельной и яркой, глубокой личности была неотделима от творчества: неутомимая общественная деятельность, гуманистические взгляды, обширные научные связи, необыкновенная энергия и интенсивность работы (две книги с интервалом в три с половиной года!). Возникает ощущение, что В.К. Пискорский, интересуясь историей, в буквальном смысле видел, как она складывается, совмещая позицию историка, антрополога, культуролога, сочетая одновременно ракурс наблюдателя и как бы находящегося внутри, в контексте.

В то время как многие страницы биографии В.К. Пискорского хорошо известны, портрет его как ученого и как человека все еще может быть дополнен благодаря сохранившимся, ранее не опубликованным материалам как личного, так и профессионального характера. Конечно, существенным источником историографического исследования являются дневниковые записи и письма ученого. В них угадываются черты индивидуальности, которая и не могла реализоваться по-иному – слишком масштабным было его миропонимание, слишком стремительно открывал он для себя то, что позволяло время – путешествия, архивы, общение с коллегами, наконец, поддержку и понимание семьи – пример истинного партнерства между супругами, далеко не часто встречавшегося в тот исторический период. Некоторые письма к жене – Зинаиде Захаровне (в девичестве – Андриенко, дочь адвоката З.И. Андриенко и двоюродная сестра его друга еще по университету, известного историка Антона Никитича Ясинского) были опубликованы в 1997 году (см. ниже) – яркий тому пример. Пискорский писал: *«Что мне в ней особенно нравилось? Она, бесспорно, красавица. Она – молода. Она – трудится. Она – мила в своих речах, в своих движениях. Смех – у нее идет от сердца. Она отличается изящной простотой и наивностью... В ее глазах светится какая-то тихая сосредоточенная грусть... Все решительно в ней действует обаятельно на окружающих. Ее все любили»*¹.

Неслучайно этот союз сыграл очень большую роль в жизни и научной карьере Пискорского. Думая о будущей семье, он писал: *«...безусловное взаимное доверие и уважение служат главным условием семейного счастья, без которого и самая любовь теряет свою силу. И если между нами установятся такого рода отношения, исполненные достоинства и благородства, то нет опасности для правильного воспитания детей. Перед ними всегда будет налицо пример гуманности, честности, сознательно-*

¹ Дневник В.К. Пискорского (1 января 1888 года). – РГБ НИОР. Ф. 604.

полезного труда, которому они должны и будут подражать»¹. Зинаида Захаровна стала верным другом, постоянной помощницей и любящей женой. Пророческими оказались слова Пискорского: «...Я знаю, что лучшего друга, как ты, у меня никогда не было и не будет... Я верю, что твоя любовь глубока, что в ней столько мягкости, женственности, прелести, что жизнь моя всегда будет согрета ею, и я буду счастливейшим человеком в мире»². Вполне понятно, что существенная часть впечатлений, которые переполняли ученого во время его поездок по Европе, выражены именно в письмах жене. При этом Пискорскому не был чужд и другой формат – заметки, которые мы приводим ниже. В них он в который раз обнаруживает ясность и компактность изложения. Читая их, понимаешь, что это – лишь малая толика увиденного, передуманного, осмысленного, тем не менее обнаруживающая великолепную литературную форму – чистый, прозрачный язык, глубокое проникновение, интуицию.

Переписанные рукой Надежды Васильевны, они называются «Наброски и впечатления»³.

«Испанцы – народ мирный и любезный, серьезный и страстный, свободолобивый, с пылким воображением, уважающий чувство собственного достоинства, нравственный и до самозабвения любящий отечество. Много черт рыцарского идеализма сохранилось в нем и по настоящее время. В Кастилии дух Сервантеса живет и теперь, меркантилизм и индустрия не в характере нации. Все – caballeros, даже нищие. Традиционная гитара – необходимая принадлежность слепых... и нищих. По улицам постоянно можно видеть бродячих музыкантов – слепых, играющих на гитаре (Lazarillo).

Веера продаются на каждом шагу (abanicos) всевозможных качеств и цен. Rastro – толкучий рынок, где можно видеть всякую рухлядь рядом с предметами искусства и книгами. Навахи и оружие всякого рода, и револьверы продаются открыто, никому не воспрещено носить оружие. По улицам, самым аристократическим, можно видеть стадо баранов с бубенчиками.

Изящные детские коляски с осликами. Мулы.

¹ В.К. Пискорский – З.З. Пискорской. Киев. 11 октября 1889 года. – РГБ НИОР. Ф. 604.

² В.К. Пискорский – З.З. Пискорской. Киев. 18 августа 1889 года // *Пискорский В.К. Вибрані твори та епістолярна спадщина...* Київ, 1997. С. 237.

³ Орфография и пунктуация сохранены. В настоящий момент переписанные наброски хранятся в домашнем архиве И.С. Пичугиной и Е.А. Новиковой, местонахождение оригинала точно неизвестно.

Театр... Запрещение курить не соблюдается. Наваха – необходимая принадлежность всякого испанца – пускается в ход в случае ссор из-за женщин и игры.

Bailes flamencos – Арагонская хота.

Perros – chicos y grandes. Газетные продавцы. Дети.

Деревья – магнолии, эвкалиптусы, сосны... и árboles de amor.

Сомбреро toreros наварцев (baines), арагонцев (клерки), саламанцев, каталонцев (красные колпаки).

Corrida. Продажа яиц toro. Праздник св. Исидора.

Неврастения и пульмония. Высокое положение (600 метров) Мадрида над уровнем моря. Карикатуры министров. Процессии. Дешевизна вина.

Мехи для вина. Чай с водкой. Оливковое масло.

Праздник 2 мая.

Испанская медицина. Народная медицина.

Красноречие и поверхностность испанцев. Кастеляр (имеется в виду Эмилио Кастеляр. – Авт.) – МЗ и море – ...просторы Испании. Сильное воображение и склонность к преувеличению. Индивидуализм, нетерпеливость, склонность к доктринерству.

Большинство испанцев... индифферентны к вопросам религии... являются свободными... Вольтер. Антикатолическая... издаваемая в Мадриде. “Dopin casatiensa”, где поведение испанского духовенства подвергается такой жесткой критике, имеет весьма обильный круг читателей, несмотря на угрозы отлучения от церкви, часто произносимые против них раздраженным клиром.

С установлением системы светского, всеобщего и дарового обучения в Испании духовенство лишилось одного из важнейших средств влиять на общество в духе клерикальных интересов. Тем не менее оно старается, где только можно, захватить в свои руки воспитание юношества и образовать известный противовес светской школе, что ему и удается иногда, благодаря неудовлетворительной постановке светского преподавания. Особенно успешно соперничают со светской школой коллегии, основанным иезуитами, которые, несмотря на то, что закон Карла III, запрещающий им пребывание в Испании, до сих пор не был отменен, успели снова водвориться в этой стране.

Более постоянным и действительным остается влияние духовенства на семейную жизнь, так как женщина в Испании обыкновенно очень религиозна и безусловно доверяется своему исповеднику. Но в этом отношении священники нередко злоупотребляют своим влиянием и являются виновниками семейных драм: подчиняясь внушениям исповедника, женщина иногда пре-

небрегает интересами мужа и детей и завещает все свое имущество в пользу церкви, оставляя семью в самом плачевном положении.

Духовенство в Испании обладает большим капиталом и является одним из наиболее состоятельных классов общества. Каждый священник (*cura*) обыкновенно имеет подругу, которую называет племянницей (*sobrīna*) и с которой редко расстается. В Мадриде живет немало священников, у которых нет приходов, но всегда есть “собрина”. Испанский священник отличается почти теми же чертами характера, что и прочие испанцы: он – патриот и любитель острых ощущений.

Не отличаясь особенной религиозностью, испанец, тем не менее, охотно посещает церкви: там все соединяется для удовлетворения его артистических наклонностей, он видит обыкновенно перед собой готическое здание, внутри которого вся обстановка действует на него успокаивающим и возвышающим душу образом; над ним убегают вверх изящные арки готического свода, поддерживаемые легкими колонками; сквозь стрельчатые окна, разукрашенные цветной живописью. Проливаются мягкие лучи солнца, оставляющие огромную внутренность храма в полумраке; повсюду он видит скульптурные изображения святых, иногда принадлежащие резцу знаменитых художников; он слышит протяжные, величественные звуки органа. Пение хора или игру струнного оркестра. Словом, самые разнообразные эстетические потребности находят здесь свое полное удовлетворение, страсть...

....

Это необходимое условие, при несоблюдении которого может выйти скандал. Однажды в Севилье на представление боя быков вошел французский священник, знавший по-испански, но не знавший испанских обычаев, в силу которых надо было переодеть платье... Публика, заметив появление священника, взволновалась, засвистала, подняла невообразимый шум. Тогда священник поднялся со своего места и попросил слова, которое ему было дано. Воцарилось молчание. Священник сказал, “Господа, я вижу здесь огромное собрание почтенных отцов и матерей семейств и думаю, что они не пришли бы сюда, если бы предстоящее зрелище заключало в себе что-либо предосудительное, а раз они появились здесь, то и я считаю себя вправе находиться в их обществе”. Кастильская речь в устах иностранца, произнесенная правильно, хотя и с акцентом, а также и находчивость священника произвели, может быть, большее впечатление, чем само содержа-

ние речи, и публика, недавно свистевшая и кричавшая *fuera, fuera* (долой, долой), покрыла ему эту речь аплодисментами.

...испанец не пристал к новому движению и, за отсутствием идеалов, стал искать удовлетворение в “ауто-да-фе”, а затем в “боях быков”, – явлениях одного и того же порядка, служивших выражением или переживанием средневекового варварства и ...фатализма. Идеи нового времени с большим трудом проникали в общественное сознание и лишь с половины прошлого столетия и, главным образом, со времени установления конституционной свободы и начале нынешнего – сделались достоянием испанского народа, но они не вытеснили отдельных черт испанского характера, выработавшихся в предшествующий период истории: испанец по-прежнему воинственен и нетерпелив, и если вера во всемогущество закона его обманывает, он обращается к оружию, начинает революцию или гражданскую войну для завоевания того, что, по его мнению, требуют интересы общественного блага.

Героические стороны испанского характера нашли блестящее выражение в бессмертном творении Сервантеса “Дон Кихот”, этот рыцарь-сумасброд представляет пример величайшего развития испанского индивидуализма. Сумасбродства кастильского идалго – не столько продукт болезненного развития воображения, сколько результат чрезмерной веры в свои личные силы, посредством которых, отрекаясь от личных интересов, он надеется переделать человечество; но предприняв подвиг во имя высоких идеалов правды и человечности, он обнаруживает полное незнание реальных условий жизни, что парализует его добрые намерения и делает его смешным. Это незнание с практическими сторонами жизни не случайно: чтобы знать их, необходимо погрузиться в серенькую будничную действительность, иметь в ней личные реальные интересы, а это, с точки зрения рыцарских понятий, недостойно человека, мысль которого должна витать в высоких областях идеала. Анализируя характер современных испанцев, можно установить в основе его некоторые черты родственного сходства с Дон Кихотом: благородные порывы их часто пропадают бесследно вследствие отсутствия правильного понимания условий окружающей действительности или неумения приспособиться к ним должным образом. Современный кастилец и теперь чувствует некоторое нерасположение к торговой и промышленной деятельности, предоставляя ее трудолюбивым каталонцам или баскам и предпочитая заниматься искусством, политикой, литературой или тавромахи-

ей. Вот почему и до сих пор, проезжая по Кастилии, можно видеть много развалин древних замков и очень мало фабрик...

Страсть к прекрасному никогда не ослабевала в Испании и, как увидим дальше, выражается, так сказать, самопроизвольно в повседневной жизни: все виды искусства и литературы имеют выдающихся современных представителей, продолжающих славные традиции прошлого. Произведения таких писателей как Нуньес де Арсе, Сорилья, Виктор Балагер (+1906), Переда, Перес Гальдос, Эчекорай, Томано-и-Баус, Феррари и т.д. доказывают, что литература в современной Испании стоит очень высоко. Относительно образования в Испании можно сказать, что оно распределяется довольно равномерно среди различных классов общества, благодаря развитию общественной и политической жизни, доступности и популярности газеты, существованию многочисленных клубов и вообще такой организации общежития, при которой новые идеи быстро распространяются в обществе.

Коммуны в средневековой Франции.

В Римскую эпоху Галлия была усеяна самоуправляющимися муниципиями, и в эту эпоху нашествие варваров насчитывало < 100 civitates, не считая мелких castra, жители которых к концу X в. сливаются с непрерывною массою деревенских сервов. В большинстве городов феод... сеньором оказался епископ. Торговые и ремесленные корпорации среди горожан, братства для взаимопомощи служили почвой, на которой началась борьба против произвола феодальных баронов. Свобода покупалась и деньгами. Восстание обыкновенно начиналось с объявления в данном городе коммуны, это и было лозунгом восставших. В случае успеха борьбы коммуной устанавливались законы на основании договора между гражданами и сеньором, который давал им коммун[альную]. хартию, которая утверждалась сюзереном феодала – королем. Коммуна обращалась в республику, феодальную баронию. Ее внутреннее устройство: hotage, суд, вассалы, право союзов и частных войн».

И далее:

«Я столь же далек от идеализации средних веков, в чем повинны католики и романтики, как и от противоположной точки зрения, на которой... стоят гуманисты, протестанты и представители франц. Просв. XVIII в., видящие в средних веках лишь теневые стороны. Научная точка зрения есть реалистическая... на ней историк видит в средних веках лишь определенную стадию общего развития, не хорошую и не дурную, или же заключает в себе столько же светлых и темных сторон, как и вся-

кая другая эпоха. Точно так же неправильна и национальная точка зрения...».

То же самое характеризует и его отношение к главному предмету своих изысканий – нельзя утверждать, что Пискорский идеализировал Испанию и ее историю, нет, но он концентрировал свои усилия на тех периодах и на тех аспектах, которые позволяли ему и его читателям и слушателям задумываться об альтернативах для российской жизни. К примеру, проблема твердой периодической фиксации положения трудовых масс, что для тогдашней России было весьма животрепещущим вопросом.

Чтобы по достоинству оценить пафос и замысел работ Пискорского, его педагогической деятельности, надо хорошо представлять свойства его личности и его политические симпатии. Это был пример яркого ума, широких взглядов, в нем сочетались здравомыслие и романтика. Человек динамичный, активный, независимого нрава, связавший свою судьбу с судьбой передовой интеллигенции России, неутомимый борец за академические свободы и идею прогрессивного развития общества, человек, уважающий личность, будь то известного коллеги или маленького ребенка. Еще будучи молодым, он писал: *«самые лучшие качества – и в ребенке, и в человеке – это правдивость и искренность, которые мы должны развить в нем, ребенка нужно приучить уважать и себя, и себе подобных, и внушить ему, что обман, как бы он ни был незначителен, унижает человека»*¹.

Действительно, современники отмечали, что *«он больше всего требовал от самого себя, он работал для лекций, для своих сочинений, не зная отдыха, и глубоко сознавал ответственность и высоту своей задачи»*². Он был гражданином в самом высоком и точном смысле этого слова. Когда все отчетливее приходит осознание роли культуры и просвещения для настоящего и будущего общества, значение личности Пискорского – выдающегося явления в русской исторической науки – особенно велико.

Это был *«человек твердых убеждений»*³, *«скромный и щепетильно честный... и в то же время умный и пронзительный наблюдатель»*, производил прекрасное впечатление своей простотой, корректностью, благородством⁴. В его уме ясно отражались *«существенные черты нашей жизни»*, он радовался *«успехам*

¹ В.К. Пискорский – З.З. Пискорской. Киев, 11 октября 1889 года. – РГБ НИРО. Ф. 604.

² Будде Е.Ф. В.К. Пискорский: Некролог // Журнал Министерства народного просвещения. 1910. Сент. С. 57.

³ В.К. Пискорский: (Некролог) // Русские ведомости. 1910. 8 августа. № 181.

⁴ Бузескул В. Некролог. В.К. Пискорский // Южный край. 1910. 11 августа.

этой жизни», верил в «будущее нашей родины и печалился задержками ее развития»¹. Труды его отличались большой научной строгостью, точной аргументированностью каждой мысли и каждого наблюдения, каждого умозаключения и сопоставления тех или иных фактов. Вместе с тем они содержат десятки страниц, яркости и острой демократической направленности которых мог бы позавидовать любой публицист, свидетельством чему являются и приведенные выше строки.

Библиография

- Письмо З.З. Пискорской от 20 февраля 1918 года // Архив Е.А. Новиковой.
Стенограмма заседания, посвященного столетию со дня рождения выдающегося русского историка-испаниста В.К. Пискорского (сектор истории средних веков, группа по изучению истории Испании Института истории АН СССР).
Дневник В.К. Пискорского (1 января 1888 года) // РГБ НИОР. Ф. 604.
В.К. Пискорский – З.З. Пискорской. Киев. 11 октября 1889 года // РГБ НИОР. Ф. 604.
В.К. Пискорский – З.З. Пискорской. Киев. 18 августа 1889 года // *Пискорський В.К.* Вибрані твори та епістолярна спадщина / Упор. О.О. Новикова, І.С. Пічугіна. Київ: Фонд «Відродження», 1997. С. 237.
- Афанасьев Г.* Пискорский Владимир Константинович (†3 августа 1910 года) // Киевская мысль. 1910. 8 августа.
Будде Е.Ф. В.К. Пискорский (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1910. Ч. 29. № 10. С. 55-59.
Бузескул В. Некролог. В.К. Пискорский // Южный край. 1910. 11 августа.
В.К. Пискорский: (Некролог) // Русские ведомости. 1910. 8 августа. № 181.

Пичугина Ирина Сергеевна, в недавнем прошлом старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, г. Москва.

Новикова Елена Александровна, кандидат филологических наук, Институт украинской археографии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины, г. Киев; novikovaelena22@rambler.ru

Золотухина Мария Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и рекламных коммуникаций, Российский государственный университет им. А.Н.Косыгина, г. Москва; доцент кафедры теологии НИЯУ МИФИ; maria.zolotukhina@icloud.com

¹ *Афанасьев Г.* Пискорский Владимир Константинович (†3 августа 1910 года) // Киевская мысль. 1910. 8 августа. С. 217.

Pichugina I.S., Novikova E.A., Zolotuxina M.V.

**“NO OTHER SCIENCE IS MORE VITAL THAN HISTORY”:
REFLECTING ON VLADIMIR K. PISKORSKI**

The article presents previously unpublished notes and impressions by the great historian of Spain V.K. Piskorski about his trip to Spain. They are introduced by the reminiscences of Irina S. Pichugina who studied his work for many years. She recalls meeting his family, working with his archive and the first steps of studying the scholar's legacy in Moscow.

Key words: V.K. Piskorski, V.K. Piskorski's family, Zinaida Z. Piskorski (Andrienko), Konstantin V. Piskorski, N.V. Piskorski, archive, Spain, historiography, Spanish studies, trip to Spain.

***Pichugina Irina Sereyevna**, until recently a senior researcher at the Institute of World History, Moscow.*

***Novikova Elena Alexandrovna**, candidate of Philology, Mikhail Grushevsky Institute for Ukrainian Archaeography and Sources Studies of the Ukrainian Academy of Sciences; novikovaelena22@rambler.ru*

***Zolotukhina Maria Vladimirovna**, candidate of History, assistant professor at the Department of Sociology and Communications, Kosygin Russian State University, Docent at the Department of Theology, National Research Nuclear University MePhi maria.zolotukhina@icloud.com*

Раздел 2

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ТРАДИЦИЯ

УДК 93(092)

Лучицкая С.И., Новикова Е.А.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ЛУЧИЦКИЙ (1845–1918 гг.) – ИСТОРИК И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

В статье на основе новых архивных материалов и мемуаров освещаются мало-известные аспекты научной и общественной деятельности выдающегося российского и украинского историка И.В. Лучицкого.

Ключевые слова: российская и украинская историография XIX в., всеобщая история в России, И.В. Лучицкий.

И.В. Лучицкий – известный русский историк и педагог, принадлежал к тому редкому типу историков, чьи научные интересы были тесно связаны с общественно-политическими взглядами. Он был не только крупным ученым, создавшим классические научные труды по аграрной истории, но и видным общественным деятелем, участником земского движения, депутатом Третьей Государственной думы.

Он родился 2 июня 1845 года в г. Каменец-Подольском. Семья была весьма известна в Волынском крае. В XVI веке один из первых Лучицких работал наборщиком в типографии князя Острожского¹. Отец историка, Василий Иванович Лучицкий (1812-1885 гг.) преподавал в Подольской гимназии, а затем в Подольской духовной академии; обучал древним языкам и русской словесности. После конфликта с администрацией, потребовавшей от него писать и читать проповеди, Василий Иванович покинул академию, будучи

¹ *Тарле Е.В.* И.В. Лучицкий. К пятидесятилетию его научно-литературной деятельности. 1863–1913 // *Голос минувшего*. 1914. № 1. С. 42.

уволен по прошению из духовного звания, и позже преподавал в Киевской гимназии. По воспоминаниям одного из его учеников, В.И. Лучицкий отличался независимым характером и склонностью к фрондерству¹. Своему единственному сыну Ивану – будущему историку – Василий Иванович и Анна Яковлевна Лучицкие дали домашнее воспитание: до 13-летнего возраста мальчик обучался дома, а в 1857 г. поступил сразу в третий класс каменец-подольской гимназии. По воспоминаниям И.В. Лучицкого, записанным его учеником – известным советским историком Е.В. Тарле, в гимназии царила характерная для эпохи николаевской России мрачная обстановка – военные упражнения, маршировка, телесные наказания учеников. Первые впечатления Ивана Лучицкого были очень тяжелыми, и мальчик заболел нервной горячкой. Однако времена изменились, когда попечителем учебного округа Волынского края был назначен Н.И. Пирогов, знаменитый врач и общественный деятель. Непринужденная человеческая манера поведения Пирогова, его заботливое внимание к ученикам, весь его духовный облик произвели на юных гимназистов неизгладимое впечатление. Благодаря общению с Пироговым у И.В. Лучицкого, как он позже рассказывал своему ученику Е.В. Тарле, сформировалось идеальное представление о том, каким должен быть настоящий педагог².

Несмотря на все перекосы в системе обучения в гимназии, учившиеся там молодые люди имели возможность получить хорошее образование: осваивали древние и новые языки, изучали историю по учебнику известного киевского историка В.Я. Шульгина. Сфера интересов Ивана Васильевича была чрезвычайно широка: поначалу он увлекался математикой, затем его заинтересовала история борьбы Нидерландов с Филиппом II. Огромное впечатление, по воспоминаниям историка, произвели на него прочитанные в юном возрасте книги Ф. Гизо и Ф.-Х. Шлоссера, труд Г.Т. Бокля «История цивилизации в Англии». Под влиянием этих авторов формировалось мировоззрение историка – его ненависть ко всякому насилию, нетерпимости, в том числе религиозной; приверженность принципам свободы совести и духа.

В 1862 г. И.В. Лучицкий уже студент историко-филологического факультета Киевского университета. Университет переживал тогда не лучшие времена: В.Я. Шульгин, блестящий лектор, чей курс тайком слушал Иван Васильевич еще в гимназии, к этому времени ушел из университета; всеобщую историю читал преподаватель, который на лекциях доказывал, что республики в Риме

¹ *Сл. В., Ф-ко Ф.* Из Подольской старины // Русская старина. 1911. Т. 147. С. 387.

² *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 42-47.

не существовало, и что ее выдумали революционеры; другие курсы вели еще более слабые преподаватели. И.В. Лучицкий не захотел мириться с существующим на факультете положением. Он созвал сходку студентов, изложил общую ситуацию – отсутствие профессоров по ряду курсов, изъяны системы преподавания – и предложил обратиться к факультету с просьбой избрать на кафедру русской истории Н.И. Костомарова. Как ни странно, с предложением студентов согласились и деканат, и совет университета, однако кандидатуру Н.И. Костомарова не утвердило министерство. Вместо него на факультет явился некто Л. Добряков, представивший диссертацию «Русская женщина в удельно-вечевой период». На вновь организованной сходке студентов Иван Васильевич разобрал книгу Добрякова и указал на все ее слабости. Его анализ был опубликован в виде двух статей в газете «Киевлянин» – то была первая печатная работа 18-летнего студента. Произошло не совсем обычное для университетской жизни событие – слабый преподаватель Добряков, оказавшийся на факультете лишь благодаря поддержке «сверху», не попал на кафедру из-за нежелания студентов. Правда, в результате всех этих перипетий в системе преподавания так ничего и не изменилось, а Ивану Васильевичу пришлось продолжить самостоятельные занятия¹.

В это время в его умственном развитии свершился настоящий переворот – в 1863 г. он познакомился с «Курсом позитивной философии» французского философа О. Конта, идеи которого оказали огромное воздействие на становление Лучицкого как ученого. Не только научные труды О. Конта стали для Ивана Васильевича методологическим ориентиром при изучении исторических явлений и позже сформировали его интерес к экономической истории и статистическим методам, но и в целом позитивизм стал основой научного мировоззрения историка. Известно влияние трудов О. Конта на интеллигенцию пореформенной России: культ знаний, сциентизм были в высшей степени близки «шестидесятникам», верившим в действительную силу науки. Для И.В. Лучицкого, типичного представителя этого поколения, сила контовских идей заключалась прежде всего в том, что французский философ и его последователи стремились сделать историю «научной», полагая, что исторические факты можно изучать по аналогии с природными явлениями – как в природе, так и в обществе развитие, по мнению О. Конта, происходит по законам, которые историку надлежало найти.

¹ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 59-60.

В 1867 г. историко-филологический факультет утвердил тему «Влияние Византии на Европу и Россию» в качестве конкурсной на соискание золотой медали. Заканчивающий в этом году университет И.В. Лучицкий увлеченно работал над темой и интерпретировал ее в духе своих научных и этических представлений. В результате сочинение при всех его достоинствах было признано неблагонадежным. В 1869 г. Иван Васильевич стал преподавателем русского языка и церковнославянской словесности в Киево-Подольской прогимназии и приступил к работе над темой диссертационного сочинения – на этот раз он обратился к изучению религиозных движений XVI в., прежде всего французского кальвинизма. Над этой темой ученый начал работать еще в студенческие годы. В 1871 г. вышла в свет и магистерская диссертация И.В. Лучицкого «Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции». В этой книге, написанной ярким художественным языком, он продолжал отстаивать идеи свободомыслия и религиозной терпимости; при этом в духе контовской философии рассматривал развитие идей, интеллектуальное развитие как главный фактор социального прогресса. Тогда же в бюллетене Общества по истории французского протестантизма И.В. Лучицкий напечатал обнаруженные им в Санкт-Петербургской библиотеке неизданные документы по истории религиозных войн. А еще позже французский историк Альфред Мори опубликовал в высшей степени благожелательную рецензию на труд Ивана Васильевича в известном французском историческом журнале «Journal des savants». Успехи молодого историка были очевидны. Казалось, перед ним открываются блестящие перспективы. Однако, несмотря на его заслуги, совет Киевского университета забаллотировал неблагонадежного молодого ученого, выставившего свою кандидатуру на звание штатного доцента. По этому поводу откровенно высказался только что приехавший в Киев профессор античной литературы В.И. Модестов: университетский совет *«забаллотировал г. Лучицкого ...без малейшего к тому основания, вопреки всякой справедливости, и прямо в ущерб интересам университета»*, и в целом *«в университете св. Владимира в решениях большинства профессоров интересы науки и преподавания играют наименьшую роль»*¹.

И.В. Лучицкий остался приват-доцентом Киевского университета и работал почти без всякой оплаты. Однако вскоре он сумел получить заграничную командировку от Министерства народного просвещения и уже в марте 1872 г. выехал на два года в Европу, где

¹ Модестов В.И. В Казани и в Киеве // Исторический вестник. 1885. № 12. С. 592.

работал в зарубежных архивах. Его интересовала прежде всего история религиозных войн во Франции XVI в., политическая организация кальвинизма, а также соотношение кальвинизма и других политических сил. Искомые документы по этой теме – протоколы заседаний политических съездов и заседаний кальвинистских пасторов – он обнаружил на юге Франции: в архивах Нима, Тулузы, Гренобля и Монтобана его ждала огромная удача. Собранные в то время материалы станут основой его будущих исследований по истории кальвинизма. В бытность свою в Париже молодой историк часто посещал Школу хартий и близко познакомился с ее директором Ж. Кишера, который произвел на него сильное и глубокое впечатление. Мнение Кишера о том, что для молодого ученого «...чем меньше руководства, переходящего нередко в опекание..., тем больше простора для мысли, для самостоятельной работы», казалось, как нельзя более точно характеризовало ситуацию самого Ивана Васильевича, лишённого руководства в самом начале своей профессиональной карьеры¹. Тогда же Лучицкий близко сошелся с Габриелем Моно, зятем А.И. Герцена – известным французским историком, основателем журнала «Revue historique» и руководителем семинара в Высшей школе, которую молодой историк также посещал. У Г. Моно он встретил именитых французских медиевистов А. Жири и О. Молинье, которые стали его близкими друзьями. Интересуясь позитивистской философией, Лучицкий также завязал дружеские контакты с французским философом Э. Литтре, русским эмигрантом Г.Н. Вырубовым и другими учеными позитивистского толка. С осени 1872 г. Иван Васильевич был введен в кружок, собиравшийся у Вефура, среди членов которого были И.С. Тургенев, П.Л. Лавров и др. Члены кружка включили его в состав сотрудников журнала «Знание» (позитивистского толка), в котором историк позже напечатал ряд статей под общим заглавием «История скептической мысли в Западной Европе». Словом, научная жизнь Ивана Васильевича во Франции была чрезвычайно насыщенной и плодотворной, а его научные контакты неизменно расширялись.

Вместе с тем И.В. Лучицкий не был кабинетным ученым, его всегда волновала современная политическая жизнь. Он приехал во Францию вскоре после франко-прусской войны и Парижской коммуны: в стране еще не улеглись политические страсти, на его глазах рождалась Третья республика. Он познакомился с выдающимися французскими политическими деятелями – Луи Бланом, А. Альбером, Ж.-Р. Барни, Ш. Арну и др.; встретился со многими

¹ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 50-60.

известными французскими республиканцами. Он подружился с коммунарами П. Ланжеле и П. Корьезом – авторами первой истории Парижской коммуны, смог увидеть выдающихся политических деятелей того времени – Л. Гамбетту, Ж.-Б. Клемансо, Э.-А. Брисонне и др. Драматичные события новейшей истории Франции, свидетелем которых он оказался, чрезвычайно волновали его. Иван Васильевич регулярно посещал заседания Национального собрания и в письмах родным описывал борьбу в Национальном собрании левых республиканцев и правых, не скрывая своих симпатий к левым. Вот пассаж из его письма родителям, датированного 17 июля 1873 г.: *«Могу хоть каждый день ходить в Национ[альное] собрание. Впрочем, не стоит, п[отому] ч[то] много раз смотреть одну и ту же пьесу очень скучно. Гвалт, крики, топанье ногами – вот, что Вы слышите, когда входите в ложу театра, где заседает собрание. Во время заседания, на котором я был, я, к сожалению, не мог видеть Гамбетту, п[отому] ч[то] сидел над его местом. Но я видел всю шайку, правую сторону, слышал речь Тьера и видел его саркастическую рожу. Это прекомический старичок, 2 вершка роста, и сюртучок застегнут на все пуговицы, говорит тихо, но очень внятно. Правая сторона орет, прерывает его, не дает говорить – Тьер спокойно стоит на трибуне, то барабанил пальцами по ней, то, скрестив руки и сядовитую улыбку, смотрит на правую сторону. Персонал, впрочем, убийственный. Большинство собрания – ужаснейшие рожи, и замечательно, на правой стороне их больше, чем на левой. Все другие ораторы, говорившие в этом заседании, очень ничтожны. О них и говорить не стоит»¹.*

В 1872 г. в его жизни произошла еще одна знаменательная встреча – с русским писателем Глебом Ивановичем Успенским, который приехал в Париж собирать материал для статьи о коммуне, заказанной ему журналом «Отечественные записки». Между И.В. Лучицким и Г.И. Успенским установились приятельские отношения. Вместе они совершали прогулки по Парижу, ездили в Версаль, где заседали тогда военные суды. По этим впечатлениям Г.И. Успенский позже напишет рассказ «Большая совесть». Писатель народнического толка, типичный шестидесятник, он оказал на Лучицкого огромное влияние. Он пробудил в молодом историке интерес к народной жизни, быту и культуре крестьянства, сочувствие к проблемам российской деревни. Общение с Успенским, несомненно, сыграло свою роль в формировании научных и соци-

¹ Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Ф. 111. Д. 57273. Л. 2.

ально-политических интересов И.В. Лучицкого на более позднем этапе. Парижские впечатления в целом оказали сильнейшее влияние на формирование его взглядов, способствовали развитию его личности.

В то время как Иван Васильевич пребывал в заграничной командировке, в Киеве произошли существенные изменения. В конце 1873 г. В.И. Модестов вновь поставил вопрос о баллотировке Ивана Васильевича в штатные доценты. На этот раз его попытка оказалась удачной, и в начале 1874 г. Лучицкого избрали 26-ю голосами против десяти. 13 сентября 1874 г. он был утвержден доцентом всеобщей истории. Иван Васильевич простился со своими русскими и французскими друзьями и вернулся в Киев. Теперь ему было поручено читать общий курс новой истории. Чтение лекций он совмещал с работой над своей докторской диссертацией. Для пополнения материалов он еще раз съездил в Париж в 1875 и в 1876 гг. В научной командировке его сопровождала молодая переводчица Мария Викторовна Требинская, его верная помощница в работе и преданный друг, ставшая его женой в мае 1875 года.

Мария Викторовна была, как и Иван Васильевич, типичной «шестидесятницей». В 1868 г. она окончила Киевский Институт благородных девиц и, подобно многим девушкам того времени, мечтала получить высшее образование. Она собиралась поступать на медицинский факультет Цюрихского университета, где в 1863 г. открыли отделение для женщин и где уже учились О. Бок-Сеченова, Вера Фигнер, Софья Бардина и др. Однако под влиянием Ивана Васильевича Мария Викторовна переключилась с медицины на историю и стала помогать мужу в его архивных изысканиях, переводила его статьи на французский язык. М.В. Требинская была профессиональной переводчицей – ее перу принадлежат переводы классиков западноевропейской литературы. Она впервые познакомила русского читателя с произведениями скандинавских писателей – Г. Ибсена, Г. Брандеса и Б. Бьорнсона. Ее отличало невероятное трудолюбие. Об этом свидетельствует хотя бы один факт: она перевела 22 тома сочинений В. Гюго и 48 томов произведений Э. Золя. Много Мария Викторовна переводила для целей образования: так, по совету Лучицкого она перевела «Историю новейшего времени» А. Торсое, «Историю Европы» Я. Файфа, «Историческую географию Европы» Э. Фримэна и многие другие книги, которые на протяжении долгих десятилетий были незаменимыми учебными пособиями в вузах. Мария Викторовна переводила для супруга многие исторические труды, написанные на не знакомых ему язы-

как (главным образом скандинавских). На протяжении всей жизни она оказывала И.В. Лучицкому поддержку в работе и была главной его опорой в жизни. В 1875 г. они впервые совершили совместную зарубежную поездку, о которой она рассказала в своих мемуарах¹.

Вскоре после этой командировки И.В. Лучицкий опубликовал книгу «Католическая лига и кальвинисты во Франции», защищенную в том же 1877 г. в качестве диссертации в Петербургском университете. Как и его магистерская диссертация, это сочинение стало образцом анализа религиозных движений. В обоих трудах нашли наиболее полное воплощение научные взгляды и мировоззрение ученого. В этих монографиях Лучицкий выступает последователем Конта. Для позитивизма история есть интеллектуальное развитие, – и Ивана Васильевича интересует исключительно история религиозных идей, течений умственной жизни позднего Средневековья. Реформацию, как и католицизм, Лучицкий расценил как отрицательное явление, препятствующее развитию науки и культуры. Он показал, что во всех странах, «куда удалось проникнуть реформации, она соединялась с реакционными, аристократическими элементами». В отличие от Мишле и других французских историков, видевших в Реформации прежде всего религиозную борьбу, Лучицкий показал, что под религиозной оболочкой гугенотских войн скрывались социально-политические движения, раскрыл смысл общественных коллизий во Франции XVI в. В этом и состояло главное достоинство его концепции истории религиозных войн во Франции.

После защиты докторской диссертации И.В. Лучицкий был избран экстраординарным профессором. В течение 30 лет – с 1877 по 1907 г. он работал в Киевском университете и был одним из самых ярких преподавателей. Он предпочитал читать не общие курсы, которые студенты, по его мнению, могут освоить самостоятельно, а специальные – совсем не изученные или тенденциозно освещенные. В качестве тематики лекций он выбирал историю малоизвестных стран – так, он первым привлек внимание к истории стран Пиренейского полуострова, скандинавских стран. Лекции И.В. Лучицкого живо интересовали киевских студентов. По вторникам у Ивана Васильевича дома на Левашовской, 22, где поначалу жила семья Лучицких (впоследствии они переехали в дом на Институтской, 27), собирались его ученики – «бродники» – и занимались разбором исторических источников, обсуждали новинки научной литературы и выступали с докладами. За время преподавания в Киевском университете, а затем в вузах Петербурга И.В. Лучиц-

¹ Лучицкая М.В. Мемуары. М., 2003. С. 65-79.

кий воспитал целую плеяду блестящих ученых. Среди его учеников видные русские и украинские историки – историк В.К. Пискорский, специалист по международным отношениям Е.В. Тарле, выдающийся советский медиевист Д.М. Петрушевский, историк Украины и второй президент ВУАН Н.П. Василенко, исследователь истории Пруссии XVIII в. Н.Н. Молчановский, полонист Н.Н. Любович, редактор «Киевской старины» Е.А. Кивлицкий, историки В.П. Клячин, С.М. Глаголева-Данини и многие-многие другие.

Начало преподавания И.В. Лучицкого в Киевском университете – рубеж 70–80-х гг. XIX в. – было связано с подъемом украинофильства. Зародилось это движение в 40-е гг. XIX в. В 1855 г. в Петербурге его представители Н.И. Костомаров, Т.Г. Шевченко и др. основали «громаду» с целью национально-культурного и общественно-политического просвещения народа. В конце 50-х гг. «громада» возникла и в Киеве, созданная преимущественно усилиями студентов университета. Украинофилы стремились сблизиться с народом, открывали воскресные школы, создавали учебники на украинском языке, возрождали память о вольнолюбии запорожцев и гайдамаков. Иван Васильевич по своим научным интересам и общественным взглядам был близок «громаде» и сочувствовал ее деятельности. Его интерес к истории Украины обострился, когда с середины 70-х гг. началась его общественная деятельность в земстве в качестве мирового судьи. Первое же заседание в земском суде заставило его обратить внимание на специфику земельных отношений в украинской деревне, и позже он посвятил этим сюжетам ряд научных исследований. Вместе с учениками он приступил к анализу Румянцевской описи (генеральной описи Левобережной Украины, проводившейся в 1767 г.). Изучая поземельные отношения малоросской деревни, он вступил в полемику с украинскими историками, доказывавшими существование личного подворного землевладения. Лучицкий же обосновывал в своих статьях существование в украинской деревне общины наподобие великорусского мира¹. Многие представители интеллигенции пореформенной России видели спасение российского общества в общине, полагая, что общинные отношения – особый путь России, что только через этот социальный институт возможно реформировать русскую деревню. В общине, как думали многие либералы народнического толка, хранятся традиционные крестьянские устои. Либеральные историки рассматривали ее как явление универсальное и встреча-

¹ Українознавчі студії та мемуари Івана та Марії Лучицьких (кінець XIX – початок XX ст.). Київ, 2007. Passim.

ющеся повсеместно; с их точки зрения община – всемирно-исторический этап, через который проходит каждый народ, при этом одна форма общины (родовая, земледельческая и пр.) последовательно сменяет другую. Иван Васильевич также смотрел на историю Украины сквозь призму «общинной теории», которая была, конечно же, ничем иным, как научным мифом. Однако историк был убежден, что Украина, как и другие страны, в определенный момент своей истории переживала стадию общинных отношений, следы которых он пытался проследить в структуре земельных отношений современной ему деревни. Украинские коллеги Лучицкого, не столь активно вовлеченные в общественно-политическую борьбу пореформенной России, не без основания упрекали его в слишком расширительном понятии общины и в чрезмерно широких сравнительно-исторических параллелях. Но все оппоненты Ивана Васильевича были единодушны в следующем мнении: ученому удалось собрать огромный ценнейший материал о жизни украинских крестьян, в своих работах он выступил как весьма оригинальный исследователь-этнограф: Лучицкий использовал ретроспективный и сравнительно-исторический методы, пристальное внимание обращал на устную историю.

Очевидно, что к началу 80-х гг. центр научных интересов И.В. Лучицкого от истории мысли и религиозных движений, интеллектуальной истории в духе Конта, которой он отдавал предпочтение в молодости, явственно перемещается в сторону экономической истории. И.В. Лучицкий вполне отчетливо сознавал, что поворот в сторону аграрной истории отражает глубинные тенденции развития исторической науки. Это движение мысли историков было характерно не только для пореформенной России, но и совпало по времени с появлением новых мощных тенденций в мировой исторической науке. Конечно, пристальное внимание к истории крестьянства самого И.В. Лучицкого во многом определялось его общественным мировоззрением: ему были близки либеральные ценности и народническая идеология. Острота крестьянского вопроса в пореформенной России, необходимость решения аграрного вопроса заставляет в это время многих передовых историков обращаться прежде всего к социально-экономической истории. В течение 30 лет Лучицкий упорно изучал архивные документы по социально-экономической истории Западной Европы, ища в них ответы на те вопросы, которые ставила пореформенная Россия. Он написал по этой теме десятки книг и статей. В результате он стал одним из представителей «социально-экономического направления». Пожалуй, никто другой точнее, чем сам Иван Васи-

левич, не определил черты этого течения. В своей статье, посвященной крупному английскому ученому Т. Роджерсу, Лучицкий признавал, что главная характеристика этой тенденции исторической мысли – «изучение народа, народной жизни». Отныне «на первый план выдвинуто изучение важнейшего из факторов жизни: экономического фактора, и вполне ясно поставлено, как главная задача изучения, выяснение во всех деталях процесса экономических изменений, происходивших как в жизни отдельных народов, так и всей Европы, но процесса не самого лишь в себе (как то было раньше), а в связи с остальными явлениями и факторами жизни»¹.

Все эти принципы исследования социально-экономической истории И.В. Лучицкий, безусловно, воплотил в жизнь в своих работах по истории крестьянства, и прежде всего аграрной истории Франции. Он стал первооткрывателем архивов южной Франции и Испании, ввел в научный оборот доселе неизвестный материал, опубликовал исследования по аграрной истории Испании, Италии, Дании. Но постепенно его интересы сосредотачиваются на одном вопросе, имеющем для него первостепенную важность, а именно – каково было изменение, внесенное Великой французской революцией, в судьбы французского крестьянства и социальный состав землевладения? Над этой проблемой он работал в течение нескольких десятилетий, ежегодно выезжая во Францию и внимательно изучая архивные материалы, департамент за департаментом. О степени его увлеченности работой свидетельствует один факт, сообщаемый известным историком Н.И. Кареевым: «В некоторых городах архивисты доверили русскому ученому ключи, дабы он имел возможность начинать работу раньше и кончать позже официальных часов, чем он широко пользовался, приходя в архив чуть не тотчас же после восхода солнца и оставаясь до сумерек»². Первая значительная работа на эту тему – «Крестьянская поземельная собственность во Франции до революции и продажа национальных имуществ» вышла в 1896 г., за этой монографией последовали многочисленные статьи и монографии [«Крестьянское землевладение во Франции накануне революции (преимущественно в Лимузене)» (1898), «Состояние земледельческих классов во Франции накануне революции» (1911) и др.]. Об-

¹ Лучицкий И.В. Джеймс Сорольд Роджерс (некролог) // Юридический вестник. СПб., 1891. № 2. С. 174.

² Кареев Н.И. Иван Васильевич Лучицкий: Некролог // Известия Российской академии наук. СПб, 1918. Сер. VI. Т. XII. № 18. С. 2038.

щий его вывод сводился к тому, что французская революция в целом лишь в незначительной степени способствовала переходу земли в руки крестьян. С точки зрения И.В. Лучицкого, крестьянское землевладение было гораздо более распространено в дореволюционной Франции, чем считали до сих пор. По его мнению, если общая земельная собственность крестьянства возросла, то малоземельные и безземельные крестьяне несколько не выиграли от этого. И потому в целом революция, по мнению Лучицкого, оказалась бесплодной и ненужной. Это суждение ранее высказывал знаменитый историк и один из теоретиков западной демократии А. де Токвиль, но в чисто умозрительной форме. Русский историк на огромном статистическом материале, добытом в архивных хранилищах в результате почти 20-летней работы, доказал бесплодность революции для решения аграрного вопроса. Именно эти труды принесли русскому ученому мировую славу, а сделанные им наблюдения стали для него ключом к пониманию аграрных проблем своей страны.

Было бы однако упрощением рассматривать И.В. Лучицкого исключительно как представителя «социально-экономического» направления. Он был ученым чрезвычайно широкого кругозора и интересовался всем новым, что происходило в исторической науке. Его изыскания в области истории крестьянства проходили на очень широком фоне. Так, он был, пожалуй, одним из первых русских историков, кто еще задолго до трудов Л.П. Карсавина обратился к истории ментальностей. Об этом свидетельствуют неизданные сочинения, написанные Иваном Васильевичем преимущественно в середине 90-х гг. XIX в. и хранящиеся в Киеве в Институте рукописей библиотеки им. В.И. Вернадского. Одно из них – «Из истории развития скептицизма в области магии и колдовства» – имеет подзаголовок «Историко-психологический этюд»¹. Лучицкого заинтересовал образ мысли, система христианского мирозерцания, «характер умственных процессов в течение средних веков». Среди цитируемых в работе источников – «Молот ведьм», «Диалог о чудесах» и др. Образ мышления средневекового человека историк сравнивает с системой мировидения, присущей традиционным обществам Африки, Австралии и Полинезии. Эти историко-антропологические параллели и наблюдения над средневековой ментальностью он продолжает и в другой своей неопубликованной работе – «Сравнение малорусской и великорусской демонологии и магии с западноевропейской». Разумеется, рамка, в которую Иван Васильевич стремился вписать собранный им материал, была

¹ Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Ф. 66. Д. № 35-36.

задана методом О. Конта – в конечном итоге все средневековые представления о мире Лучицкий характеризовал как предрассудки и как препятствие на пути развития культуры и науки. Тем не менее его штудии по истории магии и колдовства – отклик на появившиеся в конце XIX века новые неокантианские тенденции в развитии исторической науки – тенденции, которые ему удалось уловить, но которые он, видимо, сознательно, не стал воплощать в своих трудах. Поглощенный общественно-политической жизнью своей страны, ученый предпочел заниматься актуальными для России исследованиями по аграрной истории.

Будучи преимущественно историком социально-экономического направления, Иван Васильевич вместе с тем выступал против преувеличения экономического фактора в истории и предупреждал об опасности вульгарного понимания роли экономики в исторических процессах. По воспоминаниям одного из его слушателей, «в период восхождения марксизма И.В. Лучицкий выступил с двумя публичными лекциями, в которых он восставал против “экономического материализма”»¹.

Историк, который в своих трудах столь живо реагировал на современную ему действительность, конечно, не стоял в стороне от общественной жизни. В конце 70 – начале 80-х гг. он стал активно участвовать в земском движении в качестве земского депутата от Золотоношского уезда (в этом уезде в селе Каврай находилась приобретенная им усадьба). Он отстаивал интересы крестьянства в земских судах, в городской думе разрабатывал положение о кредитах малоземельным и безземельным крестьянам, много сделал для просвещения крестьянства. По его инициативе строились церкви, больницы, и создавались воскресные школы. Во всех делах он проявлял неутомимую энергию, инициативу и энтузиазм.

Позже в качестве гласного Киевской думы И.В. Лучицкий немало потрудился и на благо родного города. Так, по его инициативе было построено здание публичной библиотеки, для которой он пожертвовал немало собственных книг. Вместе с женой Марией Викторовной он создавал в Киеве рабочие приюты и внес в киевскую думу проект организации «Товарищества устройства жилищ и улучшения домашнего быта рабочего класса», учредил Киевское общество грамотности для малоимущего населения, в думе защищал интересы киевских купцов и ремесленников. В 1892 г., в год страшного голода на Украине, он издал «Киевский сборник пострадавшим от неурожая», сумев привлечь к его созданию лучшие силы интеллигенции России и Европы – Г. Габор, М.М. Станюко-

¹ Василенко К.П. Статті. Спогади. Листування [у 2 ч.]. Київ, 2002. Ч. I. С. 190.

вича, В.Г. Короленко и др. В 1895 г. он издал и «Сборник в пользу недостаточных студентов Университета св. Владимира». В 1902 г. он добился разрешения на возобновление в Киеве Высших женских курсов. Этот шаг профессора было ответом на письмо желавших получить высшее образование киевлянок, просивших его хлопотать за них. Под обращением к Лучицкому есть подпись известной писательницы Леси Украинки¹.

В первую декаду XX в., когда оживляется политическая жизнь в России, происходят существенные изменения в российском обществе, и семья Лучицких еще активнее вовлекается в общественную жизнь. Перед революцией 1905 г. И.В. Лучицким была написана программная статья «Что такое Учредительное собрание», в которой рельефно отразилась его собственная позиция в политической борьбе. В 1903 г. Иван Васильевич стал создателем и учредителем газеты «Киевские отклики», которая была признана лучшим изданием юга России. В ней регулярно освещались политические новости, обсуждались проблемы, стоявшие перед русским обществом. К тому же времени относится и его письмо Николаю II, в котором он просил царя предоставить права народным представителям и создать Особое совещание при царе². Тогда же при участии жены и сына Николая он в целях просвещения русского общества перевел и издал важнейшие тексты конституций западноевропейских стран – Испании, Италии, Португалии и пр. В 1905 г. И.В. Лучицкий становится членом кадетской партии и уже на первом съезде партии избирается в состав ЦК. В ноябре 1905 г. он организовал киевскую группу кадетской партии и был избран ее председателем. С января 1906 г. эта группа предприняла издание либеральной газеты «Свобода и право», ее редакторами стал сам Иван Васильевич и В.П. Науменко – директор Киевской гимназии, известный украинский педагог. В редакции газеты активно работали многие известные ученые и деятели культуры: С.Н. Булгаков, В.И. Вернадский, М.М. Винавер, Н.И. Кареев, П.Н. Милюков и др. И.В. Лучицкий использовал ее для пропаганды своих политических идей. Он отстаивал аграрную программу, предусматривавшую введение частной собственности для украинского крестьянства, выдвигал проект реорганизации ЦК и обновления ее программы. В 1905 г. после публикации ряда острых дискуссионных статей газета «Свобода и право» была закрыта, а И.В. Лучицкий вместе с В.П. Науменко были привлечены к судебной ответственности

¹ Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Ф. 66. Д. № 316.

² Там же. Д. № 220.

по ст. 129 Уголовного уложения 1905 г. «за распространение сочинения, возбуждающего к неповиновению или противодействию закону». Судили Ивана Васильевича 26 мая 1906 г. при закрытых дверях и приговорили его к уплате штрафа в 300 рублей¹. Вследствие этого И.В. Лучицкий не смог участвовать в выборах во вторую Государственную думу, но в конечном итоге приговор только способствовал росту популярности историка среди киевских либералов.

Осенью 1907 г. произошло знаменательное в его жизни событие: он выставил свою кандидатуру в депутаты III Государственной думы. Выборы были назначены на октябрь 1907 г. Непосредственно от Киева выбирали двух депутатов по двум разрядам – от состоятельных людей и от мелкой буржуазии и интеллигенции. По первому разряду голосование прошло спокойно, а по второму разгорелась ожесточенная борьба. Главными претендентами были ультраправый А.И. Савенко – идеолог черносотенства, который агитировал сам за себя в монархической газете «Киевлянин». Его активно поддерживала местная полиция, под разными предлогами забиравшая в участок избирателей его соперника. Этим соперником был историк Иван Лучицкий, представлявший интересы демократических слоев общества. В результате острой борьбы, к огромной радости киевлян, кандидат от черносотенцев не прошел, победу одержал киевский профессор².

Однако Дума, деятельность которой протекала вяло и апатично, не оправдала надежд И.В. Лучицкого. В течение ряда лет он был активным членом кадетской партии и пытался оживить работу: организовал библиотечную комиссию, участвовал в законодательной деятельности Думы, разрабатывал планы реорганизации ЦК. Думскую деятельность он сочетал с преподавательской: в Петербурге читал лекции на Высших женских курсах, сотрудничал в ряде изданий, прежде всего в «Русском богатстве», выступал с докладами в Историческом обществе. Со временем он стал преподавать и в Психоневрологическом институте, на курсах им. П.Ф. Лесгафта и в других учебных заведениях. С лидерами же кадетов он, по воспоминаниям Кареева, все больше расходился. Возможно, политиком он не смог стать в силу субъективности своего характера.

Друзья и коллеги характеризовали Ивана Васильевича как человека очень впечатлительного, субъективного, крайне эмоционального и экспансивного, но доброго и отзывчивого. Кареев вспоминал: «...Лучицкий был человек общительный, любивший веселую компанию, но нервный, способный переходить от одного

¹ Лучицкая М.В. Мемуары... С. 143.

² По-киевски. 2004. 23 декабря. № 178.

настроения к другому, с чертами, напомиравшими иногда избалованного ребенка. Мягкая, рассудительная по натуре, очень справедливая Мария Викторовна умела всегда благотворно воздействовать на его взволнованные чувства»¹.

Характеризуя личность историка, Н.П. Василенко писал о нем: «Иван Васильевич производил впечатление в высшей степени темпераментного человека. В спорах и дебатах он был резок, иногда прямо необуздан. Эти черты характера создавали ему немало врагов и, как приходилось слышать, в университете отношения со многими профессорами у него были натянутые. В том кругу, где мне приходилось его наблюдать – в кругу людей, близких ему по взглядам и личным отношениям, они значительно смягчались его природной добротой и ласковостью. Эти резкие переходы от бури к затишью и обратно производили иногда на меня довольно комическое впечатление. Друзья Ивана Васильевича, видимо, с этим свыклись и встречали бурные взрывы с неизменным добродушием, а иногда и с легким подтруниванием. Фигура профессора в такие минуты была своеобразно живописна, то сверкая из-под очков взором умных голубовато-серых глаз, то привычным и столь характерным для него жестом взбрасывая очки...»².

В течение всей жизни И.В. Лучицкий был окружен друзьями и учениками. В его доме собирался весь цвет русской и украинской интеллигенции. Там можно было встретить выдающихся ученых и деятелей культуры. Известные философы, писатели, общественные деятели поддерживали с его семьей тесные контакты. Народоволец П.Л. Лавров, писатель И.С. Тургенев, французские коммунары и историк А. Сэ, славист Л. Леже, российские историки Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, издатели энциклопедии Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон, писатели В.Г. Короленко, А.И. Куприн, М. Старицкий, М. Станюкович, М. Кропивницкий, Н. Лысенко, представители украинской интеллигенции Житецкие, Евреиновы, Тарнавские, Г.Е. Афанасьев и другие были в их числе. Одним из ближайших друзей Лучицкого был знаменитый историк Н.И. Кареев, по инициативе которого в 1914 г. «Историко-научный журнал» отметил в Петербурге 50-летний юбилей научной и преподавательской деятельности ученого. Откликнулись многие ученики и коллеги Ивана Васильевича: его лучший ученик Е.В. Тарле, историк Франции Е.Н. Петров, историк Украины В.А. Мякотин и др. В номере жур-

¹ Кареев Н.И. Памяти двух историков (В.И. Герье и И.В. Лучицкий) // *Анналы*. 1922. № 1. С. 170.

² Василенко К.П. Статті. Спогади. Листування... Ч. I. С. 192.

нала впервые появились статьи, посвященные анализу творчества заслуженного ученого.

Предварительные итоги его разнообразной кипучей деятельности, как оказалось, были подведены всего за несколько лет до его смерти. В 1915–1918 гг. Лучицкий продолжал преподавательскую деятельность в Петербурге и свои изыскания в области аграрной истории Франции, опубликовав ряд работ по истории крестьянства. Последние месяцы жизни он провел на своем хуторе в селе Каврай, где смерть застигла его второго августа 1918 г. Он был похоронен в Аскольдовой могиле в г. Киеве...

И.В. Лучицкий был одним из самых ярких русских историков конца XIX – начала XX вв. Его исследования по истории Западной Европы во многом определили направление исторических исследований в нашей стране и за рубежом. В своих трудах он откликался на новые тенденции в развитии науки: он был приверженцем позитивизма, представителем «социально-экономического направления», одним из основателей «*école russe*», как назвал ее Жан Жорес, но более всего в своем творчестве он был связан с культурной и социальной ситуацией России. Лучицкий был не только ученым, но и гражданином, и в истории западноевропейских стран стремился прежде всего найти ответы на те вопросы, которые волновало российское общество. По характеру своей деятельности и по своим взглядам И.В. Лучицкий был типичным представителем интеллигенции пореформенной России, главными ценностями которой были служение истине, в том числе истине научной, верность гражданскому долгу, распространение знаний и преобразование общества путем просвещения. С этими чертами в целом связано наше представление о русской интеллигенции.

Библиография

- Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Ф. 111; 66.
- Василенко К.П.* Статті. Спогади. Листування [у 2 ч.]. Нац. акад. наук України, Ін-т історії України. Київ: Інститут історії України НАН України. 2002. Ч. I.
- Кареев Н.И.* Иван Васильевич Лучицкий: Некролог // Известия Российской академии наук. СПб, 1918. Сер. VI. Т. XII. № 18.
- Кареев Н.И.* Памяти двух историков (В.И. Герье и И.В. Лучицкий) // *Анналы*. 1922. № 1.
- Лучицкая М.В.* Мемуары. М.: ИВИ РАН, 2003. 196 с.
- Лучицкий И.В.* Джеймс Сорольд Роджере (некролог) // *Юридический вестник*. СПб., 1891. № 2.
- Модестов В.И.* В Казани и в Киеве // *Исторический вестник*. 1885. № 12. По-киевски. 2004. 23 декабря. № 178.
- Сл. В., Ф-ко Ф.* Из Подольской старины // *Русская старина*. 1911. Т. 147.

Тарле Е.В. И.В. Лучицкий. К пятидесятилетию его научно-литературной деятельности. 1863–1913 // Голос минувшего. 1914. № 1.

Українознавчі студії та мемуари Івана та Марії Лучицьких (кінець ХІХ – початок ХХст.). Київ: Інститут української археографії та джерелознавства імені М. Грушевського НАН України 2007. 403 с.

***Лучицкая Светлана Игоревна**, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Центр культурной и исторической антропологии ИВИ РАН, Москва; svetlana-luchitskaya@yandex.ru*

***Новикова Елена Александровна**, кандидат филологических наук, Институт украинской археографии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины, Киев; novikovaelena22@rambler.ru*

IVAN VASIL'EVICH LUCHITSKY (1854-1918) – HISTORIAN AND PUBLIC FIGURE

Building upon new evidence from the archive materials and memoirs, the article sheds new light on some scarcely known aspects of scientific and public activities of Ivan Luchitsky, an outstanding Russian and Ukrainian historian.

Key words: Russian and Ukrainian historiography of the 19th century, World History Studies in Russia, Ivan Luchitsky.

***Luchitskaya Svetlana Igorevna**, Doctor of History, Professor, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; svetlana-luchitskaya@yandex.ru*

***Novikova Elena Aleksandrovna**, Candidate of Philology, Mikhail Grushevsky Institute for Ukrainian Archaeography and Sources Studies of the Ukrainian Academy of Sciences; novikovaelena22@rambler.ru*

Новикова Е.А.

КРУЖОК ПРОФЕССОРА И.В. ЛУЧИЦКОГО

В статье раскрывается еще одна страница духовной и педагогической деятельности выдающегося киевского историка профессора И.В. Лучицкого, представлены молодые ученые, объединившиеся в кружок под его руководством, а также суть и происхождение термина «бродники».

Ключевые слова: всеобщая история, Университет св. Владимира, И.В. Лучицкий, Н.П. Василенко, Е.А. Кивлицкий, В.А. Мякотин, Д.М. Петрушевский, В.К. Пискорский, Е.В. Тарле, «бродники».

Настоящая статья посвящена одной из страниц многогранной деятельности профессора киевского Университета св. Владимира И.В. Лучицкого в конце XIX – начале XX в. Иван Васильевич воспитал из своих студентов плеяду выдающихся молодых исследователей в области всеобщей истории. Будучи еще студентами, Н.П. Василенко, Е.А. Кивлицкий, Н.П. Молчановский, Д.М. Петрушевский, В.К. Пискорский объединились в кружок вокруг И.В. Лучицкого. К ним примкнул студент исторического факультета Санкт-Петербургского университета В.А. Мякотин, собиравший материалы для своей работы по социальной истории Украины XVII и XVIII веков в украинских архивах. Позже присоединился младший по возрасту Е.В. Тарле, который слушал лекции не только Ивана Васильевича, но и был какое-то время членом семинара приват-доцента Университета св. Владимира В.К. Пискорского.

Профессор Лучицкий уделял своим ученикам внимание не только в стенах университета, но и в свободное время дома. У Лучицких собирались ученые, писатели, прогрессивные общественные деятели Киева и других городов России, гости из-за рубежа. Душой общества была радушная жена профессора Мария Викторовна, выдающаяся общественная деятельница и переводчица научной и художественной литературы со скандинавских, французского и английского языков.

Каждый из учеников Лучицкого был неординарной личностью и стал выдающимся ученым благодаря не только способностям, собственному труду, но и научной поддержке Учителя. Иван Васильевич ориентировал молодежь в море проблематики всеобщей истории, приобщал к новому социологическому направлению в исторической науке.

Изучая историю стран Западной Европы Средневековья и Нового времени, воспитанники И.В. Лучицкого внесли значительный вклад в европейскую науку. До сих пор не утратили актуальность исследования социальной истории Англии Д.М. Петрушевского, средневекового парламента – кортесов Испании и крепостного права Каталонии В.К. Пискорского, «французские» исследования Е.В. Тарле. Член кружка И.В. Лучицкого Е.А. Кивлицкий посвятил свою деятельность гимназическому и народному образованию, пропаганде исторических знаний, публицистике, был редактором журнала «Киевская старина» и возглавлял одно время Всеукраинскую научную библиотеку. Н.П. Василенко стал вторым президентом Академии наук Украины, автором многих публикаций по вопросам права и истории Украины.

Человек прогрессивных демократических взглядов, профессор Лучицкий учил молодежь принципиальности, умению отстаивать свои взгляды. Также приобщал их к общественной деятельности (в том числе к сотрудничеству в «Товариществе по распространению грамотности», в газете «Киевские отклики», которую он редактировал, и т.п.). Особые симпатии Иван Васильевич питал к В.К. Пискорскому, способствовал его командировке в архивы Западной Европы в 1896–1898 гг. Он видел в Пискорском своего преемника на кафедре всеобщей истории Университета св. Владимира. Однако у прогрессивного профессора Лучицкого сложились непростые отношения с коллегами в университете. Его взгляды раздражали ретроградов. Некоторые перенесли такое отношение и на Пискорского как на любимого ученика И.В. Лучицкого. Он писал в 1894 г. ученику: *«Очевидно, проклятие, лежавшее на мне, падает на Вас... Не бойтесь. Сила умственная и нравственная, как бы ни были велики страдания (а они почти неизбежны), – возьмет свое! Возьмете верх и Вы! И я надеюсь, что Вы замените вполне меня на кафедре...»*¹.

В свое время среди студентов, членов кружка И.В. Лучицкого, установились прочные дружественные отношения и общность интересов. Про кружок И.В. Лучицкого Н.П. Василенко писал: *«Значительным центром умственной жизни Киева в начале 90-х годов был кружок проф. И.В. Лучицкого. В то время Лучицкий был в зените своей научной деятельности. Свои работы по истории Западной Европы, которые дали ему европейское имя, он соединял с глубоким интересом к истории Украины. И.В. Лучицкий, не ограничиваясь научной деятельностью, принимал участие в об-*

¹ И.В. Лучицкий – В.К. Пискорскому. 1894 г. // *Піскорський В.К. Вибрані твори та епістолярна спадщина...* С. 306-307.

щественной жизни. Возле него сгруппировалось много учеников, которые впоследствии заняли значительные места в науке»¹. Члены кружка называли себя «бродниками». Так к ним в письмах обращался и друг И.В. Лучицкого историк Н.И. Кареев. Почему «бродники»? Вот как писал об этом Н.П. Василенко: «Члены кружка носили шутливое прозвище “бродники” отчасти потому, что они любили совершать экскурсии в окрестности Киева, отчасти потому, что собирались в разных местах. Среди них господствовали не только научные интересы, но и общественные, с большой склонностью к революционной деятельности»². В записях В.К. Пискорского об истории г. Переяславля³ есть цитата Максимовича о том, что общим названием запорожцев вначале было «бродники молдавские...». В письме к Мякотину Николай Прокофьевич Василенко писал: «Помнишь, как мы хотели с помощью “бродников” перевернуть весь свет?»⁴.

В 1893 г. И.В. Лучицкий поехал за рубеж, впоследствии Д.М. Петрушевский занял кафедру в Варшавском университете, В.К. Пискорский – в Казанском. В.А. Мякотин в основном находился в Санкт-Петербурге. Кружок «бродников» распался. Брат Н.П. Василенко, Константин, писал: «Когда я приехал в Киев, компания “бродников” уже распалась. Большая часть членов, которые оставались в Киеве, принимала участие в городской общественной жизни; они входили главным образом в те разные “инициативные” группы, которые имели цель влиять на общественность и содействовать ее развитию и образовывать такие группы, которые бы притягивали к себе прогрессивные элементы киевского общества... Составление всякого рода проектов происходило на квартире моего брата... На этих собраниях я познакомился с некоторыми киевскими общественными деятелями – проф. Лучицким, Н.М. Молчановским, В.П. Науменко, Е.А. Кивлицким и др.»⁵. Несмотря на различные жизненные обстоятельства, И.В. Лучицкий, замечательный ученый и педагог, пребывал в кругу друзей, бывших студентов и единомышленников до конца

¹ Рукопись «Воспоминания и письма Н.П. Василенко и К.П. Василенко» (семенной архив Нины Константиновны Василенко и ее дочери И.Г. Калиберды).

² Там же.

³ РГБ. Ф. 604.

⁴ Там же.

⁵ Там же. В тексте идет речь о научном кружке студентов И.В. Лучицкого. Он ориентировал молодых исследователей в проблематике науки всеобщей истории Средневековья и Нового времени в России и странах Западной Европы. Д.М. Петрушевский, В.К. Пискорский, Е.В. Тарле, В.А. Мякотин внесли значительный вклад в отечественную и европейскую науку и стали широко известны за пределами России. Их труды и в настоящее время не утратили своей ценности и актуальности.

своих дней, а «бродники» сохраняли дружеские отношения всю жизнь. Иван Васильевич Лучицкий создал настоящую научную школу, подготовил таких исследователей, которые прославили и своего учителя, и свою страну далеко за ее пределами, внесли значительный вклад в историческую науку Европы.

Библиография

Воспоминания и письма Н.П. Василенко и К.П. Василенко. Рукопись (семейный архив Нины Константиновны Василенко и ее дочери И.Г. Калиберды). ОР РГБ. Ф. 604.

Піскорський В.К. Вибрані твори та епістолярна спадщина / Упор. О.О. Новикова, І.С. Пічугіна. Київ: Фонд «Відродження», 1997. 352 с.

Новикова Елена Александровна, кандидат филологических наук, Институт украинской археологии и источниковедения им. М.С. Грушевского НАН Украины, Киев; novikovaelena22@rambler.ru

THE CIRCLE OF PROFESSOR I.V. LUCHITSKIY

The article deals with yet another aspect of cultural and pedagogical effort of the renown Kiev historian professor I.V. Luchitskiy, a group of young scholars in the circle under his guidance as well as the meaning and the origin of the term “brodniki”.

Key words: Brodniki, circle, general history, I.V. Luchitskiy, N.P. Vasilenko, E.A. Kivlitskiy, V.A. Myakotin. D.M. Petrushevskiy. V.K. Piskorskiy, E.O. Tarle

Novikova Elena Aleksandrovna, Candidate of Philology, Mikhail Grushevsky Institute for Ukrainian Archaeology and Sources Studies of the Ukrainian Academy of Sciences; novikovaelena22@rambler.ru

Ауров О.В.

**А.Р. КОРСУНСКИЙ И ТРАДИЦИИ
НАУЧНОЙ ШКОЛЫ В.К. ПИСКОРСКОГО
(о педагогическом наследии ученого)¹**

Статья посвящена исследованию научного наследия выдающегося советского медиевиста Александра Рафаиловича Корсунского (1914–1980). Будучи учеником Н.П. Грацианского, ученый испытал значительное влияние традиций школы его учителя В.К. Пискорского и как ученый, и как преподаватель, основатель советской школы испанистики.

Ключевые слова: А.Р. Корсунский, В.К. Пискорский, научная школа, история Испании, Средние века, готская Испания, марксизм.

Имя Александра Рафаиловича Корсунского (1914–1980)² хорошо известно в среде российских медиевистов, в первую очередь – специалистов по истории средневековой Испании³. Несмотря на это настоящая творческая биография А.Р. еще не написана: ее создание остается делом будущего. В настоящей же статье я хотел бы остановиться лишь на одном из аспектов научно-педагогического наследия ученого – его связи с традициями научной школы Владимира Константиновича Пискорского (1867–1910), сосредоточившись на педагогическом наследии советского медиевиста.

Отмечу, что подобная постановка вопроса является вполне оправданной уже потому, что значимость научной школы В.К.

¹ Содержание настоящей статьи опирается на результаты обширного исследования, которое в полном объеме будет опубликовано в качестве предисловия к переизданию главной работы А.Р. Корсунского «Готская Испания (Очерки социально-экономической и политической истории)», подготовка которого осуществляется Санкт-Петербургским отделением Издательства «Наука».

² Об основных этапах научной биографии А.Р. Корсунского см.: *Мильская Л.Т.* Александр Рафаилович Корсунский (1914–1980) // *Портреты историков: время и судьбы.* Т. 2: Всеобщая история. Москва; Иерусалим, 2000. С. 243–247; *Мильская Л.Т., Варьяш О.И.* А.Р. Корсунский как историк-медиевист // *Средние века.* Вып. 46. 1983. С. 275–290; *Варьяш О.И.* Заседание памяти А.Р. Корсунского // *Средние века.* 1991. Вып. 54. С. 265–266.

³ См.: *Корсунский А.Р.* 1) *Образование раннефеодального государства в Западной Европе.* М., 1963; 2) *Готская Испания (Очерки социально-экономической и политической истории).* М., 1969; 3) *История Испании IX–XIII веков (Социально-экономические отношения и политический строй Астура-Леонского и Леона-Кастильского королевства).* М., 1976; *Корсунский А.Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М., 1984.

Пискорского для своего формирования как ученого прямо отмечал сам А.Р.: «Труд В. Пискорского, несмотря на краткость его жизни, был очень важен для русской историографии средневековой Западной Европы»¹. Это высказывание выглядит вполне закономерным для ученика Николая Павловича Грацианского (1886–1945), который учился у Пискорского в Казанском университете (1906–1910). Наряду с А.И. Неусыхинным Корсунский считал Н.П. Грацианского своим наставником².

Их встреча произошла после 1934 г., в период учебы Корсунского на кафедре истории Средних веков исторического факультета МГПИ (ранее – 2-го МГУ), которой Н.П. Грацианский заведовал с начала 1920-х гг. и до своей трагической смерти в 1945 г.³ Замечания Лидии Тихоновны Мильской (1924–2006), в свое время также учившейся у Н.П. Грацианского, содержат важную информацию о его преподавательской манере, сформировавшейся под влиянием школы В.К. Пискорского⁴.

В качестве ключевой особенности педагогической методики последнего следует отметить первостепенное внимание, уделявшееся подготовке студентов как будущих ученых, которые должны были усвоить принципы и методы работы с источниками (т.н. «документальной истории») в процессе практической научно-исследовательской деятельности. По воспоминаниям коллеги В.К., профессора Казанского университета Е.Ф. Будде (1859–1931), основоположник русской испанистики исходил из того, что «только первоисточники науки и, именно, в подлинных документах могут подготовить учащуюся молодежь к серьезному научному труду, к труду сознательному и воспитать в молодежи идейную привязанность к той или другой науке»⁵.

¹ Гарсия Морено Л.А. Моя встреча с Александром Рафаиловичем Корсунским в Варшаве в июне 1978 года // *Корсунский А.Р.* Готская Испания (Очерки социально-экономической и политической истории). СПб., 2018 (в печати).

² Там же.

³ См.: Мильская Л.Т. Николай Павлович Грацианский (1886–1945) // *Портреты историков: время и судьбы.* Т. 2: Всеобщая история. Москва; Иерусалим, 2000. С. 177–186. См. также: Неусыхин А.И., Данилов А.И. Н.П. Грацианский как ученый-медиевист // *Грацианский Н.П.* Из социально-экономической истории западноевропейского Средневековья. Сб. статей. М., 1960. С. 3–48; Библиография трудов Н.П. Грацианского // Там же. С. 398–406.

⁴ Мильская Л.Т. Указ. соч. С. 179 и сл.

⁵ Будде Е.Ф. В.К. Пискорский (некролог) // *Журнал Министерства народного просвещения.* Новая серия. 1910. Ч. 29. № 10. С. 57. О работе Н.П. Грацианского в семинарии В.К. Пискорского см.: Мяжков Г.П., Хамматов Ш.С. Н.П. Грацианский: путь в науку // *Мир историка. Историографический сборник.* Вып. 3. Омск, 2007. С. 277–282.

О сходных вещах, присутствие которых отражает стабильность методов школы, вспоминает и Л.Т. Мильская: «*Те, кто знал, видел и слышал Грацианского только на научных заседаниях – тонкого и глубокого исследователя, обладающего огромной эрудицией в самых разных областях исторической науки, язвительного и изящно остроумного оппонента, иногда и резкого, беспощадного критика, не мог составить себе полного представления о нем как о преподавателе. Его насмешливость исчезала или становилась мягкой, он с неподдельным интересом следил за студенческими переводами и толкованием источников, обращая внимание не только на шероховатости и неточности, но и на тончайшие нюансы сообщений хронистов, на язык перевода, его соответствие духу времени и индивидуальности разбираемого автора. Время от времени он останавливал студента и сам показывал, как нужно передать ту или иную форму. Его язык был и лаконичен, и необыкновенно богат и красочен, он проникновенно умел передавать то, что называется “ароматом эпохи”. Вся работа семинара строилась на доскональном знании текстов и выработке умения извлекать из них максимальное количество сведений вплоть до мелочей при строгом самоконтроле и умении оценивать достоверность своих наблюдений. Таким же образом при чтении специальных курсов Грацианский опирался на исчерпывающее знание всего комплекса источников, строго и последовательно аргументируя ими каждое свое положение»¹.*

Эта манера, вообще свойственная профессорам старой школы (к которым, несомненно, принадлежал и Н.П. Грацианский), резко отличала их от многих (хотя и не всех) преподавателей новой, советской, формации. В противовес подчас свойственной последним ориентации на абстрактную логическую стройность и широкие обобщения (часто осуществляемые в духе прямолинейно понятой «партийности»), «старые специалисты» делали акцент на тщательный разбор оригинальных текстов при активном использовании методов филолого-лингвистического анализа.

В своей собственной преподавательской деятельности А.Р. Корсунский, работавший в 1960–1980 гг. на кафедре истории Средних веков исторического факультета МГУ, ставил сходные задачи. Определенное представление о его преподавательских методах дают подготовленные им в конце 1960–1970-х гг. три выпуска учебного пособия «Возникновение феодальных отношений в Западной Европе». К этой сугубо формальной работе (официально предназначенной лишь для студентов-заочников) ученый относился

¹ Мильская Л.Т. Николай Павлович Грацианский (1886–1945)... С. 179–186.

крайне серьезно и ответственно. Во введении к пособию, призванному оказать помощь студенту в написании доклада – главной письменной работы, выполнявшейся в рамках двухсеместрового курса по дисциплине «История средних веков», – основное внимание уделялось источниковедческим штудиям. «Главная задача докладчика» формулировалась следующим образом: «*Необходимо собрать материал в источниках по рассматриваемому вопросу и правильно истолковать этот материал... Работая над источниками, нужно тщательно, на основании не только прямых, но и косвенных указаний документов, собирать данные, которые относятся к рассматриваемой теме. Весь этот материал целесообразно сразу же группировать по тем вопросам, на которые докладчик расчленил свою тему*»¹.

Помимо кратких методических указаний, каждый из трех выпусков содержал фрагменты источников, во многих случаях в первый раз или заново переведенных специально для рассматриваемого пособия, в первую очередь самим А.Р. Так, для первого выпуска (1968 г.) он перевел отдельные главы из Рипуарской правды, эдикт франкского короля Хильдеберта II (596 г.), Хартию раздела империи (843 г.), а также знаменитый Мерсенский капитулярий Карла Лысого (847 г.) (тот самый, согласно которому «каждый свободный человек должен найти себе сеньора»)². Во второй выпуск (1973 г.) вошли переведенные А.Р. отдельные главы лангобардских законов³, а для третьего выпуска (1979 г.) им были сделаны переводы фрагментов Кодекса Феодосия, «Жития св. Северина» Евгиппия, Франкских, Сен-Бертенских и Фульдских анналов, сочинения «О дворцовом порядке» Гинкмара Реймского, актов Турской епархии, отдельных каролингских формул и фрагментов капитуляриев, грамот, писем Эйнгарта, причем к работе были привлечены также аспиранты и студенты – О.И. Варьяш, ученица А.Р., Сергей Павлович Карпов, будущий академик РАН, и др.⁴ В итоге работа вышла далеко за жанровые рамки учебного пособия для студентов-заочников; она свидетельствует не только о том, какое огромное значение А.Р. уделял своей преподавательской деятельности, но и о неразрывности последней с собственно научной работой, что всегда было характерно для европейской академической традиции.

¹ Корсунский А.Р. Возникновение феодальных отношений в Западной Европе. Вып. 1. Учебно-методическое пособие. М., 1968. С. 4.

² Там же. С. 3.

³ Корсунский А.Р. Возникновение феодальных отношений в Западной Европе. Вып. 2. Учебно-методическое пособие. М., 1973. С. 3.

⁴ Корсунский А.Р. Возникновение феодальных отношений в Западной Европе. Вып. 3. Учебно-методическое пособие. М., 1979. С. 3–4.

На кафедре истории Средних веков исторического факультета МГУ, куда он был приглашен по инициативе С.Д. Сказкина¹, А.Р. Корсунский читал часть общего курса и вел просеминарские занятия по истории Средних веков для студентов-историков (он же написал соответствующую часть вузовского учебника, вышедшего под редакцией С.Д. Сказкина²), а также для студентов Института восточных языков (нынешнего ИСАА). Читались им и специальные курсы, тематика которых, с одной стороны, отражала его научные интересы, а с другой – выступала в качестве значимого фактора их эволюции. В частности, из одного из таких спецкурсов выросла монография «История Испании IX–XIII вв. (социально-экономические отношения и политический строй Астуры-Леонского и Леона-Кастильского королевства)» (1976 г.).

Еще об одном векторе взаимовлияния научной и педагогической деятельности А.Р. вспоминает его ученица И.Г. Коновалова: «На одной из лекций А.Р. для второго курса мы и услышали от него, что он предполагает готовить студентов по истории мусульманской Испании. И пришли к нему втроем, все без знания испанского и арабского: я – с английским языком, Е.А. Радзиховская – с французским, а С.Д. Червонов – с немецким. <...> Испанский мы потом выучили на 3–4 курсах как второй иностранный (латынь не в счет). Насчет арабского А.Р. договорился в ИСАА, и к нам приходил оттуда замечательный преподаватель – Н.Г. Ахриев, а С.Б. Певзнер из Ин-та востоковедения РАН прочитал нам подробнейший курс исламской истории, науки и культуры. Тогда это все воспринималось нами как должное, но ретроспективно я понимаю, каких трудов стоило А.Р. организовать все эти дополнительные с точки зрения учебного плана занятия»³. Необходимо отметить, что впоследствии И.Г. Коновалова стала видным ученым-востоковедом, главным научным сотрудником ИВИ РАН.

Корсунский зарекомендовал себя блестящим лектором, несмотря на свойственные ему жесткую требовательность⁴ и суховатую, отстраненную манеру общения. Спустя десятилетия о его лекциях с восторгом вспоминают даже те из его слушателей, кто изна-

¹ Мильская Л.Т. Воспоминания Е.В. Гутновой и их достоверность // Средние века. 2002. Вып. 63. С. 397–400.

² Корсунский А.Р. Глава 2. Возникновение феодального строя в Западной Европе // История средних веков. В двух томах. Т. 1. 2-е изд. М., 1977. С. 53–86.

³ Коновалова И.Г. Электронное письмо О.В. Ауруву от 22.04.2017 (фрагмент).

⁴ Там же.

чально не собирався профессионально заниматься западным Средневековьем¹.

В наибольшей мере, однако, педагогическая манера А.Р. проявилась в работе со студентами, выбравшими кафедру истории Средних веков. Здесь у него стремились специализироваться лучшие из лучших. Значительная часть учеников А.Р., даже тех из них, кому не суждено было прожить долгую жизнь, состоялись как исследователи и оставили глубокий след в советской и российской академической науке. В целом, по моим подсчетам, через школу Корсунского в период его работы в Московском университете прошло не менее 15 человек (правда, не все они специализировались по истории Испании, а некоторые в дальнейшем по разным причинам сменили специализацию).

В их числе назову О.И. Варьяш [защитившую под руководством А.Р. не только дипломную работу, но и кандидатскую диссертацию (в 1979 г.) «Проблема формирования феодально-зависимого крестьянства в Испании в VIII–XI веках. (По материалам Леона и Кастилии)»²], С.Д. Червонова, В.М. Магидова, С.Т. Минакова, Е.А. Шервуд, И.С. Филиппова, И.Г. Коновалову, Е.А. Радзиховскую, М.Д. Диманиса, В.К. Ронина, А.В. Леонтьевского, успешно работавших в университетах и научных учреждениях не только России, но и зарубежных стран.

Не будет преувеличением сказать, что все современные испанисты-медиевисты (за исключением специалистов по истории позднего Средневековья) ныне представляют школу Корсунского. В первую очередь речь идет об учениках Сергея Дмитриевича Червонова (1955–1988) и Ольги Игоревны Варьяш (1946–2003) Е.Е. Бергер, И.И. Шиловой-Варьяш, Г.А. Поповой и Г.С. Зелениной, а также авторе этих строк, а также о собственных учениках историков среднего поколения, в числе которых А.В. Марей, Л.В. Чернина, Е.С. Марей, М.В. Рыбина, А.В. Русанов и др. Видимо, этот факт – лучшее свидетельство преемственности традиций научной школы Пискорского – Грацианского – Корсунского.

Библиография

Будде Е.Ф. В.К. Пискорский (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1910. Ч. 29. № 10. С. 55-59.

¹ См., например: *Тогоев И.Х.* А.Р. Корсунский-преподаватель // *Корсунский А.Р.* Готская Испания... (в печати).

² *Варьяш О.И.* Проблема формирования феодально-зависимого крестьянства в Испании в VIII–XI веках. (По материалам Леона и Кастилии). Дис. ...канд. ист. наук. М., 1979.

- Варьяш О.И.* Заседание памяти А.Р. Корсунского // Средние века. 1991. Вып. 54. С. 265–266.
- Гарсия Морено Л.А.* Моя встреча с Александром Рафаиловичем Корсунским в Варшаве в июне 1978 года // *Корсунский А.Р.* Готская Испания (Очерки социально-экономической и политической истории). СПб.: Наука, 2018 (в печати).
- Коновалова И.Г.* Электронное письмо О.В. Ауруву от 22.04.2017.
- Корсунский А.Р.* Возникновение феодальных отношений в Западной Европе. Вып. 1. Учебно-методическое пособие. М.: Изд-во МГУ, 1968.
- Корсунский А.Р.* Возникновение феодальных отношений в Западной Европе. Вып. 2. Учебно-методическое пособие. М.: Изд-во МГУ, 1973.
- Корсунский А.Р.* Возникновение феодальных отношений в Западной Европе. Вып. 3. Учебно-методическое пособие. М.: Изд-во МГУ, 1979.
- Тогоев И.Х.* А.Р. Корсунский-преподаватель // *Корсунский А.Р.* Готская Испания (Очерки социально-экономической и политической истории) (в печати).
- Библиография трудов Н.П. Грацианского // *Грацианский Н.П.* Из социально-экономической истории западноевропейского Средневековья. Сб. статей. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 398–406.
- Варьяш О.И.* Проблема формирования феодально-зависимого крестьянства в Испании в VIII–XI веках (По материалам Леона и Кастилии). Дисс. ...канд. ист. наук. М.: МГУ, 1979.
- Корсунский А.Р.* Готская Испания (Очерки социально-экономической и политической истории). М.: Изд-во МГУ, 1969.
- Корсунский А.Р.* Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М.: Изд-во МГУ, 1963.
- Корсунский А.Р.* Глава 2. Возникновение феодального строя в Западной Европе // История средних веков. В двух томах / Под общей ред. С.Д. Сказкина. Т. 1. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1977. С. 53–86.
- Корсунский А.Р.* История Испании IX–XIII веков (Социально-экономические отношения и политический строй Астури-Леонского и Леона-Кастильского королевства). М.: Высшая школа, 1976.
- Корсунский А.Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М.: Изд-во Московского ун-та, 1984.
- Мильская Л.Т., Варьяш О.И.* А.Р. Корсунский как историк-медиевист // Средние века. Вып. 46. 1983. С. 275–290.
- Мильская Л.Т.* Николай Павлович Грацианский (1886–1945) // Портреты историков: время и судьбы. Т. 2: Всеобщая история. Москва; Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 177–186.
- Мильская Л.Т.* Александр Рафаилович Корсунский (1914–1980) // Портреты историков: время и судьбы. Т. 2: Всеобщая история. Москва; Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 242–247.
- Мильская Л.Т.* Воспоминания Е.В. Гутновой и их достоверность // Средние века. 2002. Вып. 63. С. 397–400.
- Мяжков Г.П., Хамматов Ш.С.* Н.П. Грацианский: путь в науку // Мир историка. Историкографический сборник. Вып. 3. Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. С. 259–289.
- Неусыхин А.И., Данилов А.И.* Н.П. Грацианский как ученый-медиевист // *Грацианский Н.П.* Из социально-экономической истории западноевропейского Средневековья. Сб. статей. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 3–48.

Ауров Олег Валентинович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ШАГИ ИОН РАНХиГС, г. Москва; olegaurou1@yandex.ru

THE PEDAGOGICAL HERITAGE OF ALEXANDER KORSUNSKIJ AND THE TRADITIONS OF VL. PISKORSKI SCIENCE SCHOOL

The article is devoted to explore the scientific inheritance of Alexander Korsunskij (1914-1980), a prominent Soviet medievalist. As a disciple of Nikolay Gratsianskiy, he absorbed some basic elements of the scientific school of Vladimir Piskorsky. This influence was very considerable in his activity both as a scholar and as a professor and a founder of Soviet school of Hispanic Studies.

Key words: Alexander Korsunskij, Vladimir Piskorsky, scientific school, history of medieval Spain, Gothic Spain, marxism

Aurov Oleg Valentinovich, Candidate of History, Leading Researcher, School for Advanced Studies in the Humanities (Institute of Social Sciences, Russian Academy of National Economy and Public Administration), Moscow; olegaurov1@yandex.ru

Кузнецов А.А.

КАК МОЖНО СТАТЬ ИСПАНИСТОМ В 54 ГОДА

В статье рассматриваются факторы выбора С.В. Фрязиновым изучения средневековой Испании. С.В. Фрязинов – специалист по истории революционной Франции. Однако в зрелом возрасте он начинает изучать прошлое Испании. О причинах такой метаморфозы С.В. Фрязинов сообщил в письмах С.И. Архангельскому.

Ключевые слова: С.В. Фрязинов, С.И. Архангельский, Н.И Радциг, А.Н. Савин, изучение истории Испании, средневековая Испания, Великая Отечественная война.

Являющийся общим местом тезис о том, что тематико-проблемные траектории историков в советское время оказывались весьма непредсказуемыми, подтверждается и биографией Сергея Васильевича Фрязинова (1891–1971). Он, ученик великого А.Н. Савина, в разные времена был студентом Московского университета, ректором Костромского университета, преподавал в Калининском (Тверском) педагогическом институте, московских вузах и Горьковском (Нижегородском) государственном университете. Не менее причудливой была и его научная биография: издал источниковедческую работу по истории России, исследовал революционную и консервативную традиции Франции, феномен Жанны д'Арк и пр., публиковал работы по истории Древнего Рима, а с 54-летнего возраста и до конца жизни уже занимался проблемами средневековой Испании¹. Приход С.В. Фрязинова в отечественное испановедение оказался в некотором роде случайным.

На творческую биографию С.Ф. Фрязинова влияли, безусловно, и политико-идеологические перипетии, и исторический контекст эпохи. Они сказывались и на «географии» судьбы историка. Смена мест работы была определена тем, что надо было зарабатывать на жизнь, на содержание больной матери, за которой С.В. Фрязинов ухаживал до конца её жизни в 1959 г. Она жила в Москве, и её сын подбирал такую работу, чтобы было можно быстро вернуться в столицу. А зарабатывать Фрязинов мог только «ремеслом историка». Понятно, что в трудные для развития исторического знания 1920-е–1950-е годы быть классическим трудоустроенным истори-

¹ Воробьёва И.Г., Кузнецов А.А. Историк Запада в российском провинциальном вузе: Сергей Васильевич Фрязинов (1891–1971) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2011. Вып. 36. С. 377–402.

ком – дело, порой, рискованное и часто неблагоприятное. С.В. Фрязинов, чтобы получать удовлетворение от своих занятий наукой, компенсировал многие ограничения тем, что свободно выбирал темы и проблемы исследований. У самого Фрязинова для смены направлений научного поиска имелся необходимый историко-исследовательский потенциал: умение и желание работать с историческими источниками, методология и методика исторического исследования, эрудиция, способности к изучению языков. И если темы по истории Франции, Древнего Рима, истории России С.В. Фрязинов выбирал достаточно легко, то выход на средневековое испанское прошлое был определён жёсткой логикой времени.

С началом Великой Отечественной войны С.В. Фрязинов находился в Москве, преподавал историю Средних веков студентам областного педагогического института и Московского педагогического института имени В.И. Ленина. По мере приближения врага к столице осенью 1941 г. С.В. Фрязинов не смог её покинуть из-за матери. В военной прифронтовой обстановке надо было думать о том, как выжить среди голода и холода, работая в высших учебных заведениях. Работая, чтобы получать продовольственные карточки. Об этих тяготах жизни в опустевшей Москве поведал в письме коллеге С.И. Архангельскому в Горький историк Н.И. Радциг: «Работа в вузах дала мне рабочую карточку и пропуск в столовую МГУ. Без этого приходилось погибать, т.к. на рынке, кроме молока и редьки, ничего не достанешь, да и то по дорогой цене. Особенно тяжело было в марте, т.к. раб[очую] карточку и пропуск в столовую получил лишь с 1 апр[еля]. Зимой вообще пришлось помучиться. Температура спускалась до $+1\frac{1}{2}^{\circ}$. Руки кочене-ли, мозги плохо соображали»¹. Ещё откровеннее Н.И. Радциг написал коллеге А.Н. Вершинскому в феврале 1942 г.: «Сейчас в Москве жить очень трудно. Тяжелее всего – холод. Сегодня у меня в комнате $+2\frac{1}{2}^{\circ}$. На улице ветер и стужа. Топлива нет, дожигаем последние дрова. Центральное отопление прекратилось с 28 января. Никаких надежд на получение дров или угля. К счастью, последние пять дней исправно работает электричество. С продовольствием очень туго. Боюсь расхвораться. Поддерживаешь себя только надеждой на будущее. На грех, такая стужа, чувствую, что отморозил себе руки и ноги»².

¹ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 6299. Оп. 1. Д. 266. Л. 15; Воробьёва И.Г. Профессор Н.И. Радциг в письмах к С.И. Архангельскому // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2012. Вып. 40. С. 310.

² Воробьёва И.Г. Указ. соч. С. 310.

Такие трудности вынуждали пожилых историков искать себе источники дополнительного заработка. Способствовала этому эвакуация многих образовательных и академических учреждений. Так, в 1942 г. С.В. Фрязинов устраивается доцентом на преподавательскую работу Московский педагогический институт иностранных языков, где вёл курс по истории средневековой Испании. Кроме того, С.В. Фрязинов в 1943/1944 учебному году читал лекции по Новой истории в эвакуированном в Подмоскowie Белорусском государственном университете.

После советского контрнаступления под Москвой зимой 1941 / 1942 г. для учёных, остававшихся в Москве, наступили тревожные ожидания. Н.И. Радциг писал С.И. Архангельскому в том же письме от 28 мая 1942 г.: *«Впрочем, многие из “эвакурейцев” уже вернулись – Ефимов, Зубок, Панкратова; другие сидят на подъездах к Москве, их вполне резонно не пускает к нам милиция. Думаю, что, в конце концов, многие прорвутся и тогда повыгоняют с мест всех тех, кто получил работу в вузах, где они и были перед бегством. Особенной изобретательностью по части проникновения в Москву отличаются “испанцы”»*¹. Кого имел в виду Радциг, говоря об «испанцах», неясно. Возможно, это были «новисты», специализировавшиеся на поздней истории Испании. Ведь средневековист-испановед был ощутимый дефицит. А вообще, после 1942 г. к концу войны в Москве всё острее и острее ощущался переизбыток преподавателей-историков высшей школы. И надо было думать о том, как не потерять работу, приобретенную из-за того, что многие покинули Москву. Под влиянием этого фактора и благодаря возможности вести курс по истории средневековой Испании в институте иностранных языков Фрязинов в победном 1945 г. приступил к изучению испанского языка (вдобавок к уже освоенным французскому, немецкому, английскому и итальянскому языкам).

Через четыре года историк признавался, что уже может читать научную книгу по истории Испании на испанском языке. Однако можно утверждать, что Фрязинов достиг куда больших успехов. В 1949 г. он уже приготовил «Очерки по истории средневековой Испании» объёмом 20 печатных листов. Вопреки признанию автора, этот труд был не только расширенным курсом лекций. В них уже были материалы, связанные с самостоятельным постижением Фрязиновым истории Испании, её историографии и источниковедения.

Всё резко изменилось, и надежды на преподавание в институте иностранных языков рухнули. В 1949 г. С.В. Фрязинов его покинул. В нём, по словам историка, упор стал делаться на преподавание

¹ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 266. Л. 15.

Новейшей истории, а для С.В. Фрязинова и XIX в. был менее привлекателен, «чем более ранние времена»¹. В этом объяснении была лишь доля истины. На специальный неформальный запрос С.И. Архангельского его бывший однокурсник А.Г. Лушников узнал, что Фрязинов «оставил ин[ститут], не находя целесообразным брать на себя специальную работу по усовершенствованию своей идейно-теоретической подготовки», несмотря на то, что «эрудиция и память у него чрезвычайные; студенты его очень любили за интересное изложение материала»². Надо обратить внимание на то, что «специальная работа по усовершенствованию» собственной идейно-теоретической подготовки должна была состояться в 1949 г., когда С.В. Фрязинов уволился из института иностранных языков. Это было время борьбы с космополитизмом, которая перепахала судьбы многих и многих историков и повлияла на развитие отечественной исторической науки³. Тот же Н.И. Радциг в августе 1949 г. писал: «Потом очень тревожит судьба Литературного Института, единственного учреждения, где я работаю и до сих пор, все было хорошо. Но с марта началась борьба с призраком космополитизма, и под нашим институтом собрались мрачные тучи. Предвидят большую чистку среди руководящего состава, и это грозит и мне всякими неприятностями»⁴. Да и сам С.И. Архангельский в полной мере испытал на себе нападку в ходе борьбы с «космополитизмом» в горьковских пединституте и госуниверситете⁵. Очевидно, что С.В. Фрязинов не захотел подстраиваться под унижительные требования изыскивать в своих и чужих трудах грехи космополитизма и распрощался с вузом, сулившим ему профессиональную востребованность.

Вышеизложенная информация о крене в сторону испанской истории, случившимся у Фрязинова в военные годы, известна из его письма С.И. Архангельскому от 17 августа 1949 г. Сергей Иванович Архангельский (1882–1958) – крупный советский историк, специалист по нижегородской истории XVII–XIX вв. и Английской буржуазной революции, с 1936 г. по 1946 г. – декан Исторического факультета Горьковского государственного педагогического инсти-

¹ ЦАНО. 6299. Оп. 1. Д. 313. Л. 7–7 об.

² Там же. Д. 214. Л. 246–246 об.

³ Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). М.; СПб., 2016. С. 199–270.

⁴ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 266. Л. 31 об.

⁵ Кузнецов А.А. «Ошибки космополитического характера налицо» // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 2. Нижний Новгород, 2011. С 70–90.

тута им. Максима Горького, основатель и первый декан (1946–1949 гг.) Историко-филологического факультета Горьковского государственного университета (ГГУ), член-корреспондент АН СССР (с 1946 г.). Именно к нему и обратился в 1949 г. с просьбой о трудоустройстве на истфиле ГГУ С.В. Фрязинов.

Знакомство – пока что заочное – двух Сергеев состоялось в войну. В конце января 1943 г. Фрязинов получил посылку из Горького от Архангельского. В посылке была книга Анри Пиренна «Средневековые города и возрождение торговли», публикацию которой на русском языке готовил Архангельский с середины 1920-х гг. Из ответного благодарственного письма следует, что Фрязинов сам обратился к Архангельскому с просьбой прислать эту книгу, вышедшую в Горьком в первые дни войны. Откуда Фрязинов узнал о выходе той книги и адрес С.И. Архангельского? Вероятно, от Н.И. Радцига, который состоял в переписке с горьковским историком со второй половины 1920-х гг., а в знакомстве – с 1918 г., когда московский историк преподавал на историко-филологическом факультете (закрыт в 1921 г.) Нижегородского университета¹. Н.И. Радциг, как и С.В. Фрязинов, оставался в Москве всю войну, читал курсы по Новой и Новейшей истории в московских вузах. В начале июля 1941 г. Радциг получил от Архангельского книгу Пиренна (присоединяюсь к мнению И.Г. Воробьёвой о датировке письма Н.И. Радцига 1941 годом)². Думается, что Н.И. Радциг и рассказал С.В. Фрязинову о книге Пиренна и её «авторе», а также дал его адрес в Горьком.

В военные годы, кроме испанских сюжетов, С.В. Фрязинов написал историографическую работу о Жанне д'Арк и завершил большой труд об Ипполите Тэне. Она была своеобразным итогом ученичества у А.Н. Савина. Тот в своём дневнике за 1911 г. написал: *«Во вторник, 13 декабря, заседание факультета. Присуждение медалей. Мне было подано одно сочинение, хорошее, его автор – умный консерватор, питающий сочувствие к Тэну. Ко мне он во время работы вовсе не обращался, и оказалось, что это студент 5 семестра Фрязинов, которого я знаю; он получил золотую медаль»*³. Этот труд о Тэне С.В. Фрязинов потом, в 1950-е годы, пытался защитить в качестве докторской диссертации, но ей не дали хода по идеологическим соображениям. Оба текста до сих пор не опубликованы. И так уж получилось, что в дальнейшем С.В. Фрязинов смог обнаружить только результаты своих испано-

¹ Воробьёва И.Г. Указ. соч. С. 298–304.

² ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 266. Л. 38; Воробьёва И.Г. Указ. соч. С. 309. Прим. 27.

³ Савин А.Н. Университетские дела. Дневник 1908–1917. М.; СПб., 2015. С. 208.

ведческих штудий. Это видно и из списка его работ, который он отправил в 1960 г. ещё одному горьковскому коллеге Виктору Трофимовичу Илларионову¹. Из десяти указанных Фрязиновым текстов пять последних посвящены средневековой Испании. Уже после 1960 г. появятся работы С.В. Фрязинова по истории Испании в «Средних веках».

Эти работы оказались замеченными в историографии и повлияли на развитие отечественного испановедения, у истоков которого стоял В.К. Пискорский. Примечательно и то, что затронутая С.В. Фрязиновым проблематика близка – и по времени, и по интересу к социально-экономическим вопросам – к тематике В.К. Пискорского и в определённой мере продолжает его исследования. И это обстоятельство является важным, поскольку сам выбор темы истории средневековой Испании оказался для С.В. Фрязинова в некоторой степени случайным. Состоявшийся учёный сознательно в зрелом возрасте определяется ещё с одним, принципиально для себя новым направлением. Для этого понадобилось три условия: желание закрепиться в качестве преподавателя истории Испании, неразрывное единство, традиционное для дореволюционной традиции, научного поиска и тематики преподавания, а также личные качества самого С.В. Фрязинова. Он, не имея школы испановедения, наставников, сам делает себя специалистом. И в этом его отличие от В.К. Пискорского. А роднит их то, что, кроме Испании, у них были другие локусы исследований. У Пискорского – Италия, а у С.В. Фрязинова – Франция. И вот эту комфортную среду С.В. Фрязинов покинул и начал осваивать совершенно иное пространство. Эти вынужденные, непростые шаги оказались судьбоносными для обретения отечественной историографии ещё одного испаниста.

Содержание писем С.В. Фрязинова показывает, что не все его исследования были напечатаны. Особенно интересен вопрос о его очерках по истории средневековой Испании. Судьба и местонахождение их неизвестны.

Библиография

Центральный архив Нижегородской области. Ф. 6161. Оп. 1. Д. 390; Ф. 6299. Оп. 1. Д. 214, 266, 313.

Воробьева И.Г. Профессор Н.И. Радциг в письмах к С.И. Архангельскому // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2012. Вып. 40. С. 298–316.

¹ ЦАНО. Ф. 6161. Оп. 1. Д. 390. Л. 7–6 об.

- Воробьева И.Г., Кузнецов А.А. Историк Запада в российском провинциальном музее: Сергей Васильевич Фрязинов (1891–1971) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2011. Вып. 36. С. 377–402.
- Кузнецов А.А. «Ошибки космополитического характера налицо» // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 2. Нижний Новгород, 2011. С. 70–90.
- Пиренн А. Средневековые города и возрождение торговли. Перев. с английского и предисловие С.И. Архангельского. Горький: Горьковский педагогич. ин-т, 1941. 124 с.
- Савин А.Н. Университетские дела. Дневник 1908–1917. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 524 с.
- Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х–1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.

Кузнецов Андрей Александрович, доктор исторических наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; nalbuzz@mail.ru

AS IT IS POSSIBLE TO BECOME SPANIST IN 54 YEARS (S.V. Fryazinov)

In article choice factors by S. V. Fryazinov studying of medieval Spain are considered. S.V. Fryazinov – the expert in history of revolutionary France. However at mature age he starts studying the past of Spain. S. V. Fryazinov reported about the reasons of such metamorphosis in letters to S. I. Arkhangelsky.

Key words: S.V. Fryazinov, S.I. Arkhangelsky, N.I Radtsig, A.N. Savin, studying of history of Spain, medieval Spain, Great Patriotic War.

Kuznetsov Andrey Aleksandrovich, Doctor of History, Associate professor of the Institute of Economics and entrepreneurship of the Lobatchevsky State University of Nizhni Novgorod; nalbuzz@mail.ru

Приложение

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ С.В. ФРЯЗИНОВА

Письмо С.В. Фрязинова С.И. Архангельскому 11 февраля 1943 г.

Многоуважаемый Сергей Иванович!

Два дня назад получил книгу Пиренна, за присылку которой должен очень Вас поблагодарить – тем более, что встретил с Вашей стороны любезный отклик по отношению к человеку, не имевшему до сего времени личного с Вами соприкосновения. Книгу прочел, она очень интересна и содержательна и заслуживала бы, думается, издания в значительно большем тираже. Простите, что в свое время позволил себе беспокоить Вас просьбой о высылке издания.

С искренним пожеланием Вам всего наилучшего
Остаюсь уважающий Вас С. Фрязинов.

11/II 1943.

*[Центральный архив Нижегородской области.
Ф. 6299. Оп. 1. Д. 313. Л. 1]*

***Из письма С.В. Фрязинова С.И. Архангельскому
22 февраля 1943 г.***

Многоуважаемый Сергей Иванович!

Вслед за книжкой Пиренна с значительным запозданием получил и письмо Ваше, почему-то путешествовавшее от Горького до Москвы в течение очень долгого времени – свыше двух недель, судя по поставленной Вами на письме дате – с удовольствием исполняю Ваше желание и посылаю то, что кажется мне в целом представляющим больший интерес – том ученых записок Московского областного педагогического института, в котором я работал вплоть до его эвакуации с началом войны в провинцию. Посылаю сборник в целом, а не отгиск только своей статьи, так как другие работы имеют определенную ценность. Что касается собственно моей работы о временах Нерона, то она – в известной мере случайного происхождения и связана и с тем, что в калининском педагогич[еском] институте мне иногда приходилось, помимо курса истории средних веков, являвшегося для меня основным, читать, за отсутствием другого лектора и часть курса древней истории (за исключением истории доклассового общества). Приходилось работать также по первому периоду новой истории, и с этим связаны некоторые мои писания, в частности – новейшее, посвященное борьбе течений среди якобинцев в период Великой буржуазной революции конца XVIII в. во Франции (в изд[ательстве] Академии наук – «Французская буржуазная революция 1789–1794», М.–Л., 1941, фактически – 1942). Отгиска с этого раздела, к сожалению, не имею, так как отгиски не изготовлялись...

*[Центральный архив Нижегородской области.
Ф. 6299. Оп. 1. Д. 313. Л. 5 об.–5]*

***Из письма С.В. Фрязинова С.И. Архангельскому
17 августа 1943 г.***

Я родился в Костроме в семье преподавателя осенью 1891 г., окончил гимназию в 1909 г. и Московский университет в 1913 г. и был представлен проф[ессором] А.Н. Савиным (студентом получил у него золотую медаль за конкурсное сочинение) к оставлению при университете. Оставленным при университете состоял в 1914–1917 г.г.; преподавал и в средней школе (до 1920 г.). В самом конце 1919 г. избран был председателем бывш[его] Костромского гос[ударственного] университета, затем – пед[агогического] института (читал лекции по средневековой и новой истории). С «упразднением» истории М.Н. Покровским и ликвидацией института в Костроме осенью 1923 г. переехал на жительство в Москву. В 1923–31 г.г. преподавал в разл[ичных] московских учебных заведениях, некоторое время вел методическую работу с учительством и жил наполовину литературной ра-

ботой (в сов[етских] энциклопедиях, педагогических журналах и др.). В 1931 г. зачислен был рецензентом исторической литературы в существовавшем при Госуд[арственном] издательстве критико-библиографическом институте; с февраля 1933 г. по осень 1938 г. – доцент Калининского пед[агогического] института (читал гл[авным] обр[азом] средневековую историю, но иногда – и древнюю, кроме истории первобытной культуры, и первый период новой истории; в Калинин ездил из Москвы). Осенью 1938 г. перешел в Московский областной пед[агогический] инст[итут] доцентом истории средних веков, работал одновременно по тому же предмету в заочном секторе Моск[овского] пед[агогического] инст[итута] им. Ленина (с заочниками обл[астного] пед[агогического] инст[итута] и инст[итута] им. Ленина, сильно поредевшими, работал еще некоторое время на почасовой оплате в период войны). С начала 1942 г. по сей день – доцент Моск[овского] пед[агогического] инст[итута] иностранных языков, в 1943/4 акаде[мическом] году читал историю раннего Средневековья и первого периода новой истории в эвакуированном тогда на год под Москву Белорусском гос[ударственном] университете. Утвержден в доцентуре 27/III 1934 г., кандидат истор[ических] наук с 19/VI 1938 г. Напечатаны мною работы – «Архив усадьбы Волженских в Галичском уезде» (труды Костр[омского] о[бщест]ва краеведения, вступительная статья на 6 печ[атных] л[истах] и документы архива, Кострома. 1921); «Великая французская революция» (научно-популярный очерк, 14 1/3 печ[атных] л[истов]); известная Вам работа о Нероне (4½ печ[атных] л[иста]); большая часть главы о борьбе внутри якобинского блока в изд[ании] Акад[емии] наук «Буржуазная революция во Франции 1789–94 г.г.» (под ред[акцией] акад[емика] Волгина и Тарле) – около 3 печ[атных] л[истов] и ряд статей исторического и методического характера в разл[ичных] журналах, сборниках и сов[етских] энциклопедиях.

Во время войны, помимо записи лекций по истории раннего средневековья, читанных в 1940/41 акаде[мическом г[оду] в Моск[овском] обл[астном] пед[агогическом] инст[итуте], подготовил небольшую (2½ печ[атных] л[иста]) работу о Ж[анне] д'Арк и руководимом ею народном движении, служившую предметом доклада на кафедре истории инст[итута] ин[остранных] яз[ыков]; после войны (в 1946 г.) закончил давно начатую работу (21 печ[атный] л[ист]) – «Ипполит Тэн и Парижская коммуна». Эта работа по историографии франц[узской] буржуазной революции конца XVIII в. дана мною теперь на просмотр некоторым специалистам для определения, в какой мере она может по теме и выполнению служить основой докторской диссертации. В последнее время веду работу над «Очерками по истории средневековой Испании»; пока это листах на 20 печатных – лишь значительно расширенное изложение лекционного курса, читанного мною в инст[итуте] иностр[анных] яз[ыков], находящееся в сугубо черновом виде; помышляю о привлечении источников (в Москве кое-что из них имеется) и дополнительной литературы, и тогда это может быть, примет в большей степени «научнообразный» вид. Общая тематика моих работ, как видите, пестра, – но так уж складывалась жизнь, особенно в связи с работой в провинциальных институтах, где в порядке

«педагогической нагрузки» превращают преподавателя, за недостатком людей в своеобразного «универсала». Еще не так давно, года 4 назад, пришлось, в связи с перспективой преподавания истории Испании в инст[итуте] иностр[анных] яз[ыков], приняться за изучение испанского яз[ыка]; овладевая им настолько, чтобы быть в состоянии читать историческую книгу на этом языке. Во всяком случае скажу прямо – тяготею к средневековью и франц[узской] революции конца XVIII в., совсем не компетентен в истории первобытной культуры, лишь по необходимости (за отсутствием работника) читал года 3 в Калининe историю древнего Востока, а за последние лет 10 вообще отошел от древности; также не могу считать себя научно компетентным и в истории нового времени после Парижской Коммуны...

[Центральный архив Нижегородской области. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 313. Л. 7 об.–9 об.]

***Из письма С.В. Фрязинова В.Т. Илларионову
18 января 1960 г.***

Список работ доцента С.В. Фрязинова

а) Работы научного характера (в хронологическом порядке)

1. Архив усадьбы Волженских в Галичском уезде (вступительная статья – стр. 1–102); дополнения и поправки к ней стр. 186–188). Вся работа занимает стр. 1–209 (по оттиску) за вступительной статьей следует текст документов архива и указаний к нему. Напечатано в выпуске XIII трудов Костромского научного общества по изучению местного края (по сборнику – стр. 114–322). Кострома, 1921.

2. Великая французская революция (научно-популярный очерк), стр. 311. М., 1927. Книга была после выхода в свет допущена Гос[ударственным] ученым советом Н[ародным] К[омиссариатом] Просвещения для библиотек школ взрослых и послужила одним из оснований для присвоения автору степени кандидата исторических наук (без защиты диссертации) Моск[овским] инст[итутом] истории, филологии и литературы им. Н.Г. Чернышевского.

3. Принцепс, аристократия и сенат в древнем Риме времени Нерона. Ученые записки исторического факультета Московского областного педагогического института, т. II, стр. 187–245 (М., 1940).

4. Разделы – «Якобинский блок (осенью 1793 г.); Борьба вокруг «дехристианизации»; Обострение борьбы между эбертистами и робеспьеристами по вопросам максимума, системы террора, внешней политики; Распад якобинского блока. Падение эбертистов и дантонистов» в изд[ании] Института истории А.Н. С.С.С.Р – «Французская революция 1789–1794» под ред[акцией] акад[емика] В.П. Волгина и Е.В. Тарле (М.; Л., 1941, стр. 402–437).

5. Ипполит Тэн и Парижская коммуна (работа не напечатана, у автора имеется лишь 3 машинописных экземпляра объемом в 21 печ[атный] лист – 465 машинописных страниц) М., 1946.

6. Из истории крестьянских движений в Кастилии времени становления абсолютизма. Ученые записки Горьковского государственного университета, вып. 26 (Горький, 1954), стр. 75–91.

7. Некоторые данные о крестьянских движениях в Кастилии XV века (германдиносы и крестьянские германдады; движение в армии при Саморе и Торо. Ученые записки Горьковского государственного университета, вып. 43 (Горький, 1957), стр. 109–122.

8. Из истории развития феодального землевладения в Астурии и Леоне IX–X в.в. Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1958, № 2, стр. 122–142.

9. Проблема реконкисты, как колониационного движения, в освещении испанских ученых. Ученые записки Горьковского государственного университета, вып. 1946 (Горький 1959) стр. 3–30.

10. Из истории феодального землевладения клянийских монастырей в средневековой Кастилии. Там же, стр. 83–122.

b) Работы популярного и методического характера, рецензии.

11. Впечатления от первого опыта (перепись торговых и промышленных предприятий гор[ода] Москвы по заданию Госплана в 35 школе Сокольнического района гор[ода] Москвы) «Вестник Просвещения», 1924, № 4–6.

12. Разработки некоторых тем по всеобщей истории в изд[ании(ательстве)] МОНО. Программные материалы для специальных курсов. Приложение к вып. 1. План развертывания тем по обществознанию (М., 1926).

13. Разработка некоторых тем по всеобщей истории и часть отдела библиографии в изд[ании(ательстве)] МОНО – «В помощь обществовед» вып. 4 (М., 1930).

14. К проработке материала по всеобщей истории в 8 гр[ажданской-?] школе II ступени. «Обществоведение в трудовой школе», 1930, № 1–2.

15. К проработке тем по истории эпохи феодализма и промышленного капитализма на Западе. «Обществоведение в советской школе» 1931, № 3–4.

16. Что читать по истории классовой борьбы преподавателю Ф.З.С. Там же, 1931, № 5.

17. Промышленный переворот в Англии. Статья в журнале-учебнике «Юный большевик», 1931, № 2.

18. Чартистское движение в Англии. Там же, 1932, № 3–4.

19. К проработке тем по истории Запада в средней школе. «Обществоведение, история и география в политехнической школе», 1934, № 4.

20. Из области методики исторической экскурсии (статья написана совместно с Л.П. Павловым). «История в средней школе», 1934, № 4.

21. О преподавании истории в педвузах. «Борьба классов», 1935, № 6.

22. Борьба течений в лагере якобинцев. «Исторический журнал», 1939 № 7 (статья представляет собой популяризацию работы под № 4; несколько десятков строк в конце ее представляет собой публицистическое дополнение, внесенное редакцией журнала без ведома автора).

23. Ряд рецензий на работы по всеобщей истории в журналах – «Вестник просвещения», «Обществоведение в советской школе», «Книга –

строителям социализма», «Книга и пролетарская революция», «Исторический журнал».

24. Ряд статей (некоторые из более крупных – с подписью) в Большой сов[етской] энциклопедии (1 и 2 изд[ания]), Малой сов[етской] энциклопедии (1, 2 и 3 изд[ания]), «Общественно-исторической энциклопедии» под редакцией профессора И.Н. Бороздина и профессора Б.И. Горева, т. I и других подобных изданиях.

25. Проблема по истории Франции для педагогических институтов иностранных языков (Киев), 1947.

26. Проблема по истории Италии для педагогических институтов иностранных языков (Киев), 1947.

27. Раздел по второму периоду новой истории в «Программе по всеобщей истории для неисторических факультетов», составленный по заданию Министерства просвещения кафедрой всеобщей истории Горьковского гос[ударственного] университета. М., 1959.

[ЦАНО. Ф. 6161. Оп. 1. Д. 390. Л. 7–6 об.]

Публикация А.А. Кузнецова

Черниенко Д.А.

ЛИЧНОСТЬ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В.К. ПИСКОРСКОГО В ИСТОРИОГРАФИИ УКРАИНЫ

В статье представлен краткий обзор научных публикаций о В.К. Пискорском, подготовленных в Украине, показаны основные вехи развития историографической традиции, события и памятные даты, определявшие исследовательский интерес, полученные результаты и выводы.

Ключевые слова: В.К. Пискорский, историография, научное наследие, научный труд, профессиональная деятельность, публикации, Украина.

Личность и научная деятельность Владимира Константиновича Пискорского, несомненно, являются общим культурным наследием России, Украины и ряда стран Западной Европы (Испания, Португалия, Италия). К изучению обстоятельств его жизни и творчества неоднократно обращались представители разных национальных школ и направлений, в том числе, в рамках совместных мемориальных проектов. Тем более, что в советский период разделять историографический опыт на «российский» и «украинский» в современном понимании этих определений весьма затруднительно. Вместе с тем в России, где представлена своя традиция отечественной испанистики и, как следствие, значительное внимание к роли В.К. Пискорского, исследовательские результаты украинских коллег новейшего периода, нередко выходящие за тематические рамки медиевистики, известны не так широко, что и явилось побудительной причиной для подготовки настоящей статьи. В украинской исторической науке интерес к фигуре В.К. Пискорского развивался поступательно и в настоящее время остается достаточно высоким, о чем свидетельствует ряд работ историографического характера¹.

Впервые прижизненный биографический материал был включен в издание 1900 г. к 25-летию создания Историко-филоло-

¹ Література про В.К. Піскорського // *Піскорський В.К.* Вибрані твори та епістолярна спадщина. Київ, 1997. С. 345–349; *В'яла О.М.* 1) Науково-педагогічна діяльність професора В.К. Піскорського: історіографія проблеми // *Сіверянський літопис*. 2008. № 5. С. 67–72; 2) Науково-педагогічна діяльність професора В.К. Піскорського: історіографія проблеми // *Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Історія*. 2008. Вип. 94–95. С. 13–16; *Пичугина Й.С., Новикова Е.А.* К вопросу об изучении наследия В.К. Пискорского // *Піскорський В.К.* Флорентійський збірник. Київ; Москва; Чернівці, 2013. С. 9–18.

гического института князя Безбородко в Нежине, по случаю которого подготовлен словарь личного состава института за весь период его истории¹. В краткой статье перечисляются основные события профессиональной карьеры В.К. Пискорского, а также список некоторых печатных трудов². Поскольку статья посвящалась действующему на тот момент профессору Института, то носила сугубо фактологический характер и не содержала никаких оценок³.

Спустя 10 лет имя В.К. Пискорского появляется на страницах киевской и харьковской публицистики⁴ уже в связи с печальным поводом – его трагической смертью в 1910 г. Большинство некрологов были без подписей⁵, но ряд текстов подготовили известные люди – филолог и этнограф И.П. Житецкий⁶, историк и журналист Г.Е. Афанасьев⁷, профессор Харьковского университета В.П. Бузескул⁸. В некрологах впервые отмечается вклад В.К. Пискорского в науку и образование, вспоминаются его личностные качества.

В советский период наиболее ранняя попытка историографического анализа научного наследия В.К. Пискорского принадлежит профессору Харьковского университета, антиковеду В.П. Бузескулу. В его обобщающем труде о развитии всеобщей истории В.К. Пискорскому посвящено несколько страниц, где дается краткая биографическая справка и характеристика основных трудов⁹. Автор также задается вопросом: «...что могло побудить русских ученых интересоваться далекой и чуждой нам Испанией. На Пискорского могло воздействовать и влияние его учителя Лучицкого, одно время очень интересовавшегося Испанией. Не сказала ли здесь,

¹ К прижизненным публикациям также иногда относят рецензии на первые труды В.К. Пискорского – магистерскую и докторскую диссертации, подготовленные его учителями – профессорами И.В. Лучицким и Ф.Я. Фортинским в 1897, 1898, 1901 гг.

² Пискорский // Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 1875–1900. Нежин, 1900. С. 50–51.

³ Позднее этот материал будет повторен в следующем выпуске словаря: Пискорский // Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 1901–1912. Нежин, 1913. С. 45.

⁴ В 1910 г. некрологи были опубликованы также в газетах и журналах Казани, Санкт-Петербурга, Москвы.

⁵ Смерть профессора В.К. Пискорского // Киевские вести. 1910. 5 августа; Похороны В.К. Пискорского // Киевская вечерняя газета. 1910. 14 августа; Похороны В.К. Пискорского // Киевские вести. 2010. 14, 15 августа; Похороны проф. В.К. Пискорского // Киевская мысль. 2010. 15 августа.

⁶ Житецкий И.П. Памяти В.К. Пискорского // Киевские вести. 1910. 8 августа.

⁷ Афанасьев Г. Пискорский Владимир Константинович // Киевская мысль. 1910. 8 августа.

⁸ Бузескул В.П. Пискорский // Южный край. 1910. 11 августа.

⁹ Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX – начале XX века. Ч. 2. Л., 1931. С. 78–82.

однако, и та черта, которую приписывает русским, в несколько преувеличенных выражениях, Достоевский, – “способность всемирной отзывчивости”, “стремление ко всемирности”, “удел всемирности, братского стремления к воссоединению людей...”¹.

Затем в публикациях последовал длительный перерыв. В 1959 г. была издана «История Киевского университета», где В.К. Пискорский оценен как «историк позитивно-либерального направления», чьи исследования социально-экономических отношений в Западной Европе имели большое значение, его труды повлияли на развитие прогрессивной буржуазной исторической науки не только в России, но и в Испании. В качестве несомненных заслуг ученого отмечены первенство в области истории крепостного права и положения крестьянства, истории кортесов, «старательное изучение многочисленных документов и умелый их анализ»².

Более глубокий интерес к фигуре В.К. Пискорского возродился уже в связи со 100-летием со дня его рождения в 1967 г. К этой дате появились публикации как в газетной периодике³, так и в научных изданиях. В это время творческое наследие ученого рассматривалось в контексте развития истории медиэвистики в Украине⁴. Поэтому совершенно закономерно, что соответствующие статьи были включены в ряд энциклопедических изданий, в том числе в «Советской энциклопедии истории Украины», где В.К. Пискорский представлен как «русский и украинский историк буржуазно-либерального направления»⁵; а также в «Украинской советской энциклопедии»⁶.

Во второй половине 1980-х гг., кроме Киева⁷, на Украине формируется еще один центр изучения наследия В.К. Пискорского – Чернигов. Прежде всего, благодаря публикациям известного медиэвиста, профессора Черниговского государственного педагогического института В.А. Дятлова, обратившегося в ряде статей к реги-

¹ Там же. С. 79.

² Історія Київського університету. 1834–1959. До 125-річчя з дня існування / Відп. ред. О.З. Жмудський. Київ, 1959. Ч. 1. С. 202.

³ Панкин А. Крутизна истины // Рабочая газета. 1967. 12 августа; Михайлюк Д. Перший український іспаніст // Вечірній Київ. 1967. 19 серпня; Янтарьова О. Видатний вчений-історик // Вечірній Київ. 1968. 13 грудня.

⁴ Новиков О.М. Видатний учений-іспаніст В.К. Пискорський (До 100-річчя з дня народження) // Український історичний журнал. 1967. № 8. С. 124-125; Москаленко А.Е. Сторінка з історії медиэвистики на Україні // Український історичний журнал. 1971. № 4. С. 96–99.

⁵ Пискорський // Радянська Енциклопедія історії України / редкол.: А.Д. Скаба (відп. ред.) [та ін.]. Київ: Голов. ред. УРЕ, 1971. Т. 3. С. 393.

⁶ Пискорський // Українська радянська енциклопедія / голов. редкол.: М.П. Бажан (голов. ред.) [та ін.]. Вид. 2-ге. Київ: Голов. ред. УРЕ, 1982. Т. 8. С. 383.

⁷ Кучерук О. Медиэвист Володимир Пискорський // Всесвіт. 1988. № 2. С. 134.

ональному матеріалу, в том числі к історії Нежинського історико-філологічного інституту¹. С цього часу ім'я В.К. Пискорського нерідко згадується в контексті локальної історії Чернігівщини, наприклад, його участь в діяльності місцевого історичного товариства, внесок в вивчення історії міста XVIII–XIX вв., зв'язи з оточенням Н.В. Гоголя, роль в підготовці до XII Археологічного з'їзду в Харківі в 1902 г. і др.² Так, наприклад, В.А. Дятлов підкреслює, що нежинський період в житті В.К. Пискорського є найбільш плідним, крім написання наукових праць, вченому цікавили проблеми удосконалення вищої школи, підвищення її ролі в суспільстві, і ця сторона науково-педагогічної діяльності до цих пір залишалася недостатньо вивченою. В умовах революційних настроїв початку ХХ ст. він запропонував програму реформи вищої школи і намагався впровадити на практиці окремі її положення. Вчений відстоював принципи демократизації, виступав за відкриття нових факультетів, зміну системи навчання, збільшення кількості викладачів і кафедр і т.д. В.А. Дятлов робить висновок про те, що діяльність В.К. Пискорського і відстоювані ним ідеї свідчать про давнє традиційне прагнення передової вузовської інтелігенції до демократичної системи освіти, заснованої на принципах академічної свободи і широкій автономії навчальних закладів³. Таким чином, завдяки публікаціям нежинських істориків акценти в аналізі творчого спадку В.К. Пискорського вперше були перенесені за межі класичної медієвістики, було показано його велике значення як організатора університетської науки.

В післявоєнний період, з початку 1990-х рр. звернення до особистості В.К. Пискорського продовжилось зокрема завдяки активній дослідницькій роботі філолога, наукового співробітника НАН України Є.А. Новикової. До 125-ліття вченого в 1992 г. була опублікована її стаття загальної характеру з акцентом

¹ В даний час – Національний університет «Чернігівський колегіум» імені Т.Г. Шевченка.

² Дятлов В.А. Участь В.К. Пискорського у краєзнавчому русі на Чернігівщині // III республ. наук. конф. з історії краєзнавства. Київ, 1984. С. 237–238; Голубкін Ю.О., Дятлов В.А. З історії медієвістики у Ніжинському історико-філологічному інституті // II Чернігівська обл. наук. конф. з історії краєзнавства. Вип. 2. Чернігів; Ніжин, 1988. С. 92–94.

³ Дятлов В.А. Науково-педагогічна діяльність В.К. Пискорського в Нежинському історико-філологічному інституті // Література та культура Полісся. Вип. 1. Ніжин, 1990. С. 57–59.

на биографические сведения¹. В статье были даны оценки В.К. Пискорского как «выдающегося ученого», с «большим диапазоном исследований», «явление в истории отечественной науки», сделан вывод, что его труды остаются ценными и актуальными и для современной науки. Особенно подчеркивается, что, кроме медиевистики, он интересовался философией истории, был блестящим педагогом, его жизнь и деятельность тесно связаны с Киевом: «Он прославлял свою альма-матер – Киевский университет, став послом отечественной науки за рубежом. Оторванный от земли предков, он всю жизнь сердцем и мыслями был вместе с ними, постоянно мечтал вернуться в Киев. К сожалению, этому не суждено было сбыться. Но тут он нашел свое последнее пристанище»². Несколько позднее появилась развернутая статья Е.А. Новиковой в литературном журнале «Всесвіт» с дополнительными биографическими сведениями³, посвященная обстоятельствам работы ученого за границей, кругу его знакомств и общения. В качестве важного аргумента, показывающего научный авторитет В.К. Пискорского в Европе, приводится факт того, что именно он первым из иностранных исследователей был допущен в Королевский архив Испании.

Закономерным продолжением работы по введению в современный научный оборот научных материалов стало издание в 1997 г. «Избранных трудов и эпистолярного наследия» В.К. Пискорского, подготовленного коллективом Института археографии и источниковедения НАН Украины при участии коллег из Института всеобщей истории РАН⁴. Во вступительной части книги имя В.К. Пискорского относится к кругу соотечественников, которые сделали заметный вклад в историю и духовную культуру других народов, но их имена по тем или иным причинам остались забытыми, поэтому мало кто знает его как украинского ученого. При этом все разноплановое творческое наследие талантливого ученого, педагога-просветителя и общественного деятеля прогрессивных взглядов убедительно свидетельствует о его большой любви к Отечеству⁵. В данное издание включена также наиболее развернутая биографическая статья Е.А. Новиковой и подготовленные ею дополни-

¹ Новикова О.О. В.К. Пискорський // Український історичний журнал. 1992. № 6. С. 95–102.

² Там же. С. 102.

³ Новикова О.О. Посол вітчизняної науки // Всесвіт. 1995. № 5–6. С. 165–170.

⁴ Пискорський В.К. Вибрані твори та епістолярна спадщина / Упор. О.О. Новикова, І.С. Пічугіна. Київ, 1997.

⁵ Сахно П.С. Українець, який творив духовну спадщину Європи // Там же. С. 5-6.

тельные информационные материалы¹. В дальнейшем Е.А. Новикова продолжила работу по популяризации наследия В.К. Пискорского, что нашло отражение, например, в продолжении темы о его зарубежной деятельности², а также подготовке к публикациям материалов личного архива ученого и комментариев к ним, в том числе издания ранее малоизвестного выступления профессора перед нежинскими студентами в 1905 г.³

Во второй половине 2000-х гг. к изучению жизни и деятельности В.К. Пискорского активно подключилась исследователь из Нежина Е.Н. Вяла (Труш), преподаватель кафедры всеобщей истории Нежинского государственного университета. В ряде ее статей раскрывались различные аспекты научного наследия ученого – вклад в изучение социальной истории народов Европы, общественно-просветительская деятельность, формирование взглядов на историю и исторический процесс и др.⁴ В частности, автор отмечает, что именно бурные общественно-политические события на рубеже XIX–XX вв. побудили В.К. Пискорского к изучению таких проблем, как история парламентаризма, пробуждение самосознания европейских народов, роль народных масс, отношения власти и народа и т.п. По мнению исследовательницы, его научные взгляды носили эклектичный характер и соединяли увлечение позитивизмом и марксизмом, но без универсализации последнего, и эти взгляды изменялись с течением времени. В целом автор приходит к выводу, что имя В.К. Пискорского не так известно, как имена других ученых той эпохи, и, несмотря на имеющий историографический опыт, не хватает обобщающего комплексного исследования.

¹ Новикова О.О. В.К. Пискорський. Біографічний нарис // Там же. С. 17-43; Додатки (О.О. Новикова) // Там же. С. 336–349.

² Новикова О.О. Київський колега французьких істориків // Хроніка–2000. № 2–3. С. 178–208.

³ Новикова О.О. До біографії професора В.К. Пискорського: текст вступної лекції перед студентами у вересні 1905 р. // Архіви України. 2002. № 1–3. С. 271–273.

⁴ Вяла О.М. 1) Педагогічна діяльність вченого-історика Володимира Пискорського в Ніжинському історико-філологічному інституті кн. Безбородька // Сіверянський літопис. 2006. № 5. С. 96–100; 2) Внесок ученого-історика В.К. Пискорського у вивчення пам'яток старовини Малоросії // Література та культура Полісся. 2007. Вип. 37. С. 170–176; 3) Формування наукових інтересів В.К. Пискорського в Київському університеті Св. Володимира // Знаки питання в історії України: регіональний вимір української історії: Зб. мат-лів III Міжнар. наук. конф. Ніжин, 2007. С. 25–31; 4) Внесок вченого-історика В.К. Пискорського у вивчення соціального розвитку європейських народів // Проблеми історії та історіографії України: мат-ли наук.-практ. конф. Київ, 2007. С. 26–29; 5) Науково-педагогічна та громадська діяльність професора В.К. Пискорського: джерельна база дослідження // Література та культура Полісся. 2008. Вип. 41. С. 270–276; Труш О.М. Громадська діяльність Володимира Пискорського // Література та культура Полісся. 2008. Вип. 46. С. 231–245.

Исследовательская активность Е.Н. Труш нашла продолжение в подготовке и защите в 2009 г. в Киевском национальном университете имени Т.Г. Шевченко кандидатской диссертации¹. В диссертации проведен комплексный анализ разноплановой деятельности В.К. Пискорского, определена его роль в украинской и зарубежной науке, воссоздан жизненный и творческий путь, процесс становления и трансформация научных интересов, показано значение его трудов на современном этапе и др. В общей сложности Е.Н. Труш является автором более 15 статей о В.К. Пискорском, новейшие публикации посвящены, например, формированию исторических взглядов, источниковедческой и краеведческой работе ученого, его активной гражданской позиции в Нежине².

Следует отметить, что указанная диссертация – не единственное специальное исследование в Украине, где уделено внимание фигуре В.К. Пискорского. В 2000 г. была подготовлена работа также нежинского историка³, специалиста в области истории образования А.Г. Самойленко⁴ по теме «Методология истории и историография в научном наследии ученых Нежинской высшей школы»⁵, где также всесторонне показана деятельность В.К. Пискорского в период его пребывания и работы в Нежине. В настоящее время А.Г. Самойленко является ректором Нежинского государственного университета имени Николая Гоголя и продолжает активную исследовательскую работу. Например, одна из недавних публикаций

¹ Труш О.М. Науково-педагогічна та громадська діяльність В.К. Пискорського: автореф. дис. ...канд. іст. наук. Київ, 2009.

² Труш О.М. 1) Формування історичного світогляду Володимира Пискорського // Гілея. Науковий вісник. 2011. Вип. 46. С. 140-147; 2) Жовтневі погроми 1905 р. в Ніжині: позиція Володимира Пискорського // Література та культура Полісся. 2012. Вип. 69. С. 69-78; 3) Джерелознавчі та краєзнавчі дослідження Володимира Пискорського // Література та культура Полісся. 2013. Вип. 73. С. 49-57.

³ В Нежине к творчеству В.К. Пискорского обращались и другие исследователи: Моціяк П.П. Ніжинська сторінка життя і творчості В.К. Пискорського // Література та культура Полісся. 1998. Вип. 6. С. 108-114.

⁴ Самойленко О.Г. 1) Дослідження окремих питань західноєвропейської історіографії та історіософії в працях вчених-істориків Ніжинського історико-філологічного інституту кн. Безбородька (1875–1919) // Література та культура Полісся. 1998. Вип. 11. С. 67-101; 2) Дослідження проблем медієвістики вченими істориками Ніжинської вищої школи наприкінці XIX – поч. XX ст. // Вісник ЧДПУ імені Т.Г. Шевченка. 2002. Вип. 15. С. 85-87; 3) Розвиток історичної освіти й академічної науки зарубіжних країн в оцінках вчених Ніжинської вищої школи в середині XIX – на початку XX ст. // Література та культура Полісся. 2006. Вип. 33. С. 82-91 і др.

⁵ Самойленко О.Г. Методологія історії та історіографія у науковій спадщині вчених Ніжинської вищої школи (друга пол. XIX – поч. XX ст.): автореф. дис. ...канд. іст. наук. Київ, 2000. 20 с.

посвящена взаимоотношениям В.К. Пискорского и М.С. Грушевского, которые были однокурсниками в Киевском университете¹.

Также творчество В.К. Пискорского становилось одним их объектов внимания в рамках системных исследований теории и практики позитивизма в Украине², проводимых профессором Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды Е.Н. Богдашиной. Так, автор отмечает, что позитивистские идеи не всегда были явно формализованы в научных трудах В.К. Пискорского, а преподавались попутно как мировоззренческие аксиомы на фактическом историческом материале. Для ученого как последователя позитивизма своего времени были характерны признание исторического процесса как прогрессивного, эволюционного и закономерного, расширение исследовательской тематики, прежде всего за счет социально-экономической, применение новых методов, разработка нового категориального аппарата³.

В Чернигове внимание к творчеству В.К. Пискорского сохраняет профессор В.А. Дятлов, подготовивший к публикации материалы об идеях ученого относительно реформы высшей школы в целом и реорганизации работы Нежинского историко-филологического института⁴. В декабре 2015 г. на базе Института украинской археологии и источниковедения имени М.С. Грушевского НАН Украины (г. Киев) состоялась презентация книги В.К. Пискорского «Флорентийский сборник»⁵ с участием представителей Института истории НАН Украины, преподавателей и студентов киевского и черниговского университетов, Посла Итальянской Республики в Украине Франко Романо⁶. Над подготовкой сборника трудился между-

¹ *Самойленко О.Г.* Однокурсник Михайла Грушевського – Володимир Піскорський // Література та культура Полісся. 2016. Вип. 85. С. 47–69.

² *Богдашина О.М.* 1) Позитивізм в історіографічному процесі в Україні 1860-х – 1920-х рр.: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора іст. наук. Київ, 2009; 2) Позитивізм в історичній науці в Україні (60-ті рр. XIX – 20-ті рр. XX ст.). 2-е вид. Харків, 2013.

³ *Богдашина О.М.* Позитивізм у творчості В.К. Піскорського // Гілея. Науковий вісник. 2011. Вип. 46. С. 133-139.

⁴ *Дятлов В.А.* Идеи В.К. Пискорского о реформе высшей школы // Родинний архів як сторінка вітчизняної історії: мат.-лі. наук. конф., присвяч. пам'яті д-ра всесвітньої історії, члена іст. т-ва Франції, чл.-кор. Барселон. акад. наук, проф. В.К. Піскорського. Чернівці, 2011. С. 14-24; *Пискорський В.* Об общих основаниях, желательных изменений в уставе историко-филологического института К.Н. Безбородко / подгот. текста к публ. В.А. Дятлова // Там же. С. 129-134.

⁵ *Пискорський В.К.* Флорентійський збірник / Відп. ред.: П.С. Сохань, В.О. Дятлов. Київ; Москва; Чернівці, 2013. 372 с.

⁶ Презентація «Флорентійського збірника» // Інститут української археології та джерелознавства імені М.С. Грушевського НАН України. Офіційний сайт. URL: <http://archeos.org.ua/?p=8247> (дата обращения 20.05.2018).

народный коллектив исследователей и библиографов Украины (Киев, Чернигов) и России (ИВИ РАН, РГБ, Москва). В состав сборника вошли курсы лекций, статьи, мемуары и переписка, автографы еще не опубликованных рукописей, хранящихся в Российской государственной библиотеки, а также републикация книги 1891 г. про Франческо Феруччи. Материалы сопровождаются археографическими примечаниями на украинском и русском языках. В статье «Итальянская тема в творческом наследии В.К. Пискорского» ее авторы В.А. Дятлов, М.К. Кеда подчеркивают, что становление выдающегося испаниста произошло на итальянской основе. Итальянские исследования сыграли важную роль в формировании его теоретико-методологических, а также политических взглядов¹. Для современного читателя труд о Флорентийской республике XVI в. важен с точки зрения изучения взглядов отечественных историков на проблемы современной европейской цивилизации.

Таким образом, в научно-образовательной среде Украины имя В.К. Пискорского занимает заметное место. Статья об ученом – «*основателе русской и украинской испанистики*» присутствует в новейшем издании – в «Энциклопедии истории Украины»², а также войдет в готовящуюся с 2013 г. «Большую украинскую энциклопедию» в 30 томах. В 1992, 2010³, 2017 гг. в Киеве и в 2017 г. в Нежине⁴ проходили мемориальные научные конференции и круглые столы. С учетом большого количества научных публикаций разных периодов, отражающих те или иные аспекты личности

¹ Дятлов В.А., Кеда М.К. Итальянская тема в творческом наследии В.К. Пискорского // Пискорский В.К. Флорентійський збірник / Відп. ред.: П.С. Сохань, В.О. Дятлов. Київ; Москва; Чернігів, 2013. С. 19–20. См. также: Кеда М.К. Становлення новістичних студій В. Пискорського: проблеми падіння Флорентійської республіки // Родинний архів як сторінка вітчизняної історії: мат-ли наук. конф. присвяч. пам'яті д-ра всесвітньої історії, члена іст. т-ва Франції, чл.-кор. Барселон. акад. наук, проф. В.К. Пискорського. Чернігів, 2011. С. 93-109.

² Енциклопедія історії України: Т. 8 / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. / Інститут історії України НАН України. Київ, 2011. С. 262. 520 с.

³ Научная конференция «Семейный архив как страница отечественной истории», посвященная памяти доктора всеобщей истории, члена исторического общества Франции, члена-корр. Барселонской академии наук, профессора В.К. Пискорского (Киев, 14-15 октября 2010 г.), организованная Институтом украинской археографии и источниковедения имени М.С. Грушевского НАН Украины, Музеем истории г. Киева, Историко-мемориальным музеем имени М.С. Грушевского. В работе конференции принимали участие представители различных университетских центров Украины, а также ИВИ РАН и Международной ассоциации архивистов г. Парижа.

⁴ В НДУ відбувся круглий стіл до 150-річчя з Дня народження Володимира Пискорського (14.11.2017) // Ніжинський державний університет імені Миколи Гоголя. Офіційний сайт. URL: <http://www.ndu.edu.ua/index.php/ua/component/k2/item/1387-v-ndu-vidbuvsia-kruhlyi-stil-do-150-richchia-z-dnia-narodzhennia-volodymyra-piskorskoho> (дата обращения 20.05.2018).

и творчества В.К. Пискорского, можно говорить о сложившейся историографической традиции, формирование которой поступательно интенсифицируется к настоящему времени, что подтверждает актуальность и востребованность научного наследия. Исследователи отмечают не только несомненный вклад В.К. Пискорского в становление всеобщей истории, медиевистики и испанистики, но и то, что для гуманитарной сферы Украины чрезвычайно важным является его вклад в развитие системы высшей школы, педагогики, источниковедения и краеведения, а также пронесенная через всю жизнь любовь к своему родному городу – Киеву и своей родине.

Библиографія

- Афанасьев Г.* Пискорский Владимир Константинович // Киевская мысль. 1910. 8 августа.
- Богдашина О.М.* Позитивізм в історіографічному процесі в Україні 1860-х – 1920-х рр.: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора іст. наук. Київ, 2009. 36 с.
- Богдашина О.М.* Позитивізм в історичній науці в Україні (60-ті рр. XIX – 20-ті рр. XX ст.). 2-е вид. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2013. 560 с.
- Богдашина О.М.* Позитивізм у творчості В.К. Пискорського // Гілея. Науковий вісник. 2011. Вип. 46. С. 133–139.
- Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX – начале XX века. Ч. 2. Л.: Изд-во АН СССР, 1931. 223 с.
- Бузескул В.П.* Пискорский // Южный край. 1910. 11 августа.
- Пискорський В.К.* Вибрані твори та епістолярна спадщина / Упор. О.О. Новикова, І.С. Пічугіна. Київ: Фонд «Відродження», 1997. 352 с.
- В'яла О.* Науково-педагогічна діяльність професора В.К. Пискорського: історіографія проблеми // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Історія. 2008. Вип. 94–95. С. 13-16.
- В'яла О.М.* Внесок вченого-історика В.К. Пискорського у вивчення соціального розвитку європейських народів // Проблеми історії та історіографії України: мат-ли наук.-практ. конф. Київ: КНУТШ, 2007. С. 26-29.
- В'яла О.М.* Внесок ученого-історика В.К. Пискорського у вивчення пам'яток старовини Малоросії // Література та культура Полісся. 2007. Вип. 37. С. 170–176.
- В'яла О.М.* Науково-педагогічна діяльність професора В.К. Пискорського: історіографія проблеми // Сіверянський літопис. 2008. № 5. С. 67–72.
- В'яла О.М.* Науково-педагогічна та громадська діяльність професора В.К. Пискорського: джерельна база дослідження // Література та культура Полісся. 2008. Вип. 41. С. 270–276.
- В'яла О.М.* Педагогічна діяльність вченого-історика Володимира Пискорського в Ніжинському історико-філологічному інституті кн. Безбородька // Сіверянський літопис. 2006. № 5. С. 96–100.
- В'яла О.М.* Формування наукових інтересів В.К. Пискорського в Київському університеті Св. Володимира // Знаки питання в історії України: регіональний вимір української історії: Зб. мат-лів III Міжнар. наук. конф. Ніжин: НДУ ім. М. Гоголя, 2007. С. 25–31.
- Голубкін Ю.О., Дятлов В.А.* З історії медієвістики у Ніжинському історико-філологічному інституті // II Чернігівська обл. наук. конф. з історії краєзнавства. Вип. 2. Чернігів; Ніжин, 1988. С. 92–94.

- Дятлов В.А.* Идеи В.К. Пискорского о реформе высшей школы // Родинний архів як сторінка вітчизняної історії : мат-ли. наук. конф., присвяч. пам'яті д-ра всевітньої історії, члена іст. т-ва Франції, чл.-кор. Барселон. акад. наук, проф. В.К. Пискорського. Чернівці, 2011. С. 14–24.
- Дятлов В.А.* Научно-педагогическая деятельность В.К. Пискорского в Нежинском историко-филологическом институте // Література та культура Полісся. Вип. 1. Ніжин, 1990. С. 57–59.
- Дятлов В.А.* Участь В.К. Пискорського у краєзнавчому русі на Чернігівщині // III республ. наук. конф. з історії краєзнавства. Київ, 1984. С. 237–238.
- Дятлов В.А., Кеда М.К.* Итальянская тема в творческом наследии В.К. Пискорского // Пискорський В.К. Флорентійський збірник / Відп. ред.: П.С. Сохань, В.О. Дятлов. Київ; Москва; Чернівці: Вид-во ИВИ РАН, 2013. С. 19–35.
- Енциклопедія історії України: Т. 8 / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. / Інститут історії України НАН України. Київ, 2011. 520 с.
- Житецкий И.П.* Памяти В.К. Пискорского // Киевские вести. 1910. 8 августа.
- Историко-филологический институт князя Безбородко в Нежине. 1875–1900. Нежин: Типо-Литография М.В. Глезера, 1900. 120 с.
- Історія Київського університету. 1834–1959. До 125-річчя з дня існування / Відп. ред. О.З. Жмудський. Київ: Вид-во Київського університету імені Т.Г. Шевченка, 1959. Ч. 1. 310 с.
- Кеда М.К.* Становлення новістичних студій В. Пискорського: проблеми падіння Флорентійської республіки // Родинний архів як сторінка вітчизняної історії: мат-ли наук. конф. присвяч. пам'яті д-ра всевітньої історії, члена іст. т-ва Франції, чл.-кор. Барселон. акад. наук, проф. В.К. Пискорського. Чернівці., 2011. С. 93–109.
- Кучерук О.* Медієвіст Володимир Пискорський // Всесвіт. 1988. № 2. С. 134.
- Михайлюк Д.* Першій українській іспаніст // Вечірній Київ. 1967. 19 серпня.
- Москаленко А.Е.* Сторінка з історії медієвістики на Україні // Український історичний журнал. 1971. № 4. С. 96–99.
- Моціяка П.П.* Ніжинська сторінка життя і творчості В.К. Пискорського // Література та культура Полісся. 1998. Вип. 6. С. 108–114.
- Новиков О.М.* Видатний учений-іспаніст В.К. Пискорський (До 100-річчя з дня народження) // Український історичний журнал. 1967. № 8. С. 124–125.
- Новикова О.О.* В.К. Пискорський // Український історичний журнал. 1992. № 6. С. 95–102.
- Новикова О.О.* Київський колега французьких істориків // Хроніка–2000. № 2–3. С. 178–208.
- Новикова О.О.* Посол вітчизняної науки // Всесвіт. 1995. № 5–6. С. 165–170.
- Новикова О.О.* До біографії професора В.К. Пискорського: текст вступної лекції перед студентами у вересні 1905 р. // Архіви України. 2002. № 1–3. С. 271–273.
- Панкин А.* Кругизна истины // Рабочая газета. 1967. 12 августа.
- Пискорский В.* Об общих основаниях, желательных изменений в уставе историко-филологического института К.Н. Безбородко / подгот. текста к публ. В.А. Дятлова // Родинний архів як сторінка вітчизняної історії: мат-ли. наук. конф., присвяч. пам'яті д-ра всевітньої історії, члена іст. т-ва Франції, чл.-кор. Барселон. акад. наук, проф. В.К. Пискорського. Чернівці, 2011. С. 129–134.
- Пискорський В.К.* Флорентійський збірник / Відп. ред.: П.С. Сохань, В.О. Дятлов. Київ; Москва; Чернівці: Вид-во ИВИ РАН, 2013. 372 с.
- Похорони В.К. Пискорского // Киевская вечерняя газета. 1910. 14 августа.
- Похорони В.К. Пискорского // Киевские вести. 1910. 14, 15 августа.
- Похорони проф. В.К. Пискорского // Киевская мысль. 1910. 15 августа.
- Радянська Енциклопедія історії України / редкол.: А.Д. Скаба (відп. ред.) [та ін.]. Київ: Голов. ред. УРЕ, 1971. Т. 3. 573 с.

- Самойленко О.Г. Дослідження окремих питань західноєвропейської історіографії та історіософії в працях вчених-істориків Ніжинського історико-філологічного інституту кн. Безбородька (1875–1919) // Література та культура Полісся. 1998. Вип. 11. С. 67–101.
- Самойленко О.Г. Дослідження проблем медієвістики вченими істориками Ніжинської вищої школи наприкінці XIX – поч. XX ст. // Вісник ЧДПУ імені Т.Г. Шевченка. 2002. Вип. 15. С. 85–87.
- Самойленко О.Г. Методологія історії та історіографія у науковій спадщині вчених Ніжинської вищої школи (друга пол. XIX – поч. XX ст.): автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2000. 20 с.
- Самойленко О.Г. Однокурсник Михайла Грушевського – Володимир Пискорський // Література та культура Полісся. 2016. Вип. 85. С. 47–69.
- Самойленко О.Г. Розвиток історичної освіти й академічної науки зарубіжних країн в оцінках вчених Ніжинської вищої школи в середині XIX – на початку XX ст. // Література та культура Полісся. 2006. Вип. 33. С. 82–91.
- Сахно П.С. Українець, який творив духовну спадщину Європи // Пискорський В.К. Вибрані твори та епістолярна спадщина / Упор. О.О. Новикова, І.С. Пічугіна. Київ: Фонд «Відродження», 1997. С. 5–13.
- Смерть професора В.К. Пискорського // Киевские вести. 1910. 5 августа.
- Труш О.М. Громадська діяльність Володимира Пискорського // Література та культура Полісся. 2008. Вип. 46. С. 231–245.
- Труш О.М. Джерелознавчі та краєзнавчі дослідження Володимира Пискорського // Література та культура Полісся. 2013. Вип. 73. С. 49–57.
- Труш О.М. Жовтневі погроми 1905 р. в Ніжині: позиція Володимира Пискорського // Література та культура Полісся. 2012. Вип. 69. С. 69–78.
- Труш О.М. Науково-педагогічна та громадська діяльність В.К. Пискорського: автореф. дис. ...канд. іст. наук. Київ, 2009. 17 с.
- Труш О.М. Формування історичного світогляду Володимира Пискорського // Гілея. Науковий вісник. 2011. Вип. 46. С. 140–147.
- Українська радянська енциклопедія / голов. редкол.: М.П. Бажан (голов. ред.) [та ін.]. Вид. 2-ге. Київ: Голов. ред. УРЕ, 1982. Т. 8. 527 с.
- Янтарьова О. Видатний вчений-історик // Вечірній Київ. 1968. 13 грудня.

Черниенко Денис Аркадьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН, доцент, Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия; denis_chernienko@mail.ru

PERSONALITY AND SCIENTIFIC HERITAGE OF V.K. PISKORSKY IN THE HISTORIOGRAPHY OF UKRAINE

This article presents the brief review of scientific publications prepared in Ukraine about V.K. Piskorskiy, the basic milestones in the development of historiographical tradition, events and memorable dates, determining research interest, obtained results and conclusions.

Key words: V.K. Piskorsky, historiography, scientific heritage, scientific work, professional activity, publications, Ukraine.

Cherniyenko Denis Arkadievich, Candidate of History, Associate Professor of Udmurt State University, Izhevsk, Russia; denis_chernienko@mail.ru

Раздел 3

В.К. ПИСКОРСКИЙ И КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 93(092) (470.41-25)

Мягков Г.П., Хамматов Ш.С.

В.К. ПИСКОРСКИЙ В КАЗАНИ

На основании архивных материалов представлен «путь» профессора Нежинского историко-филологического института В.К. Пискорского в Казанский университет, описана научная, педагогическая и общественная деятельность ученого в годы пребывания в Казани (1906-1910), показаны его заслуги перед Казанским университетом, в развитии науки всеобщей истории в России.

Ключевые слова: В.К. Пискорский, И.В. Лучицкий, Д.А. Корсаков, М.М. Хвостов, Н.П. Грацианский, Казань, Казанский университет, Нежинский историко-филологический институт, кафедра всеобщей истории, медиэвистика, российская испанистика, историческое образование.

Впервые имя В.К. Пискорского упоминается в документах Казанского университета в 1904 году в связи с образовавшейся вакансией на кафедре всеобщей истории после кончины профессора И.Н. Смирнова¹. На кафедре был преподаватель, магистрант Московского университета, приват-доцент М.М. Хвостов², «переме-

¹ **Смирнов Иван Николаевич** (1856–15.5.1904), историк, этнограф, профессор Казанского университета по кафедре всеобщей истории (с 1896); магистерская (1881) и докторская (1885) диссертации были посвящены истории средневековой Далмации. Другое направление исследований ученого – история и этнография финно-угорских народов Поволжья. См.: *Гибадуллина Н.М.-Н., Гибадуллин Р.М.* Историк и этнограф И.Н. Смирнов: «забытый» учёный Казанского императорского университета. Наб. Челны, 2013.

² **Хвостов Михаил Михайлович** (1872-1920), историк-антиковед, доктор исторических наук (1914). Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1895), среди учителей – профессора В.И. Герье, П.Г. Виноградов, В.О. Ключевский; по представлению П.Г. Виноградова оставлен при кафедре всеобщей истории для приготовления к профессорскому званию. С 1901 г. на кафедре всеобщей истории Казанского университета, профессор (с 1907 г.). Один из организаторов Высших женских курсов в Казани (1906). С 1918 г. – профессор Томского университета.

ценный» в Казанский университет из Московского университета в декабре 1900 года с «поручением чтения курсов по всеобщей истории»¹. Однако возросший уровень отечественной исторической науки, а также сама сущность университетского преподавания уже не могли позволить, чтобы кафедре столь обширной области знания, как всеобщая история, представлял один ученый. Поэтому профессор Д.А. Корсаков², в то время декан историко-филологического факультета, начал переписку о замещении вакантной кафедры с учеными, прежде всего столичных университетов³. В числе первых откликнулся профессор Петербургского университета

¹ Хвостов, Михаил Михайлович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804-1904): В двух частях / под ред. профессора Н.П. Загоскина. Ч. 1. Казань, 1904. С. 196. Важную роль в судьбе Хвостова сыграло рекомендательное письмо П.Г. Виноградова инициировавшему приглашение магистранта Московского университета в Казань проф. Ф.Г. Мищенко. В письме от 20 июля 1900 г. выдающийся русский медиевист писал: «Я думаю, что Казанский университет сделает в лице Михаила Михайловича Хвостова прекрасное приобретение» (цит. по: Шофман А.С. Михаил Михайлович Хвостов. Казань, 1979. С. 8).

² **Корсаков Дмитрий Александрович** (1843–1919), историк, член-корреспондент Петербургской АН (1905); выпускник Казанского университета (1864). В 1872 г. защитил магистерскую диссертацию «Мера и Ростовское княжество» (Казань, 1872), в 1880 г – докторскую диссертацию «Воцарение Анны Иоанновны» (Казань, 1880). Доцент (с 1872 г.), ординарный профессор (с 1884 г.); в 1900–1905 гг. – декан историко-филологического факультета Казанского университета.

³ Проблемы ротации кадров, замещения кафедр профессорами, а равно в целом подбора педагогов, пополнения кафедр молодыми преподавателями, занятия ими доцентских должностей и т.п., неизменно привлекала исследователей персоналий, фактически уже стали специальным предметным полем истории науки. Вряд ли какая иная сфера вузовской жизни насыщена столь острыми столкновениями интересов на личностном и групповом уровнях, демонстрацией «корпоративной этики» и иных самых разнообразных коммуникативных практик. См.: *Золотарев В.П.* Историческая концепция Н.И. Кареева: содержание и эволюция. Л., 1988. С. 17-19; *Антощенко А.В.* Павел Гаврилович Виноградов: становление преподавателем // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 3. Омск, 2007. С. 199-212; *Попова Т.Н.* Владимир Эдуардович Крушман: последний романтик // *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007. С. 474-482; *Бушуева Л.А.* Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917 гг. Казань, 2012. С. 62-78; *Мягков Г.П., Хамматов Ш.С.* «Печальная история моего диспута», или как состоялась «лучшая страница в моей жизни»: Казань в научной судьбе И.В. Лучицкого // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. Вып. 8. Омск, 2013. С. 303-304; *Свеишников А.В.* Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба Научных обществ. М.; СПб., 2016. С. 310-325; *Ростовцев Е.А., Баринев Д.А.* Историко-филологический факультет Петербургского университета // Клио. Журнал для ученых. 2013. № 10 (82). С. 36-42; *Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017. С. 114-123, 133-142; 430-434 и др.

И.А. Бодуэн де Куртенэ¹, живший и преподававший в Казани в 1874–1883 гг.; он предложил на это место магистра, приват-доцента Петербургского университета В.В. Новодворского². Кроме В.В. Новодворского, впоследствии письменно подтвердившего желание занять кафедру всеобщей истории, ответы были получены от доктора всеобщей истории, приват-доцента Московского университета И.И. Иванова³ и от доктора всеобщей истории, ординарного профессора Нежинского историко-филологического института В.К. Пискорского (1867-1910).

Последний достаточно хорошо был охарактеризован со стороны коллег. Так, профессор кафедры классической филологии Киевского университета Ю.А. Кулаковский⁴ писал, что знал его еще студентом «*живым и старательным*», на диспутах магистерском и докторском много говорилось о солидности его трудов⁵. Правда,

¹ **Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович (Ян Игнацы Нецислав)** (1845-1929), языковед-славист, член-корреспондент Петербургской АН (1897), основоположник казанской лингвистической школы. Профессор Казанского (1875-1883), Юрьевского (1883-1893), Краковского (1893-1899), Петербургского (1900-1918), Варшавского (1918-1929) университетов.

² «...*Может быть, у Вас уже назначен кандидат. Если же нет, то я позволил бы себе рекомендовать Вам от всей души весьма достойного и солидного ученого, получившего на днях степень магистра всеобщей истории. Это В.В. Новодворский, а его диссертация носит заглавие "Борьба за Ливонию между Московью и Речью Посполитой (1570-1582)". Он мог бы быть назначен пока исполняющим должность экстраординарного профессора или же состоять приват-доцентом с профессорским окладом. Меньше 2 тысяч рублей, конечно, ему нельзя предложить, так как он человек семейный (у него уже и ребенок) и без всякого личного имущества...*» (И.А. Бодуэн де Куртенэ – Д.А. Корсакову. 11/24 мая 1904 г. // ОПИ НМ РТ. Ф. Корсакова. Инв. № 123666-3341).

Новодворский Витольд Владиславович (1861-1923), историк, специалист по истории Польши и польско-русских отношений. Приват-доцент Петербургского ун-та (1904–1906), экстраординарный профессор по кафедре всеобщей истории Нежинского историко-филологического института кн. Безбородко (с 1906), приват-доцент Киевского ун-та (с 1908), профессор Киевского коммерческого института (с 1909) и Виленского ун-та (1921–1923).

³ **Иванов Иван Иванович** (1862–1929), историк, литературный и театральный критик. Выпускник Московского университета (1886), вышел из научной школы В.И. Герье. Приват-доцент (1893–1901) историко-филологического факультета Московского университета, профессор историко-филологического факультета Новороссийского университета (1904–1907), профессор и директор Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине (1907–1913). В 1913–1917 гг. – профессор Московского университета.

⁴ **Кулаковский Юлиан Андреевич** (1855–1920), филолог-классик, член-корреспондент Петербургской АН (с 1906), доктор римской словесности (1888), специалист по истории Рима, Византии, археолог, переводчик. С 1880 – приват-доцент, с 1884 г. – профессор Киевского университета.

⁵ Ю.А. Кулаковский – Д.А. Корсакову. 22 августа 1904 г. // ОПИ НМ РТ. Ф. Корсакова. № 123666.

Ю.А. Кулаковский был немного огорчен, что В.К. Пискорский как-то *«отяжелел и физически, и как будто духом»*, кроме того возникали сомнения по поводу бытовых деталей переезда: *«...он вряд ли поедет в Казань», «...может быть, побоится и климата, и большей, чем в Нежине, дороговизны»*¹. Но тем не менее считал, что В.К. Пискорский – самая подходящая кандидатура.

Ю.А. Кулаковский предлагал и других кандидатов, но они не были удостоены столь же лестной характеристики. Так, по поводу Ляскоронского², как выразился Ю.А. Кулаковский, *«недавнего магистра»*, было сказано, что на кафедре он был бы совсем не к месту, и характеризовался как *«человек пожилой, тучноватый и нумный»*: *«...В свое время покойный Фортинский очень сомневался, присуждать ли ему золотую медаль, оставлять ли его при университете, и сделал однако и то, и другое. – Не к пользе дела и самого человека, который возымел праздные стремления и полез дальше своей головы...»*³. О Клячине – еще одном кандидате – сообщалось, что он *«вообще не магистр, а только магистрант»*, его книга – медальное сочинение, а не диссертация. К тому же он *«пожилой человек, утративший бодрость и оставивший приват-доцентство»*⁴.

С Д.А. Корсаковым связался также его старый товарищ, профессор Киевского университета И.В. Лучицкий⁵, который своему ученику В.К. Пискорскому дал замечательную характеристику: *«...по моему мнению, у Вас имеется превосходный кандидат на*

¹ Там же.

² **Ляскоронский Василий Григорьевич** (1859-1928), историк, археолог, этнограф, писатель, выпускник историко-филологического факультета Университета св. Владимира (1885), магистр русской истории (1899). В 1903-1907 – приват-доцент Московского университета, в 1907–1909 – Киевского университета, в 1909–1922 – профессор русской истории Нежинского историко-филологического института кн. Безбородко

³ Ю.А. Кулаковский – Д.А. Корсакову. 22 августа 1904 г. // ОПИ НМ РТ. Ф. Корсакова. № 123666.

⁴ Ю.А. Кулаковский – Д.А. Корсакову. 9 октября 1904 г. // Там же.

⁵ **Лучицкий Иван Васильевич** (1845-1918), историк, педагог, общественный деятель. Член-корреспондент Петербургской АН (1908). Окончил историко-филологический факультет Киевского университета; защитил магистерскую диссертацию в Казанском университете (октябрь 1871); доктор всеобщей истории (1877), профессор Киевского (с 1877) и Петербургского (с 1907) университетов, Киевских высших женских курсов. Депутат III Государственной думы. Наряду с М.М. Ковалевским, Н.И. Кареевым, П.Г. Виноградовым представитель «русской исторической школы». Из научной школы Лучицкого вышли Д.М. Петрушевский, В.К. Пискорский, Е.В. Тарле и др. См.: *Мягков Г.П., Хамматов Ш.С.* «Печальная история моего диспута», или как состоялась «лучшая страница в моей жизни»: Казань в научной судьбе И.В. Лучицкого // Мир историка: историографический сборник. Вып. 8. Омск, 2013. С. 292-305.

кафедру в лице Владимира Константиновича Пискорского. Как ученый, он вполне солидная величина. Приобрел имя в европейской литературе, усерднейший работник, а главное, хороший руководитель практических занятий». Из других своих учеников Лучицкий выделил Д.М. Петрушевского¹, но поскольку тот «в Казань не поедет», «лучшего», чем В.К. Пискорский, «...Вы не найдете»². Положительно отзывался Лучицкий еще об одном из своих учеников – Е.В. Тарле³: «...он теперь в Петербурге приват-доцент, и сотрудничает в журналах. Он вряд ли пойдет»⁴. О Тарле лестно отзывался и Ю.А. Кулаковский: «...Человек очень способный, очень бойкий, и может даже блестящий. Но он путался в каких-то кружках и попал в тюрьму после какой-то сходки. Стипендия пошла насмарку, и он стал жить литературными трудами, много писал, попадался в “Вестнике Европы” (по-моему, с претенциозной и неудачной статьей о Ницше). Диспут его был в Киеве и степень ему дали, но при этом вышел скандал, о котором и в газетах писали»⁵. – Теперь прошло почти 30

¹ **Петрушевский Дмитрий Моисеевич** (1863-1942), историк-медиевист. академик АН СССР (1929). Окончил Киевский университет (1886), где наставником его был И.В. Лучицкий, по представлению которого был оставлен при университете «для приготовления к профессорскому званию». В 1894-1897 гг. преподавал в Московском университете, где участвовал в работе знаменитого «виноградовского семинария». Профессор Варшавского (1897-1906), Московского (с 1906 г.) университетов, впоследствии директор Института истории РАНИОН (1921-1929). В семинарах Петрушевского прошли школу Е.А. Косминский, А.И. Неусыхин, В.М. Лавровский, М.М. Смирин, Н.А. Машкин и др. В числе сотрудников АН СССР в 1941 г. эвакуирован в Казань, где и умер 12 декабря 1942 г.

² И.В. Лучицкий – Д.А. Корсакову. [1905 г.] // ОПИ НМ РТ. Ф. Корсакова. № 123666.

³ **Тарле Евгений Викторович** (1875-1955), историк, академик АН СССР (с 1927). Окончил историко-филологический факультет университета св. Владимира (1896). По ходатайству проф. И.В. Лучицкого оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию. Магистр (1901), доктор (1911). В 1902-1917 – приват-доцент Петербургского ун-та; в 1913-1918 гг. – профессор Юрьевского ун-та, с 1917 – профессор Петроградского ун-та. Был арестован по т.н. «Академическому делу». В годы Великой Отечественной войны – профессор кафедры истории Казанского государственного университета (1941-1943 гг.), 1945-1947 – профессор Московского университета.

⁴ И.В. Лучицкий – Д.А. Корсакову. [1905 г.] // ОПИ НМ РТ. Ф. Корсакова. № 123666.

⁵ Речь идет о защите Е.В. Тарле магистерской диссертации 14 октября 1901 г., в ходе которой, по словам соискателя, «одна группа профессоров Киевского университета желала во что бы то ни стало провалить меня на магистерском диспуте» (Е.В. Тарле – Д.М. Петрушевскому. 20 октября 1901 г // Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М., 1981. С. 184). Профессора Н.П. Дашкевич, Н.М. Бубнов, Г.И. Челпанов, В.В. Водовозов обвинили Тарле в неправильном использовании источников, заведомом искажении текста «Утопии», юридических взглядов Т. Мора и т.д. Однако диссертация Тарле получила поддержку прогрессив-

да. ...Кафедра была бы для него лично благодеянием, высвободив его из литературного метанья. Без кафедры он может изболтаться и исписаться, а кафедра спасла бы его»¹.

Кроме того, Д.А. Корсаков вел переписку с такими видными историками, как С.Ф. Платонов² и В.И. Герье³. Они тоже порекомендовали молодых ученых, достойных занять кафедру всеобщей истории в Казанском университете. С.Ф. Платонов о кандидатах сообщил следующее: «И.И. Иванова я совершенно не знаю. Другое же лицо (имеется в виду В.В. Новодворский. – Г.М., Ш.Х.), о котором Вы изволите спрашивать, мне известно: это усердный, но малоталантливый человек, нервный и робкий, который будет теряться в аудитории. Предмета он не подымет и слушателей не привлечет»⁴. В качестве достойных кандидатов С.П. Платонов рекомендовал магистрантов А.Г. Вульфуса⁵ как «лучшего»,

ных профессоров. Исследователи особо подчеркивают роль в защите И.В. Лучицкого, «яркая речь» которого произвела впечатление, и в результате большинство членов Совета высказалось за присуждение Тарле магистерской степени (см.: Чапкевич Е.И. Пока из рук не выпало перо... Жизнь и деятельность академика Е.В. Тарле. Орел, 1994. С. 30). О политическом характере защиты диссертации Тарле, попытке «ее провалить и тем самым нанести удар и соискателю, и его научному руководителю – Лучицкому» см.: Иванов Ю.Ф. И.В. Лучицкий под полицейским надзором // Историкографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2004. С. 62-64.

¹ Ю.А. Кулаковский – Д.А. Корсакову. 22 августа 1904 г. // ОПИ НМ РТ. Ф. Корсакова. № 123666.

² **Платонов Сергей Федорович** (1860-1933), историк, академик Российской АН (1920). В 1882 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета; магистр (1888), профессор (1899). Председатель Археографической комиссии (1918-1929), директор Пушкинского дома и Библиотеки РАН. В 1930 был арестован по т.н. «Академическому делу». Умер в ссылке в Самаре.

³ **Герье Владимир Иванович** (1937-1919), историк, член-корреспондент Петербургской АН (1902), профессор всеобщей истории Московского университета (1868–1904), стоял у истоков «русской исторической школы». Создал в Московском университете эффективную систему подготовки научно-педагогических кадров, воспитал плеяду выдающихся историков, в их числе Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов, М.С. Корелин, П.Н. Ардашей, Р.Ю. Виппер, С.Н. Котляревский, И.И. Иванов и др. Основатель и руководитель Московских высших женских курсов (1882-1888; 1900-1905). См.: *Иванова Т.Н., Мязгов Г.П.* Феномен школы В.И. Герье: коммуникативные практики в пространстве научного знания // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в новое время. М., 2014. С. 641-644.

⁴ С.П. Платонов – Д.А. Корсакову. 16 августа 1904 г. // ОПИ НМ РТ. Ф. Корсакова. № 123666.

⁵ **Вульфус Александр Германович** (1880-1941), историк, окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, специализировался по средневековой и новой истории Западной Европы. В 1911 г. А.Г. Вульфус защитил магистерскую диссертацию «Очерки по истории веротерпимости и религиозной свободы в XVIII в.», в 1916 г. – докторскую диссертацию «Вальденское движение в развитии религиозного индивидуализма».

П.П. Митрофанова¹ как «очень бойкого», а также В.Э. Круссмана², «хотя и не магистранта».

Профессор В.И. Герье предлагал³ пригласить в Казань Д.Н. Егорова⁴, В.С. Протопопова⁵, а также «весьма известных в науке магистров всеобщей истории» С.А. Котляревского⁶ и А.Н. Савина⁷.

¹ **Митрофанов Павел Павлович** (1873-1917), историк, один из крупнейших исследователей истории Австрии. Окончил в 1896 г. историко-филологический факультет Петербургского университета, занимался в семинарии Н.И. Кареева, оставлен им для приготовления к профессорскому званию. С ноября 1904 года – приват-доцента в Петербургском университете, в 1908 г. – профессор Высших женских историко-литературных и юридических курсов Н.П. Раева.

² **Круссман Владимир Эдуардович** (1879-1922), историк культуры. В 1902 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, ученик Г.В. Форстена, И.М. Гревса; оставлен для приготовления к профессорскому званию. В 1903-1907 работал в средних учебных заведениях Санкт-Петербурга, на Бестужевских женских курсах, Высших коммерческих курсах. В 1908 г. приглашен в Новороссийский университет, с сентября 1916 г. – экстраординарный профессор кафедры всеобщей истории; в 1917 г. переведен в Пермский университет.

³ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1948. Л. 2.

⁴ **Егоров Дмитрий Николаевич** (1878-1931), историк-медиевист, bibliограф. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1901 г.), ученик П.Г. Виноградова. Преподавал всеобщую историю в Московском университете (приват-доцент в 1907-1911, профессор МГУ в 1917-1925 гг.), на ВЖК и др. Главный труд «Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга в XIII веке» (т. 1-2, 1915). С 1919 г. заведовал отделом всеобщей истории Румянцевского музея (впоследствии ГБЛ). Член-корреспондент АН СССР (1929).

⁵ **Протопопов Владимир Сергеевич** (1875-1915), историк, приват-доцент историко-филологического факультета Московского университета, вышел в отставку в 1911 г.; преподаватель Высших женских курсов, Народного университета им. А.Л. Шанявского. Погиб на фронте.

⁶ **Котляревский Сергей Андреевич** (1873-1939), историк, правовед, политический деятель. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1894 г.), ученик В.И. Герье, оставлен им для приготовления к профессорскому званию. С 1899 г. приват-доцент Московского университета, в 1901 г. защитил магистерскую диссертацию «Францисканский орден и римская курия в XIII и XIV веках», а в сентябре 1904 г. – докторскую «Ламеннэ и современный католицизм». Когда писалось это письмо, С.А. Котляревский уже получил степень доктора всеобщей истории и претендовал на место П.Г. Виноградова в Московском университете, окончательно покинувшего Москву. В последующем, перейдя на юридический факультет, защитил магистерскую (1908) и докторскую (1910) диссертации по государственному праву; профессор кафедры государственного права (1910-1919) юридического факультета. Профессор университета до 1931 г.

⁷ **Савин Александр Николаевич** (1873-1923), историк, специалист по аграрной истории Англии. Ученик П.Г. Виноградова, оставлен им после окончания Московского университета для приготовления к профессорскому званию. В 1904 г. защитил магистерскую диссертацию, в 1907 – докторскую. С 1903 г. – приват-доцент, с 1908 г. – профессор кафедры всеобщей истории; с 1919 г. преподавал на ФОН МГУ. В рассматриваемое время уехал на год в Англию для работы над докторской диссертацией.

Таким образом, из трех откликнувшихся кандидатов наиболее подходящим был В.К. Пискорский, специализировавшийся на средневековой и проявлявший интерес к новой истории. Работы И.И. Иванова носили филологический характер с уклоном в философию (магистерская диссертация «Политическая роль французского театра в связи с философией XVIII в.»; докторская – «Сен-Симон и сенсимонизм»), а В.В. Новодворского интересовала польская тема («Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой 1570–1582 гг.»)¹. Выгодность кандидатуры Пискорского понимал и Д.А. Корсаков, прямо говоривший об этом на одном из заседаний совета факультета: «...Особого внимания заслуживают, по отзыву специалистов других университетов и, по моему мнению, труды В.К. Пискорского»².

А что же сам В.К. Пискорский? Как он относился к возможности перевода из Нежинского историко-филологического института, где профессорствовал с 1899 г.? Исследователи его жизни единодушно констатируют, что в условиях развернувшихся событий Первой русской революции, захвативших и Нежин, его пребывание в городе «сделалось невыносимым, и в 1906 г. он вынужден был переехать в Казань в качестве ординарного профессора университета по кафедре всеобщей истории»³. И если обстоятельства, предшествовавшие «бегству из Нежина», описаны самим ученым в его мемуарах «История моего профессорства в Нежине»⁴, то его письма к «дорогому Евгению Александровичу», к Е.А. Кивлицкому – одному из самых близких друзей Владимира Константиновича, написанные в период лета 1904 – осени 1905 гг.⁵, позво-

¹ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ Д. 1948 Л. 3.

² Там же. Л. 26.

³ Мильская Л.Т., Пичугина И.С. Владимир Константинович Пискорский // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. Москва; Иерусалим, 2000. С. 128; ср.: Новікова О.О. В.К. Пискорський. Біографічний нарис // Пискорський В.К. Вибрані твори та епістолярна спадщина... Київ, 1997. 352 с. С. 34.

⁴ Оригинал находится в: ОР РГБ. Ф. 604. К. 11. Д. 15. 132 л. Воспоминания опубликованы: Пискорский В.К. 1) История моего профессорства в Нежине // История и историки. М.: Наука, 1979; 2) Вибрані твори та епістолярна спадщина... С. 206–234. Впервые введены в научный оборот: Ханина А.З. В.К. Пискорский (К столетию со дня рождения) // Вопросы историографии всеобщей истории. Вып. 3. 1867. С. 70–77.

⁵ Авторы благодарят **Асю Зиевну Ханину** за возможность изучить эти письма, точнее, копии 12 писем В.К. Пискорского Е.А. Кивлицкому. Судьба этого удивительного артефакта такова. В преддверии 100-летия со дня рождения В.К. Пискорского на имя ректора КГУ проф. М.Т. Нужина пришло письмо от дочери ученого, **Елизаветы Владимировны Пискорской**. Оно было передано зав. кафедрой всеобщей истории проф. А.С. Шофману, который предложил осуществить подготовку материала о профессоре В.К. Пискорском к юбилею ассистенту кафедры А.З. Ханиной. Она сразу же, весной 1967 г., выехала для ознакомления с архивными

ляют проследить, как формировалось решение Пискорский о переезде в Казань.

В июле 1904 г. В.К. Пискорский с семьей отдыхал в Алуште, где, по его словам, «*набирался сил для будущих трудов*»¹, не помышляя об изменениях в своей жизни. И это при том, что «*...Сперанский² перед каникулами демонстративно сообщил мне об открытии вакансии в Казани после смерти Смирнова...*»³. Зная об этом, Е.А. Кивлицкий – следует из письма Пискорского – дал ответ Д.М. Петрушевскому на, очевидно, поставленный последним вопрос «*о казанских перспективах*» Пискорского. И этот ответ заслужил одобрение Пискорского: «*Относительно твоего ответа Петруше... могу сказать, что ты вполне угадал мой взгляд на дело: буду сидеть в Нежине и делать свое маленькое дело пока хватит сил, и для перехода в какой бы то ни было университет сам не сделаю ни одного шага*»⁴. В «сообщении» же самого Петрушевского, переданного Кивлицким, Пискорскому показалось «*странным*», «*почему он, будучи недоволен условиями своей деятельности в Варшаве, не желает перейти в Казань, где*

материалами, хранившимися в Киеве, на родине Пискорского. Молодая исследовательница была принята семьей Пискорских, ей была предоставлена возможность работать в доме на ул. Воровского, познакомиться с материалами семейного архива, законспектировать мемуары, сделать выписки. Естественно, за короткий срок командировки сделать удалось далеко не все. Понимая, какую задачу решает Ася Зиевна – написание статьи в связи с юбилеем, и испытывая симпатию к историку из Казани, **Надежда Васильевна Пискорская** – жена Константина Владимировича (1892-1922 гг.) предложила переписать письма Владимира Константиновича к Е.А. Кивлицкому. 26 и 30 мая 1967 г. от Надежды Васильевны в Казань были доставлены бадеролька с тетрадкой и письмо с вложенными в него текстами писем Пискорского.

Из 12 писем [первое из них было отправлено Пискорским 29/17 января из Барселоны, а последнее – 12 сентября 1907 г. из Казани (оно завершено словами: «*Письма переписала Н. Пискорская, 21/IV – 67.*»)], наше внимание привлекли написанные в период июля 1904 – марта 1905 г. Добавим, что два письма из этих 12 – от 2.03.1907 г. и 12.09.1907 г. – опубликованы (см.: Листуваня В.К. Пискорського // *Пискорський В.К. Вибрані твори та епістолярна спадщина* / Упор. О.О. Новикова, І.С. Пічугіна. Київ, 1997. С. 283-286). Сравнение показывает, что воспроизведены письма Пискорского Надеждой Васильевной с абсолютной точностью.

¹ В.К. Пискорский – Е.А. Кивлицкому. 18 июля 1904 г. // Архив А.З. Ханиной.

² **Сперанский Михаил Несторович** (1863-1938), филолог, фольклорист, византист; член-корреспондент Санкт-Петербургской АН (1902), академик РАН (с 1921 г.). Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1889). Профессор русской словесности Нежинского историко-филологического института кн. Безбородко (с 1898), Московского университета (1907-1923).

³ В.К. Пискорский – Е.А. Кивлицкому. 3 сентября 1904 г. // Архив А.З. Ханиной.

⁴ В.К. Пискорский – Е.А. Кивлицкому. 18 июля 1904 г. // Там же. Далее Пискорский еще раз подчеркнул: «*...я вполне доволен тем, что ты ответил за меня Петруше*».

отношения проще и люди, как говорит он, лучше?»¹. Пискорский прокламирует, что для положительного решения дела о переходе надо «иметь зацепку в факультете», а судя по названным Петрушевским «лицам, не имеющим голоса ни в факультете, ни в Совете», такой «зацепки» у варшавского профессора не было. Любопытно, насколько хорошо Пискорский знает ситуацию в Казани.

Между тем складывавшаяся в начале 1904–1905 учебного года ситуация вокруг Нежинском института взволновала Пискорского: «в газетах... категорически говорят, ...не преобразуется ли в самом деле наш институт в агрономический». Ученый был бы рад «такой перемене»: «этим бы способом только я нашел возможность покинуть эту яму, куда забросила меня судьба. И в самом деле: принимать участи в конкурсе после испытанной неудачи², в каком бы то ни было университете я не стану, проситься у начальства о переводе меня куда бы то ни было тем более считаю неудобным, выйти в отставку с тем, чтобы заняться преподавательской деятельностью в каком-нибудь большом городе, – это тот выход, который мне представляется наиболее удобны, и я не раз подумывал о нём...»³. Пискорского привлекает, что в случае закрытия Института он смог бы «снова быть господином, выбрать тот город, где умственная и общественная жизнь и интересы могут дать удовлетворение». И резюмируя свои

¹ Там же.

² Речь идет о неудачном участии в конкурсе на место И.В. Лучицкого на кафедре всеобщей истории Киевского университета, когда по конкурсу прошел магистр П.А. Ардашев, получивший 11 голосов «за» и 3 – «против», тогда как Пискорский 5 – «за» и 9 – «против». Третий участвовавший в конкурсе, доктор истории с 1901 г. И.И. Иванов получил 2 «за» и 12 «против». И хотя сообщавший об этом Пискорскому проф. В.С. Иконников подчеркивал, что такой результат был определен желанием видеть на месте Лучицкого того, кто «занимается в основном второй половиной новой истории» (В.С. Иконников – В.К. Пискорскому. 12 февраля 1903 г. // ОР РГБ. Ф. 604. К. 13. Д. 64), а потому, мол, «ученая репутация» его «нисколько не была затронута в отрицательном плане», Пискорский справедливо усмотрел причину в том, что «действительным мотивом было опасение, что в моем лице факультет приобретет такого же независимого профессора, каким был Лучицкий» (Пискорский В.К. История моего профессорства в Нежине // Пискорский В.К. Вибрані твори та епістолярна спадщина. Київ, 1997. С. 213).

Ардашев Павел Николаевич (1865–1924), историк, публицист. Окончил историко-филологический факультет Московского университета; в 1890 г. оставлен при кафедре всеобщей истории Московского университета для приготовления к профессорскому званию под руководство профессора В.И. Герье. Магистр (1901), доктор (1906), ординарный профессор (1907). Преподавал в Санкт-Петербургском (декабрь 1898 – февраль 1899), Новороссийском (1899–1901), Юрьевском (1901–1903), Киевском (назначен экстраординарным профессором 29.8.1903 г.) университетах.

³ В.К. Пискорский – Е.А.Кивлицкому. 3 сентября 1904 г. // Архив А.З. Ханиной.

размышления, он пишет: «Я бы охотно пошел и в Казань, да, видно, меня туда не позовут»¹.

Письмо Кивлицкому от 29 марта 1905 г. свидетельствует, что Пискорский определенно взял курс на Казань: «Все-таки продолжаю думать о выходе из Нежина. Был у Президента². Он исполнил мою просьбу – написал Корсакову. Если Казань мне улыбнется, я не расстанусь с профессурой, а если нет – возвращусь в первобытное состояние... Остаться же здесь дольше, право, нет сил»³. О том же и августовское письмо, в котором Пискорский подчеркивает, что испытываемое им «полное “безлюдье на людях” удручающе действуют на душу. И чем дальше, тем больше мне становится противным и Нежин, и вся здешняя обстановка. Очень хотелось бы поскорее убраться отсюда»⁴.

Вопрос о переезде в Казань нежинский профессор обсуждался и с другими корреспондентами⁵. Особый интерес среди них представляли письма из Казани. Вполне естественно, что авторами особо важных писем были деканы историко-филологического факультета университета – пребывавший в этой должности до 30 апреля 1905 г.⁶ проф. Д.А. Корсаков и «новый декан», проф. А.И. Александров⁷. Именно Д.А. Корсаков отправил Пискорскому письмо с при-

¹ Там же. О том, что некоторые надежды все же имелись у Пискорского появлялись, свидетельствует высказанное предположение, что проф. Н.Н. Сперанский «теперь ездил» в Казань затем, «может быть, чтобы замолвить доброе словечко обо мне на всякий случай!».

² И.В. Лучицкий.

³ В.К. Пискорский – Е.А. Кивлицкому. 29 марта 1905 г. // Архив А.З. Ханиной.

⁴ В.К. Пискорский – Е.А. Кивлицкому. [18 августа 1905 г.] // Там же.

⁵ Так, Д.М. Петрушевский в том письме, которое, как показал в своих воспоминаниях сам Пискорский, повлияло на избрание на кафедру русской истории Нежинского института не Г.Г. Писаревского (1868-1952), которого энергично рекомендовали «варшавский профессор Цветаев и его брат из Москвы», но труды которого произвели на Пискорского «неблагоприятное впечатление» (Пискорский В.К. Вибрані твори та епістолярна спадщина... С. 223), а харьковского профессора А.В. Саввы (1865-1920), пишет, что он узнал о приглашении И.И. Иванова в Одессу, и заключил, что, следовательно, назначение Пискорского в Казань – «вопрос решенный» (Д.М. Петрушевский – В.К. Пискорскому. [май 1905 г.]).

Добавим, что, будучи профессором Казанского университета, В.К. Пискорский способствовал организации защиты Г.Г. Писаревским магистерской диссертации в совете историко-филологического факультета. В письме от 6 марта 1906 г. он благодарит Писаревского за присланную книгу и сообщает, что «время Вашего диспута назначается на 5-е апреля...». Письмо завершается словами: «Примите уверение в совершенном уважении и преданности готовый к услугам В. Пискорский» (В.К. Пискорский – Г.Г. Писаревскому. 6 марта 1909 г. // ОР РГБ. Ф. 604. К. 14).

⁶ Об этом сообщает сам Д.А. Корсаков в письме 7.10.1905 г. ОР РГБ. Ф. 604. К. 14. Ед. 16. Л. 3 об.

⁷ Александров Александр Иванович (1861 – после 3.05.1918), филолог-славист, выпускник историко-филологического факультета Казанского университе-

глашением в Казань и описал процедуру оформления в университете, в другом письме (от 7.10.1905 г.) представил проф. А.И. Александрова и проф. Б.В. Варнеке в качестве декана и секретаря факультета. В своих письмах А.И. Александров извещал Пискорского о «*предстоящем голосовании на факультете*» (4.X.1905 г.), об избрании его «*ординарным профессором кафедры всеобщей истории*» Советом факультета «*большинством (8 против 1) голосов*» (27.X.1905 г.), «*...в Совете университета большинством в 27 голосов против 10...*» (2.XII.1905 г.). В письме от 8 февраля 1906 г. декан поздравляет Пискорского «*с назначением в Казанский университет*» и, информируя его о том, что «*занятия в Казанском университете начнутся не раньше 1/IX*», рекомендует приехать «*пораньше*», чтобы быстрее войти в курс дела: «*Не будет большого греха, если Вы прибудите к нам к весне, закончив все свои дела в Нежине... А занятия, как сообщил Хвостов, уже между вами распределены (на 1906/7 уч. год)*»¹.

Естественно, наиболее заинтересованным в том, кто займет вакантную должность профессора, был преподававший всеобщую историю приват-доцент кафедры всеобщей истории М.М. Хвостов. Закономерно потому видеть и его в числе вступивших с Пискорским в переписку. Письма М.М. Хвостова носят весьма доверительный, доброжелательный характер. В одном из них (28.05.1905 г.) он сообщает о претендентах, о том, что «*факультет ведет борьбу против конкурса*», чего и желал нежинский профессор, подчеркивает свою позицию («*лично я за Вас*»); в другом (от 2.X.1905 г.) сообщает, что «*26 сентября представился случай в частном совещании факультета дать сравнительную характеристику трудов Ваших и Иванова и высказался решительно за Вашу кандидатуру и против кандидатуры Иванова*». В этом же письме первым Хвостов сообщает, что «*третьего дня факультет в официальном заседании единогласно высказался за желательность приглашения Вас в Казань*»². Телеграммой от 31.10.1905 г. Хвостов, информируя Пискорского об избрании Советом факультета, подчеркивает, что «*дело тормозили общие события*». Об этих «собы-

та (1883), ученик Бодуэна де Куртене и Н.В. Крушевского, магистр сравнительного языковедения и санскрита (1886), доктор сравнительного языкознания (1888). В 1884–1888 преподавал в Дерптском, Харьковском университетах, в 1889–1913 – в Казанском, в 1905–1911 гг. – декан историко-филологического факультета. В 1912 г. ректор Казанской, с 1913 г. – Петербургской духовной академии.

¹ А.И. Александров – В.К. Пискорскому. 8 февраля 1906 г. // ОР РГБ. Ф. 604. К. 13. Ед. 1. Л. 3.

² М.М. Хвостов – В.К. Пискорскому. 2 октября 1905 г. // ОР РГБ. Ф. 604. К. 15. Ед. 29.

тиях», происходивших в Казанском университете, Хвостов также информирует достаточно подробно¹. Показательно, что, еще ожидая «утверждения Министра», он предлагает «разделить курсы» и высказывает желание оставить за собой «всю древность и что-нибудь из новой истории», так как «курсы новой истории освежают»².

Итожа, можно вполне говорить, что в лице казанских ученых, с которыми Пискорский вступил в переписку, прежде всего своего коллеги М.М. Хвостова Пискорский приобрел – по процитированным выше его же словам – столь необходимую для решения дела в его пользу «защитку в факультете». Оправдал себя и метод учета рекомендаций, даваемых ведущими специалистами соискателям, претендовавшим на замещение кафедр.

Дело с приглашением В.К. Пискорского, шире, борьба за проведением его в профессора Казанского университета благополучным образом разрешилось: «Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству 21/1 – 1906 г. за № 4 Пискорский Владимир Константинович назначен ординарным профессором Императорского Казанского университета по кафедре всеобщей истории с 1/1 – 1906 г.» – гласит запись в Формулярном списке о службе ученого³.

Надо сказать, что В.К. Пискорский отправлялся на новое место не без страха, как уроженец юга, влюбленный на всю жизнь в Киев, он боялся севера, совершенно нового города⁴. Но после Нежинского института, пребыванием в котором В.К. Пискорский тяготился, Казанский университет и сам город произвели благоприятное впечатление. «А Казань – хороший город, большой и достаточно благоустроенный» – пишет Владимир Константинович Е.А. Кивлицкому в письме от 15 марта 1906 г.⁵ Здесь же можно найти ин-

¹ Так, в сентябрьские дни 1905 г. «два раза в день в здании университета проходили студенческие собрания и митинги, на которые по вечерам собирались до 2000 человек (много рабочих). Были у нас и уличные демонстрации. Теперь Совет закрыл университет до 6/Х. Что будет дальше, не знаю» (там же).

В письме от 7 января 1906 г. сообщается, что последовало «дальше»: «в декабре было много арестов и обысков (преимущественно у с-д. и с-р.)»; в начале года – «у нас теперь спокойно. Идет подготовка к выборам в Государственную Думу» (М.М. Хвостов – В.К. Пискорскому. 7 января 1906 г. // ОР РГБ. Ф. 604. К. 15, Ед. 29).

² М.М. Хвостов – В.К. Пискорскому. 7 января 1906 г. // Там же.

³ Киевский городской государственный архив. Ф. 16. Оп. 464. Д. 8224. Л. 18; НА РГ. Ф. 977. Оп. ИФФ Д. 1983. Л. 5.

⁴ Афанасьев Г. Пискорский В.К. (+3 августа 1910) // Киевская мысль. 1910. 8 августа. № 217.

⁵ В.К. Пискорский – Е.А. Кивлицкому. 15 марта 1906 г. // Пискорский В.К. Вибрані твори та епістолярна спадщина... С. 282.

формацию о первом местожительстве ученого. Это комната № 3 в гостинице «Волжско-Камские номера» на улице Воскресенской¹. Впоследствии семья Пискорских проживала еще по двум адресам: в доме Толкачева на улице Жуковского и в доме Вараксиной на Большой Лядской².

Спустя год впечатление от города осталось прежним. «Пока довольны Казанью и казанцами. Климат все мы переносим хорошо, никто не болеет, дети привыкли к гимназиям, где дела у них идут порядочно. Пользуемся театром, очень порядочным»³. Возможно, Казань импонировала В.К. Пискорскому еще и по той причине, что напоминала по местоположению его любимый Киев: «Казань расположена на горах, на обрывистом берегу Казанки, за нею открываются широкие зеленые луга и рожи, куда мы часто ходим гулять... Город очень разбросан и имеет много слобод. Одна из важнейших – Академическая, своего рода казанский “quartier latin”, где сосредоточено много различных учебных заведений, в том числе и “Духовная академия”, по своему внешнему виду – копия Нежинского института... А Крецатику здесь соответствует Воскресенская улица, одним концом выходящая на университетскую площадь, другим – к Кремлю, над которым возвышается башня Сумбеки, своего рода казанская Эйфелева башня»⁴.

С коллегами складывались ровные, а с некоторыми – и дружеские отношения. Немалую роль в этом сыграло еще и то, что в начале XX в. на историко-филологическом факультете сложился органичный коллектив, который способствовал образованию атмосферы, необходимой В.К. Пискорскому для плодотворной работы. Не раз он писал своему крестному, Георгию Емельяновичу Афанасьеву, что и среди товарищей по университету он чувствует себя хорошо, и студенты охотно работают у него. Это его радовало и придавало бодрости в работе⁵.

Больше всего нравилось по сравнению с Нежином то, что никому до семейства Пискорских «не было дела», и им – «ни до кого». Известно, что лечащим врачом семьи был профессор меди-

¹ Они располагались в доме Мартинсона, на втором этаже. К услугам постояльцев были ресторан, ванны, телефон. Номер в гостинице стоил от 75 копеек в сутки. См.: Идрисова Р.Р. По старым улицам казанским... Казань в фотографиях XIX – начала XX века: Путеводитель-фотоальбом. Казань, 2005. С. 51.

² НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11860. Л. 130б.

³ В.К. Пискорский – Е.А. Кивлицкому. 2 марта 1907 г. // Пискорський В.К. Вибрані твори та епістолярна спадщина... С. 283.

⁴ В.К. Пискорский – Е.А. Кивлицкому. 12 сентября 1907 г. // Там же. С. 286.

⁵ Афанасьев Г. Указ. соч.

цинского факультета университета, доктор медицины А.Г. Агабабов. По-приятельски в дом к Пискорским заходили Д.А. Корсаков, В.Н. Ивановский, Е.Ф. Будде, М.М. Хвостов, как и он к ним¹. «Семейным образом мы сошлись с Будде, Зейлигером и Хвостовым. Будде и его семья особенно нам симпатичны»². Кстати, первые двое упоминаются в донесении полицмейстера губернатору как профессора, «ведущие студентов на революционный путь»³.

Рассматривая архивные данные и список трудов, относящиеся к казанскому периоду жизни и творчества В.К. Пискорского, ощущаешь насыщенность научных планов, но в тоже время гармоничное сочетание научной и педагогической деятельности. Он трижды побывал в заграничных командировках «с ученой целью» (1907, 1908, 1910), где плодотворно работал в архивах и библиотеках Италии, Испании и Германии, собирая материал для будущего своего труда о восстании Чомпи во Флоренции. При этом ученый не замыкался на этом времени. Его статьи 1906-1910 гг. имеют самую разнообразную тематику⁴. И все же среди научного сообщества В.К. Пискорский зарекомендовал себя как ученый, восполнивший существенный пробел отечественной историографии по истории Пиренейского полуострова, как «выдающийся и единственный испанолог после смерти А.С. Трачевского, Л.Ю. Шепелевича»⁵. Он характеризовался как европейский образцовый работник, трудившийся не урывками и порывами, а постоянно и непрерывно, владевший свободно многими языками, «чуть ли не панглосс»⁶.

Разнообразие наблюдалось и в преподавательской деятельности. Её Пискорский начал чтением 3 октября 1906 г. вступительной лекции на тему «О предмете, методе и задачах науки всеобщей истории», где рассмотрел ряд вопросов методологии истории, к которой

¹ В.К. Пискорский – Е.А. Кивлицкому. 2 марта 1907 г. // *Пискорский В.К.* Выбрані твори та епістолярна спадщина... С. 283

² В.К. Пискорский – Е.А. Кивлицкому. 12 сентября 1907 г. // Там же. С. 285

³ Ханина А.З. В.К. Пискорский (К столетию со дня рождения) // Вопросы историографии всеобщей истории. Вып. 3. Казань, 1968. С. 77.

⁴ См.: *Пискорский В.К.* 1) Князь Меттерних. Страницы из истории европейской реакции в XIX в. // Свобода и Право. 1906. № 25, 28, 29; 2) Русское ученое издание Салической правды. Рецензия на первый выпуск сборника законодательных памятников. Под ред. П.Г. Виноградова и М.Ф. Владимирского-Буданова // ЖМНП. 1906. № 12; 3) [рец.:] Новые издания памятников итальянской истории. Казань, 1908; 4) Международный исторический конгресс в Сарагосе // ЖМНП. 1909. № 5; 5) История Испании и Португалии. 2-е доп. изд. СПб., 1909; 6) Новые основы хозяйственной жизни Европы // Книга для чтения по истории нового времени. Т. 1. М., 1910; 7) Итальянские университеты (По поводу нового устава) // Ученые записки Казан. ун-та. 1910. Кн. 3 и др.

⁵ *Ефимов Н.* Памяти В.К. Пискорского // Волжско-Камская речь. 1910. № 353.

⁶ Там же.

он обращался не раз¹. Курс истории средних веков был прочитан В.К. Пискорским в Казанском университете в 1906–1907 уч.г.² и в осенний семестр 1908–1909 уч.г. В течение весеннего семестра того же года был прочитан курс «История Англии в средние века». Обращение ученого-испаниста к последней, видимо, объясняется поиском ответа о пути исторического развития России. Впрочем, он сам подчеркнул во вступительном слове: «...*Английский парламент и весь государственный строй Англии представляет собой наиболее удачное решение проблемы народного представительства из всех, какие известны истории, служил и продолжает служить моделью для всех стран, вступивших и вступающих на путь парламентаризма*». В.К. Пискорским были предложены и прочитаны также такие курсы, как «Экономическая история Западной Европы в новое время», «История представительных учреждений на Западе», «История средних веков до XIII века», «Общий курс новой истории», «История Западной Европы в XIX веке»³.

Ситуация складывалась благоприятная и на факультете, и на Высших женских курсах. Отношения с товарищами и студентами, по словам Пискорского, установились отличные сразу же. Поэтому, когда в 1907 году поступило предложение из Новороссийского университета в Одессе занять кафедру без конкурса, он без всяких колебаний ответил: «*Благодарю, не согласен*»⁴. Отказом ответил Пискорский и на предложение переехать в Харьков, которое делал ему профессор В.П. Бузескул во время пребывания их в Берлине⁵. Скорее всего, В.К. Пискорский не желал новой ломки в жизни, ко-

¹ См.: Пискорский В.К. О предмете, методе и задачах науки всеобщей истории: Вступительная лекция, произнесенная в Казанском университете 3 октября 1906 г. // Учен. зап. Казанского ун-та. 1907. Т. 74. Кн. 1. С. 1–10. (Отдел наук).

² См.: Пискорский В.К. Введение в историю средних веков. Лекции. 1906–1907 акад. год. Казань, б.г. (тектограф).

³ Они изданы литографическим способом по составленным студентами конспектам лекций. См.: Пискорский В.К. 1) История представительных учреждений на Западе: Лекции. 1906–1907 акад. год. Казань, 1907; 2) Экономическая история Западной Европы в новое время: Конспект лекций. 1907–1908 акад. год. Казань, 1908; 3) Записки по истории XIX века / Издание слушательницы Высш. женских курсов Т.А. Логиновской. Казань, 1907–1908. См.: Москаленко А.Е. [сост.]. Список печатных трудов В.К. Пискорского // История и историки. Историограф. ежегодник. 1976. М., 1979. С. 392; Мягков Г.П., Хамматов Ш.С. Н.П. Грацианский: путь в науку // Мир историка. Историограф. сб. Вып. 3. Омск, 2007. С. 259–289.

⁴ В.К. Пискорский – Е.А. Кивлицкому. 12 сентября 1907 г. // Пискорский В.К. Вибрані твори та епістолярна спадщина... С. 285.

⁵ Приглашение передает В.К. Пискорскому в письме от 28 мая 1909 г. и профессор Харьковского университета А.П. Кадлубовский, зная из рассказа В.П. Бузескула, что тот беседовал с Пискорским на тему переезда и получил отказ (А.П. Кадлубовский – В.К. Пискорскому. 28 мая 1905 г. // ОР РГБ. Ф. 604. К. 13. Ед. 67).

торуую означал бы переезд в Одессу или Харьков с их климатическими преимуществами. Семья Пискорских, если и планировала переезд из Казани, то после того, как дети завершат образование¹.

Впрочем, проблемы на службе постепенно омрачают первые впечатления. *«Отношения между правой и левой профессурой обостряются донельзя, причем правые не брезгают доносами; ...Опасаются, что последствием ревизии будет увольнение кое-кого из нашей коллегии, против которых правые ведут кампанию... Скверные времена переживаем мы. Когда-то, наконец, окончится эта канитель, и мы заживем, наконец, настоящей жизнью. Плохо и тяжело быть теперь педагогом: давление и сверху, и снизу, в каких-то тисках, парализующих мысль и волю»².*

К числу достижений В.К. Пискорского в Казанском университете можно причислить появление на кафедре всеобщей истории еще одного профессора. Он первый поднял об этом вопрос, справедливо считая, что *«...надлежащая подготовка преподавания на кафедре в смысле углубления и расширения в соответствии с современным состоянием и задачами исторической науки, возможно при условии разделения труда между несколькими профессорами. Давно доказано, что наличие нескольких специалистов гарантирует полностью фактического преподавания»³.* В качестве достойной кандидатуры В.К. Пискорский назвал М.М. Хвостова, который, находясь с 1900 г. в Казанском университете, *«фактически нес все обязанности профессора, исполняя поручения факультета по чтению обязательных курсов, по ведению практических занятий, производству экзаменов, проверки письменных работ, оставаясь при всем этом приват-доцентом»*. Спустя несколько месяцев большинством голосов Хвостов был избран, и кафедра имела уже двух профессоров – известных специалистов в области всеобщей истории⁴.

Большое внимание уделялось В.К. Пискорским практическим занятиям со студентами. Семинарии как форма организации учебного процесса, ориентированная на самостоятельную работу студентов с источниками и литературой, занимают в российских университетах все большее место с 70-х годов XIX в.⁵ Складываются их

¹ *«Мы решили: пока дети не кончат своего образования, до той поры не двигаться из Казани»* (В.К. Пискорский – Е.А. Кивлицкому. 12 сентября 1907 г. // *Пискорский В.К. Выбранные творения та епістолярна спадщина... С. 285*).

² В.К. Пискорский – Е.А. Кивлицкому. 28 декабря 1907 г. // Там же. С. 288.

³ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2026. Л. 78 об.

⁴ См.: *Шофман А.С. Указ. соч. С. 31-32.*

⁵ См.: *Цыганков Д.А. 1) В.И. Герье и Московский университет его эпохи (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 2008. С. 159-176; 2) Профессор В.И. Герье и его*

различные «модели»: отпечаток накладывал по-разному протекавший процесс введения семинаров в учебный процесс в столичных и «провинциальных» университетах, отражались различия в подходах к семинарам профессоров, рост их педагогического мастерства находил выражение в совершенствовании форм занятий.

У нас нет сведений, знакомился ли В.К. Пискорский специально с опытом проведения семинарских занятий в Казанском университете. Он восходил к организованной еще во втором семестре 1870/1871 уч. году доцентом кафедры всеобщей истории Н.А. Осокиным (с 1872 г. – ординарный профессор) «*исторической семинарии*»¹, к проводимым профессорами Д.А. Корсаковым и Н.А. Фирсовым с середины 1880-х годов «*историко-географических*», «*научных*» и «*учительских*» семинариев². И хотя, как правило, практические занятия рекомендовались как факультативные, они к началу 900-х гг. вошли в практику подготовки студента-историка. Можно согласиться, что и в Казанском университете – при всем своеобразии зарождения – «*подтверждалась прежде всего исследовательская направленность семинаров*»³. Понятно, почему с таким вниманием отнеслась профессорская корпорация факультета к характеристике Пискорского как «*хорошего руководителя практических занятий*».

ученики. М., 2010. С. 57-68; *Иванова Т.Н.* Владимир Ивыанович Герье: портрет российского педагога и организатора образования. Чебоксары, 2009. С. 81-89; *Антощенко А.В., Свешников А.В.* Исторический семинарий как место знания // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 138-160; *Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2017. С. 255-261 и др.

¹ См.: Известия о деятельности и состоянии наших учебных заведений: а) университетовъ, б) гимназий, в) женскихъ училищъ и г) низшихъ училищъ // Журнал Министерства народного образования. Ч. CLVI. 1871. Август. С. 136-140. Публикация в журнале «сообщенной» редколлегии доцентом Н.А. Осокиным «...копии с донесения», представленного им историко-филологическому факультету Казанского университета «по предмету занятий въ заведываемой имъ исторической семинарии, состоящей при означенномъ факультете» (с. 136), полагаем, является первым сообщением о практике организации семинарских занятий по истории в российских университетах.

² См.: *Ягудин Б.М.* Н.А. Осокин и становление казанской школы всеобщей истории. Казань, 1998. С. 80-83; *Астафьев В.В., Галцуллина Д.М., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А.* Изучение и преподавание отечественной истории в Казанском университете. Казань, 2003. С. 36-37; *Мухамадиев А.И.* Дмитрий Александрович Корсаков (1843–1919). Жизненный путь и творческое наследие. Казань, 2013. С. 74-75; *Антощенко А.В., Свешников А.В.* Указ. соч. С. 145.

³ *Антощенко А.В., Свешников А.В.* Указ. соч. С. 145. Это изначально осознавалось, например, Н.А. Осокиным, организовававший свой «семинарий» именно для того, чтобы подготовить выпускников университета к научной работе (Известия о деятельности... С. 137).

В.К. Пискорский фактически первым из профессоров, преподававших всеобщую историю в Казанском университете, уделил должное внимание медиэвистике как базовому курсу для подготовки историков-профессионалов. Тем более что «он нашел состояние преподавания всеобщей истории не на том уровне, к которому стремился»¹. Его волновала проблема роли в учебном процессе практических занятий в соотношении с ролью лекций. В сохранившемся наброске обращенного к студентам вступительного слова перед практическим занятием Пискорский разъяснял: «...*Практические занятия дают указания, как и откуда добывать исторические факты, как их группировать и излагать. Слушающий только лекции является, если не посторонним, то и не особенно близко стоящим к науке лицом: он лишь усваивает готовые факты и чужие взгляды, не принимая участия в их добывании и исследовании. Практические занятия ставят Вас в более близкие отношения к научному материалу, раскрывают перед Вами всю сложность и разнообразие его, всю трудность изучения и исследования его*»².

Изучение источников средневековья на практических занятиях явилось вехой в развитии медиэвистики в Казанском университете. Связано это оказалось и с изменениями, которые происходили в это время в области преподавания: старая курсовая система уступила место предметной, что предполагало проведение в жизнь научных принципов «документальной» истории³. В.К. Пискорский создал из своих семинаров своего рода «кузницу ученых-историков». Целью было, чтобы студенты могли «на собственных

¹ Мильская Л.Т., Пичугина И.С. Указ. соч. С. 128. Так, изучение воспоминаний о профессоре И.Н. Смирнове, опубликованных в книге, посвященной его памяти, с которыми выступили профессора Д.А. Корсаков, Н.М. Петровский, Н.Ф. Катанов, Н.Н. Фирсов, Е.Ф. Будде, приват-доцент М.М. Хвостов, выпускник по историческому отделению ИФФ Б.А. Люперловский, позволяют заключить, что все они самым высоким образом оценивали его лекции, но никто не отметил применение им семинарской формы занятий. По словам Н.Н. Фирсова, «*Недюжинный талант к отвлеченному мышлению, к обобщению давал И.Н. Смирнову полную возможность создавать для своих слушателей стройные, синтетические курсы... они учили научно мыслить и человечно смотреть на жизнь людей*» (Памяти профессора Ивана Николаевича Смирнова. Казань, 1904. С. 31). И это при том, свидетельствовал М.М. Хвостов, что сам И.Н. Смирнов вспоминал о своей любви «*посещать практические занятия, которые Бодуэн-де-Куртенз вел часто у себя на дому. Даже когда разбиравшаяся тема была слишком специальна, стояла далеко от моих собственных занятий и интересов, - атмосфера живой научной работы, меня окружавшей, действовала ободряюще: хотелось работать и мыслить!*» (Памяти профессора Ивана Николаевича Смирнова. Казань, 1904. С. 37).

² Пискорский В.К. Отчет о преподавании курса всеобщей истории в Казанском университете. – ОР РГБ. Ф. 604. В.К. Пискорского. К. 2. Ед. 11).

³ Будде Е.Ф. В.К. Пискорский (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1910. Ч. 29. № 10. С. 56.

переживаниях» усваивать историческую технику, имея под рукой необходимые памятники прошлого. По словам Н. Ефимова, Пискорский *«умел выбирать благодарные эпохи и явления»*¹. Уже в начале пребывания В.К. Пискорского в университете по его инициативе было напечатано от 50 до 100 экземпляров сборников документов, *«составляющих предмет практических занятий студентов по всеобщей истории»*². На семинарах изучались документы по истории ремесленных цехов во Франции и Германии, изданные Ф. Шмолером³; в 1908 г. студенты были разделены на две группы: одна изучала памятники древнегерманского законодательства, главным образом Lex Salica, другая, в основном новички, – литературу и памятники эпохи Возрождения. В архиве ученого сохранились отчеты о практических занятиях в 1908–1909 уч. года. О проблемной их стороне можно судить по тематике рефератов, представленных участниками семинара. В первом семестре в центре внимания было изучение крестьянского землевладения на основании полиптика аббата Ирминона, хозяйственных порядков монархии Каролингов по «Капитулярию о поместьях», хозяйственной деятельности монастырей и т.п.; во втором семестре изучались проблемы положения английских городов, вольностей и прав горожан, истории английского парламента и др.⁴ Студенты, занимавшиеся на семинарах, должны были представить рефераты по частным вопросам изучаемой тематики⁵. Однако практические занятия не замыкались только на истории: в 1909/10 учебном году В.К. Пискорский темой семинария сделал методологию истории⁶.

Современники зафиксировали такой дар ученого-педагога, как *«втягивать студентов в работу, дорожить успехами наиболее даровитых из них, всячески содействуя им советами и книгами»*. Не ограничиваясь университетским общением, Владимир Константинович гостеприимно вводил своих слушателей в число приглашаемых заниматься дома, где в домашней обстановке он с редкой внимательностью расспрашивал о методе занятий, о прочитанных монографиях, снабжал массой драгоценных указаний и книгами из своей богатой библиотеки. В беседах затрагивались и общие вопросы образовательного характера. В этом, полагал современник, обнаруживалось сходство с такими

¹ Ефимов Н. Памяти В.К. Пискорского // Волжско-Камская речь. 1910. № 353.

² НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1983. Л. 100.

³ Там же. Д. 2027. Л. 23.

⁴ См.: ОР РГБ. Ф. 604. К. 2. Ед. 11, 12, 13, 14 и др.

⁵ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2073. Л. 17 об.

⁶ Обзорение преподавания на 1909/10 учебный год. Казань, 1909. С. 9.

его известными предшественниками, как профессора всеобщей истории В.И. Григорович и Н.А. Осокин¹.

В результате в 1913 г. в Казани был издан первый русский перевод *Lex Salica*², выполненный в учебных целях учениками Пискорского Н.П. Грацианским³ и А.Г. Муравьевым⁴. Совершенно ясно, что интерес к документу, приемы работы с ним непосредственно формировались в процессе работы в проводимом Пискорским в 1907/1908 учебном году семинарии, посвященном изучению памятников древнегерманского законодательства, в том числе *Lex Salica*⁵. Не пройдем и мимо того факта, что к пионерским исследо-

¹ *Ефимов Н.* Памяти В.К. Пискорского // *Волжско-Камская речь.* 1910. № 353.

² См.: *Салическая правда* / [Рус. пер. *Lex Salica* Н.П. Грацианского и А.Г. Муравьева; С введением Н.П. Грацианского]. Казань, 1913.

³ **Грацианский Николай Павлович** (1886–1945), историк-медиевист, доктор исторических наук (1934), профессор (1934). Ученик В.К. Пискорского и М.М. Хвостова. Окончил Казанский университет (1910), профессорский стипендиат (1910–1914), приват-доцент (1914–1917), доцент (1917–1918), профессор Казанского (1918–1922) университета, 2-го МГУ (позднее МГПИ; 1922–1945), МГУ (1934–1936, 1941–1945); вел научно-исследовательскую работу в РАНИОН, Институте истории АН СССР. См.: *Мильская Л.Т.* Николай Павлович Грацианский // *Портреты историков: Время и судьбы.* Т. 2. М., 2000; *Мяжков Г.П., Хамматов Ш.С.* Н.П. Грацианский: путь в науку // *Мир историка. Историографический сборник.* Вып. 3. Омск, 2007. С. 259–289; *Иванов Ю.Ф.* К 120-летию со дня рождения Н.П. Грацианского // *Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр.* Саратов, 2008. Вып. 23. С. 35–53.

⁴ **Муравьев Александр Григорьевич** (1887–1924), историк; по окончании историко-филологического факультета Казанского университета (1910 г.) был оставлен по рекомендации проф. В.К. Пискорского для «приготовления к профессорскому званию» по кафедре всеобщей истории. Преподавал латинский язык в женской гимназии в Казани. В 1911 г. был назначен архивариусом Казанского университета; в 1915 г. избран преподавателем Казанских высших женских курсов с правом ведения практических занятий по истории Средних веков. Как выявлено В.Н. Казариным, в октябре 1918 года А.Г. Муравьев прибыл из Уфы в Иркутск для работы в открывающемся университете. Был заведующим педагогическими курсами Философско-педагогического общества при университете, на Восточном отделении внешних сношений ФОНа читал курс истории XIX–XX вв. В феврале 1923 г. был командирован в Москву. Умер от саркомы в клинике во Франкфурте-на-Майне, куда выехал для лечения (см.: *Казарин В.Н.* Профессора и преподаватели-историки Иркутского государственного университета: эволюция кадрового состава. 1918–1920-е гг. Ч. 1 // *Известия Иркутского государственного университета.* Серия История. 2018. Т. 24. С. 159–160).

⁵ См.: *Мяжков Г.П., Хамматов Ш.С.* Н.П. Грацианский: путь в науку... С. 280–281. Анализ отложившихся в архиве В.К. Пискорского материалов, свидетельствующих о работе В.К. Пискорского над переводом «Салической правды» в Нежине, выполненного с Лейпцигского издания «Правды» 1898 г., как гласит заголовок, «студентами III курса исторического отделения под руководством проф. В.К. Пискорского. Нежин. Историко-филологический институт. 1902/03 ак.г.» (ОР РГБ. Ф. 604. К. 7. Ед. 1, 2), позволил А.Е. Москаленко сделать вывод о том, что работу над переводом сам Пискорский продолжал и после переезда в Казань (см.: *Москаленко А.Е.* Рукопись перевода «Салической правды» из архива В.К. Пискор-

ваниям отечественной урбанистики относится и написанная под руководством В.К. Пискорского студенческая работа Н.П. Грацианского «Парижские ремесленные цехи в XIII–XIV столетиях»¹. Удостоенная золотой медали, эта работа – первое в русской литературе локальное исследование средневекового цехового строя² – изучается и более сто лет спустя, уже в XXI веке. Поставив на высокий уровень работу с источником, профессор В.К. Пискорский дал хорошую школу научного исследования своим ученикам.

Еще одна из заслуг В.К. Пискорского в казанский период – руководство работой кабинета и библиотеки для практических занятий по всеобщей истории. Библиотека была основана в 1905 г. М.М. Хвостовым, в то же время начал работу, видимо, и кабинет³. Осенью 1906 г., после избрания на кафедру всеобщей истории В.К. Пискорского, М.М. Хвостов попросил заведование передать ему⁴. Тогда-то при новом заведующем и произошло окончательное оформление кабинета для практических занятий. Благодаря ходатайствам Пискорского о выделении дополнительных средств, выписке новых книг это учебно-вспомогательное учреждение заняло достойное место среди других, существовавших в то время при университете. В протоколах заседаний факультета за 1906–1910 гг. многократно встречаются представления В.К. Пискорского о разрешении выписки книги. Приобретались они главным образом от Брокгауза в Лейпциге, Вельтера, Гамбера, Брокгауза в Париже, а также у отечественных издателей⁵. На заседаниях Совета факультета, когда обсуждался вопрос о выделении средств на «учебно-вспомогательные учреждения», Пискорский был особенно настой-

ского // Европа в средние века: экономика, политика, культура. Сб. статей. М., 1972. С. 432, 435).

¹ *Грацианский Н.П.* Парижские ремесленные цехи в XIII–XIV столетиях. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1911.

² *Неусыхин А.И., Данилов А.И.* Н.П. Грацианский как историк-медиевист // Грацианский Н.П. Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. М., 1960. С. 10; *Иванов Ю.Ф.* К 120-летию со дня рождения Н.П. Грацианского // *Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр.* Саратов, 2008. Вып. 23. С. 40–41; *Кириллова Е.Н.* История ремесла во Франции XIII–XVIII веков: статья мастером. СПб., 2019. 592 с.

³ Помещение для нее правление университета отвело в здании студенческого общежития. Как заведующий библиотекой, М.М. Хвостов установил следующие основания: 1) библиотека должна иметь запас нужных для студентов справочных пособий; 2) в ее состав должны входить монографические сочинения, считающие классическими; 3) библиотека должна пополняться сочинениями сравнительно более специальными, по отделам практических занятий (НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1950. Л. 36).

⁴ НА РТ Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 1983. Л. 75.

⁵ Ученые записки Казанского университета. Казань, 1909. Ноябрь. С. 53.

чив¹. Также стало возможным при содействии Пискорского пользование книгами из библиотеки университета. На третий год существования было составлено два каталога – алфавитный и систематический². Кроме книг, числились историко-географические карты, палеографическая и генеалогическая таблицы; в отчетах упоминаются литографированные документы, относящиеся к истории цехов, немецких городов³.

Много времени и сил В.К. Пискорский отдавал общественной деятельности. Он ежегодно избирался членом историко-филологической экзаменационной комиссии. В 1907 г. он был председателем комиссии, избранной для разработки проекта экзаменов применительно к предметной системе преподавания. Согласно этой системе, история средних веков была включена в раздел всеобщей истории в качестве основного предмета⁴. Также В.К. Пискорский был избран кандидатом в судьи профессорского дисциплинарного суда, позже, в 1910 г., – судьей⁵.

В Казани В.К. Пискорский продолжал поддерживать широкие научные связи. О круге корреспондентов многое может сказать его

¹ Так, в 1907 г. при распределении денежных сумм, когда Д.А. Корсаков предложил увеличить средства на выписку книг в библиотеку музея отечествоведения за счет уменьшения их для кабинета всеобщей истории, Пискорский выступил с протестом, заявив, что расходы по практическим занятиям не ограничиваются выпиской книг, а идут также на печатание документов, необходимых для занятий со студентами. Его поддержал М.М. Хвостов, указавший, что число студентов исторической группы «страшно возросло» (НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2026. Л. 55).

² В 1907 г. кабинет получил обширную комнату в главном здании, благодаря чему студенты получили возможность заниматься изучением исторических памятников в самой библиотеке, имея под рукой книги, которые обычно не выдавались на дом. Оформление кабинета, мебель – все было приобретено при активной деятельности Пискорского (см.: Ученые записки Казанского университета. Казань, 1909. Ноябрь. С. 52).

³ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2027. Л. 47. Много книг было подарено профессорами университета, в первую очередь самим В.К. Пискорским (НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2140. Л. 51 об).

⁴ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2107. Л. 2. Помимо того, он был избран в состав финансовой комиссии для рассмотрения и составления проекта сметы на очередной год. Также его выдвинули в комиссию Совета от ИФФ по распределению помещений в западной половине главного университетского здания, когда было пристроено физико-математическое отделение. Не исключено, что кабинет всеобщей истории получил новое просторное помещение благодаря заботам В.К. Пискорского (НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11370. Л. 58).

⁵ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 11942. Л. 13. Кроме этого, В.К. Пискорский читал в Казани публичные лекции; в университетских отчетах упомянуты лекция о Гарибальди, посвященная 100-летию со дня рождения (1807-1907), и прочтенная в пользу студентов историко-филологического факультета (для вноса платы за учение) лекция «Основы хозяйственного развития Европы в новое время» (см.: Ученые записки Казанского университета. Казань, 1910. Ноябрь С. 47).

эпистолярное наследие. Часто он переписывался со своим киевским другом, литератором и общественным деятелем Е.А. Кивлицким, с другим бывшим киевлянином, проф. Московского университета Д.М. Петрушевским. И хотя письма больше касаются профессиональной деятельности, творческих планов, в них дается описание обстановки в городах и университетах, присутствуют ностальгические мотивы. Деловой характер носит переписка с проф. П.Н. Ардашевым, с членами Комиссии учебного отдела ОРТЗ А.К. Дживелеговым, С.П. Мельгуновым, секретарем комиссии Е.А. Богровой. В последнем случае речь шла о сотрудничестве в издании «Книги для чтения по истории нового времени», главным образом о написании статей для очередного тома. Добрые деловые отношения связывали Пискорского с Н.И. Кареевым¹. О доверительности отношений между учеными свидетельствует письмо Пискорского от 17 мая 1910 г., в котором он просил Кареева как редактора договориться с издателем И.А. Ефроном о скорейшей выплате гонорара за второе издание «Истории Испании Португалии»². Интересны письма, предназначенные В.К. Пискорским его родным, которые приходили в периоды его заграничных командировок. Здесь есть возможность проследить контакты профессора с зарубежными учеными³. Об авторитете казанского профессора свидетельствуют его приглашение на международные конгрессы историков⁴.

В 1910 году В.К. Пискорский решает на переезд из Казани, что следует из его переписки с профессором Харьковского универ-

¹ См.: Мягков Г.П., Филлимонов В.А. Казанские ученые в коммуникативном пространстве Н.И. Кареева // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 151. Серия Гуманитарные науки. Кн. 2, ч. 1. Казань, 2009. С. 168.

² Из этого же письма виден тот факт, что И.В. Лучицкий по неизвестной причине игнорировал письма В.К. Пискорского: «*Лучицкому я не пишу, потому что за все 4 года пребывания в Казани он не ответил мне ни на одно мое письмо!*» (В.К. Пискорский – Н.И. Карееву. 17 мая 1910 г.). 18 июля того же года, когда В.К. Пискорский был проездом из Италии в Португалию, он неожиданно встретился со своим учителем. «*Он ни капельки не изменился, – описывает эту встречу ученый. – Я его сразу же узнал, произошла трогательная встреча.*» Визит к И.В. Лучицкому вылился «*в приятную беседу о делах университета, о думе, о общих знакомых*» и завершился «*трогательным прощанием*» (В.К. Пискорский – З.З. Пискорской. Париж, 18 июня / 1 июля 1910 г. // *Пискорский В.К.* Выбранные творца эпистолярна спадщина... С. 272-273).

³ Например, в одном из писем к З.З. Пискорской он пишет, что был на лекциях Леже, Геру, Рише, а также посещал Monod, Vermont, Морель-Фасью, Шеминона, Langier, что на конгрессе в Берлине встретился с докладчиками по Испании Инохосой и Альтамирой, что из российских ученых там были Ростовцев, Виноградов, Штерн (В.К. Пискорский – З.З. Лучицкой от 3 июля 1908 г.).

⁴ См.: *Пискорский В.К.* Международный исторический конгресс в Сарагосе // ЖМНП. 1909. Сентябрь-октябрь. С. 82-86; оттиск: Казань, 1909.

ситета В.П. Бузескулом. Из нее видно, что ученому поступили предложения о переходе в Харьковский университет.хлопотать об этом начали еще в 1909 году, и в начале следующего года В.К. Пискорскому делается решительное предложение о переходе. Остановка была лишь за разрешением заместить профессиу путем рекомендации¹. Если бы не трагическое происшествие 3 августа 1910 г., этот план, очевидно, был бы осуществлен.

Вернувшись из заграничной командировки, В.К. Пискорский отдыхал на даче в Васильево. 3 августа, вечером, он ушел прогуляться по окрестностям и больше не вернулся. Позже тело Пискорского было обнаружено у полотна Московско-Казанской железной дороги. Следствие установило, что он был сбит проходящим дачным поездом № 79. Столь нелепая смерть стала потрясением для факультетских коллег и научного мира. По данным жандармского дознания В.К. Пискорский ушел с дачи вечером, в начале десятого часа. Погода не располагала к прогулкам, шел дождь. Машинист товарного поезда, проезжая часом позже, заметил человека, лежащего около путей, а на дачном никто ничего не увидел. К тому же товарный проезжал, когда совсем стемнело. Так или иначе, смерть В.К. Пискорский была призна результатом несчастного случая, собственной неосторожности².

Ввиду исключительных обстоятельств смерти В.К. Пискорского и материальной необеспеченности его семьи, ректором Г.Ф. Дормидонтовым была исходатайствована пенсия в размере трех тысячи рублей в год³. Отпевание было совершено в университетской церкви 7 августа профессором богословия А.В. Смирновым, от профессорской коллегии с речью выступил декан историко-филологического факультета профессор С.П. Шестаков, от студентов, учеников В.К. Пискорского – Архип Красновский. Также были возложены венки от Совета университета, Совета Высших женских курсов, а также от студентов и слушательниц курсов⁴. Похороны состоялись в Киеве 14 августа на Аскольдовой могиле⁵.

¹ *Бузескул В.* Памяти профессора В.К. Пискорского // Южный край. 1910. 11 августа.

² НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11948. Л. 34.

³ Там же.

⁴ К смерти профессора В.К. Пискорского // Волжско-Камская речь. 1910. № 532.

⁵ Киевская мысль. 1910. 13 августа. № 222. Это кладбище в начале XX века считалось особо престижным. К сожалению, в 1930-е годы оно было уничтожено. Лишь некоторое количество могил было перенесено, среди них и В.К. Пискорского. Его прах ныне покоится на Зверинецком кладбище. См.: *Новикова О.О.* В.К. Пискорский. Біографічний нарис // *Піскорський В.К.* Вибрані твори та епістолярна спадщина... С. 39.

Позже было решено почтить память ученого, который – подчёркивалось коллегами – «несмотря на короткий срок пребывания» в университете, оставил «значительный след в этом учебном заведении и вообще в исторической науке». На заседании совета факультета было решено: «в целях увековечивания памяти этого замечательного ученого установить в кабинете для практических занятий по всеобщей истории его портрет»¹.

Итожа, необходимо сказать, что изучение темы «В.К. Пискорский в Казани» позволяет пролить дополнительный свет на проблему конфигурации формировавшихся в России научных школ в исторической науке, появление новых «дочерних школ»². В этом процессе субъективный фактор играл решающую роль, без организующей роли личности в науке не могла проявиться и сила коллективного духа. Изначально школа, охватывающая изучение всеобщей истории, в Казани складывалась с большим трудом и отставанием от других российских университетов. Потому на рубеже XIX–XX вв. важную роль в развитии всеобщей истории в Казани сыграли представители научных школ, сложившихся в других российских университетах (московском, киевском и др.). Для медиевистики такой фигурой стал профессор В.К. Пискорский. Во многом это стало выражением выявленной современной историографией феномена «определенной “экспансии” столичных научных школ “на периферию»», когда «переезжавшие на вакантные кафедры в провинцию выпускники столичных университетов использовали “привезенные с собой” навыки и традиции семинарских занятий, через которые сами прошли в период обучения. Они опирались на “образ профессии”, вынесенный из семинаров своих учителей, и активно воспроизводили в новых условиях»³. Но процесс развития научной школы медиевистов в Казанском университете так и не завершился прежде всего в силу резкого перелома в развитии исторической науки после октября 1917 г.⁴

¹ НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2140. Л. 51 об.

² Изучение истории «русской исторической школы» позволило выдвинуть положение о том, что в 900-е годы ее ведущие представители (В.И. Герье, М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов, И.В. Луцицкий) имели многочисленных учеников, которые, в свою очередь, создавали свои школы, в результате чего «русская историческая школа» оформилась в «сеть» дочерних школ. Ученые, составившие ядро школы в 900-е годы фактически образовали то, что современное науковедение определяет как «незримый колледж». См.: *Мяжков Г.П.* «Русская историческая школа»: теория и история развития школы как научного сообщества. Дис. ...докт. ист. наук. Казань, 2000. С. 337.

³ *Антощенко А.В., Свеишиков А.В.* Указ. соч. С. 153.

⁴ О историческом пути науки всеобщей истории, ее дисциплинарных разделов – антиковедения, медиевистики, новистики в Казанском университете в XX веке

Библиография

- Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 977.
ОР РГБ. Фонд 604 В.К. Писковского.
ОПИ НМ РТ. Фонд Корсакова. № 123666.
- Известия о деятельности и состоянии наших учебных заведений: а) университетов, б) гимназий, в) женских училищ и г) низших училищ // Журнал Министерства народного образования. Ч. CLVI. 1871. Август. С. 136-140.
- Обозрение преподавания на 1909/10 учебный год. Казань, 1909.
- Писковский В.К.* Введение в историю средних веков. Лекции. 1906–1907 акад. год. Казань, б.г. (гектограф).
- Писковский В.К.* Записки по истории XIX века / Издание слушательницы Высш. женских курсов Т.А. Логиновской. Казань, 1907–1908.
- Писковский В.К.* История Испании и Португалии. 2-е доп. изд. СПб., 1909.
- Писковский В.К.* История представительных учреждений на Западе: Лекции. 1906–1907 акад. год. Казань, 1907.
- Писковский В.К.* Итальянские университеты (По поводу нового устава) // Учен. зап. Казанского ун-та. 1910. Т. 77. Кн. III. С. 1–11. (Отдел наук).
- Писковский В.К.* Князь Меттерних. Страница из истории европейской реакции в XIX в. // Свобода и Право. 1906. № 25, 28, 29.
- Писковский В.К.* Международный исторический конгресс в Сарагосе // ЖМНП. 1909. Сентябрь-октябрь. С. 82-86; оттиск: Казань, 1909.
- Писковский В.К.* Новые издания памятников итальянской истории // Учен. зап. Казанского ун-та. 1908. Т. 75. Кн. IV. С. 1–18. (Критика и библиография).
- Писковский В.* Новые основы хозяйственной жизни Европы // Книга для чтения по истории нового времени / [Под ред. М.В. Бердонова, А.М. Васютинского, А.К. Дживелегова]. Т. 1. М.: И.Д. Сытин "Сотр. шк.", 1910. С. 1-20.
- Писковский В.К.* О предмете, методе и задачах науки всеобщей истории: Вступительная лекция, произнесенная в Казанском университете 3 октября 1906 г. // Учен. зап. Казанского ун-та. 1907. Т. 74. Кн. I. С. 1–10. (Отдел наук).
- Писковский В.К.* Русское ученое издание Салической правды. Рецензия на первый выпуск сборника законодательных памятников. Под ред. П.Г. Виноградова и М.Ф. Владимирского-Буданова // Журнал Министерства народного просвещения. 1906. № 12.
- Писковский В.К.* Экономическая история Западной Европы в новое время: Конспект лекций. 1907–1908 акад. год. Казань, 1908. 149 с.
- Писковский В.К.* Вибрані твори та епістолярна спадщина / Упор. О.О. Новикова, І.С. Пічугіна. Київ: Фонд «Відродження», 1997. 352 с.
- Салическая правда / [Рус. пер. Lex Salica Н.П. Грацианского и А.Г. Муравьева; С введением Н.П. Грацианского]. Казань: Маркелов и Шаронов, 1913. [2], XXXVIII, 56 с.
- Антощенко А.В.* Павел Гаврилович Виноградов: становление преподавателем // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 3. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2007. С. 181-212.
- Антощенко А.В., Свейников А.В.* Исторический семинарий как место знания // Историческая культура императорской России: формирование представлений
-
- см.: *Чиглинец Е.А.* Антиковедение в Казанском университете: традиции и перспективы // История и историки в Казанском университете. Казань, 2005. С. 152-160; *Мяжков Г.П.* Казанская медиевистика в XX веке: преемственность и разрывы в традиции // Историческое образование в вузах Казани. Казань, 2006. С. 33-42; *Бодров О.В.* Новистика в Казанском университете. 1943–2003. Казань, 2004.

- о прошлом: коллективная монография в честь проф. И.М. Савельевой / отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 138-160.
- Астафьев В.В., Галиуллина Д.М., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А.* Изучение и преподавание отечественной истории в Казанском университете. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2003. 180 с.
- Афанасьев Г. Пискорский В.К. (+ 3 августа 1910) // Киевская мысль. 1910. 8 августа. № 217.*
- Бодров О.В.* Новистика в Казанском университете. 1943–2003. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2004. 144 с.
- Будде Е.Ф. В.К. Пискорский (некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1910. Ч. 29. № 10. С. 55-59.*
- Бузескул В.* Памяти профессора В.К. Пискорского // Южный край. 1910. 11 августа.
- Гибадуллина Н.М.-Н., Гибадуллин Р.М.* Историк и этнограф И.Н. Смирнов: «забытый» учёный Казанского императорского университета. Набережные Челны: Изд-во Камской гос. инженерно-экономической акад., 2013. 275 с.
- Грацианский Н.П.* Парижские ремесленные цехи в XIII–XIV столетиях. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1911. 347 с.
- Ефимов Н.* Памяти В.К. Пискорского // Волжско-Камская речь. 1910. № 353.
- Золотарев В.П.* Историческая концепция Н.И. Кареева: содержание и эволюция. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. 160 с.
- Иванов Ю.Ф. И.В. Лучицкий под полицейским надзором // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. Вып. 21. С. 54-64.*
- Иванов Ю.Ф.* К 120-летию со дня рождения Н.П. Грацианского // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. Вып. 23. С. 35-53.
- Иванова Т.Н.* Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. 392 с.
- Иванова Т.Н., Мясков Г.П.* Феномен школы В.И. Герье: коммуникативные практики в пространстве научного знания // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в новое время / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2014. С. 572-644.
- Идрисова Р.Р.* По старым улицам казанским... Казань в фотографиях XIX – начала XX века: Путеводитель-фотоальбом. Казань, 2005.
- Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М.: Наука, 1981.
- К смерти профессора В.К. Пискорского // Волжско-Камская речь. 1910. № 532.
- Казарин В.Н.* Профессора и преподаватели-историки Иркутского государственного университета: эволюция кадрового состава. 1918–1920-е гг. Ч. 1 // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2018. Т. 24. С. 151–164.
- Кириллова Е.Н.* История ремесла во Франции XIII-XVIII веков: статья мастером. СПб.: Евразия, 2019. 592 с.
- Мильская Л.Т., Пичугина И.С.* Владимир Константинович Пискорский // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. Москва; Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 125-132.
- Мильская Л.Т., Пичугина И.С.* Русский испанист – В.К. Пискорский (1867-1910 гг.) // Проблемы испанской истории. 1975. М.: Наука, 1975. С. 230-249.
- Москаленко А.Е.* Рукопись перевода «Салической правды» из архива В.К. Пискорского // Европа в средние века: экономика, политика, культура. Сб. статей. М.: Изд-во «Наука», 1972. С. 431-437.
- Москаленко А.Е.* [сост.]. Список печатных трудов В.К. Пискорского // История и историки. Историограф. ежегодник. 1976. М.: Наука, 1979. С. 388-395.
- Мухамедиев А.И.* Дмитрий Александрович Корсаков (1843–1919). Жизненный путь и творческое наследие. Казань: Издательский дом Маковского, 2013. 227 с.

- Мягков Г.П. «Русская историческая школа»: теория и история развития школы как научного сообщества. Дис. ...докт. ист. наук. Казань, 2000.
- Мягков Г.П., Филлимонов В.А. Казанские ученые в коммуникативном пространстве Н.И. Кареева // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 151. Серия Гуманитарные науки. Кн. 2, ч. 1. Казань, 2009. С. 164-173.
- Мягков Г.П., Хамматов Ш.С. «Печальная история моего диспута», или как состоялась «лучшая страница в моей жизни»: Казань в научной судьбе И.В. Лучицкого // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, С.П. Бычкова. Вып. 8. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. С. 292-306.
- Мягков Г.П., Хамматов Ш.С. Н.П. Грацианский: путь в науку // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 3. Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. С. 259-289.
- Мягков Г.П. Казанская медиевистика в XX веке: преемственность и разрывы в традиции // Историческое образование в вузах Казани: материалы межвузовской научно-практической конференции / составители и отв. редакторы Г.П. Мягков и О.В. Синицын. Казань: ООО «Изд-во полиграф. центр Экспресс-плюс», 2006. С. 33-42.
- Неусыхин А.И., Данилов А.И. Н.П. Грацианский как историк-медиевист // Грацианский Н.П. Из социально-экономической истории западноевропейского средневековья. М., 1960.
- Новікова О.О. В.К. Пісکورський. Біографічний нарис // Пісکورський В.К. Вибрані твори та епістолярна спадщина / Упор. О.О. Новікова, І.С. Пічугіна. Київ: Фонд «Відродження», 1997. С. 17-42.
- Памяти профессора Ивана Николаевича Смирнова. Под ред. проф. А.С. Архангельского. Казань: Типография Императорского ун-та, 1904. 46 с.
- Попова Т.Н. Владимир Эдуардович Крушман: последний романтик // Попова Т.Н. Историография в лицах, проблемах, дисциплинах: из истории Новороссийского университета. Одесса: Астропринт, 2007. С. 474-486.
- Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Политическая энциклопедия, 2017. 903 с.
- Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Историко-филологический факультет Петербургского университета // Клио. Журнал для ученых. 2013. № 10 (82). С. 36-42.
- Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба Научных обществ. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 415 с.
- Ханина А.З. В.К. Пискорский (К столетию со дня рождения) // Вопросы историографии всеобщей истории. Вып. III. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1968. С. 65-81.
- Хвостов, Михаил Михайлович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804-1904): В двух частях / под ред. профессора Н.П. Загоскина. Ч. 1. Казань, 1904. С. 196-196.
- Цыганков Д.А. В.И. Герье и Московский университет его эпохи (вторая половина XIX – начало XX вв.). М.: Изд-во ПСТГУ, 2008. 256 с.
- Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 503 с.
- Чапкевич Е.И. Пока из рук не выпало перо... Жизнь и деятельность академика Е.В. Тарле. Орел, 1994.
- Чиглицев Е.А. Антикочевение в Казанском университете: традиции и перспективы // История и историки в Казанском университете. Сб. научных статей и сообщений / Сост. и отв. редакторы С.И. Ионенко и Г.П. Мягков. Казань: Казанский гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. С. 152-160.
- Шофман А.С. Михаил Михайлович Хвостов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. 112 с.
- Ягудин Б.М. Н.А. Осокин и становление казанской школы всеобщей истории. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1998. 228 с.

Мягков Герман Пантелеймонович, доктор исторических наук, профессор, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова; профессор, Казанский федеральный университет; г. Казань; gmyagkov@yandex.ru

Хамматов Шамиль Сабитullaевич, кандидат исторических наук, доцент, Казанский национальный исследовательский технологический университет, г. Казань; 73_shamilo8@mail.ru

V.K. PISKORSKY IN KAZAN

On the basis of archival materials, the authors reproduce the way that V.K. Piskorsky, the professor of the Faculty of History and Philology of Nezhin University, passed to become a professor of Kazan University. The article focuses on scientific, academic and social aspects of the scholar's life during his stay in Kazan (1906-1910), as well as his merits before Kazan University and Russia for developing general history.

Key words: V.K. Piskorsky, I.V. Luchitsky, D.A. Korsakov, M.M. Khvostov, N.P. Gratsiansky, Kazan, Kazan University, Nezhin Institute of History and Philology, medieval studies, Russian Hispanic studies, historical education.

Myagkov German Panteleimonovich, Doctor of History, full professor, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEMU); full professor, Kazan (Privolzhsky) Federal University, Kazan city; gmyagkov@yandex.ru

Khammatov Shamil Sabitullaevich, Candidate of History, Assistant Professor, Department of Humanities, Kazan State Technological University; 73_shamilo8@mail.ru

Бушуева Л.А.

**В.К. ПИСКОРСКИЙ И КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЕГО ВРЕМЕНИ (начало XX в.)**

В работе рассмотрено состояние Казанского университета в период службы здесь известного российского испаниста профессора В.К. Пискорского. Прослеживается деятельность историка в комиссиях историко-филологического факультета и университетского совета.

Ключевые слова: Казанский университет, революция 1905–1907 гг., реформирование высшей школы, В.К. Пискорский.

Владимир Константинович Пискорский был избран на кафедру всеобщей истории историко-филологического факультета Казанского университета в ноябре 1905 г. С 1 января 1906 г. началась его служба в данном учебном заведении. Как известно, это был крайне сложный период в истории российских университетов. В связи с многочисленными студенческими волнениями в вузах на продолжительное время был парализован учебный процесс. В это же период под давлением революционного движения стремительно менялись законодательные основы жизни высшей школы. Временные правила об управлении высшими учебными заведениями ведомства Министерства народного просвещения, введенные 27 августа 1905 г. вернули профессорским советам ведущую роль в управлении университетами, поэтому российские профессора, выполнявшие по долгу службы не только преподавательские и исследовательские, но и административные функции, оказались значимыми участниками университетской жизни. Каждый член профессорской коллегии, обязанный входить состав университетского совета и советов факультетов, напрямую сталкиваясь с разнообразными проблемами университетской жизни, так или иначе принимал участие в их решении. В данной работе представлена попытка рассмотреть внутреннее состояние Казанского университета данного периода через призму служебной биографии профессора В.К. Пискорского.

Почти сразу после обнародования Временных правил 27 августа 1905 г. казанские профессора выступили с первыми предложениями по изменению некоторых основ существования университета. Эти инициативы коснулись условий приема студентов. 15 сентября 1905 г. на заседании совета с прошением о беспрепятствен-

ном зачислении евреев выступил профессор юридического факультета А.А. Пионтовский. В этот же день коллегия выслушала предложение профессора физико-математического факультета П.И. Кротова о принятии в университет учащихся духовных семинарий без специальных испытаний. *«Окончившие курс в духовных семинариях в 1870-е годы после сдачи экзаменов принимались в университет, и мы отлично знаем, что эта мера принесла много ценных работников науки»*, – напоминал коллегам профессор П.И. Кротов¹.

Инициатива казанских профессоров породила широкий общественный резонанс, результатом которого стало несколько законодательных актов министерства народного просвещения И.И. Толстого. Среди них отмена циркуляра, закреплявшего абитуриентов учебных округов за соответствующими университетами, разрешение принимать в университеты семинаристов (с декабря 1905 г.), выпускников реальных и коммерческих училищ, допуск в университеты женщин². При этом Министерство народного просвещения предлагало каждому факультету самому выработать критерии, по которым можно было бы оценивать поступающих. Для этого на всех факультетах Казанского университета были образованы специальные комиссии, куда входили профессора, а также приглашались отдельные приват-доценты³.

Их работа проходила под пристальным вниманием, если не под давлением, общественности. В то время, как преподаватели пытались определиться с основными требованиями к выпускникам неклассических гимназий, университетская канцелярия буквально «задышалась» от большого количества прошений учащихся средних учебных заведений со всех уголков страны. Только за несколько месяцев поступили заявления о зачислении из духовных семинарий, реальных училищ, учительских институтов и земельных училищ Вильно, Томска, Самары, Пензы и других городов. Помимо просьб принять в число студентов тех или иных лиц, практически в каждом прошении содержалось напоминание «членам автономной коллегии» об их прямой обязанности открыть всем желающим двери «храма науки». Так, выпускники Самарского учительского института писали: *«Профессора! Народное образование в стране лишь тогда будет стоять на подобающей высоте, когда им бу-*

¹ Национальный архив Республики Татарстан (далее НА РТ). Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11045. Л. 1.

² Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930е годы). М., 2012. С. 28-88.

³ НА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 2104. Л. 34.

дет руководить образованный учитель. Не заграждайте же путь!»¹.

Сами профессора также прекрасно осознавали социального значимость данного вопроса. «Взоры всей интеллигентной России обращены теперь на нас – членов самоуправляющейся коллегии и горе нам, если мы не сумеем направить учащуюся молодежь на стезю здорового научного развития, если мы не сумеем приобрести доверия, без которого не мыслимо никакое нравственное воздействие...»² – писали казанские профессора, ходатайствуя перед Министерством народного просвещения о допуске в университет женщин наравне с мужчинами.

Так как предполагалось, что выпускники реальных и земельных училищ будут поступать прежде всего на физико-математический факультет, на историко-филологическом факультете обсуждались критерии приема учащихся духовных семинарий. Активное участие в их выработке приняли преподаватели кафедры всеобщей истории – приват-доцент М.М. Хвостов и профессор В.К. Пискорский. Так, М.М. Хвостов детально проанализировал учебную программу Казанской духовной семинарии практически по всем предметам, вплоть до математики. Особое внимание он уделил учебным программам по всеобщей и русской истории. Самые существенные «дефекты» им были обнаружены в курсе «общей гражданской истории». В числе таковых, указывает М.М. Хвостов, «история Афин в ней начинается со смерти Кодра, в отделе о Пелопонесской войне речь идет только о военных событиях, не затрагивая внутренней истории Афин; вообще упущены по местам существенные вопросы, но указаны мелочи». В программе русской гражданской истории существенных недостатков Хвостов не обнаружил. Из положительных сторон семинарского образования преподаватели единодушно отметили использование «профессорских» учебников П.Г. Виноградова и К.А. Елпатьевского³.

Среди членов факультетского совета историко-филологического факультета развернулась отдельная дискуссия по поводу необходимого объема знаний латинского и греческого языка. Профессор В.К. Пискорский, ссылаясь на опыт работы в Нежинском историко-филологическом институте князя Безбородко, настаивал на необходимости учитывать оценки поступающих по данным предметам. В качестве существенного минуса он отметил низкий, в сравнении с выпускниками гимназий, уровень владения новыми

¹ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11045. Л. 111.

² Там же. Л. 13 об.

³ НА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 2104. Л. 27.

языками. Однако большинство профессоров, в их числе и Пискорский настояли на том, чтобы не вводить специальных вступительных экзаменов по «новым» языкам, так как данная мера могла стать для семинаристов существенной преградой для поступления в университет¹.

На основании проделанной комиссией работы на историко-филологическом факультете были приняты довольно лояльные требования. Предполагалось допустить семинаристов по окончании четырех классов семинарии с отметками не ниже четырех по таким предметам, как словесность, русская история, общая история, история русской литературы, греческий, латинский. Однако низкие оценки не являлись непреодолимым препятствием для поступления на историко-филологический факультет. Если же по вышеуказанным предметам у поступающих были тройки, то по ним назначались дополнительные проверочные испытания².

Профессора других факультетов в вопросе приема окончивших не классические гимназии также встали на сторону будущих студентов. Так, для поступления на медицинский факультет семинаристам требовалось сдать экзамены по математике за гимназический курс, а юридический факультет вообще собирался принимать всех окончивших 4 курса духовной семинарии без каких-либо испытаний³.

Данные меры способствовали существенному росту количества студентов Казанского университета. До начала Первой русской революции здесь обучалось чуть более 800 человек: на медицинском факультете – около 300 студентов, 250 человек училось на естественном и математическом разрядах физико-математического факультета, более 100 – на юридическом и традиционно самым малочисленным был историко-филологический факультет – не более 50 студентов⁴. В 1907 г. в Казанском университете число студентов достигло 3000⁵. Это был абсолютный рекорд в истории дореволюционного университета. Далее начался спад количества учащихся, связанный с ограничительными мерами министров народного просвещения П.М. Кауфмана, А.Н. Шварца и Л.А. Кассо.

Резко возросшая численность учащихся спровоцировала активное обсуждение другого принципиального вопроса внутренней

¹ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11045. Л. 40.

² Там же. Л. 38-37.

³ Там же.

⁴ Годичный акт в Императорском Казанском университете. 5 ноября 1903 г. Казань, 1903. С. 233.

⁵ Годичный акт в Императорском Казанском университете. 5 ноября 1908 г. Казань, 1908. С. 151.

университетской жизни. В течение 1906–1907 гг. в российских университетах шли дискуссии о преимуществах курсовой и предметной систем. Большинство преподавателей склонялось к введению предметной системы, суть которых состояла в том, что на факультетах составлялось несколько учебных планов в соответствии с имевшимися специализациями¹. Студенты должны были выбирать, согласно этому плану, основные предметы и специальные, а также практические занятия. У предметной системы было много противников, так как она была ориентирована прежде всего на сильных и дисциплинированных учащихся и требовала большого количества профессоров². В.К. Пискорский был в числе активных сторонников введения предметной системы в Казанском университете. Он не только отстаивал ее на университетских заседаниях, но и с успехом воплощал ее в своей педагогической практике³.

Другой существенной проблемой для преподавательской корпорации Казанского университета этого времени являлся вопрос воспроизводства кадров. Уже несколько десятилетий в Казанском университете подспудно назревал кадровый кризис. К началу XX в. практически на всех факультетах не хватало профессоров. Но если, к примеру, в Петербургском университете данная проблема решалась с помощью младших преподавателей, так как здесь была сильная и многочисленная группа приват-доцентов⁴, то Казанский университет такими ресурсами не обладал. В Казани довольно слабо был развит институт профессорских стипендиатов. Несмотря на увеличивающееся количество студентов, ежегодно число оставленных для подготовки к профессорскому званию составляло всего от 10 до 15 человек. Из них очень немногим удавалось достичь высот академической карьеры. Так, на кафедре русской истории с конца 1890-х и до 1900-х гг. было подготовлено всего два магистра – Николай Петрович Лихачев и Николай Николаевич Фирсов. Н.П. Лихачев вскоре после защиты магистерской диссертации покинул Казань, переехав в Петербург. Таким образом, на кафедре русской истории к 1906 г. оказалось всего два профессора – Н.Н. Фирсов и Д.А. Корсаков и не было ни одного приват-доцента.

¹ Аврус А.И. История российских университетов. Очерки. М., 2001. С. 40.

² Там же.

³ Мягков Г.П. Поборник академической свободы. К 150-летию со дня рождения В.К. Пискорского // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова). VII Арсентьевские чтения: в 2 т. Т. 1. Чебоксары, 2017. С. 189.

⁴ Ростовцев Е.А. «Борьба за автономию»: корпорация столичного университета и власть в 1905–1914 гг. // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2009. Vol. 2. P. 80.

Столь же критичной была ситуация и на кафедре всеобщей истории. Обоих преемников профессора И.Н. Смирнова, скончавшегося в 1904 г., М.М. Хвостова и В.К. Пискорского, удалось привлечь в Казанский университет из Московского университета и Нежинского историко-филологического института. Однако профессорская коллегия не могла всякий раз рассчитывать на пополнение из других университетов. Петербургские и московские профессора сюда не стремились, довольно часто пытались устроиться в Казани столичные новоиспеченные магистры, однако многим из них хотелось получить здесь штатную должность профессора, не имея при этом степени доктора.

В Казанском университете привычным способом замещения пустующих кафедр стало оставление заслуженных профессоров после их выхода на пенсию. На протяжении нескольких десятилетий их число постепенно увеличивалось. И если в 1890 г. их число составляло 7 (из 68 профессоров), то в 1906 г. уже 15 человек (из 72 профессоров). Профессорская коллегия неуклонно старела. Средний возраст профессора Казанского университета в начале XX века превысил 55 лет¹.

Университетская корпорация пыталась исправить эту ситуацию, идя навстречу молодым коллегам. В начале XX в. совет ходатайствовал о разрешении ряду младших преподавателей занять профессорские места без степени доктора, с условием, что докторские диссертации будут защищены за три года. Профессора физико-математического и медицинского факультетов устраивали способных выпускников в университет на должности вспомогательного персонала. В качестве лаборантов, помощников прозектора, ординаторов начали научную карьеру такие ученые, как А.В. Вишневский, Н.Н. Парфентьев и другие².

На историко-филологическом факультете профессору В.К. Пискорскому принадлежала инициатива учреждения дополнительной профессорской должности на кафедре всеобщей истории. По его представлению на нее был избран М.М. Хвостов³. В этот же период историко-филологический факультет активно обсуждал новые требования к магистерским экзаменам, которые давали право претендовать профессорским стипендиатам на место приват-доцента. При участии В.К. Пискорского была отменена письменная форма

¹ Бушуева Л.А. Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917 гг. Казань, 2012. С. 92.

² Годичный акт в Императорском Казанском университете. 5 ноября 1904 г. Казань, 1905. С. 8.

³ Шофман А.С. Михаил Михайлович Хвостов. Казань, 1979. С. 31.

сдачи магистерских испытаний. Однако ученый был категорически против их чрезмерного упрощения. Он выступил за то, чтобы на экзаменах каждого магистранта вне зависимости от специализации присутствовали все члены факультета. *«Магистерские испытания – один из важнейших актов ученой деятельности факультета, и право, и обязанность каждого члена факультета иметь свое суждение о каждом магистерском испытании... О детальном знании испытуемых данной научной дисциплины судят ближайшие специалисты, но о степени научной подготовленности и зрелости его, о том, насколько он владеет научным материалом и методом, судят все члены факультета»*, – настаивал профессор¹.

Кроме того, В.К. Пискорский выступил с рекомендацией оставить в качестве профессорских стипендиатов студентов Н.П. Грацианского и С.П. Сингалевича². Нужно отметить, что он также сыграл существенную роль в судьбе незаурядного казанского историка И.А. Стратонова. У И.А. Стратонова – стипендиата по кафедре русской истории складывались непростые отношения с научным руководителем профессором Д.А. Корсаковым. Будучи человеком со слабым здоровьем, начинающий ученый не всегда был в состоянии выполнить в срок предъявляемые ему формальные требования. После очередного прошения И.А. Стратонова о переносе магистерского экзамена по всеобщей истории в связи с нервным расстройством Д.А. Корсаков был готов отказаться от научного руководства. Однако преподаватели всеобщей истории В.К. Пискорский и М.М. Хвостов пошли навстречу И.А. Стратонову, согласившись принять экзамен в два этапа, тем самым дав возможность ему продолжить обучение³.

Таким образом, несколько лет службы в Казанском университете профессора В.К. Пискорского пришлось на чрезвычайно важный период в истории этого учебного заведения. В связи с введением Временных правил 27 августа 1905 г. университетская коллегия получила некоторые автономные права, к которой стремилось не одно поколение преподавателей. Несмотря на то, что уже с 1906 г. Министерство народного просвещения попыталось ограничить влияние профессоров на внутреннюю жизнь высших учебных заведений, казанской профессуре удалось реа-

¹ НА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 2104. Л. 24 об. – 25.

² После трагической гибели В.К. Пискорского в 1910 г. поддержку этим начинающим ученым оказал М.М. Хвостов, представив их факультету в качестве кандидатов для подготовки к профессорскому званию. См.: НА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 2140. Л. 56.

³ НА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 2117. Л. 11 об.

лизовать на практике некоторые корпоративные интересы. С конца 1905 г. профессура получила возможность контролировать прием в университет студентов, добилась на всех факультетах увеличения числа выпускников, оставленных в качестве профессорских стипендиатов. В связи с этим нужно особо подчеркнуть заслуги профессора В.К. Пискорского как преподавателя и члена университетской корпорации, сумевшего за короткий срок работы с казанскими студентами способствовать появлению новой плеяды историков, повлиявших на облик исторической науки в Казани уже в послереволюционный период.

Библиография

- НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11045 «О правилах приема в университет (1905-1908)».
- НА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 1983 «Протоколы заседаний совета историко-филологического факультета в 1906 г.».
- НА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 2104 «Протоколы заседаний историко-филологического факультета в 1909 г.».
- НА РТ. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 2140 «Протоколы заседаний историко-филологического факультета в 1910 г.».
- Годичный акт в Императорском Казанском университете. 5 ноября 1903 г. Казань, 1903. 251 с.
- Годичный акт в Императорском Казанском университете. 5 ноября 1904 г. Казань, 1904. 364 с.
- Годичный акт в Императорском Казанском университете. 5 ноября 1908 г. Казань, 1909. 236 с.
- Аврус А.И.* История российских университетов. Очерки. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. 85 с.
- Бушуева Л.А.* Повседневность университетского профессора Казани. 1863 – 1917 гг. Казань: Центр инновационных технологий, 2012. 288 с.
- Мягков Г.П.* Сборник академической свободы. К 150-летию со дня рождения В.К. Пискорского // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова). VII Арсентьевские чтения: в 2 т. Т. 1. Чебоксары, 2017. С. 185–192.
- Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М., 2012. 896 с.
- Ростовцев Е.А.* «Борьба за автономию»: корпорация столичного университета и власть в 1905–1914 гг. // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2009. Vol. 2. P. 75-122.
- Шофман А.С.* Михаил Михайлович Хвостов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. 112 с.

Бушуева Людмила Александровна, кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань; bushuevag@mail.ru

V.K. PISKORSKY AND KAZAN UNIVERSITY OF HIS TIME (early XX century)

In paper the state of Kazan University during the period of service here of the famous russian professor V.K. Piskorsky is considered. The activity of the historian in the commissions of Historical and Philological faculty and the University Council is traced.

Key words: Kazan University, the revolution of 1905 – 1907, reform of higher education, V.K. Piskorsky.

Bushueva Lyudmila Aleksandrovna, *Candidate of History, Senior Researcher, Sh. Mardzhani Institute of History, Academy of Sciences, the Republic of Tatarstan.*

Янив И.Д.

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ В.К. ПИСКОРСКОГО

В статье реконструируется деятельность российского историка, специалиста по истории Испании, Владимира Константиновича Пискорского в 1891-1905 гг. Исследование материалов фонда Пискорского, находящегося в составе архивного фонда ОР РГБ, позволяет обозначить круг общения историка с помощью массива личной переписки. Разделение адресатов на несколько групп позволяет сделать выводы о целях писем Пискорского – обмен научной литературой с коллегами, благодарности отечественным иностранным коллегам, неформальное общение с корреспондентами, подготовка иностранных переводов его работ, посвященных истории Испании. Переписка Пискорского с различными корреспондентами также позволяет реконструировать состав неформальной группы «бродников», группы историков либеральных взглядов. Письма и корреспонденция более позднего периода жизни историка рассматриваются как основа для реконструкции его политических взглядов накануне Первой русской революции 1905 г.

Ключевые слова: В.К. Пискорский, ОР РГБ, история Испании, история России, «бродники», личная переписка.

На рубеже 60–70-х гг. XX в. перед исследователями жизни и творчества В.К. Пискорского открываются новые возможности. Они были связаны и с формированием в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина (ныне Российской государственной библиотеке) архивного фонда ученого. Начало его было положено в марте 1969 г. передачей Елизаветой Владимировной Пискорской в Отдел рукописей ГБЛ архива В.К. Пискорского¹. Наиболее интенсивно комплектация фонда происходила с 1986 по 1995 гг. В этот период от Елены Александровны Новиковой, внучки ученого, и известного медиевиста Светланы Игоревны Лучицкой в фонд поступило множество делопроизводственных документов и значительная часть эпистолярного наследия ученого.

В настоящее время фонд В.К. Пискорского в Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ² содержит значительное количество – более 200 – писем исследователя³. Владимир Пискорский на протяжении многолетней научной деятельности состоял в пере-

¹ ОР РГБ. Ф. 604. Опись пост. № 50-1969.

² ОР РГБ. Ф. 604. Пискорский В.К.

³ Часть писем В.К. Пискорского опубликована. См.: Листування В.К. Пискорського // *Пискорський В.К.* Вибрані твори та епістолярна спадщина / Упор. О.О. Новикова, І.С. Пічугіна. Київ, 1997. 352 с.

писке более чем с 40 корреспондентами, в числе которых были как соотечественники исследователя, так и его зарубежные коллеги¹.

Интенсивность и тематика переписки позволяют разделить всех корреспондентов на несколько групп. Первая группа представлена учеными, которые объединились вокруг профессора университета св. Владимира И.В. Лучицкого. В наиболее активной переписке с Пискорским в киевский и нежнский периоды его жизни (1891–1905 гг.), кроме самого учителя, состояли Д.М. Петрушевский², Е.А. Кивлицкий³, В.А. Мякотин⁴. Переписку, которую вели «бродники»⁵, отличает особый стиль. Являясь учениками И.В. Лучицкого, они во многом разделяли его политические взгляды, были активными участниками борьбы за университетскую автономию. В рамках созданного корреспондентами стиля общения каждый ученый имел собственное «прозвище». Часто, например, в переписке Е.А. Кивлицкого, Д.М. Петрушевского и В.К. Пискорского, встречается прозвище «Президент», которое принадлежало И.В. Лучицкому. В одном из писем Владимир Пискорский пишет: «Кланяйся Мистеришке и Президенту с семейством».

Прозвища других ученых встречаются в письмах Е.А. Кивлицкого. Повседневную обстановку корреспондент описывал следующим образом: «Совершил с Мистеришкой и Цукатом маленькую экскурсию в Святошин»⁶, «Мистеришка, хоть и уехал на несколько дней в Киев, а все равно кланяется»⁷. «Мистеришка» – шутивное прозвище К.Л. Якубовского, преподавателя химии в одном из учебных заведений Киева. Встречаются в письмах и иные прозвища, например, «Цукат», «Инок», «Бебель», «Заремба», «Мистер», «Иммортель»⁸.

¹ В рамках данной работы были изучены 181 письмо, авторами которых выступали соотечественники ученого, и 90 писем, полученных от зарубежных исследователей в период с 1891 по 1910 гг.

² **Петрушевский Дмитрий Моисеевич** (1863–1942) – русский историк-медиевист, академик АН СССР. Основными интересами были социальная и политическая истории Западной Европы в период Средних веков.

³ **Кивлицкий Евгений Александрович** (1861–1921) – историк, литератор, педагог и общественный деятель. В 1889–1921 гг. был директором издания «Киевская старина».

⁴ **Мякотин Венедикт Александрович** (1867–1937) – русский историк, публицист.

⁵ О «бродниках» см. выше: *Новикова Е.А.* Кружок профессора И.В. Лучицкого, С. 50–53.

⁶ ОР РГБ. Ф. 604. К. 14. Д. 3. Л. 19.

⁷ Там же. Л. 21.

⁸ Расшифровка этих «прозвищ» в некоторых письмах вызывает трудности. Так, если прозвище «Иммортель» (см.: ОР РГБ. Ф. 604. К. 14. Д. 13. Л. 5 об.), вероятнее всего, принадлежит Бессмертному, председателю гимназии Дучинской, то вопрос о

Кроме того, к обозначенной группе корреспондентов наряду с «бродниками» также относятся В.Б. Антонович, П.Г. Виноградов, Г.Е. Афанасьев, переписка с которыми также имеет особый стиль. Однако, их письма к В.К. Пискорскому в содержательном плане отличны от тех, которые принадлежат «бродникам», что в первую очередь иллюстрирует отсутствие в переписках дискуссий по политическим вопросам.

Если говорить о второй группе, то к ней в первую очередь относятся те ученые и общественные деятели, знакомство с которыми произошло в период с 1899 по 1905 гг., в годы преподавания В.К. Пискорского в Нежинском историко-филологическом институте кн. Безбородко. Среди корреспондентов наиболее продолжительной переписка была с Б.Ф. Бурзи, Д.А. Корсаковым, А.А. Мартовым, М.Н. Бережковым.

Коллеги и ученики В.К. Пискорского, встреча с которыми произошла в период профессорства ученого в Казани, например, П. Притулин, Г.Г. Писаревский, В.А. Никитин, Е. Ковалевская, С.П. Мальгунов, относятся к третьей группе корреспондентов. Их объединяет достаточно непродолжительная по времени переписка строго делового содержания.

Отдельного внимания заслуживают зарубежные коллеги и друзья ученого. Письма, полученные от иностранных коллег, составляют значительную часть эпистолярного наследия В.К. Пискорского и хронологически относятся к периоду, начиная с заграничной командировки ученого в 1897-1898 гг. Ученый, отправляясь в Европу, ставил целью изучить архивы в Испании, Франции, Англии и написать на основе их материалов магистерскую диссертацию. В «Заграничных воспоминаниях» ученого содержатся сведения, что за время путешествия по Европе он посетил пять стран: Германию, Францию, Англию, Австрию, однако большую часть времени, практически полтора года, он провел в Испании¹. К этому периоду относится знакомство с выдающимися зарубежными исследователями: Эдуардо де Инохоса, Виктором Балагером, Пи-и-Маргалем, Хосе Балари и Ховани, Наварро де Паленсия, Марио Шифом и Бофаруль-и-Сансом.

том, кому принадлежат прозвища «Инок» и «Цукат» до сих пор вызывают споры у исследователей. Е.А. Новикова и И.С. Пичугина прозвище «Цукат» приписывают историку Венедикту Александровичу Мякотину, а обратившийся к этой теме Ю.Ф. Иванов в своей статье указывает, что тот имел прозвище «Инок» (см.: *Иванов Ю.Ф.* [рец.] В.К. Пискорський. Вибрані твори та епістолярна спадщина / Упор. О.О. Новикова, І.С. Пичугіна. Київ: фонд «Відродження», 1997. 352 с. // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 152).

¹ ОР РГБ. Ф. 604. К. 11. Д. 18. Л. IV.

Менее интенсивный и продолжительный характер носила переписка со второй группой иностранных корреспондентов, куда входили историки, архивные работники, редакторы известных периодических изданий Испании. К данной группе относятся, например, Рафаэль Альтамира-и-Кревея, являвшийся в тот период директором журнала «*Revista critica*», где в дальнейшем публиковались статьи В.К. Пискорского и корреспонденции В. Лютославского¹, который познакомил В.К. Пискорского с рядом архивистов. В числе архивистов можно назвать, например, господина Кутревару, который в свою очередь оказывал помощь русскому ученому в доступе к документам в архивах Испании².

Рассматривая тематику писем, необходимо отметить, что в письмах часто обсуждались вопросы, связанные с многочисленными исследованиями ученого³ и его активной преподавательской деятельностью. Так, в письмах соотечественников и зарубежных коллег регулярно встречаются просьбы к В.К. Пискорскому отправить публикации, труды, черновики лекций или просто информацию, касающуюся работы в заграничных архивах и библиотеках.

Принято считать, что именно в период конца XIX – начала XX в. неотъемлемой частью университетской культуры стал обмен научными трудами, журналами и идеями⁴ между учеными из разных стран, что способствовало более интенсивному развитию исторической науки. И одним из связующих звеньев этого процесса был В.К. Пискорский, о чем свидетельствует значительная часть переписки именно по этому вопросу⁵.

Авторы многих писем благодарили ученого за присланные материалы. Особый интерес в данном случае представляет вопрос о том, какие труды высылал Пискорский и почему. Например, П.Г. Виноградов выражал свою «огромную сердечную благодарность» за присланную работу о Франческо Феруччи⁶, Е.А. Кивлицкий также благодарил В.К. Пискорского за присланные работы, которые достаточно высоко оценил: «*Сегодня получил твои*

¹ **Лютославский Винсенти** (1863-1954) – известный польский ученый, философ, преподававший в Москве, Лондоне и Кракове.

² ОР РГБ. Ф. 604. К. 14. Д. 18. Л. 1-5.

³ Работа над магистерской и докторской диссертациями в период с 1889-1902 гг., написание статей по истории Испании и Италии для Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона.

⁴ *Репина Л.П.* Грановский и идея всеобщей истории в России // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 52-56.

⁵ Например, Н.М. Бубнов настойчиво просил отправить ему «новую работу» В.К. Пискорского «Очерки истории Испании».

⁶ ОР РГБ. Ф. 604. К. 13. Д. 37. Л. 1.

книжки, за кои приношу сердечную благодарность, и сегодня же (удивляйся!) прочел страниц 40 из твоих средних веков – начал перелистывать, да и зачитался. Очень сжатое четкое изложение»¹. Еще один представитель «бродников» В.А. Мякотин также высоко оценил присланную В.К. Пискорским работу, посвященную Кастильским кортесам. Письма свидетельствуют, что труды Пискорского воспринимались в научном сообществе того времени как актуальные, а обмен научными трудами был неотъемлемой частью академической коммуникации того времени.

Примечательно, что не меньший интерес к трудам ученого проявляли и его ученики. В эпистолярном наследии В.К. Пискорского встречаются письма с просьбами от студентов прислать им его труды. Так, в письме В.А. Никитина содержится просьба отправить ему в г. Бугуруслан Самарской губернии несколько работ по истории Испании. Корреспондент обосновывает просьбу тем, что, кроме трудов профессора В.К. Пискорского, иных фундаментальных трудов по истории Испании в отечественной историографии ему не известно.

Иностранные коллеги в письмах также обращались к Владимиру Константиновичу с подобными просьбами. В переписке с Рафаэлем Альтамира-и-Кревеа практически в каждом письме встречается обсуждение вопросов, связанных с научной деятельностью как самого корреспондента, так и В.К. Пискорского. В одном из писем Альтамира-и-Кревеа просит прислать работу «Крепостное право в Каталонии в средние века», «...чтобы прочесть (эту работу), изучить и представить ее в Испании, как она того заслуживает»², и подчеркивает важность и трудов профессора Пискорского, и его личности для зарубежной историографии. Рафаэль Альтамира-и-Кревеа, так же как и другие зарубежные корреспонденты, получал некоторые работы ученого, о чем свидетельствуют следующие строки из письма: «Выражаю Вам огромную благодарность и признательность за отправленные Вами две монографии о цветочных играх и дурных обычаях в Каталонии»³. Испанский ученый проявил значительный интерес к работе о «дурных обычаях» в Каталонии и сожалел, что не знает русского языка, а потому не может оценить монографию по достоинству. В следующих письмах корреспондент обращается с просьбой к В.К. Пискорскому составить некоторое краткое описание его труда на французском или испан-

¹ Там же. Л. 5. Речь идет о работе В.К. Пискорского «История представительных учреждений на Западе». – ОР РГБ. Ф. 604. К. 13. Д. 3. Л. 3.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Л. 3.

ском языке, которое обещает опубликовать в периодическом журнале «Revista crítica de historia y literatura españolas, portuguesas e hispano-americanas»¹. Стоит отметить, что монографии о цветочных играх и дурных обычаях в Каталонии были весьма популярны у испанских исследователей. С просьбами их выслать обращался историк Хоакин Мирет-и-Санс. Вслед за Рафаэлем Альтамирой-и-Кревеа он выражает глубочайшую благодарность за присланные В.К. Пискорским работы и просил об их скорейшем переводе на испанский или французский языки, чтобы была возможность их опубликовать в зарубежных изданиях. В одном из писем Х. Мирет-и-Санс пишет: *«тогда труды получили бы должное признание в Испании и в Европе, и способствовали распространению информации об ученом, который занимается столь углубленно историей»*².

Однако наибольшим успехом в научном сообществе Испании пользовался другой труд Владимира Константиновича Пискорского – «Кастильские кортесы в переходную эпоху от средних веков к новому времени»³. Благодарности за него встречаются в письмах Хосе Балари и Ховани⁴ и Олезарио Ниро⁵. Просьба выслать экземпляр этой работы, как только книга будет опубликована, встречается в письме Антонио Карета-и-Видаля⁶. В нем же адресант дает оценку данной работе, предвосхищая успех публикации, которую считает весьма интересной и востребованной.

Нередко письма содержат свидетельства тому, что ученый не только отправлял работы другим исследователям, но и писал рецензии и небольшие заметки на научные труды своих коллег. Подтверждением тому могут быть полученные от профессора Киевского университета Н.М. Бубнова и профессора Харьковского университета В.П. Бузескула письма. Так, в письме 1908 г. В.П. Бузескул делится своим замыслом относительно публикации работы «История демократии в Афинах» и спрашивает совета В.К. Пискорского, а спустя год он уже благодарит профессора за оказанную в издании данной работы помощь и присылает В.К. Пискорскому «Историю демократии в Афинах» в подарок⁷.

В обмене научными трудами участвовали «бродники». Так, «Кортесы...» Пискорского через В.А. Мякотина получили В.И. Се-

¹ Там же.

² ОР РГБ. Ф. 604. К. 14. Д. 24. Л. 1.

³ Работа была переведена на испанский язык и опубликована в 1930 г.

⁴ ОР РГБ. Ф. 604. К. 13. Д. 15. Л. 9 об.

⁵ Там же. К. 14. Д. 30. Л. 5.

⁶ Там же. К. 14. Д. 1. Л. 2.

⁷ Там же. К. 13. Д. 30. Л. 4.

мевский, И.П. Житецкий¹. Свидетельства тому содержатся в переписке с Д.М. Петрушевским: в архиве отложилась присланная корреспондентом его лекция «О задачах всеобщей истории как науки» с пометами В.К. Пискорского².

Из переписки становится также очевидным и авторитет Пискорского как преподавателя. В частности, конспекты и оттиски его лекций также нередко становились предметом обмена между преподавателями. Например, Е.Н. Ковалевская обращалась с просьбой прислать лекции по истории итальянского гуманизма³, на основе которых впоследствии, согласно письму⁴, она составила программу всего учебного курса. Идентичные просьбы и благодарности за вступительные лекции встречаются в письмах П.Н. Ардашева⁵. Схожим образом выражал свою признательность за тот же курс лекций и коллега В.К. Пискорского А.Н. Ясинский⁶.

Более известные коллеги ученого также высоко ценили его лекционные курсы. В частности, В.П. Бузескул пишет: «*сердечно благодарю Вас за присланный оттиск Вашей вступительной лекции, которую я изучил с большим интересом и удовольствием*»⁷. В дальнейшей переписке В.П. Бузескул отмечает преподавательский талант ученого. Одним из наиболее интересных писем в данном контексте является письмо Г.Е. Афанасьева, в котором корреспондент пишет: «*Я прочел твои лекции и могу сказать: прочел их с удовольствием!*»⁸, «*Я понимаю, что она (лекция. – И.Д.) могла понравиться и большой, и малой аудитории*».

В переписке с «бродниками» значительное место занимают вопросы университетской автономии. В.К. Пискорский был влиятельным общественным деятелем, защитником университетской автономии и политически активным гражданином. Ясно позиция историка как поборника академической свободы была означена в годы его преподавания в Нежинском историко-филологическом институте⁹. Корреспонденция, полученная от С.С. Салазкина, отчасти позво-

¹ См.: В.А. Мякотин – В.К. Пискорскому. 1898, 21 февраля // *Пискорский В.К. Выбрани твори та епістолярна спадщина...* С. 319.

² ОР РГБ. Ф. 604. К. 14. Д. 38. Л. 39-43; пометки В.К. Пискорского: Л. 40-42.

³ *Ковалевская Екатерина Николаевна* – преподаватель всеобщей истории из города Козьмодемьянска Казанской губернии.

⁴ ОР РГБ. Ф. 604. К. 14. Ед. 5. Л. 3.

⁵ Там же. К. 13. Ед. 9. Л. 2. *Ардашев Павел Николаевич* – русский историк, публицист, профессор Киевского университета с 1903 г.

⁶ ОР РГБ. Ф. 604. К. 15. Ед. 42. Л. 3.

⁷ Там же. К. 13. Ед. 30. Л. 3.

⁸ Там же. К. 13. Ед. 10. Л. 10.

⁹ *Пискорский В.* Об общих основаниях, желательных изменений в уставе историко-филологического института К.Н. Безбородко / подгот. текста к публ.

ляет реконструировать политические убеждения ученого, а также проливает свет на вступление В.К. Пискорского в Академический союз. В одном из писем адресант приглашает исследователя принять участие во втором съезде Союза, который состоится 25 августа в Москве¹. Нежинский профессор сообщил о своем вступлении в Союз редакциям «Русских ведомостей» и «Киевских откликов», которые опубликовали об этом заметки². Сам факт присоединения к Союзу, а также обстоятельства, в которых действовал ученый, характеризовали его как представителя либерального движения, готового отстаивать свою позицию и бороться за реформу высшей школы.

Позиция Пискорского вполне соответствовала идеям И.В. Лучицкого и Д.М. Петрушевского о реформе высшей школы. В письмах нашло отражение отношение к университетскому уставу, упоминаются различные прецеденты из университетской жизни, даются оценки компетенций деятелей министерства народного просвещения и т.д. Так, в телеграмме от 1903 г. И.В. Лучицкий сообщает: *«Возмутительная вещь: выбран Ардашев! Будете бороться, не отказывайтесь»*. Здесь необходимо пояснить, что согласно университетскому уставу назначения на профессорские должности производил министр. И вот в 1903 г. на должность ординарного профессора кафедры всеобщей истории в Киевском университете св. был выбран не В.К. Пискорский, а П.Н. Ардашев. Именно этот факт казался И.В. Лучицкому возмутительным. Придерживаясь той точки зрения, что рекомендации профессоров университета должны быть выше, нежели мнение министра, И.В. Лучицкий проявлял себя активным участником движения за предоставление университетам автономии.

Критика установленного уставом порядка избрания профессоров встречается и в письмах декана Казанского университета Д.А. Корсакова. В одном из них³ он сообщает, что если намерения Владимира Константиновича не изменились и он, как и ранее,

В.А. Дятлова // Родинний архів як сторінка вітчизняної історії: мат.-ли. наук. конф., присвяч. пам'яті д-ра всесвітньої історії, члена іст. т-ва Франції, чл.-кор. Барселон. акад. наук, проф. В.К. Пискорського. Чернівці, 2011. С. 129-134. См.: Дятлов В.А. Идеи В.К. Пискорского о реформе высшей школы // Там же. С. 14-24; Мягков Г.П. Поборник академической свободы. К 150-летию со дня рождения В.К. Пискорского // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии: сборник статей. В 2 т. Т. 1. Чебоксары: 2017. С. 185.

¹ ОР РГБ. Ф. 604. К. 15. Ед. 11. Л. 1 об.

² Иванов А.Е. В преддверии кадетской партии: Всероссийский союз деятелей науки и высшей школы. URL: <http://istprof.ru/2333.html> (дата обращения: 13.08.2017).

³ ОР РГБ. Ф. 604. К. 14. Ед. 16. Л. 3 об.

планирует получить кафедру всеобщей истории в Казанском университете, то ему придется участвовать в конкурсе на профессорскую должность. Согласно мнению Д.А. Корсакова, сам конкурс является ненужной формальностью, однако он обязан его провести, ссылаясь на порядок назначения, зафиксированный в Университетском уставе. Согласно уставу, министр Народного Просвещения при назначении кандидата на профессорскую должность должен знать предварительное мнение факультета по данному вопросу. В следующих письмах Д.А. Корсаков сообщает о том, что факультет направил министру ходатайство, в котором содержится прошение о назначении В.К. Пискорского профессором на кафедру всеобщей истории без проведения конкурса. Несмотря на то, что в итоге Владимир Константинович получил должность профессора без конкурса, в письмах отчетливо видно, каким образом относится к такого рода процедурам не только сам Д.А. Корсаков, но и члены факультета, подписавшие ходатайство.

В целом переписка с «бродниками» наряду с вопросами о реформах содержит и обсуждение непосредственно политической ситуации в Российской империи. В вопросе об обстановке накануне 1905 г. интересны заметки В.А. Мякотина. Освобожденный от полицейского надзора он в ноябре 1904 г. пишет письмо, в котором дает характеристику окружающему его обществу: «*все же свинных морд много*». Проводя сравнение того общества, которое его окружало, с тем, которое было в 1840-х г., Мякотин пишет следующее: «*...для того, чтобы понять это общество, необходимо не перейти от былых 1840-х г. к нынешнему времени, а спуститься*». В письмах Мякотин не только ярко выражает свое недовольство существующим порядком, но и критикует программы политических партий, в частности марксистов. Так, он спрашивает В.К. Пискорского, ознакомился ли тот с новой книгой П.Б. Струве: «*Я не про самого Струве говорю, конечно, он только тупой человек, но если это новая сила на смену, то придется так уж говорить, что мы были неважны, а теперь еще... хуже*».

Наиболее близким ученому по взглядам на события 1907 г. был Е.А. Кивлицкий. В переписке Е.А. Кивлицкий выражал свое неприятие событий следующим образом: «*...избирательная компания, гнусное положение дел в учебных заведениях – все сие само по себе могло довести до уныния...*»¹. Описывая процесс выборов депутатов в III Государственную думу, которые проводились в 1907 г. в Киеве, Е.А. Кивлицкий выражал надежду на то, что по обоим

¹ Е.А. Кивлицкий – В.К. Пискорскому. 1907, 22 февраля // *Піскорський В.К. Вибрані твори та епістолярна спадщина...* Київ, 1997. С. 289.

разрядам пройдут представители кадетской партии, но особо ожидал, что пройдет И.В. Лучицкий. Эти ожидания вполне соответствовали тем, которые были у В.К. Пискорского. Они оправдались, так как в том же году И.В. Лучицкий был выбран в III Государственную думу. Также Е.А. Кивлицкий пишет про «страшную пакость», которая завелась в их округе. В.К. Пискорский прекрасно понимал, что Е.А. Кивлицкий имел ввиду черную сотню, которая стала осуществлять систематические погромы в Киеве. Про черносотенцев писал в письме и В.П. Бузескул. Интересна его заметка¹, в которой, характеризуя одного из кандидатов на кафедру русской истории – Е.П. Трефилева, В.П. Бузескул пишет: «он очень порядочный, корректный и не черносотенец». Таким образом, становится ясно, что для Пискорского были близки взгляды тех, кто был против черной сотни, кто состоял в Академическом союзе.

О событиях, происходящих в России в 1905 г., сделал заметки в письмах и уже упомянутый выше Д.А. Корсаков. О сложившемся положении в обществе он пишет следующее: «...из-за той “мути”, которая происходит теперь на Руси во всех слоях правительственных и общественных, казанская университетская машина совсем в бездействии. Забастовавшие студенты пользуются больше льготными сроками для отдыха, чем того требовали забастовщики рабочие и купеческие приказчики, а совещание министров и председателей департаментов Государственного Совета делает распоряжения, которые немислимо привести в исполнение. Все это более, чем печально, это ужасно»².

Таким образом, в основном информация, характеризующая Владимира Константиновича как политического и общественного деятеля, содержится лишь в переписке с учеными-соотечественниками, а особенно в переписке с членами «броднического клуба». Первостепенным для Владимира Константиновича был вопрос об университетской автономии и процветании того университетского мира, к которому он принадлежал.

Библиография

ОР РГБ. Ф. 604. Пискорский В.К.

Листування В.К. Пискорського // Пискорський В.К. Вибрані твори та епістолярна спадщина / Упор. О.О. Новикова, І.С. Пичугіна. Київ: Фонд «Відродження», 1997. С. 235-324.

Пискорский В. Об общих основаниях, желательных изменений в уставе историко-филологического института К.Н. Безбородко / подгот. текста к публ.

¹ ОР РГБ. Ф. 604. К. 13. Д. 20. Л. 22.

² Д.А. Корсаков – В.К. Пискорскому. 1905, 15 октября // Пискорський В.К. Вибрані твори та епістолярна спадщина... Київ, 1997. С. 289.

В.А. Дятлова // Родинний архів як сторінка вітчизняної історії: мат-ли. наук. конф., присвяч. пам'яті д-ра всесвітньої історії, члена іст. т-ва Франції, чл.-кор. Барселон. акад. наук, проф. В.К. Піскорського. Чернігів, 2011. С. 129-134.

Дятлов В.А. Идеи В.К. Пискорского о реформе высшей школы // Родинний архів як сторінка вітчизняної історії: мат-ли. наук. конф., присвяч. пам'яті д-ра всесвітньої історії, члена іст. т-ва Франції, чл.-кор. Барселон. акад. наук, проф. В.К. Піскорського. Чернігів, 2011. С. 14-24.

Иванов А.Е. В преддверии кадетской партии: Всероссийский союз деятелей науки и высшей школы. URL: <http://istprof.ru/2333.html> (дата обращения: 13.08.2017).

Иванов Ю.Ф. [реп.] В.К. Піскорський. Вибрані твори та епістолярна спадщина / Упор. О.О. Новикова, І.С. Пічугіна. Київ: фонд "Відродження", 1997. 352 с. // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 151-153.

Мягков Г.П. Поборник академической свободы. К 150-летию со дня рождения В.К. Пискорского // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): сборник статей. В 2 т. Т. 1. Чебоксары: 2017. С. 185-192.

Репина Л.П. Грановский и идея всеобщей истории в России // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: коллект. моногр. в честь проф. И.М. Савельевой / отв. ред. А.Н. Дмитриев. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 52-73.

Янів Ірина Дмитрієвна, магістрант, Національний дослідницький університет «Висша школа економіки», г. Москва; lotickaya.ir@gmail.com

CORRESPONDENCE OF V. PISKORSKY

The following article reconstructs activities of Vladimir Konstantinovich Piskorsky, Russian historian, specialist on the history of Spain, in 1891-1905. The analysis of Piskorsky's foundation materials, which included in archival funds of the PRS RSL, allows us to identify the social circle of the historian with an array of personal correspondence. The division of the addressees into several groups allows us to draw conclusions about the purpose of Piskorsky's letters – exchange of scientific literature with colleagues, gratitude to domestic foreign colleagues, informal communication with correspondents, preparation of foreign translations of his works on the history of Spain. Piskorsky's correspondence with various correspondents also makes it possible to reconstruct portraits of the informal group of «brodnyky» members, historians of liberal views. The letters and correspondence of later period of Piskorsky's life are considered as the basis for the reconstruction of his political views on the eve of the first Russian revolution in 1905.

Key words: V.K. Piskorsky, history of Spain, history of Russia, "brodnyky", personal correspondence

Yaniv Irina Dmitrievna, MA student, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; yanividm@gmail.com

Кудратов А.О., Онищенко Е.С., Осокин Д.С.

СУДЬБА КАЗАНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ В.К. ПИСКОРСКОГО: УТРАТЫ И НАХОДКИ

В статье авторы намечают возможные пути поиска книг, которые можно соотнести с личной библиотекой Владимира Константиновича Пискорского, находившейся в г. Казани. Обрисовывается история данной библиотеки, предлагается типология уже найденных книг по критерию наличия на них каких-либо указаний о принадлежности учёному. Также к рассмотрению предложен перечень имеющихся на данном этапе книг, составленный сотрудниками Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского.

Ключевые слова: В.К. Пискорский, Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского, личная библиотека, испанистика, годовые отчеты.

Цель данного текста та, чтобы обратить внимание на ряд проблем, связанных с казанской библиотекой В.К. Пискорского. Как известно, говоря о заслугах историка, его современники – коллеги и ученики – отмечали не только научные изыскания, его выдающийся вклад в российскую испанистику, но говорили о такой странице его деятельности в Казанском университете, как создание библиотеки для практических занятий по всеобщей истории¹.

Фамилия Пискорского по данным годовых отчётов о состоянии университета фигурирует в списке профессоров, начиная с 1907 г.: именно в «Годичном отчете о состоянии Императорского Казанского университета за 1906 год» означено, что в октябре 1906 г. он становится заведующим библиотекой для практических занятий по всеобщей истории.

Что же было сделано Пискорским на этом посту? Для ответа на этот вопрос обратимся к названным годовым отчётам о состоянии императорского Казанского университета. «Стартовый» для Пискорского 1906 год для библиотеки кабинета ознаменовался поступлением в нее 95 книг «в 141 томе», что с прежними приобретениями, как сообщается в отчёте, составило 192 тома². Таким количеством книг библиотека располагала на начало работы Пискорского. О проделанной Владимиром Константиновичем работе по сборанию книг для библиотеки кабинета весьма красноречиво

¹ Отчёт о состоянии Императорского Казанского университета за 1910 год. Казань, 1911. С. 15.

² Годичный отчёт о состоянии Императорского Казанского университета за 1906 год. Казань, 1907. С. 40.

говорят следующие цифры. Уже к первому января 1910 года по документальному каталогу библиотеки числится 407 названий книг, карт и таблиц в 566 экземплярах¹.

В ходе поисков, удалось выяснить, что в настоящее время часть книг Пискорского хранится в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского, куда поступили вместе с книгами библиотеки Татарского государственного гуманитарного педагогического университета. При сплошном просмотре книг были выявлены те издания, которые можно идентифицировать как принадлежавшие лично Пискорскому. Данные книги были переданы в библиотеку Восточно-педагогического института, что было связано с закрытием в середине 20-х гг. XX века историко-филологических факультетов университетов по всей стране. Здесь, как можно судить, интересующие нас книги были слиты с фондом литературы на иностранных языках и рассредоточены по всему фонду среди изданий XVIII–XX вв.

На гипотезу о том, что личные книги Пискорского имеет смысл искать в библиотеке университета, нас наталкивает факт передачи супругой Владимира Константиновича – Зинаидой Захарьевной Пискорской – части библиотеки мужа кабинету для занятий по всеобщей истории².

Об отношении коллег профессора Пискорского к поступку Зинаиды Захарьевны, свидетельствует запись в годичном отчете Казанского университета за 1911 год: «...по ходатайству Историко-филологического факультета и Совета, в библиотеке помещён портрет покойного В.К. Пискорского. Над шкафом с книгами, пожертвованными З.З. Пискорской, сделана надпись: «книги В.К. Пискорского». К имеющимся в библиотеке большим книжным полкам приделаны стеклянные дверцы для большей сохранности книг»³. После этого на личных книгах историка появилась печать кабинета для занятий по всеобщей истории.

На данный момент абсолютно точно можно говорить о принадлежности В.К. Пискорскому прежде всего 15 книг, которые он сам передал кабинету в 1906 г.⁴ Мы располагаем их перечнем, ко-

¹ Отчёт о состоянии Императорского Казанского университета за 1909 год. Казань, 1910. С. 48.

² Отчёт о состоянии Императорского Казанского университета за 1910 год. Казань, 1911. С. 15-16.

³ Годичный отчёт о состоянии Императорского Казанского университета за 1911 год. Казань, 1912. С. 50.

⁴ НА РТ. Ф. 977. Оп. 4. Д. 11318. Л. 2.

торый хранится в Национальном архиве Республики Татарстан. В нем означены следующие издания¹:

1. Большая (стенная) таблица автографов испанских королей от IX до XIX в.

2. Большая (стенная) таблица генеалогического древа испанских королей.

3. Подлинные сочинения М. Лютера (Die Drei grossen Reformationsschriften Luthers von Jahre 1520 Gotha 1884) и Recham'a (Fischreden Weder Haus Wurst).

4. Johan Reuchlins Briefwechsel gesammel und herausgegeben v. Geiger. 1875.

5. Mayerhoff. Johann Reuchlin und seine Zeit. Berlin. 1830.

6. Lexicon der deutschen Geschichte v. Brosien. Leipz. 1882.

7. Mittelhochsdeutsches Worterbuch zum Handsgebrauch v. Ziemann Quedlinburg und Leipzig. 1837.

8. Les grands historiens de(r/n/s) mo(a)yen-age (1 том(ик) со словарем старо-фр. яз.).

9. Istorie fiorentine de Scipione Ammirato (из Sc(k)amabelli). Torino. 1853 (ou(v) I-II).

10. История крестовых походов Мишо. СПб. 1841, т 1 (рус. пер).

11. Полное собрание сочинений. Маколей (изд. Тоблена), т. 1, 2, 6, 7 и 8. (СПб. 1860).

12. Ланглуа и Сеньобос. Введение в изучение истории (рус. пер.) СПб. 1899.

13. Ранке. Об эпохах новой истории. М. 1898.

14. Речи Демосфена против Филиппа. 1 вып. Перевод И. Добиаш.

15. Речи Демосфена против Филиппа. 3 вып. Объяснил И. Добиаш.

Книги, которые находятся в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского КФУ, можно условно разделить на три группы.

К первой группе отнесены книги, на которых обнаружены дарственные надписи, которые явно свидетельствуют о принадлежности книг к личной библиотеке Пискорского. Здесь встречаются автографы и пожелания, адресованные Владимиру Константиновичу, на испанском, немецком, французском, латинском языках.

Вторая группа включает книги, на которых есть тиснение «В.К.» или «W.K.» на корешках.

¹ Список предлагается здесь в той форме, в какой он представлен в рукописном варианте.

Третья группа – это близкие по описанию к проблематике исследований В.К. Пискорского и изданные в Испании и Португалии книги.

В общей сложности на сегодняшний день мы располагаем собранием книг в количестве около 130 единиц хранения. Конечно, поиск ещё не завершён, список может быть в дальнейшем пополнен книгами из Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета, которые не были переданы в Восточно-педагогический институт в 20-х гг. XX века.

Немаловажен тот факт, что на каждой из книг, которые благодаря автографам авторов можно с точностью идентифицировать как книги Пискорского, стоит печать библиотеки кабинета для практических занятий по всеобщей истории. Это даёт нам возможность предположить наличие других книг из личной библиотеки Пискорского в составе библиотеки кабинета. Таким образом, намечается ещё один вектор для дальнейшего поиска. Однако решение задачи поиска книг ученого осложняются прежде всего отсутствием архивных материалов, способных прояснить интересующие нас вопросы.

Библиография

НА РТ. Ф. 977. Оп. 4. Д. 11318. Л. 2.

Годичный отчёт о состоянии Императорского Казанского университета за 1906 год.

Казань: Типо-литография Императорского университета. 1907. 147 с.

Годичный отчёт о состоянии Императорского Казанского Университета за 1911 год.

Казань: Типо-литография Императорского университета. 1912. 181 с.

Отчёт о состоянии Императорского Казанского университета за 1909 год. Казань:

Типо-литография Императорского университета. 1910. 171 с.

Отчёт о состоянии Императорского Казанского университета за 1910 год. Казань:

Типо-литография Императорского университета. 1911. 169 с.

***Кудратов Алик Олегович**, аспирант, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань; alik.kudratov@gmail.com*

***Онищенко Евгений Сергеевич**, студент, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань; zhenya.onichenko1996@mail.ru*

***Осокин Даниил Сергеевич**, студент, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань; ernornie@gmail.com*

HISTORY OF PRIVATE LIBRARY OF V.K. PISKORSKY BASED IN KAZAN

In this article the authors shows available options of book searching, which are possibly can be regarded to private library of V.K.Piskorsky. The authors give historical observing of the library, suggest typology of found books according to the marks denoting affiliation to scientist. Also the list of the books which was compiled by staff of Nikolay Lobachevsky Scientific Library is given in this work.

Key word: V.K. Piskorsky, N.I. Lobachevsky Academic Library, private library, hispanistics, annual reports.

Kudratov Alik Olegovich, PhD student, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan; alik.kudratov@gmail.com

Onishhenko Evgenij Sergeevich, student, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan; zhenya.onichenko1996@mail.ru

Osokin Daniil Sergeevich, student, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan; ernornie@gmail.com

Георгиев П.В.

**УНИВЕРСИТЕТСКАЯ НАУКА
И ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
ИЗ ОПЫТА СЛАВИСТА В.И. ГРИГОРОВИЧА**

В 1854 году в Казанской духовной академии началось преподавание курса славянской палеографии. Для подготовки учащихся к этому предмету в академию был приглашен профессор Казанского университета филолог-славист В.И. Григорович. В статье рассматривается преподавательская деятельность В.И. Григоровича в стенах Казанской духовной академии. Показана роль ученого в формировании интереса к славяноведению среди учащихся академии, выявлены основные моменты его педагогической деятельности.

Ключевые слова: В.И. Григорович, Казанская духовная академия, Казанские учёные, слависты, славяноведение, история славяноведения, славянская палеография.

Имя Виктора Ивановича Григоровича (1815-1876) одного из основателей русского славяноведения, филолога-слависта, профессора Казанского, Московского, Новороссийского университетов хорошо известно. Одним из самых значительных периодов научной деятельности В.И. Григоровича по праву можно назвать казанский период. В Казанском университете В.И. Григорович был профессором кафедры истории и литературы славянских наречий. В Казани им была защищена магистерская диссертация «Опыт изложение литературы словен в её главнейших эпохах». В 1844–1847 гг. В.И. Григорович совершил научную командировку по славянским землям, которая имела большое значение в развитии научных связей, содействовала становлению молодой русской славистики, укрепила общеславянские культурные связи. Особенно эта поездка содействовала укреплению русско-болгарских связей. До сих пор в Болгарии чтут память В.И. Григоровича, его именем названы улицы и школы¹.

Одним из плодотворных периодов в научной и преподавательской деятельности Григоровича можно назвать время его преподавания в Казанской духовной академии. По словам самого Григоровича, этот краткий период (всего два года) своей деятельности он

¹ Дроснева Э.Д., Казански Н.Р. Болгары и Болгария о В.И. Григоровиче // В.И. Григорович и развитие славяноведения в России: материалы «круглого стола» с международным участием, посвященного 200-летию со дня рождения ученого. Казань, 2015. С. 181.

считал самым лучшим периодом в своей жизни. Здесь, даже за такой короткий промежуток времени, Григорович обрел множество благодарных учеников, и Казанская академия, по его же словам, стала для него даже ближе, чем университет¹. Это и не удивительно, поскольку в академии у Григоровича было гораздо больше слушателей, чем в университете. Притом «слушателей избранных, привычных к труду и научно развитых»². По словам Н.Я. Аристов, известного воспитанника Казанской академии, «когда студенты казанского университета редко заглядывали скучные лекции профессора Григоровича, мы с глубоким уважением относились к нему, как к прекрасному человеку и превосходному профессору, и отлично понимали, что мы многим ему обязаны в своем развитии. Часто приглашал он нас к себе на квартиру и руководил нашими работами, наделял сочинениями, каких не было в нашей библиотеке; он не скрывая делал предпочтение студентам академии сравнительно с студентами университета и превозносил их за труды и добросовестные занятия»³. И другой студент Григоровича, выпускник университета, также вспоминал, что в среде университетского студенчества «к славянству, к истории его и литературе – чувствовали полнейшее равнодушие. В гимназиях славянский язык был в полном пренебрежении. Из многих товарищей-однокурсников ни один не проявил склонности к изучению славянских языков, несмотря на весь научный авторитет Григоровича, да и на других курсах специалисты были явлением единичным. Положение Григоровича было поистине трагикомическое. Он с необыкновенным жаром и пылом рассказывал что-нибудь о “глаголице”, сравнивал ее с “кириллицей”, показывал древнейшие рукописи из собственной своей библиотеки, – чуть ли не XI или XII столетия, – с жаром толковал о “юсах” и о трудах Востокова в этой сфере – и все это при полнейшем равнодушии студентов... Университетская молодежь тогдашнего времени всего менее сочувствовала славяноведению, не видя в нем ничего привлекательного, отрадного; студенты увлекались более публицистикой, социальными науками, чтением журналов и газет. Таково было общее направление большинства, и мало кого могли увлечь, заинтересовать вопросы о “глаголице” или “кириллице”, о времени их происхождения и т.п. ...Отсюда есте-

¹ См.: Знаменский П.В. История Казанской духовной академии за первый (до-реформенный) период ее существования (1842-1870 годы). Вып. 2. С. 384-386.

² Там же. С. 384.

³ Аристов Н.Я. Афанасий Прокофьевич Шапов. (Жизнь и сочинения). СПб, 1883. С. 24.

ственно, что покойный профессор Григорович, несмотря на всю свою высокоталантливость, универсальность своих знаний, несмотря на свою симпатичность и доброту, находил всего трех-четырёх специалистов в своем распоряжении из 50-60 человек тогдашнего филологического факультета и сидел на кафедре, как печальная сова на развалинах средневекового замка»¹.

В.И. Григорович не являлся единственным профессором Казанского университета, который совмещал преподавательскую деятельность в университете и в духовном учебном заведении. Здесь можно, например, назвать имя другого известного казанского слависта, одного из учеников Григоровича, Александра Ивановича Александрова. Университетская наука той поры, таким образом, имела соприкосновение с духовным образованием, что было одной из особенностей университетского славяноведения той поры. На наш взгляд, дело здесь было не только в близости Церкви к славяноведческой науке. Церковный дискурс был неотъемлемой составляющей славяноведения той поры, и такой подход был оправдан, поскольку вне церковного контекста славяноведческие исследования не могли быть полными.

В 1854 году при Казанской духовной академии было открыто миссионерское отделение против раскола. Кроме того, по ходатайству архиепископа Казанского и Свяжского Григория, при Казанской духовной академии разрешено было Святейшим Синодом издавать духовный журнал «с преимущественным направлением против раскола», получивший название «Православный собеседник». Для изучения истории раскола в Казанскую духовную академию была переведена из Соловецкого монастыря библиотека рукописей и старопечатных книг². При изложении истории раскола в миссионерском отделении и при полемике с расколом необходимо было пользоваться древними славянскими рукописями и старопечатными книгами³.

Для этой цели и было решено начать преподавание в академии курс славянской палеографии. Для преподавания славянской палеографии в Казанскую духовную академию был приглашен

¹ Овсянников А.И. Из воспоминаний старого педагога // Русская старина. 1899. Т. 98. № 6. С. 682.

² См.: Макарова (Недашковская) Н.И., Мяжков Г.П. Соловецкая библиотека как фактор развития славяноведения в Казани // Исследования по Русской истории и культуре. Сб. ст. к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. М., 2006. С. 430–441; Порфирьева И.В. Библиотека Казанской Духовной академии и её хранители // В.И. Григорович и развитие славяноведения в России. Казань, 2015. С. 168–177.

³ Порфирьев И.Я. Памяти В.И. Григоровича // Православный собеседник. 1877. Ч. 1. С. 78.

В.И. Григорович. Виктор Иванович принял это приглашение и в течение почти двух лет (1854-1856) преподавал палеографию безвозмездно¹. В сентябре 1855 года Виктор Иванович приступил к занятиям. Предполагалось, что эти занятия будут занимать лишь 5-6 часов в течение целого года. Однако преосвященный Григорий настоял на том, чтобы славянская палеография читалась в течение целого года по одной лекции в неделю для младшего курса².

По словам П.В. Знаменского, Григорович «своим одушевлением с первой же лекции завоевал себе полное внимание академической аудитории...»³. Его каждая лекция заключала массу любопытных сведений из совершенно новой для академии научной области, а именно из области сравнительного изучения славянских наречий. Таким образом, Григорович вышел за рамки узкоспециальной темы, которую он должен был преследовать в своем преподавании⁴. Сохранилась программа, по которой вел преподавание ученый-славист⁵. Григорович знакомил слушателей с «замечаниями» о письменности славян вообще, изучались черты, резы, глаголица и кириллица. Уделялось особое внимание тем вопросам, которые занимали и самого Григоровича, прежде всего спорам о глаголице и кириллице, рассмотрению рукописей глаголических и кириллических. Студенты, по свидетельству П.В. Знаменского, «воодушевленно принимали новые знания, прекрасно подготовились и сдали экзамен»⁶. «Каждый студент отвечал так свободно и обстоятельно, точно читал какую-нибудь публичную лекцию»⁷.

Но самое важное, по словам того же Знаменского, заключалось в том, что лекции Григоровича «послужили к развитию среди студентов интереса и вкуса к изучению памятников славянской письменности и славянства вообще»⁸. Преподавание Григоровича, и по отзывам современников, и по признанию исследователей творчества ученого, «сделало новую эпоху»⁹, в научных симпатиях и занятиях студенчества произошел настоящий переворот. Изучение русской и славянской истории выступило на первый план¹⁰.

¹ Там же. С. 79.

² Знаменский П.В. История Казанской духовной академии... Вып. 2. С. 383–384.

³ Там же. С. 384.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 384–385.

⁶ Там же. С. 385.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Сергеев А.В. Исторические взгляды В.И. Григоровича. Казань, 1978. С. 13.

¹⁰ Знаменский П.В. История Казанской духовной академии ... Вып. 3. С. 279.

Об особом интересе к лекциям Григоровича в академии говорит тот факт, что у Виктора Ивановича появилось много учеников. Среди выдающихся воспитанников Григоровича – А.И. Лилов, А. Троянский, Н.Я. Аристов и др. Позже многие из них стали крупными специалистами в области славяноведения. Об одном из них стоит сказать особо. Александр Ильич Лилов (1832–1890) до того заинтересовался преподаванием Григоровича, что в течение года под его руководством успел сделаться настоящим специалистом славяноведения и по окончании курса был рекомендован самим Григоровичем в качестве преемника по кафедре палеографии¹. Преосвященный Григорий и ректор Агафангел были рады открытию такого редкого специалиста между воспитанниками самой же академии и отнеслись к рекомендации Григоровича с большим сочувствием. Лилов был оставлен при академии бакалавром греческого языка и палеографии².

В Академии Григорович оказал влияние еще на одного талантливого ученика – Афанасия Прокопьевича Щапова (1831–1876), впоследствии известного историка, профессора кафедры русской истории в Казанском университете. Щапов занимался Соловецкой библиотекой, привезенной в академию на последнем году его обучения. В это же время он познакомился с В.И. Григоровичем. Будучи одним из лучших знатоков славянских рукописей, Григорович занимался с Щаповым и позволил ему пользоваться рукописями своего собственного рукописного собрания. Одна из рукописей В.И. Григоровича – «Беседа трех святителей» – потом особенно часто фигурировала в исторических работах Щапова³.

П.В. Знаменский счел необходимым подчеркнуть, что Григорович «полюбил академических студентов даже больше своих университетских слушателей, которые мало интересовались его лекциями»⁴. Он часто приглашал студентов к себе на квартиру для бесед, показывал им сокровища своей библиотеки и делился с ними своими громадными знаниями и учеными пособиями⁵. Григорович *«с удовольствием показывал всем свое собрание редких и дорогих рукописей; в богатой библиотеке его было множество таких книг, какие трудно было достать в другом месте, и он всем позволял пользоваться этими книгами. Много книг очень ценных для славяноведения он в разное время пожертвовал от себя*

¹ Там же. Вып. 2. С. 34, 385.

² Там же. С. 34.

³ Там же. 117.

⁴ Там же. С. 386.

⁵ Там же.

в академическую библиотеку. Он и сам был богатою библиотекою, которую так же всегда можно было пользоваться всем и каждому; с обширными и разнообразными сведениями по многим наукам в нем соединялась всегдашняя, неохлаждаемая никакими разочарованиями готовность делиться этими сведениями со всяким человеком. Даже на беглый вопрос о каком-нибудь предмете он не ограничивался простым и кратким ответом, а излагал часто всю литературу этого вопроса; а в ком замечал настоящее расположение к славянской науке, тому не надо было и спрашивать ни о чем: он сам указывал ему, на что нужно обратить внимание в известном вопросе, какие прочесть книги, какие существуют мнения о том или другом предмете...»¹. Своих академических учеников Григорович помнил всю свою жизнь. Незадолго до своей кончины в 1876 году Виктор Иванович с участием вспоминал о них, расспрашивая о судьбе каждого².

Среди преподавателей Казанской духовной академии Григорович запомнился как преданный науке и немного чудаковатый, но удивительно бескорыстный, по-детски наивный человек. П.В. Знаменский так характеризовал Григоровича: «*страстный любитель славянства, профессор-идеалист с младенчески чистой душой*»³. Профессор Казанской духовной академии И.Я. Порфирьев подчеркивал: «*Виктор Иванович принадлежал к числу тех личностей, одно присутствие которых в высшей степени благотворно*»⁴.

Известно, что Григорович жертвовал много рукописей в дар Троице-Сергиева монастыря, в библиотеку Московской духовной академии. Он был знаком с А.В. Горским (1812-1875), историком церкви, профессором и ректором Московской духовной академии, коему тоже передавал в дар рукописи⁵. Много очень ценных книг для славяноведения он в разное время пожертвовал и в библиотеку Казанской духовной академии. В.И. Григорович часто встречался со служителями церкви, любил в душевной беседе потолковать о православных греческих святынях, об Афоне⁶. Огромное значение

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же. С. 384.

⁴ Там же. С. 386.

⁵ Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина: указатель. Т. 1. Вып. 2. (1917-1947). С. 93, 132, 234.

⁶ Агафонов Н.Я. Воспоминание об А.С. Гациском // Агафонов Н.Я. Из Казанской истории. Казань, 1906. С. 84; Гациский А.С. Воспоминания А.С. Гациского о А.М. Бутлерове, С.В. Ешевском и др. профессорах 1850-х годов // Былое из университетской жизни: Лит. сб. к 100-летию Имп. Казан. ун-та. Казань, 1904. С. 110; Корсаков Д.А. Былое из жизни Казанского университета 1856-1860 гг.: Из воспоминаний о прошлом // Там же. С. 174.

Григорович придавал церковнославянскому языку. В нем он усматривал «начала духовного единства, скрепившего разрозненные племена», видел «условие славянской взаимности и стимул к просвещению и общечеловеческому развитию»¹.

Библиография

Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина: указатель. Т. 1. Вып. 2. (1917-1947).

Агафонов Н.Я. Воспоминание об А.С. Гациском // Агафонов. Н. Из Казанской истории. Казань, 1906. Лито-Тип И.Н. Харитонова. С. 80–99.

Александров А.И. Виктор Иванович Григорович, профессор славянских наречий. (Страничка из истории казанского университета). Казань, 1901. 30 с.

Аристов Н.Я. Афанасий Прокофьевич Шапов. (Жизнь и сочинения). СПб., 1883.

Гациский А.С. Воспоминания А.С. Гациского о А.М. Бутлере, С.В. Ешевском и др. профессорах 1850-х годов // Былое из университетской жизни: Литературный сб. к 100-летию Имп. Казан. ун-та. Казань: Типография Имп. ун-та, 1904. С. 105–117.

Дроснева Э.Д., Казански Н.Р. Болгары и Болгария о В.И. Григоровиче // В.И. Григорович и развитие славяноведения в России: материалы «круглого стола» с международным участием, посвященного 200-летию со дня рождения ученого, Казань, 10 апреля 2015 г. / составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинец. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. С. 141-184.

Знаменский П.В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842-1870 годы). Казань, 1892. Вып. 2, 3.

Корсаков Д.А. Былое из жизни Казанского университета 1856-1860 гг.: Из воспоминаний о прошлом // Былое из университетской жизни: Литературный сборник к 100-летию Имп. Казан. ун-та. Казань, 1904. С. 136–190.

Макарова (Недашковская) Н.И., Мягков Г.П. Соловецкая библиотека как фактор развития славяноведения в Казани // Исследования по Русской истории и культуре. Сб. ст. к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. М.: Издательский дом «Правда», 2006. С. 430–440.

Овсянников А.И. Из воспоминаний старого педагога // Русская старина. 1899. Т. 98. № 6.

Порфирьев И.Я. Памяти В.И. Григоровича // Православный собеседник. 1877. Ч. 1.

Порфирьева И.В. Библиотека Казанской духовной академии и её хранители // В.И. Григорович и развитие славяноведения в России: материалы «круглого стола» с международным участием, посвященного 200-летию со дня рождения ученого, Казань, 10 апреля 2015 г. / составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинец. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. С. 168–177.

Сергеев А.В. Исторические взгляды В.И. Григоровича. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. 132 с.

Георгиев Павел Валентинович, кандидат исторических наук, ведущий библиограф, Научная библиотека имени Н.И. Лобачевского, Казанский федеральный университет; georgiev.pawel@yandex.ru

¹ Александров А.И. Виктор Иванович Григорович, профессор славянских наречий. (Страничка из истории казанского университета). Казань, 1901. С. 19.

UNIVERSITY SCIENCE AND RELIGIOUS EDUCATION: FROM EXPERIENCE SLAVIST V. GRIGOROVICH

In 1854, the Kazan Theological Academy began teaching the course of slavic paleography. To study the slavic paleography in the academy was invited to the professor of Kazan University V. Grigorovich. In the article the teaching activity of V. Grigorovich and the significance of the course of slavic paleography for students of the Academy.

Key words: V. Grigorovich, Kazan Theological Academy, Slavists, Slavic Studies, History of Slavic Studies, Slavic paleography

Georgiev Pavel Valentinovich, *Candidate of History, bibliographer*, N.I. Lobachevsky Academic Library, *Kazan Federal University, Kazan*; georgiev.pawel@yandex.ru

Недашковская Н.И.

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС В НАСЛЕДИИ ЕВРОПЕЙСКИХ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСКИХ ПРОЕКТОВ (славистика в Казанском университете в 1900-е гг.)¹

В статье рассматривается взаимосвязь и взаимное производство научного и идеологического дискурсов эпохи нациестроительства, а также их реликты в методологических исканиях славистов последующих поколений. Славистика в Казанском университете начала XX века исследуется как пример смены вех в методологической мысли всего славяноведческого комплекса дисциплин.

Ключевые слова: научный дискурс, идеология, теория нации, славистика, текстология, источниковедение.

Славяноведение, как и историография, и целый ряд других гуманитарных наук, является интеллектуальным продуктом эпохи романтизма. Идея признания Другого – одна из конститутивных для нациестроительства – во многом породила и методологические построения романтиков в области осмысления прошлого. На базе сравнительно-исторического метода на рубеже XVIII–XIX вв. в русле интеллектуальных проектов национального возрождения славянских народов в Европе была создана новая наука славистика с неочевидным для определения предметом – «славянский мир»².

История славяноведения XIX – начала XX в. – один из парадоксальных нарративов историографии. В силу своей специфики как сложной комплексной науки о славянской культуре, включающей исторические, этнографические, историко-литературные, лингвистические и др. исследования, а также по причине вовлеченности в политические процессы, связанные с борьбой за независимость славянских народов, славяноведение с самого начала своего существования вызывало противоречивые суждения и оценки ученого мира. XX столетие во многом унаследовало сложившиеся историографические мифы.

В результате большинство открытий междисциплинарного и специального характера до настоящего времени остаются вне контекста интеллектуальной истории модерна, не сопряжены друг

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-24-49004.

² См.: Мязгов Г.П., Недашковская Н.И. Славяноведение // Татарская энциклопедия. Т. 5. Казань, 2011. С. 346.

с другом, сама история славяноведения не имеет адекватной научной периодизации (общепризнанным является только выделение первого и второго поколения славистов, последующие этапы социально детерминированы¹), отсутствуют научные биографии многих крупных славяноведов, не исследован процесс специализации данной науки, ее методологические парадоксы и кризисы.

Одна из важнейших, недостаточно изученных и неразгаданных граней истории славистики – процесс формирования фундаментального корпуса ее источников, которому сопутствовало оформление источниковедения и текстологии как базовых дисциплин науки, работающих с большим «гипертекстом» древних славянских памятников.

Для славистики, по самому своему замыслу ориентированной на Европу, с её идеологией панславизма, задачей найти философские, методологические и эмпирические обоснования корней, судьбы и роли славян во всеобщей истории в ряду других европейских наций, создание адекватного этим задачам корпуса источников стало не только основным инструментом профессионализации, но и наиболее значимым инструментом идеологического строительства.

Масштабные научные труды славистов, определившие концепцию развития целых отраслей комплексной науки о славянах, содержат семиотически нагруженные декларации о путях возвращения славян к всемирности, т.е. реконструкции их равной с другими роли в истории европейской цивилизации. Так, например, П.И. Шафарик в «Славянских древностях» (1837) ставит задачу доказать в противоположность немецким историкам «старобытность славян в Европе». В.И. Григорович, последователь А.Х. Востокова, начинает свой труд «Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах» (1843) с утверждения: «Род Словенский также древен в Европе, как и германский»². Для него славяне – на пути к всемирности: «...с сознанием Христианисма начинается история по отношению к человечеству»³. Политическая ангажированность важнейших нарративов славистики оказывала прямое влияние на процессы государственного строительства славян Центральной Европы и Балканского полуострова, была связана с идеологическим проектированием претензий Российской империи на ведущую роль в политическом развитии славянских народов

¹ Славяноведение в дореволюционной России. М., 1988. С. 3-65.

² Григорович В.И. Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах. Ч. 1: 1 и 2 эпохи. Казань, 1843. С. 3.

³ Там же. С. 8.

в Европе. Именно надинституциональный общеевропейский славистический дискурс сформировал политические языки панславизма и славянского нацистроительства в общественном сознании Европы двух последующих столетий.

Созданная представителями первого поколения славистов – Й. Добровским, П.Й. Шафариком, В. Копитарем, А.Х. Востоковым и др. методологическая модель славяноведения основывалась на сравнительно-историческом изучении всех граней культуры славянского мира. Концептуальный центр модели составлял взгляд на славянское Просвещение (принятие Христианства) как на единство фактов языка, истории, культуры. Эта модель позволила поставить перед общественной мыслью и гуманитарным сообществом ряд ключевых для славистики вопросов, таких, как этногенез славянских народов, их место во всемирной истории; христианская история славян, изучение деятельности и наследия славянских просветителей св. Кирилла и Мефодия, происхождение славянской письменности, феномен церковнославянского языка, его взаимосвязи с живыми славянскими языками и др. Закономерно, что их разработка открыла европейской общественной мысли и богословию славянский православный мир *Slavia Orthodoxa*, раздвинула географически и обогатила эмпирически церковную историю, расширила источниковый корпус истории, филологии, библеистики, дополнила богословие особой отраслью – историей славянской Библии.

Позитивистские и последующие критики романтического славяноведения впоследствии упрекали первое поколение славистов в неспособности реализовать свои проекты, указывая, что методологический синтез деградировал в ходе специализации и фактического распада славистики на разные дисциплины, объединенные лишь генезисом предмета. Этот конфликт поколений рассматривался нами на материале ряда историографических нарративов¹. Не останавливаясь в данной статье на его деконструкции, важно, однако, заметить, что источниковедческая и текстологическая программы романтического проекта славяноведения были выдержанны, реализованы настолько успешно, что создали эффективную базу источников для последующего славяноведения и идеологического строительства, а критический метод источниковедения древних славянских текстов и текстология, понятая вслед за европей-

¹ См.: *Недашниковская Н.И., Мяжков Г.П.* Полемика вокруг трактата Л. Штура «Славянство и мир будущего»: романтизм и нигилизм в дискурсе проектов славянского национального возрождения XIX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2017. Т. 159, кн. 4. С. 856-872.

скими теологами, как внешняя история текстов и их верифицируемое понимание, превратились в устойчивую научную традицию, воспринятую славистикой XX века через «два рукопожатия», два поколения ученых. Таким образом, схолярные историографические сюжеты славистики оказываются показательным объектом интеллектуальной истории.

Чрезвычайно любопытный и наглядный материал, иллюстрирующий пути развития и преемственности источниковедческих и текстологических взглядов в европейской и российской славистике, дает история «провинциальной» казанской школы славяноведения. Важно учитывать, что славистический дискурс с самого начала создавался в общеевропейском интеллектуальном коммуникативном пространстве при участии и/или под патронажем выдающихся представителей власти. В России решающую роль в этом процессе сыграл Румянцевский кружок, подаривший славистике будущего академика А.Х. Востокова, широко известного как основателя сравнительно-исторического славянского языкознания, раскрывшего загадку носовых гласных (юсов) в церковнославянском языке, первого исследователя и издателя Остромирова Евангелия, «Описания русских и славянских рукописей Румянцевского музея» и пр.

Последователь А.Х. Востокова, один из первых университетских профессоров-славистов уже «Уваровского призыва»¹ В.И. Григорович, выпускник Харьковского и Дерптского университетов, стал профессором славянских наречий в Казанском университете (1839-1865), затем, оставив в Казани учеников и последователей как на уровне метаидей (историцизма, методологического синтеза и т.д.), так и на уровне текстологической школы работы с источниками, продолжил труд «антиквария» и профессора славистики в Новороссийском университете (1865-1876). Его исследованиями по языковедению и истории славянских литератур [«Исследования о церковнославянском наречии, основанные на изучении его в древнейших памятниках, на исторических свидетельствах и отношении его к новейшим наречиям» (1840), «Опыт изложения литературы славян в ее главнейших эпохах» (1842)] было положено начало славянской филологии в Казани. В дальнейшем она развивалась усилиями казанских учеников ученого: М.П. Петровского, И.Я. Порфирьева и др. В.И. Григорович стоял и у истоков истори-

¹ Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обретала научную и практическую значимость // Новое литературное обозрение. 2013. № 122. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/122/15v.html> (последнее обращение: 09.03.2015).

ческого славяноведения в Казанском университете [«О Сербии в ее отношении к соседним державам, преимущественно в XIV и XV столетиях (1858), ориентируя на исторические темы своих учеников (напр., П.А. Ровинского)]. Правда, по ряду причин это направление не развивалось до 1870–80-х гг., когда началось возрождение данной отрасли трудами И.Н. Смирнова, ученика Н.А. Осокина.

После отъезда В.И. Григоровича в Одессу (1865) кафедру занимал его ученик М.П. Петровский (1833-1912). С 1875 г. Мемнон Петрович – доктор славянской филологии *honoris causa* и ординарный профессор, в 1885 г. из-за недовольства новым уставом и обстановкой, сложившейся в университете, вышел в отставку и посвятил себя исключительно научной деятельности. Член-корреспондент Академии наук с 1895 г., заграничный член Чешской академии наук, литературы и искусств императора Франца Иосифа с 1899 г., М.П. Петровский изучал славянскую диалектологию, переводил со славянских языков в стихах и прозе (около двухсот произведений), сотрудничал в славянофильской прессе, перевел «Историю сербохорватской литературы» И.В. Ягича, писал историографические работы (в т.ч. о В.И. Григоровиче), издавал памятники славянской письменности, переписывался и сотрудничал с крупнейшими европейскими славяноведами.

В 1911 г. научная традиция, генетически восходящая к академику А.Х. Востокову, была поддержана сыном М.П. Петровского, который занял кафедру славянской филологии. Нестор Петровский – автор более трехсот работ по истории славянских литератур и языков, историографии славяноведения, переводчик трудов зарубежных славяноведов и произведений славянских писателей. С 1907 г. Н.М. Петровский – профессор Казанского университета, с 1917 – член-корреспондент Российской академии наук, коллега, корреспондент и научный единомышленник А.А. Шахматова, который после революции во спасение казанского ученого предпринял попытку открыть в Казани филиал Пушкинского Дома и спасти его уникальную библиотеку.

Период активной деятельности Н.М. Петровского пришелся на эпоху «реинституционализации» славистики, спроектированной и формировавшейся на ушедших на тот момент в прошлое идеологических и философских основаниях, продолживших существовать в интеллектуальной практике XX века лишь в качестве остаточных идеологем (идеи нации и национального государства) и аксиоматических методологических установок (историзм, историцизм и др.). Н.М. Петровский, унаследовавший инструментарий и эмпи-

рический багаж славистики от ее основателей, одновременно чутко реагировал на актуальные вопросы развития науки, среди которых самым значимым оказался вопрос о необходимости для славяноведческой науки заново институционализироваться в изменяющихся условиях. Закономерным результатом специализации славяноведения стала потребность в интеграции уже на новых уровнях (не внутри одной науки), и Н.М. Петровский одним из первых в XX веке начал работать над новым проектом славистики.

Библиография

- Вишленкова Е.А., Ильина К.А. Об ученых степенях и о том, как диссертация в России обретала научную и практическую значимость // Новое литературное обозрение. 2013. № 122. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/122/15v.html> (дата обращения: 09.04.2018).
- Григорович В.И. Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах. Ч. 1: 1 и 2 эпохи. Казань: Унив. тип., 1843. 110 с.
- Мяжков Г.П., Недашковская Н.И. Славяноведение // Татарская энциклопедия. Т. 5. Казань: Ин-т татарской энциклопедии, 2011. С. 346.
- Недашковская Н.И., Мяжков Г.П. Полемика вокруг трактата Л. Штура «Славянство и мир будущего»: романтизм и нигилизм в дискурсе проектов славянского национального возрождения XIX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2017. Т. 159, кн. 4. С. 856-872.
- Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М.: Наука, 1988. 400 с.

Недашковская Надежда Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва; n.nedashkovskaya@yandex.ru

RESEARCH DISCOURSE IN HERITAGE OF THE EUROPEAN NATION-BUILDING PROJECTS (Slavic studies at the Kazan University in the 1900s)

The interrelation and mutual production of research and ideological discourses of an era of nation-building and their relicts in methodological searches of Slavists of the subsequent generations are considered in the article. The Slavic studies at the Kazan University of the beginning of the 20th century are investigated as an example of change of landmarks in a methodological thought of all disciplines of Slavic studies complex.

Key words: research discourse, ideology, theory of the nation, Slavic studies, textology, source study.

Nedashkovskaya Nadezhda Igorevna, Candidate of Philology, Assistant Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow; n.nedashkovskaya@yandex.ru

Ежова С.А.

**АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ АЛЕКСАНДРОВ
(ЕПИСКОП ЯМБУРГСКИЙ АНАСТАСИЙ):
КАЗАНСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ**

В статье, посвященной профессору славянской филологии А.И. Александрову (1861-1918) рассмотрена его профессиональная деятельность в Казанском университете и духовной академии, а также участие в общественной жизни Казани в конце XIX начале XX вв. На основе архивных данных и сведений, предоставленных потомками, реконструированы малоизвестные страницы биографии ученого.

Ключевые слова: Казанский университет, Казанская духовная академия, профессура, А.И. Александров.

В июле 1911 г. в Раифском монастыре архиепископом Казанским Иаковом (Пятницким) был пострижен в монашество с именем Анастасий известный ученый-славист, заслуженный ординарный профессор Казанского университета Александр Иванович Александров. Путь к этому был долгим и не простым, хотя, казался предназначенным правом рождения – он происходил из духовного звания. Его отец Иоанн Александров (1836–1900) начал священническую службу в с. Байтерьяково Лаишевского у. Казанской губернии, где и родился 16 апреля 1861 г. его первенец Александр. Едва младенцу исполнился месяц, в селе случился большой пожар, в полной мере показавший стойкость веры и крепость духа молодого батюшки. Когда загорелись первые дома, он совершал божественную литургию в храме¹ и, несмотря на то, что в огне пожара полыхал его дом, сгорало скромное имущество, довел службу до конца, убедив и причетника не покидать церковь. За подобную самоотверженность получил признательность епархиального начальства с внесением в послужной список². Священник Александров хорошо знал жизнь простого народа, его тяготы и печали. В 1860-е г. он служил в соборах Мамадыша и Чистополя, пять лет

¹ Владимирско-Богородицкая церковь в с. Байтерьяково была построена из красного кирпича в конце XVIII в. К началу XX в. здание обветшало и нуждалось в ремонте. В 1912-1913 гг. на средства прихожан и епископа Анастасия (Александрова) церковь была перестроена. Владыка Анастасий лично освятил храм. В 1908 г. в селе Байтерьяково проживало 1408 человек, по состоянию на 2000 г. – менее 10.

² *Алексеев И.Е.* На страже империи. Казань, 2009. Вып. 3. С. 110; См. также: *Алексеев И.* «Это был стойкий и убеждённый работник...». URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/05/26/to_byl_stojkij_i_ubezhdyonnyj_rabotnik/

(1862–1867) безвозмездно совершал богослужения в Мамадышском тюремном замке, увещевал, исполнял христианские требы заключенных. Имел опыт преподавания – два года работал учителем Чистопольского духовного училища. В 1870 г. был переведен в Казань, служил в разных церквях города: Духовской, построенной для рабочих суконной фабрики, Кладбищенской, Троицкой при тюремном гражданском замке, Евдокиинской, приход которой считался одним беднейших в городе. Три года (1873–1876) бесплатно учил закону Божьему малолетних арестантских детей в тюремном приюте, и преподавал в школе для заключенных. Некоторое время представлял православную церковь в Судебной палате и окружном суде, а такими представителями могли быть только авторитетные и опытные священнослужители с хорошей репутацией. Пастырские заслуги протоиерея Иоанна Александрова неоднократно отмечались епархиальным начальством.

К началу 1880-х гг. у него было уже семеро детей: Александр, Константин, Михаил, Ольга, София, Анастасия, Дмитрий. Все они получили воспитание в строго церковном духе, провели детство при храме, однако, когда мальчикам пришла пора учиться, родители предпочли дать им светское образование – выбор пал на 1-ю Казанскую мужскую гимназию. Нелегкая жизнь священника, тесно соприкасавшаяся с лишениями и страданиями, материальные сложности неизбежные при большой семье могли побудить отца желать сыновьям лучшей доли.

Окончив в 1879 г. гимназию, А.И. Александров поступил на историко-филологический факультет Казанского университета¹. Занимался под руководством выдающихся лингвистов – профессоров И.А. Бодуэна-де-Куртенэ и Н.В. Крушевского. В 1883 г. получил степень кандидата за работу «Детская речь», в которой провел научный анализ развития речи русского ребенка – результат систематических наблюдений над развитием речи своего младшего брата Дмитрия. После окончания университета был оставлен стипендиатом для приготовления к профессорскому званию. В 1884 г. уехал на полтора года в научную командировку в Дерптский (Юрьевский) университет, где продолжил занятия сравнительным языковедением и санскритом. Параллельно изучал литовский, латышский и польский языки, летние месяцы проводил в прибалтийских губерниях: Виленской, Ковенской и Сувалкской, для разговорной практики полностью погружаясь в языковую среду.

¹ Шишкин В. Александров Александр Иванович // Казанский университет. 1804–2004: биобиблиогр. словарь. Казань, 2002. Т. 1. С. 17–18.

В Дерптском университете он защитил диссертацию на степень магистра «Язык национального поэта Литвы Донелайтиса: К семасиологии» (1886 г.) и доктора наук «Литовские этюды: Именные сложные слова» (1888 г.) – обе на немецком языке. В Дерпте Александр Иванович начал свою научную и преподавательскую деятельность, и впоследствии, когда выдавалась такая возможность, охотно возвращался в эти места. Так, в 1902 г. он представлял Казанский университет на праздновании 100-летия Юрьевского (Дерптского) университета, а летом 1903 г. по заданию Русского географического общества выполнял работу по изучению литовских говоров в Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях¹.

В 1886–1888 гг. он состоял приват-доцентом Харьковского университета, а в ноябре 1888 г. в возрасте 27 лет был утвержден в звании экстраординарного профессора кафедры сравнительного языковедения и санскрита Казанского университета. Через год перешел на кафедру славянской филологии, в теме своей вступительной лекции обозначив научный интерес к старославянскому языку и его значению в истории славянства².

А.И. Александров представлял собой тип молодого, высокообразованного профессора европейского уровня, блестящего лингвиста и полиглота. Он в совершенстве владел санскритом, свободно говорил на многих славянских языках, хорошо знал немецкий, литовский, использовал любую возможность для изучения языка, его заинтересовавшего. Недолгий харьковский период ознаменовался изучением украинского, а также уроками болгарского языка, взятыми у профессора М.С. Дринова³. Славянские диалекты, старославянская палеография, памятники славянской письменности, политическая и церковная история славянства, психология и физиология речи представляли область его научных интересов.

В первой половине 1890-х гг. почти каждое лето он проводил в научных командировках в балканских странах. В 1890-е г. обратив внимание на слабую изученность истории Черногории, во многом связанную с гибелью источников во время всевозможных набегов и войн, занялся поиском и сбором рукописей, относящихся к ее истории периода правления династии Петровичей-Негошей (с начала XVII в.). Работал в монастырских библиотеках и архивах Сербии, Далмации, Черногории, Болгарии, в Константинополе и на

¹ ГА РТ. Ф. 977. Оп. 619. Д. 1. Л. 232.

² Языковедение и славяноведение, их метод и задача: Язык церковнославянский в историческом прошлом славянства. Казань, 1889.

³ **Дринов Марин Степанович** (1838–1906) профессор Харьковского университета, историк, филолог, общественный деятель. Болгарин по национальности, один из основателей возрожденного в 1878 г. Болгарского государства.

Афоне. Посещение в 1891 г. Афона стало одним из ярких воспоминаний его жизни, позднее в 1896 г., он опубликовал подробный отчет о своем путешествии на Святую Гору, описал уклад монастырской жизни. Атмосфера аскезы, древние храмы, присутствие на торжественных богослужениях создавали особый душевный настрой, и «*это святое настроение сохранил я на всю жизнь, нося его в себе в течение последующего моего служения университетской науке, а затем и в Духовной академии*»¹. В библиотеке Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне им были обнаружены, переписаны и впоследствии изданы две средневековые афонские рукописи: «Службы св. Кириллу и Мефодию» и «Физиолог», сохранившийся здесь в наиболее полной редакции. Завязалась переписка² с монастырским библиотекарем отцом Матфеем, который позднее послал Александрову по его просьбе список с другой рукописи службы св. Кириллу.

А.И. Александров отличался редкостным трудолюбием: его «Краткий отчет о занятиях за границей в славянских землях, летом 1895 года»³ впечатляет охватом проведенных изысканий и обилием выявленных источников. В результате исследовательской работы, проведенной в 1890-е годы, им был опубликован ряд документов и материалов по истории Черногории XVII–XIX вв.⁴ Русское общество симпатизировало Черногории, недавнему активному участнику национально-освободительной войны с Турцией.

В 1893 г. Черногория в очередной раз напомнила о себе просвещенному европейскому обществу, решив с размахом отметить 400-летний юбилей Ободской типографии⁵. Совет Казанского уни-

¹ Тридцатилетие ученой и педагогической деятельности просвещенного ректора Академии, епископа Анастасия // Церковный Вестник. 1913. № 48. Стб. 1407.

² Переписка библиотекаря Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне отца Матфея с учеными-востоковедами России и других стран. М., 2015. С. 41–50. (Русский Афон XIX–XX вв. Т. 11)

³ Краткий отчет о занятиях за границей в славянских землях, летом 1895 года // Учен. зап. Казан. ун-та, 1895. Т. 62. Кн. 11. С. 73–96.

⁴ Александров А.И. 1) История развития духовной жизни Черной Горы и князь поэт Николай I // Учен. зап. Казан. ун-та, 1895. Кн. 7/8. С. 1–74; 2) Петр I Петрович, владыка – митрополит черногорский // Учен. зап. Казан. ун-та, 1895. Кн. 11. С. 65–78; 3) Краткий отчет о занятиях за границей в славянских землях летом 1895 г. // Там же. С. 73–96; 4) Материал и некоторые исследования по истории Черногорья. Казань, 1897; 5) «Нова Кола», произведение Черногорского князя Николая I и значение самостоятельной жизни черногорских племен в истории исконной независимости сербского народа в Черной Горе. Казань, 1897; 6) Черногорка в жизни частной и общественной. Казань, 1897.

⁵ В 1493–1494 гг. монах Макарий отпечатал в ней Осьмогласник (Октоих) самый древний дошедший до нас памятник типографского искусства южных славян.

верситета, в ознаменование этого события, принял князя Николу I в число почетных членов университета. По предложению А.И. Александрова, через Русское общество пароходства и торговли в Одессе, были отправлены в дар Цетиньской публичной библиотеке три тюка книг – университетские издания, труды научных обществ и профессоров¹. Александр Иванович поехал на праздник в Черногорию делегатом от университета, Казанской духовной академии и Общества археологии, истории и этнографии². В подарок черногорскому князю он взял выполненную иконописцем императорской фамилии И.А. Панкрышевым икону Николая Чудотворца.

Впечатлениями от поездки Александр Иванович поделился с читателями в путевом очерке³ вскоре после возвращения в Россию, где подробно осветил программу праздничных мероприятий, выразил чувства уважения и благодарности хозяевам праздника. В последний день юбилейных торжеств черногорский властитель наградил его орденом князя Даниила I третьей степени⁴.

А.И. Александров пользовался известностью и авторитетом у русских и зарубежных ученых-языковедов, со многими был лично знаком, состоял в переписке, поддерживал научные и дружеские контакты. В апреле 1903 г. по приглашению императорской Академии наук он принял участие⁵ в работе так называемого «Предварительного съезда» русских славистов. На съезде обсуждались вопросы славянской библиографии, издания славянской энциклопедии, состояние славяноведения в университетах России. Было решено провести международный съезд специалистов в области славянской филологии и истории в следующем году в Петербурге. Однако, в 1904 г. началась война с Японией, и правительство отложило съезд на неопределенное время.

Карьера Александра Ивановича в Казанском университете складывалась очень успешно. В 1896 г. он стал ординарным профессором, с жалованьем 2400 р. в год, что вместе с 300 р. столовыми и 300 р. квартирными составляло 3000 рублей. В 1911 г. получил звание заслуженного ординарного профессора. С 1897 г. он

Местоположение первой типографии – Цетинье или Обод – до сих пор вызывает споры. Юбилей 1893 г. отмечался как годовщина Ободской типографии.

¹ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 8856. Л. 37–40.

² Ежова С.А. «Праздник просвещения был очень интересен и симпатичен»: 400-летний юбилей Ободской типографии (К истории одного путешествия // Славянский альманах. 2018. № 1-2. С. 66-81.

³ Александров А.И. По Адриатическому морю в Черногорию, на торжество 14-го июля 1893 года. Казань, 1894.

⁴ ГА РТ. Ф. 977. Оп. 619. Д. 1. Л. 196.

⁵ Там же. Л. 231 об.

секретарь факультета, постоянный член государственной историко-филологической испытательной комиссии факультета, в 1906–1910 гг. ее председатель. Являлся членом Попечительного совета Казанского учебного округа. С 1903 по 1908 гг. состоял редактором «Ученых записок Казанского университета». В 1905 г. был избран деканом, в 1909 г. вновь переизбран на эту должность. Как старший по службе декан, он неоднократно исполнял обязанности ректора в его отсутствие¹, в связи с чем в 1906 г. оказался одним из участников громкого университетского скандала.

В августе 1906 г. Александров в очередной раз замещал ректора Н.П. Загоскина, вызванного по делам службы в Петербург, и именно тогда к нему обратился проф. Н.В. Сорокин, также исполнявший обязанности декана физико-математического факультета вместо находившегося в заграничной научной командировке проф. А.М. Зайцева. Сорокин составил представление от имени факультета на имя министра, с ходатайством о назначении приват-доцента К.С. Мережковского² профессором кафедры ботаники. Однако сделал он это без согласования с профессорами факультета и в нарушение правил университетской автономии. А.И. Александров, не зная всех сопутствующих обстоятельств и доверившись Сорокину, дал бумаге ход, и 28 ноября 1906 г. попечитель учебного округа уведомил Совет университета о назначении Мережковского на должность профессора. Обман Сорокина и Мережковского, провернувших все дело в отсутствие декана и ректора, вызвал возмущение членов Совета. На заседании Совета 4 декабря 1906 г. А.И. Александров признал свою ошибку: *«Винюсь перед Советом университета в своем поспешном поступке. Я впал в заблуждение, приняв представление и. д. декана. ...Но я не мог не верить заявлению представителя факультета, сообщавшего мне: 1) что свое ходатайство он возбуждает, переговорив, как сказано и в представлении, с членами факультета, идя, по его словам, навстречу желанию факультета..., и 2) что я должен дать движение представлению для обеспечения полноты преподавания по кафедре ботаники на предстоящее учебное время. Мною это дело было направлено к г. попечителю округа только на его благоусмотрение, без всякого*

¹ Самым продолжительным был период с мая по октябрь 1909 г., когда министр, не утвердив избрание ректором профессора Н.П. Загоскина, предложил Совету провести новые выборы. Ректорские обязанности были временно возложены на А.И. Александрова.

² **Мережковский Константин Сергеевич** (1855–1921), ботаник, зоолог, писатель. Брат Д.С. Мережковского. Один из создателей теории симбиогенеза. В 1903–1914 гг. работал в Казанском университете. Сотрудничал с Охранным отделением, писал доносы на коллег профессоров.

ходатайства или какого-либо положительного заключения с моей стороны...»¹.

Последующие обращения профессоров Казанского университета в министерство народного просвещения с просьбой отменить назначение Мережковского ни к чему не привели. Министр П.М. фон Кауфман «указал на необходимость считаться с этим назначением как с фактом совершившимся, и никакой отмене уже не подлежащим»². В Казани не без оснований считали, что Мережковский задействовал связи своего отца – тайного советника, в прошлом служившего в Придворной его Величества конторе. Все возмущенные реплики коллег относительно избранного им способа получить назначение он запомнил: в 1907 г. в министерство поступила сводная характеристика³ на профессоров Казанского университета, принадлежащая перу Мережковского и его друзей. Эта характеристика сплошь состояла из доносов, в том числе и на профессора Александрова, причисленного чуть ли не к крайним революционным организациям, что было явной выдумкой. Александр Иванович в своих убеждениях относился к правому крылу российского либерализма, придерживался умеренно-конституционных взглядов. В Совете университета левая профессура была в большинстве, однако в главе факультетов стояли правые профессора: Г.Ф. Дормидонтов (юридический), А.И. Александров (историко-филологический), П.И. Кротов (физико-математический). В 1914 г. в период разоблачительных публикаций в прессе, обвинявших Мережковского в растлении несовершеннолетних, епископ Анастасий (Александров), отвечая на вопрос сотрудника газеты «Петербургский курьер», сказал: «На всех профессоров вечно сыпались доносы... Мне досконально известно, что профессор Мережковский имел огромное влияние в Министерстве народного просвещения, и многие профессора не утверждались благодаря его аттестациям-донасам: в одних он видел революционеров, в других – защитников евреев, в третьих – своих личных врагов и т.д. ...Человек он был очень злой и ко всем относился с подозрением»⁴.

В 1909 г. Александру Ивановичу не раз пришлось официально представлять университет на торжествах, связанных с юбилейными датами различных научных и культурных организаций. В июле

¹ Протокол заседания Совета имп. Казан. ун-та // Учен. зап. Казан. ун-та. 1907. Кн. 10. Окт. Часть официальная. С. 673.

² Там же. Кн. 11. Нояб. Часть официальная. С. 11.

³ Золотоносов М.Н. Братья Мережковские. Кн. 1. М., 2003. С. 233.

⁴ Там же. С. 236.

он ездил в Германию на юбилейные торжества, посвященные 500-летию Лейпцигского университета. Количество только приглашенных гостей доходило до 500 человек. Король Саксонии Фридрих Август после торжественного обеда, устроенного для почетных гостей, выразил желание познакомиться с русским делегатом, и ректор Лейпцигского университета Карл Биндинг рекомендовал ему А.И. Александрова как представителя старейшего русского университета присутствующего на торжестве. Профессор Александров стал единственным, кого король удостоил личной беседой. Позднее в своем докладе Совету университета ученый объяснил это так *«Его Величество изволил беседовать со мной об этнографическом составе слушателей в Казанском университете, постановке преподавания и между прочим очень заинтересовался преподаванием в нашем университете восточных и местных языков, предполагая, что в Казанском университете должны быть слушатели почти исключительно татары, и был очень поражен, когда я ему доложил, что мусульманский элемент в нашем Казанском университете представлен все-таки очень слабо»*¹.

В декабре того же года А.И. Александров вместе с профессорами медицинского факультета Н.А. Миславским и Н.Ф. Высоцким принял участие в церемонии торжественного открытия Саратовского университета². Открытие состоялось 6 декабря на Николу Зимнего, и с согласия Николая II университет стал именоваться Николаевским. В Саратов съехалось множество гостей – это было событие общероссийского масштаба. Для казанской делегации оно имело особый смысл, поскольку ректором нового университета был назначен их бывший коллега, профессор хирургии В.И. Разумовский. Из Саратова, не заезжая домой, Александр Иванович выехал в Санкт-Петербург на празднование 100-летия Духовной академии. На торжественном акте, состоявшемся в Академии 17 декабря, Александров поздравлял Академию дважды. Очередность выступления с приветственным словом для российских университетов была установлена по старшинству. Московский университет ограничился поздравительной телеграммой, поэтому первым предоставили слово делегату Казанского университета профессору А.И. Александрову. Последним из высших учебных заведений, принес свои поздравления только что открывшийся Саратовский

¹ Протоколы заседаний Совета имп. Казан. ун-та // Учен. зап. Казан. ун-та. 1910. Кн. 1. Янв. Часть официальная. С. 297.

² Александров А. Открытие императорского Николаевского университета в г. Саратове и 100-летний юбилей Санкт-Петербургской духовной академии // Учен. зап. Казан. ун-та. 1910. Кн. 3. С. 1-31.

университет, сделав это через того же А.И. Александрова, который согласился представлять его на юбилее.

За время своей тридцатилетней службы в Казанском университете Александр Иванович не раз награждался орденами: Владимира 3-й и 4-й степеней, Анны 1-й, 2-й, 3-й степеней, Станислава 2-й степени, а также серебряной медалью на Александровской ленте в память императора Александра III, медалью и знаком Красного Креста.

Занятия любимой наукой неразрывно сочетались у профессора с активным участием в общественной жизни города и университета. За годы жизни в Казани А.И. Александров собрал большую коллекцию русских, золотоордынских, восточных монет, медалей, владел большой личной библиотекой. Интерес к нумизматике определил его сотрудничество с Казанским музеем¹, которому он помогал с атрибуцией поступавших монет. В дальнейшем нумизматическая коллекция Александра оказалась раздробленной, часть ее находится в фондах ГОМ РТ, судьба другой части неизвестна. В 1906 г. был избран директором учебного отдела Казанского научно-промышленного музея, через год городская дума избрала его членом комитета Казанской городской общественной библиотеки.

В конце XIX – начале XX вв. он являлся членом ряда научных обществ, открытых при Казанском университете. С 1889 г. действительный член Общества археологии, истории и этнографии, заведующий рукописным отделом, а с 1896 г. – товарищ председателя; в 1900-1904 гг. товарищ председателя Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина; в 1900 г. – один из учредителей Педагогического общества и член его Совета. Научные общества ставили себе и просветительскую задачу, о чем свидетельствуют публичные лекции, которые нередко читались профессорами с благотворительной целью. Особенно популярна у российской интеллигенции тех лет была идея просвещения народа. В разных городах появлялись общественные организации, содействующие распространению знаний в народной среде. Не стала исключением и Казань. В марте 1891 г. под председательством А.И. Александрова после 3-х летнего перерыва возобновила свою деятельность Комиссия народных чтений². На собраниях, посетителями которых были мелкие чиновники, солдаты, мещане, рабочие и дети читались брошюры, содержащие сведения из различных отрас-

¹ Назитова Г.Р. Казанский городской музей. Очерки истории 1895–1917 гг. Казань, 200. С. 143.

² Отчет комиссии народных чтений за 1891 год. Казань, 1892. С. 5.

лей знания. Среди лекторов-чтецов были преподаватели гимназий, университета, представители духовенства. Через год в 1892 г. усилиями интеллигенции близкой к университетской среде было образовано Казанское общество трезвости¹, со временем оно стало одной из крупнейших организаций трезвеннической направленности в дореволюционной России. На этапе становления Александр Иванович принимал активное участие в жизни Общества в качестве секретаря, был основателем и первым редактором его печатного органа. Работа в Комиссии народных чтений дала Александрову необходимый опыт в организации просветительских мероприятий. В 1895 г. Общество трезвости также решило устраивать народные чтения, основное внимание уделяя религиозно-нравственной, исторической и литературной тематике. Большинство членов Комиссии вошли в Обществе трезвости, и вскоре организация чтений сосредоточилась исключительно в его ведении. *«Народные чтения, воскресные школы и читальни в 44 отделах и обширная издательская деятельность Общества находятся в заведывании председателя общеобразовательных учреждений профессора университета А.И. Александрова, который был избран Обществом трезвости почетным членом за его полезную деятельность и душевное отношение к общеобразовательным учреждениям Общества. Им же было положено начало журнала "Деятель"»*².

Помимо народных чтений, собиравшихся нерегулярно, требовалась организация другого плана, более стабильная, действующая на постоянной основе, дающая систематические знания и доступная для простого народа. Идея бесплатной воскресной школы, работающей в выходные и праздничные дни, была не нова – во второй половине XIX в. устройство таких школ стало одним из проявлений заботы общественности о народном образовании. С 1891 г. распоряжением МНП воскресные школы для православного населения были подчинены духовному ведомству. Осенью 1896 г. А.И. Александров выступил с инициативой организации мужской воскресной школы в Казани, и в ноябре с разрешения и благословения архиепископа Казанского и Свияжского Владимира двухклассная мужская воскресная школа была открыта. Школа работала почти 10 лет до апреля 1905 г. Епархиальный училищный совет выделял 75 рублей ежегодного пособия, часть пособий и книг поступала от дарителей, но в основном школа существовала на средства ее заведующего – профессора А.И. Александрова. *«Благодаря*

¹ Алексеев И.Е. Во имя Христа и во славу государеву. Ч. 1. Казань. 2003.

² Отчет о постановке народных чтений в Казани // Деятель. 1898. № 8-9. С.406.

энергии и неутомимой деятельности г. Александрова, школа не терпит ни в чем недостатка, занятия в ней ведутся в строго определенном порядке, каждому учащему предоставляется желательное ему дело, а каждый начинающий преподаватель получает своевременно необходимые руководственные указания и разъяснения относительно ведения дел в воскресной школе»¹.

Занятия вели студенты Духовной академии, для которых это было хорошей педагогической практикой. Число записавшихся учеников ежегодно превышало 200 человек. Принимались все желающие учиться независимо от возраста. Основной контингент составляли взрослые до 42 лет и подростки, как неграмотные, так и знакомые с грамотой, но желающие продолжить свое обучение. Группы были сформированы в соответствии с уровнем знаний учащихся, в две отдельные группы объединялись малолетние дети. При школе имелась библиотека для внеклассного чтения, и Александр Иванович с радостью отмечал: «Любовь учеников к чтению книг – громадна: почти каждый из них не только прочитывал выданную ему книгу от одного урока до другого..., но и просил себе по две книжки, заявляя, что уж очень он читать любит»². В мае 1902 г. Святейший Синод за руководство воскресной школой «в поощрение любви к детям, являемой делом и истиной и ревности о наставлении детей в вере и благочестии»³, наградил его Библией.

С началом русско-японской войны 1904-1905 гг. при университете начал свою деятельность комитет Красного Креста для организации помощи больным и раненым воинам, и на первом же заседании А.И. Александров был избран его секретарем и казначеем. Комитет принимал денежные и материальные пожертвования, как единовременные так и отчисляемый процент с жалованья, проводил платные культурные мероприятия. Честность и ответственность А.И. Александрова были общеизвестны. Регулярно публикуемые в газетах отчеты, списки жертвователей, обращения к населению придавали деятельности комитета необходимую прозрачность, вызывали доверие со стороны общества, и это в то время, когда местная и центральная пресса были полны сообщений о хищениях и злоупотреблениях, происходивших в других подобных организациях. В 1913 г. он, будучи в сане епископа, вновь вошел

¹ Сосунцов Е.Ф. Краткое историко-статистическое описание школ церковно-приходских и грамоты г. Казани и Казанского уезда. Казань, 1900. С. 259-260.

² Александров А. Отчет мужской воскресной школы, со времени ее открытия по 1 января 1897 г. в г. Казани. Казань, 1897. С. 15.

³ ГА РТ. Ф. 977. Оп. 619. Д. 1. Л. 230 об.

в правление возобновившего свою работу комитета Красного Креста и, за выдающиеся заслуги по организации его деятельности с момента основания, был избран почетным членом общества.

В 1892 г. в личной жизни Александра Ивановича произошли изменения, он познакомился с Екатериной Ивановной Александровой дочерью богатого вятского купца и промышленника Ивана Васильевича Александрова. Торговый дом Александровых основал в Казани несколько производств – завод искусственных минеральных вод и шипучих квасов, пивоваренный и спиртоочистительный заводы. Совпадение фамилии и отчества было случайным – просто однофамильцы, никаких родственных связей, но интересным фактом. Отец невесты, И.В. Александров обосновался в Казани в конце 1880-х г., купив особняк на Грузинской улице. Мать Елизавета Михайловна, в девичестве Зайцева, по отцу была сводной сестрой К.М. и А.М. Зайцевых – ученых химиков, приват-доцента и профессора Казанского университета. Екатерина была последним, четвертым, ребенком в семье, хорошенькая, немного избалованная она обладала жизнерадостным характером, музыкальностью и приятным голосом. Вскоре Александр Иванович сделал предложение руки и сердца. На момент замужества невесте исполнилось восемнадцать лет, и едва ли она что-то сама решала в своей судьбе.

Молодой 32-х летний профессор, в свои годы уже известный учений, был прекрасной партией для девушки из хорошей семьи. Кроме того, не подлежит сомнению, что семья невесты высоко ценила и духовно-нравственные качества жениха. Александр Иванович отличался *«удивительной благожелательностью ко всем без исключения, редкой приветливостью, сердечностью, искренностью и особой мягкостью в обращении – той мягкостью, которую трудно смешать с вырабатываемой человеком тактичностью и выдержанностью»*¹. Венчание состоялось 17 января 1893 г. в Крестовоздвиженской университетской церкви. Семья поселилась в собственном доме невесты на Грузинской улице неподалеку от родительского особняка. В октябре 1893 г. в семье родился первенец. Мальчика в честь обоих дедов назвали Иваном. Через три года в декабре 1896 г. появился на свет Константин, в июле 1904 г. Петр, а в сентябре 1906 г. дочь Вера². В 1908 г. судьба приготовила А.И. Александрову нелегкое испытание. Его жена Екатерина Ивановна полюбила другого человека. История вышла за пределы семьи и приобрела огласку. В одночасье он стал предметом пересудов

¹ Тридцатилетие ученой и педагогической деятельности просвещенного ректора Академии, епископа Анастасия // Церковный Вестник. 1913. №48. Стб.1500.

² ГА РТ. Ф. 977. Оп. 619. Д. 1. Л. 220.

казанского общества. В конце января 1909 г. указом Святейшего Синода брак супругов Александровых был объявлен расторгнутым¹, и Екатерина Ивановна получила возможность повторно выйти замуж. Развод послужил для Александра Ивановича толчком к переосмыслению жизни. Он всегда тяготел к религии, искренне любил Бога, с детства соблюдал правила церковной жизни, и чувствовал свою к ней причастность. В 1899-1902 гг. на должности ктитора университетской Крестовоздвиженской церкви, изыскивал денежные средства на ее содержание. Был членом совета братства святителя Гурия – православного миссионерского общества, действующего на территории Казанской епархии. С 1906 г. член образованного указом Синода церковного историко-археологического общества Казанской епархии. С 1907 г. первый староста церкви во имя Всемиловитого Спаса, построенной на средства Казанского общества трезвости. Очень почитал протоиерея о. Иоанна Кронштадтского, который предсказал ему принятие монашества. После смерти о. Иоанна в 1909 г. часто посещал его гробницу, служил панихиды, составил житие и акафист небесного покровителя о. Иоанна – прп. Иоанна Рыльского (Пг., 1915)².

В апреле 1910 г., утвердившись в решении принять постриг, А.И. Александров обратился к ректору Казанской духовной академии Алексию (Дородницыну) с заявлением о своем желании в иноческом звании проходить здесь профессорскую службу на открывающейся кафедре истории славянских и румынской церковей. Алексей «*ввиду высокого положения профессора и важности его заявления*»³ попросил руководящих указаний у архиепископа Казанского и Свияжского Никанора (Каменского), а также обратился к ректору Казанского университета Г.Ф. Дормидонтову с просьбой сообщить о преподаваемых предметах, службе и ученых трудах Александрова. В конце мая 1910 г. А.И. Александров был избран советом академии, а позднее утвержден Святейшим Синодом в степени доктора церковной истории по совокупности трудов и в звании ординарного профессора по кафедре истории славянских и румынской церковей. Указом Синода от 27 июля 1910 г. был назначен инспектором академии. Свою вступительную лекцию посвятил истории политической и церковной жизни славянства в XIX в. В 1910-1911 учебном году он состоял одновременно деканом историко-филологического факультета, а также профессором университета и академии.

¹ Там же.

² Анастасий (Александров) // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 236.

³ ГА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10993. Л. 1.

На следующий день после принятия пострига – 8 июля 1911 г. – он был посвящен в сан иеродиакона, 10 июля – в иеромонаха, 6 августа 1911 г. возведен в сан архимандрита. В сентябре 1911 г. был переведен на кафедру церковнославянского и русского языков и палеографии Духовной академии. В октябре Александров подал прошение об увольнении с должности декана, но с университетом не расстался. Император Николай II в начале ноября 1911 г., заслушав доклад обер-прокурора Синода В.К. Саблера, разрешил архимандриту Анастасию в качестве профессора славянской филологии параллельно с академией вести преподавание в университете. *«Посвятив всю жизнь свою научным занятиям, – естественно, богоговеино отношусь я и к делу достижения научного знания. Сие-то богоговение перед верой и наукой и приношу я отныне смиренно на алтарь служения процветанию богословского знания»*¹, – произнес он в речи при рукоположении в сан епископа в марте следующего года.

По этому случаю и в связи с назначением архимандрита Анастасия (Александрова) ректором Казанской духовной академии профессор университета во главе с попечителем учебного округа П.Д. Погодиным и ректором Г.Ф. Дормидонтовым подарили ему панагию с надписью на обратной стороне: *«Преосвященному епископу Анастасию от искренних почитателей-сослуживцев, профессоров императорского Казанского университета на долгую молитвенную память. 4 марта 1912 г.»*. Профессор богословия университета А.В. Смирнов в приветственном слове произнес: *«Долгие годы совместного служения с Вами научили нас ценить редкое благородство, христианскую кротость и незлобие Вашей души. Поэтому нам хотелось бы, чтобы образовавшаяся между Вами и нами духовная связь не прекращалась, или по крайней мере никогда не забывалась. Пусть эта епископская панагия, с дорогим для всех нас изображением Казанской иконы Божией матери постоянно напоминает Вам о том, что в среде Ваших сослуживцев по университету Вы имеете людей, искренно расположенных к Вам и почитающих Вас не только как епископа, вышедшего из их среды, но и как человека с добрым и отзывчивым сердцем»*².

В 1912-1913 гг., будучи уже ректором Казанской духовной академии, епископом Чистопольским, вторым викарием Казанской епархии, он по-прежнему избирался членом испытательной ко-

¹ Речь архимандрита Анастасия при наречении во епископа // Прибавление к Церковным ведомостям. 1912. № 10. С. 405.

² Тридцатилетие ученой и педагогической деятельности просвещенного ректора Академии, епископа Анастасия // Церковный Вестник. 1913. № 48. Стб. 1501.

миссии историко-филологического факультета, принимал экзамены у студентов.

В 1913 г. епископ Анастасий навсегда покинул Казань: в конце мая он был назначен епископом Ямбургским, 3-м викарием Петербургской епархии и ректором духовной академии в Санкт-Петербурге. С грустью расставался он с Казанью, с родным университетом. В проникновенном прощальном письме на имя ректора есть такие строки: *«Переход в столицу к великому моему прискорбию отрывает меня от службы и деятельности в близком моему сердцу императорском Казанском университете. Благодарный воспитавшему меня Казанскому университету приношу ему сердечную признательность за все то научное, великое, святое, что он дал мне, поставив меня на высокую профессорскую кафедру по излюбленной мной науке славянской филологии и подготовив меня к великому святительскому служению в сане епископа святой православной церкви и ректора императорской Духовной академии, сначала Казанской, а теперь С.-Петербургской; вместе с тем прошу сердечно прощения у университета, что, не будучи в состоянии долее трудиться на поле научной деятельности в Казани, за переводом меня в С.-Петербург, я так неожиданно должен прервать свои лекции и занятия в Казанском университете. Призывая Божие благословение на мою дорогую *aliam matrem* Казанский университет, благословляю труды моих дорогих коллег – профессоров и возлюбленных учеников студентов Университета: родной мой Университет всегда останется у меня в благодарном сердце моем, а дорогие сослуживцы друзья-товарищи и ученики в молитвенной памяти пред престолом Божиим. Храни Господи Университет и всех трудящихся научно в нем многая – многая лета!»¹.*

Владыка Анастасий умер 23 июня 1918 г. от воспаления легких в Петрограде. Ему не довелось дожить до предпринятого вскоре новой властью беспрецедентного гонения на религию, преследования ее служителей и разрушения храмов по всей стране.

Библиография

Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. 619. Д. 1; Оп. Совет. Д. 12513.

Алексеев И.Е. На страже империи. Вып. 3. Статьи и документы по истории черносотенства, русского национализма, дворянства, политического сыска и белого движения. Казань, 2009. 320 с.

¹ ГА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 12513. Л. 188 об.

- Алексеев И.* «Это был стойкий и убеждённый работник...». URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/05/26/to_byl_stojkij_i_ubezhdyonnyj_rabotnik
- Анастасий (Александров) // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. Т. 2.
- Ежова С.А.* «Праздник просвещения был очень интересен и симпатичен»: 400-летний юбилей Ободской типографии (К истории одного путешествия // Славянский альманах. 2018. № 1-2. С. 66-81.
- Загоскин Н.П.* Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Казанского университета (1804-1904). В 2-х ч. Казань, 1904. Ч. 1.
- Отчет о постановке народных чтений в Казани // Деятель. 1898. № 8-9.
- Переписка библиотекаря Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне отца Матфея с учеными-востоковедами России и других стран. М., 2015. С. 41-50. (Русский Афон XI X- XX вв.; Т. 11)
- Тридцатилетие ученой и педагогической деятельности просвещенного ректора Академии, епископа Анастасия // Церковный Вестник. 1913. № 48.
- Шушкин В. Александров Александр Иванович* // Казанский университет. 1804–2004: биобиблиогр. словарь. Казань, 2002. Т. 1.

Ежова Светлана Алексеевна, кандидат исторических наук, Казанский федеральный университет, Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского, г. Казань; sezhova@mail.ru

ALEXANDER IVANOVICH ALEXANDROV (BISHOP OF YAMBURG ANASTASIY): THE KAZAN PERIOD OF LIFE

In the article devoted to the professor of Slavic philology A.I. Alexandrov (1861-1918), his professional activities at the Kazan University and Theological Academy and participation in the public life of Kazan at the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries are reviewed. On the basis of archival data and some relevant information provided by descendants, little-known pages of the biography of the scientist are reconstructed.

Key words: Kazan University, Kazan Theological Academy, professors, A.I. Alexandrov.

Ezhova Svetlana Alekseevna, Candidate of History, Kazan Federal University, N.I. Lobachevsky Scientific Library, Kazan; sezhova@mail.ru

Валеев Р.М., Мартынова Ю.А.

**РОССИЙСКОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ: ЦЕНТРЫ И НАСЛЕДИЕ
(XIX – начало XX вв.)¹**

Формирование академического и университетского востоковедения с начала XIX в. было тесно взаимосвязано и определялось механизмом приглашения перспективных молодых учёных, преимущественно из немецких университетов. Другое «крыло» образовывали выходцы из восточных стран, носители языка, получившие традиционное образование, но встраивавшиеся в систему европейской науки и государственной службы Российской империи. В статье рассмотрены судьбы иностранных специалистов, составивших эпоху в развитии Казанского университета и Казанской духовной академии – Х. Френа, И. Готвальда, В. Радлова, А. Казем-Бека и др. Их ученики расширяли проблемное поле и способствовали интеграции прикладного востоковедения с передовыми тенденциями в развитии гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: Россия, Восток, востоковедение, центры востоковедения, путевые дневники, эпистолярное наследие.

В 2017 г. исполнилось 210 лет со дня образования кафедры восточной словесности Казанского университета, в 2018 г. – 200 лет со дня образования Азиатского музея (Институт восточных рукописей РАН), в 2019 г. исполнится 120 лет со дня создания Восточного института во Владивостоке и 165 лет со дня образования восточного факультета Санкт-Петербургского университета. Начиная с истоков деятельности этих ведущих востоковедных центров России и Европы их взаимодействие было органичным и значимым в истории и культуре народов России и, конечно, в истории отечественной ориенталистики.

Казанский университет сыграл выдающуюся роль в процессе создания академического востоковедения в России от самых его истоков. Если препарировать истоки этого сложного и многогранного явления, выяснится глубокое внутреннее единство событий начала XIX и XX веков, структурное оформление исследований Европы и Востока. Своего рода «ньютоновской призмой» для изучения формирования «*Respublica litteraria*» станет анализ института приглашения профессоров в российские университеты и Академию наук.

¹ Исследование проведено в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) № 18-09-00331.

Приглашение профессоров, особенно иностранных, в гуманитарной парадигме рассматривается как чрезвычайная мера. Во время реформ Александра I, когда закладывалась основа российской университетской системы, приглашения целиком ложились на плечи попечителей учебных округов. В Казани этот пост с 1803 г. занимал ученик М.В. Ломоносова, академик С.Я. Румовский (1734-1812). В 1806 г. он установил связи с Гёттингенским и Ростокским университетами¹. По рекомендации ведущего ростокского ориенталиста Олафа Тихсена (1734-1815) с 1807 г. кафедру восточных языков Казанского университета занял Христиан Мартин Френ (1782-1851). С 1815 г., когда он перебрался в Петербург, Френ выполнял роль связующего звена не только между Казанью и Северной столицей, но и университетом и Академией; в 1818 г. он основал Азиатский музей².

На протяжении всего XIX в. в Санкт-Петербургской академии наук Казанская школа востоковедов была представлена группой блестящих ученых. Прежде всего, это ученик Френа Я.О. Ярцов (1792-1861), тюрколог и иранист А.К. Казем-Бек (1802-1870), монголовед и буддолог О.М. Ковалевский (1800-1878), китаевед и буддолог В.П. Васильев (1818-1900). Практически у всех названных профессоров путь к Востоку был тернист, иногда – в самом буквальном смысле слова. И определяющим в их научных биографиях был казанский период.

Януарий Ярцов изучал татарский и персидский язык у первого татарского просветителя Ибрагима Хальфина (1778-1829) и арабский у профессора Френа. Первым получивший степень магистра восточной словесности³, он был в 1819 г. определен в посольство А.П. Ермолова в Персию, после чего вся его жизнь была связана с Азиатским департаментом МИД, где он служил переводчиком.

Сын главного муфтия Дагестана Мухаммед Казем-Бек был обращён в пресвитерианство шотландскими миссионерами, что не спасло его от обвинений в заговоре и ссылке в Сибирь, от которой его в 1826 г. избавил К.Ф. Фукс (1776-1846), тогдашний ректор Казанского университета (1823-1827). Не имея даже университетского диплома, Казем-Бек, преподававший восточные языки в Казани, был в возрасте 26 лет избран действительным членом Королевско-

¹ Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 421-424.

² В 1929 г. именно Азиатский музей был преобразован в Институт востоковедения АН СССР. Ныне – Институт восточных рукописей РАН.

³ В 1816 г. Я.О. Ярцов под руководством Х.Д. Френа защитил магистерскую диссертацию «De origine vocabularum rossicorum ex linguis orientalibus prolatis» («О русских словах, происходящих из восточных языков»).

го Азиатского общества в Лондоне, а через два года (1829 г.), защитив написанную на персидском языке работу по арабской филологии, получил степень магистра восточной словесности. Ученый с 1828 г. занимал кафедру турецко-татарской словесности до своего перемещения в Санкт-Петербургский университет на кафедру персидской словесности в 1848 г.¹

Антиковед Юзеф (Осип) Ковалевский, блестяще окончив Виленский университет, из-за участия в обществе филоматов был осужден на ссылку в Казань. Новый попечитель граф М.Н. Мусин-Пушкин (1795-1862) определил его в экспедицию для изучения монгольского языка. В 1833 г. О.М. Ковалевский возглавил первую в Европе кафедру монгольской словесности, подготовив до сих пор ничем не заменимый монгольско-французско-русский словарь в трёх томах. Много лет он возглавлял также Вторую казанскую гимназию и кафедру педагогики университета. Вершиной его академической карьеры был пост ректора университета (1855-1862). После студенческих волнений в 1862 г. О. Ковалевский был снят с должности лично императором Александром II и вернулся в Польшу. После трагических событий Польского восстания 1863–1864 гг. все рукописи ученого погибли, и он до самой кончины (на рабочем месте) преподавал античную и всеобщую историю в Варшавском университете, несколько раз переизбирался на пост декана историко-филологического факультета².

Ученик Ковалевского Василий Васильев после окончания Нижегородской гимназии был принят в университет в возрасте 15 лет по личному распоряжению попечителя Мусина-Пушкина. Вместе с Васильевым поступил его земляк и ровесник, будущий известный писатель П.И. Мельников-Печерский. Защитив в 20-летнем возрасте магистерскую работу о монгольском буддизме, Васильев согласился отправиться на 10 лет в Пекин на положении студента духовной миссии ради изучения санскрита и тибетского языков, чтобы возглавить предполагаемую к созданию тибетскую кафедру. Однако по возвращении из Китая в 1850 г. он возглавил освободившуюся кафедру китайско-маньчжурской словесности. После перевода последней, как и всего Восточного разряда Казанского университета, в 1855 г. в Петербургский университет жизнь ученого

¹ В 1835 г. ординарный профессор Казанского университета А.К. Казем-Бек был избран членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук. Два раза он избирался деканом Факультета восточных языков Петербургского университета. См.: Эпистолярное наследие российских востоковедов: Письма Мирзы А.К. Казем-Бека академику Х.Д. Френу (1831-1846). Казань, 2015. С. 10.

² См.: *Шапов Г.Ф.* Профессор О.М. Ковалевский: Очерк жизни и научной деятельности. Казань, 1983. С. 102-103.

была связана со столицей. Здесь он многократно избирался деканом Факультета восточных языков, сделал успешную академическую карьеру (член-корреспондент Петербургской АН с 1866 г., академик – с 1886 г.), стал автором первого опубликованного китайско-русского словаря¹.

С 1870 г. в Петербургской академии наук состояли известные казанские ориенталисты: арабист, иранист И.Ф. Готвальд (1813-1897), тюрколог и миссионер Н.И. Ильминский (1822-1891) и тюрколог, языковед, этнограф В.В. Радлов (1837-1918). Готвальд и Радлов (подобно их соотечественнику К. Фуксу и предшественнику Х. Френу) были выпускниками немецких университетов, полностью реализовавшими свой научный потенциал в России. Йозеф Готвальд, получив докторскую степень в университете Бреслау (ныне Вроцлав), благодаря протекции Френа был определён в штат Императорской публичной библиотеки Петербурга (ныне РНБ). С 1849 г. он был назначен ординарным профессором арабского и персидского языков в Казани, а после того как библиотекарь университета К.К. Фойгт был назначен ректором Харьковского университета, Готвальд занял его место. Когда Восточный разряд переводился в Петербург, Готвальд руководил перевозкой восточных фондов библиотеки и лично сопровождал обоз с книгами. Однако он предпочел остаться в Казани на сохранившейся кафедре арабского языка, одновременно до 1884 г. возглавлял университетскую типографию. Важнейшим его трудом был арабско-русский словарь лексики Корана, опубликованный в Казани в 1863 г.

Теснейшим образом были переплетены судьбы Н.И. Ильминского, А. Казем-Бека и В. Радлова. Ильминский, сын пензенского священника, был в составе первого набора восстановленной в 1842 г. Казанской духовной академии, после окончания которой остался учителем татарского языка. Вместе с Казем-Бекем и Г. Саблуковым он вошёл в состав комиссии по переводу Библии на татарский язык. После переезда Казем-Бека в Петербург Ильминский в составе комитета был перемещён в столицу, а в 1851 г. по распоряжению Синода был отправлен на Ближний Восток для усовершенствования в арабском, персидском и турецком языках. Это была первая научная поездка исследователя из духовного учебного заведения. В 1854 г. Ильминский вернулся в Казань, где преподавал в Духовной академии и разрабатывал систему православного просвещения мусульманских регионов Поволжья и Средней Азии. Вершиной его академической карьеры стала должность директора

¹ См.: Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 210 и след.

основанной им в 1872 г. Казанской инородческой учительской семинарии, которая готовила учителей для татарских, мордовских, марийских, чувашских, удмуртских школ.

Сын берлинского комиссара полиции Фридрих Вильгельм (Василий Васильевич) Радлов ещё в университетские годы увлёкся сравнительно-историческим языкознанием. Его учитель, знаменитый тюрколог и китаист Вильгельм Шотт, обратил внимание юноши на тюркские языки. После защиты докторской диссертации Радлов переехал в 1858 г. в Россию. Работая преподавателем немецкого и латинского языков в Барнаульской гимназии и совершая ежегодные поездки к уйгурам, алтайцам, телеутам, шорцам, кумандинцам, тувинцам, казахам, киргизам, хакасам, западно-сибирским татарам, китайцам, он изучил тюркские языки и этнографию названных народов. Начиная с 1866 г. Радлов издавал многотомную антологию «Образцы народной литературы тюркских племен», содержащую собранные фольклорные тексты на тюркских языках с немецким переводом. Он также был зачинателем тюркской археологии: с 1863 по 1869 гг. при его участии было раскопано около 150 курганов. В 1871 г. по пути в Петербург, Радлов получил приглашение занять место инспектора татарских, башкирских и киргизских мусульманских школ Казанского учебного округа. В Казани он способствовал открытию инородческой учительской семинарии и татарской женской школы, участвовал в деятельности Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Казанском университете, познакомился с выдающимся лингвистом И.А. Бодуэном де Куртенэ. В 1884 г. Н. Ильминский, получив приглашение избираться в ординарные академики, отказался от баллотировки в пользу В.В. Радлова. После переезда в Петербург Радлов возглавил Азиатский музей, а с 1894 г. – Музей антропологии и этнографии. В 1903 г. Радлов выступил одним из инициаторов создания Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии, обязанности председателя которого он исполнял вплоть до самой своей кончины в 1918 г.

Самым выдающимся учеником Радлова был первый хакасский ученый Н.Ф. Катанов (1862-1922). Сын пастуха-шаманиста, благодаря огромному таланту и трудолюбию окончил с золотой медалью Красноярскую гимназию, ещё учеником обратив на себя внимание уже известных этнографов и географов Г. Потанина, Н. Ильминского и А. Завадского-Краснопольского. Во время обучения в Петербургском университете он частным образом занимался у В. Радлова и был рекомендован им для участия в этнографо-лингвистической экспедиции. В 1888–1892 гг. Катанов в одиночку объехал

Хакассию, Туву, Тарбагатай и Восточный Туркестан, собрание его рукописных материалов, посвящённых одним только уйгурам, составило около 2400 страниц текста¹. Фольклорные материалы по мифологии хакасов и тувинцев образовали два тома радловских «Образцов народной литературы тюркских племен»². Однако в силу ряда обстоятельств Катанову не нашлось места в Петербурге, и с 1894 г. он обосновался в Казани, отдав университету и Духовной академии 28 лет своей жизни. В 1898-1914 гг. Н.Ф. Катанов возглавлял Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете и вновь стал его председателем в 1919 г. Ученый активно занимался общественной деятельностью, особенно в области пропаганды трезвости.

Это лишь некоторые славные имена и значимые рубежи, которые позволяют объективно оценить роль и значение казанских востоковедов в летописи истории российской дореволюционной академической ориенталистики.

В настоящее время очевидно, что исследования отечественных востоковедов, имея широкий региональный, хронологический и проблемный диапазон, способствовали и развитию науки о всемирной истории. В течение длительного периода это было почти незаметно: широкий общественности восточные исторические источники были малоинтересны и малоизвестны. Ещё в начале XX в. Н.Ф. Катанов получал упрёки от редакции «Учёных записок Казанского университета» за использование арабского шрифта в своих статьях³. Объективно, однако, ориенталисты адаптировали новейшие достижения исторической науки и вспомогательных исторических дисциплин к предметам своего изучения, превращая свои кафедры и институты в своеобразный интеллектуальный мост между Востоком и Западом. В условиях высокой степени персонализации исследовательского процесса, педагогическая, научная, просветительская и гуманистическая деятельность российских востоковедов остаётся недостижимым образцом для подражания, эталоном исследовательской культуры и нравственным ориентиром.

¹ *Menges K.* Vorwort zum Neudruck // *Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan.* Leipzig, 1976. S. 3-4.

² См.: Наследие российской тюркологии XIX в.: «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану». Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского Русского Географического Общества в 1890 г. членом-сотрудником оною Н.Ф. Катановым». Казань, 2017.

³ *Валеев Р.М., Мартынов Д.Е.* Российское университетское востоковедение в архивных документах: центры, события и наследие (XIX—начало XX вв.). Казань, 2009. С. 80-81.

Библиография

- Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009.
- Валеев Р.М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-х гг. XX в.). Казань: Изд-во КГУ, 1998.
- Валеев Р.М., Мартынов Д.Е. Российское университетское востоковедение в архивных документах: центры, события и наследие (XIX—начало XX вв.). Казань: Изд-во КГУ, 2009.
- Валеев Р.М., Тугужекова В.Н. и др. Н.Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков. Очерки истории российской тюркологии. Казань; Абакан: Алма-Лит, 2008-2009.
- Монголовед О.М. Ковалевский: биография и наследие (1801-1878) / Валеев Р.М., Ермакова Т.В., Кульганек И.В., Тулисов Е., и др. Казань: Алма-Лит, 2004.
- Наследие российской тюркологии XIX в.: «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану». Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского Русского Географического Общества в 1890 г. членом-сотрудником оного Н.Ф.Катановым» / отв. и науч. ред.: Р.М. Валеев, В.Н. Тугужекова, Д.Е. Мартынов. Введение Р.М. Валеева, Д.Е. Мартынова, Ю.А. Мартыновой и В.Н. Тугужековой. Подготовка к изданию, составление, комментарии, указатели Д.А. Данькиной, Р.М. Валеева, Р.З. Валеевой, Д.Е. Мартынова, Ю.А. Мартыновой, Ф.Г. Миниханова, М.С. Минеевой, В.Н. Тугужековой. Вступ. статьи А.М. Сибгатуллина, И.Г. Смолиной, И.Р. Гафурова. Казань: Изд-во «Артифакт», 2017.
- Россия – Монголия – Китай: Дневники монголоведа О.М. Ковалевского 1830-1831 гг. / Подготовка к изданию, предисловие, глоссарий, комментарий, указатели И.В. Кульганек, Р.М. Валеев. Казань; Санкт-Петербург: Изд-во «Таглитмат», 2005-2006.
- Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука, ГРВЛ, 1977.
- Шамов Г.Ф. Профессор О.М. Ковалевский: Очерк жизни и научной деятельности. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1983.
- Эпистолярное наследие российских востоковедов: Письма Мирзы А.К. Казем-Бека академику Х.Д. Френу (1831-1846) / Отв. ред. Р.М. Валеев. Вступит. статьи Н.Н. Дьякова, И.Ф. Поповой, И.В. Тункиной. Казань: Изд-во «Артифакт», 2015.
- Volkkundliche Texte aus Ost-Türkistan: aus dem Nachlaß von N.Th. Katanov; mit e. Vorw. zum Neudr. von Karl Heinrich Menges u.e. Bibliogr. d. Schriften Menges' von Georg Hazai. Leipzig: Zentralantiquariat der DDR, 1976. XVIII, 123, 185 S.

Валеев Рамиль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет; г. Казань; valееv200655@mail.ru

Мартынова Юлия Александровна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет; г. Казань; julietartynova82@gmail.com

**RUSSIAN UNIVERSITY ORIENTAL STUDIES:
RESEARCH CENTERS AND SCIENTIFIC HERITAGE
(19th - the Beginning of the 20th Century)**

Formation of academic and university oriental studies from the beginning of the 19th century was closely interrelated and determined by the mechanism of inviting promising young scientists, mainly from German universities. Another "wing" was formed by immigrants from Oriental countries, native speakers who received a traditional education, but were integrated into the system of European science and public service of the Russian Empire. In this article examines the fate of foreign specialists who constituted an epoch in the development of Kazan University and Kazan Theological Academy – K. Fren, J. Gottwald, V. Radlov, A. Kazem-Beg, et others. Their students expanded the problem field and promoted the integration of applied Oriental studies with advanced trends in the development of humanities.

Key words: Russia, Oriens, Oriental studies, Centers of oriental studies, Travel diaries, Epistolary genre.

Valeev Ramil Mirgasimovich, *Doctor of History, Professor, Kazan Federal University; Kazan; valeev200655@mail.ru*

Martynova Yulia Aleksandrovna, *Candidate of History, Associate Professor, Kazan Federal University; Kazan; e-mail: juliemartynova82@gmail.com*

Сыченкова Л.А.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВ В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: СТАНОВЛЕНИЕ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ (1900-е годы)

В статье осуществлена реконструкция процесса развития искусствоведческого образования в Казанском университете, вклада в него двух руководителей кафедры истории и теории искусства Д.В. Айналова и А.М. Миронова. Автор доказывает, что благодаря подвижнической деятельности ученых Казанский университет превратился в один из центров искусствоведческого образования в России.

Ключевые слова: кафедры теории и истории искусств, Д.В. Айналов, А.М. Миронов, методика преподавания искусствоведения, Казанский университет.

На исходе советской эпохи в Казанском университете мало кто помнил о преподавании истории искусств. История кафедры искусствоведческого образования в стенах Казанского университета исчезла в волнах «беспамятства» словно таинственная Атлантида. Несмотря на десятилетия забвения, следы истории кафедры сохранились в библиотеке Казанского университета, в университетском фонде Национального архива Республики Татарстан и даже в воспоминаниях живых свидетелей ее истории.

Итак, первое десятилетие XX века стало переломным в судьбе кафедры. В этом период произошла смена руководства кафедры. Поменялся кадровый состав преподавателей. Изменилась концепция преподавания: началось систематическое чтение историко-искусствоведческих курсов на гуманитарных факультетах университета, появилось ряд новых дисциплин для искусствоведов. Этот период деятельности кафедры связан с двумя фигурами – Д.В. Айналовым и А.М. Мироновым.

Д.В. Айналов руководил казанской кафедрой с 1890 по 1903 годы. За столь короткий промежуток времени ему удалось многое сделать¹: провести полную реорганизацию университетского «Музея древностей и изящных искусств», начать создание уникальной библиотеки при музее; при его участии был издан первый печатный каталог библиотеки музея².

¹ См.: Зорина А.В., Лукина С.Г. Казанский период научной биографии Д.В. Айналова // Историко-культурное наследие славянских народов Волго-Камского региона. 2017. № 3 (3). С. 23-31.

² Каталог библиотеки Музея искусств и древностей при Императорском Казанском университете. Казань, 1901.

Единой программы подготовки историков искусства в ту пору в Российских университетах еще не было. Преподаватели читали специальные дисциплины, связанные с их научными интересами¹. Д.В. Айналов в Казани начал чтение таких курсов, как «История христианского искусства», «Русское искусство», «Археология русского искусства до XVI века» и др. Для того времени это были новаторские курсы, поскольку у западноевропейских искусствоведов не было интереса к русскому искусству, оно не рассматривалось как самостоятельное, а только как одна из ветвей византийского искусства. При нем лекции стали читать в помещении музея, там же проводили практические занятия. Д.В. Айналов первым в Казани применил новую методику преподавания: для демонстрации слайдов во время лекции использовал «волшебный фонарь».

В 1901 году Д.В. Айналов прочел теоретическую лекцию «Эстетическое учение Джона Рескина о природе и искусстве»². Айналов стремился осуществить свою мечту: вырваться из провинциальной научной среды в столицу. Он оставил в Казани³ полноценную кафедру, на которой была начата подготовка и выпуск специалистов по истории искусств. После ухода Д.В. Айналова из Казанского университета место заведующего музеем оставалось вакантным в течение трех лет (1903-1906). Уже из Петербурга Д.В. Айналов вел переписку с деканом историко-филологического факультета – Д.А. Корсаковым⁴ о подборе кандидата на место директора Музея. Письма Д.В. Айналова приоткрывают неизвестную страницу в истории кафедры — сюжет о том, как происходила смена руководства⁵. Круг искусствоведов со степенью в России тогда был очень узок. Разные кандидатуры рассматривались на место заведующего казанской кафедрой.

¹ Сыченкова Л.А. История становления и развития отечественного культуроведения. (второй половины XIX – начала 30-х гг. XX вв.). Казань, 1996. С. 36-51.

² Из истории европейского искусствознания: вторая половина XIX и начало XX вв. В двух книгах. Т. 2. М., 1969. С. 13.

³ В 1903 году Д.В. Айналов по его настоятельной просьбе был переведен в Петербургский университет. См.: Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов. Жизнь, творчество, архив // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 259-312.

⁴ **Корсаков Дмитрий Александрович** (1849-1919), декан исторического факультета Императорского Казанского университета (1900-1905 гг.).

⁵ Сыченкова Л.А. Основатели музея изящных искусств Казанского университета: Дмитрий Айналов и Алексей Миронов // Вопросы музеологии. 2012. № 1 (5). С. 98-112. См. так же: Хамматов Ш.С. Как «...посадить на казанскую кафедру по искусству работающего и знающего человека»: из истории Казанского университета рубежа XIX–XX вв. (по письмам Д.В. Айналова) // Историк в историческом и историографическом времени. Казань, 2013. С. 300-304.

После долгих согласований в 1906 году следующим заведующим кафедрой истории и теории искусства был назначен Алексей Максимович Миронов (1866–1929(?))¹. Сведения о жизни А.М. Миронова скудны, отрывочны и часто неточны. В советское время, вплоть до конца 1980-х годов имя А. Миронова практически не значилось в советской искусствоведческой литературе². В Казани сохранилась только часть архива А.М. Миронова. Согласно его автобиографии³ родился А.М. Миронов в Харькове 15 февраля 1866 года в мещанской семье⁴. Диссертацию на степень магистра истории и теории изящных искусств А.М. Миронов защитил по теме «Картины загробной жизни в греческой живописи на вазах» (1895) в Московском университете.

Другом и единомышленником А.М. Миронова в Казани стал профессор кафедры древнеримской словесности Борис Владимирович Варнеке (1874-1944)⁵. Уже в 1906 году Б.В. Варнеке по личной инициативе составил описание одной из ценнейших коллекций музея – античной терракоты⁶. Варнеке прожил в Казани недолго: с 1903 по 1910 годы. В 1909 году благодаря инициативе и усилиям Варнеке и Миронова в Казани была проведена Всероссийская выставка современного искусства, значение которой отметила даже российская пресса: «Русские ведомости», «Голос Москвы», «Камско-Волжская речь». Традиция живописных выставок в Казани была поддержана и продолжена в дальнейшем представителями художественной школы и коллекционерами.

В отличие от лекционных курсов Д.В. Айналова, прочитанных в Казанском университете, большая часть лекций А.М. Миронова была издана. На основании этих изданий мы можем судить о содержании его лекций⁷. Сохранившаяся в архиве рукопись программы курса первобытного искусства⁸ позволяет говорить о том,

¹ Точная дата смерти Миронова не установлена.

² См.: Из истории европейского искусствознания: вторая половина XIX и начала XX вв. Т. 2. М., 1969.

³ *Миронов А.М. Curriculum vitae* // Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского университета. Д. 2413. Л. 1-3.

⁴ Там же. Л. 1.

⁵ См.: *Тункина И.В.* Борис Васильевич Варнеке: страницы биографии // Античный мир: проблемы истории и культуры. СПб., 1998. С. 441-452.

⁶ См.: *Варнеке Б.В.* Античные терракоты // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. XXII. Вып. 4. Казань, 1906. С. 231-248.

⁷ См.: *Миронов А.М.* 1) История античного искусства. Казань, 1907; 2) Эпоха Возрождения в итальянском искусстве. Казань, 1912; 3) История эстетических учений. Казань, 1913; 4) История христианского искусства. Казань, 1916.

⁸ *Миронов А.М.* Программа лекций по истории культуры // Отдел рукописей и редких книг НБ им. Н.И. Лобачевского Казанского университета. Д. 2414. Л. 206.

что А.М. Миронов склонялся к синтетическому осмыслению культурных феноменов.

Алексей Максимович много сил приложил для пополнения коллекции музея при кафедре не только копиями, но и подлинниками. Так, в 1908 году на одном из заседаний Ученого совета университета ему пришлось «принять бой» за право покупать для учебного музея подлинники, а не только копии¹. Поддержку и понимание этого направления деятельности А.М. Миронов получил со стороны университетской профессуры. У него были сторонники – те, кто желал славы университету, они передали в дар музею части своих коллекций. Профессор филологии Е.Ф. Будде подарил бюст «Юнона Людовизи», востоковед К.-М. Казем-Бек – живописную картину², античную терракоту подарил профессор О.Ф. Высоцкий. Четыре китайские и японские вещи были подарены профессором медицины М.Ф. Кандратским. При участии А.М. Миронова музей получил постоянное и просторное помещение «на среднем этаже западной половины главного здания университета»³. А. Миронов осуществлял закупку слепков античных статуй из Германии, заказывал новые книги по искусству для библиотеки музея. Много усилий А. Миронов потратил на то, чтобы приобрести для библиотеки «Учебный атлас античного ваяния» И.В. Цветаева⁴.

Музей стал не только учебным центром, но и доступным для городской публики. В архиве музея сохранились десятки прощений с просьбой о посещении музея. Поддержку своей деятельности Миронов находил у тех представителей казанской профессуры, которые понимали значение эстетического образования. В 1909 году А.М. Миронов выступил на торжественном празднестве годовщины Казанского университета с речью «О роли искусства в жизни человека и государстве». В своем выступлении А.М. Миронов уделил большое внимание новой методике преподавания истории искусств, в частности, использованию «волшебного фонаря». Картины на экране «*пробуждают рассудок, оживляют знание. ...Умелое управление фонарем и создание картин преобразует свет истины в смысловые коды, следование которым возвышает*

¹ Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1908 год. Казань, 1909. С. 26.

² Всего в музее было 78 живописных картин. См.: Годичный отчет... Казань, 1909. С. 26-27.

³ См.: Годичный отчет... Казань, 1909. С. 26.

⁴ Цветаев И.В. Учебный атлас античного ваяния. Вып. 1–3. М., 1890–1894; Атлас является большой редкостью: было издано всего 50 экземпляров.

душу через пробуждаемые переживания»¹, – писал А.М. Миронов. Вместе с другими преподавателями Казанского университета – Н.А. Васильевым, Е.Ф. Будде, Д.И. Нагуевским, В.К. Пискорским, С.П. Шестаковым – он внес вклад в развитие женского образования в Казани. А. Миронов проводил практические занятия и читал лекции для учащихся Высших женских курсов².

Лекции А. Миронова оказали влияния на формирование мировоззрения и научные интересы казанских студентов³. Некоторые из его учеников – Б.П. Денике и Н.А. Щербаков, А.А. Федоров-Давыдов и др. – стали впоследствии знаменитыми искусствоведами.

Традиция преподавания и изучения истории искусства в Казанском университете, опыт кафедры остается до сих пор неостребованным. Многие факты из истории кафедры и ее ярких представителей требуют дополнительного осмысления, чтобы вписать ее в историю российского искусствознания, которая сегодня требует существенной корректировки.

Библиография

- Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1908 г. Казань: Б. и. 1909. 149 с.
- Каталог библиотеки Музея искусств и древностей при Императорском Казанском университете. Казань: Тито-литография Императорского ун-та, 1901. 105 с.
- Миронов А.М. Curriculum vitae // Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского университета. Д. 2413. Л. 1-3.
- Миронов А.М. Программа лекций по истории культуры // Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского университета. Д. 2414. Л. 206.
- Расписание лекций и практических занятий на Казанских Высших женских курсах в 1907/1908 учебном году // Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 131, оп. 1. Д. 5. Л. 5-об – 6.
- Анфертьева А.Н. Д.В. Айналов: жизнь, творчество, архив // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И.П. Медведева. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланов», 1995. С. 259-312.
- Варнеке Б.В. Античные терракоты // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. XXII. Вып. 4. Казань, 1906. С. 231-248.

¹ Котомина А.А. Световые и теневые картины и «искусство проекции» в России конца XIX – начала XX вв. // Киноведческие записки. № 99, 2012. С. 168.

² НА РТ. Ф. 131, оп. 1. Д. 5. Л. 5-об – 6. Расписание лекций и практических занятий на Казанских Высших женских курсах в 1907/1908 учебном году.

³ В одном из отчетов среди наиболее отличившихся студентов А. Миронов отмечает: Андерсона, Фирсова, Климовского, Шиманского. На семинаре по истории искусств студент Андерсон сделал доклад на тему «О возникновении и развитии пейзажа в древнем мире». См.: Годичный отчет... Казань, 1909. С. 26. По нашим предположениям, студент Андерсон – это будущий известный этнолог и фольклорист Вальтер Николаевич Андерсон (1885–1962).

- Зорина А.В., Лукина С.Г.* Казанский период научной биографии Д.В. Айналова // Историко-культурное наследие славянских народов Волго-Камского региона / Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. Ижевск: Шелест, 2017. С. 23-31.
- Из истории европейского искусствознания: вторая половина XIX и начало XX вв. В 2-х кн. / Вишпер Б.Р., Ливанова Т.Н. (ред.). Т. 2. М.: Искусство, 1969. 290 с.
- Котомина А.А.* Световые и теневые картины и «искусство проекции» в России конца XIX – начала XX вв. // Киноведческие записки. 2012. № 99. С. 135–171.
- Миронов А.М.* История античного искусства. Лекции. Казань: Б. и., 1907. 348 с.
- Миронов А.М.* История христианского искусства. Казань, 1908-1909. 273 с.
- Миронов А.М.* История эстетических учений: (Конспект лекций, чит. в Казан. ун-те и на Казан. высш. жен. курсах в 1912/13 уч. г.): Пособие по истории эстет. учений в соответствии с программой испытат. комис. Казань, 1913. 204 с.
- Миронов А.М.* Эпоха Возрождения в итальянском искусстве: (Курс лекций 1911/12 уч. г.). Казань: Электрич. тип. Л.П. Антонова, 1912. 164 с.
- Сыченкова Л.А.* История становления и развития отечественного культуроведения. (второй половины XIX – начала 30-х гг. XX вв.). Казань, 1996. 78 с.
- Сыченкова Л.А.* Основатели музея изящных искусств Казанского университета: Дмитрий Айналов и Алексей Миронов // Вопросы музеологии. 2012. № 1 (5). С. 98-112.
- Тункина И.В.* Борис Васильевич Варнеке: страницы биографии // Античный мир: проблемы истории и культуры: сборник научных статей к 65-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова / Санкт-Петербургский гос. ун-т; под. ред. д-ра ист. наук И.Я. Фроянова. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1998. С. 441-452.
- Хамматов Ш.С.* Как «...посадить на казанскую кафедру по искусству работающего и знающего человека»: из истории Казанского университета рубежа XIX–XX вв. (по письмам Д.В. Айналова) // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана / составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во «Яз», 2013. С. 300-304.
- Цветаев И.В.* Учебный атлас античного ваяния. Вып. 1–3. М., 1890–1894.

Сыченкова Лидия Алексеевна, доктор исторических наук, доцент, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань; lsichenkova@yandex.ru

THE DEVELOPMENT OF LEARNING AND TEACHING THE HISTORY OF ART IN KAZAN UNIVERSITY (1900-ies)

The article reconstructs the process of development of art history education at Kazan University of two heads of the Department of history and theory of art-D. Ainalov and A. Mironov. The author proves that thanks to the selfless activity of scientists Kazan University has become one of the centers of art education in Russia.

Key words: Department of theory and history of arts, D. Ainalov, A. Mironov, methods of teaching art, Kazan University.

Sy`chenkova Lidiya Alekseevna, Doctor of History, Assistant professor, Insititute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan; lsichenkova@yandex.ru

Сидорова И.Б.

**СОЗДАНИЕ БИБЛИОТЕКИ МУЗЕЯ ИСКУССТВ
И ДРЕВНОСТЕЙ В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.):
ПРЕДПОСЫЛКИ И РЕЗУЛЬТАТЫ**

В статье рассматриваются факторы, способствовавшие созданию уникальной специализированной научной библиотеки в Казанском университете при Музее искусств и древностей (1887–1922 гг.). Её комплектование было заслугой профессоров кафедры теории и истории искусств, предметом заботы членов историко-филологического факультета и обеспечивалось целевым государственным финансированием. В библиотеке были собраны тысячи экземпляров книг, журналов, альбомов, гравюр, изданных в России, Германии, Франции, Италии, Австрии, Англии и в других странах, позволявших изучать историю искусства, религии, культуры и быта многих народов мира с древних эпох до современности.

Ключевые слова: музей, библиотека, искусства, древности, Казанский университет, историко-филологический факультет.

Роль кабинетов и музеев в отечественном гуманитарном университетском пространстве не оставалась неизменной. Пожалуй, наибольшее развитие этих структур относится к концу XIX – началу XX вв. История Музея искусств и древностей впервые начала изучаться на рубеже XX–XXI веков¹. За последние 10–15 лет этот вид университетских музеев привлекает к себе всё большее внимание исследователей России и Украины².

¹ Назитова Г.Р. Университет и музей: исторический опыт губернской Казани. Казань, 2004; Ключевская Е.П. Изыщные искусства в Казанском университете. Казань, 2008; Сыченко Л.А. 1) Алексей Максимович Миронов. Попытка научной реабилитации // Гасырлар авазы / Эхо веков. 2004. № 1; 2) Основатели Музея изыщных искусств Казанского университета: Дмитрий Айналов и Алексей Миронов // Вопросы музеологии. 2012. № 1.

² Желясков С.А., Левченко В.В., Левченко Г.С. Н.П. Кондаков – заведующий Музеем изыщных искусств Императорского Новороссийского университета // Вопросы музеологии. 2014. № 2 (10); Лапина М.С. А.А. Потебня – заведующий Музеем изыщных искусств Харьковского университета // Проблеми історії та археології України. Збірник матеріалів Міжнародної наукової конференції до 100-річчя XII Археологічного з'їзду в м. Харкові 25-26 жовтня 2003 р. Харків, 2003. С. 159–162. URI: <http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/199>; Левченко В.В., Левченко Г.С. Музей изыщных искусств Императорского Новороссийского университета: фонды, персоналии, судьба // Вопросы музеологии. 2012. № 2 (6); Тихонов И.Л. Музей древностей и изыщных искусств Санкт-Петербургского университета // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 16-1. СПб., 2016; Филиппенко Р.И. Е.К. Редин и Музей изыщных искусств и древностей Харьковского

Музей искусств и древностей на историко-филологическом факультете Казанского университета появился одновременно с введением преподавания теории и истории искусств. 6 сентября 1886 г. факультет избрал и с 1 января 1887 г. попечитель Казанского учебного округа утвердил директором музея профессора классической филологии, византиниста Д.Ф. Беляева (1846-1901). На этом посту он оставался до выхода в отставку в августе 1897 г. Чтение лекций по истории искусств в первом семестре 1886/87 учебного года начал профессор классической филологии Д.И. Нагуевский и продолжил во втором семестре профессор философии А.И. Смирнов (курс временно был разделен на две части – историю и теорию искусств). В 1888-1890 гг. приват-доцент кафедры теории и истории искусств В.К. Мальмберг вел курсы по истории древнегреческого искусства и развитию искусства в христианском мире. После его отъезда в Дерптский университет приват-доцент Д.В. Айналов, прибывший из Петербургского университета, стал читать традиционный комплекс курсов лекций: история греческого, римского, раннехристианского, византийского искусства и искусства эпохи Возрождения. В октябре 1897 г. факультет избрал его директором Музея искусств и древностей¹.

После его перехода в июле 1903 г. на должность профессора Петербургского университета казанская кафедра почти три года оставалась вакантной. Обязанности директора музея временно исполнял профессор кафедры классической филологии Д.И. Нагуевский (он же директор Нумизматического музея и созданной им в 1885 г. Библиотеки классической филологии). 24 марта 1906 г. в должности экстраординарного профессора был утвержден магистр, приват-доцент Московского университета А.М. Миронов, принявший заведование музея. Со временем он стал исполняющим должность ординарного профессора (1914) и заслуженным орди-

университета // Вопросы музеологии. 2014. № 2 (10); *Филিপченко Р.И.* Ф.И. Шмит – заведующий Музеем изящных искусств и древностей Харьковского университета // Вопросы музеологии. 2016. № 1 (13).

¹ После защиты магистерской и докторской диссертаций Д.В. Айналов приобрёл статус экстраординарного (1900) и ординарного (1902) профессора. В последние годы работы в Казанском университете ученый значительно расширил тематику курсов, что соответствовало общей тенденции развития университетского преподавания теории и истории искусств, включив новые курсы: 1899/1900 уч.г.: «История и археология русского искусства (по XVIII век)»; 1900/1901 уч.г.: «История искусства средних веков»; 1901/1902 уч.г.: «История искусства в XIX столетии в Европе»; 1902/1903 год: а) «История искусства древнего Востока (Египет, Ассирия, Вавилония и Персия)» (для классического и исторического отделений); б) «Русские древности в памятниках искусства и быта»; в) «История русской живописи XIX века (для желающих).

нарным профессором (1916). А.М. Миронов читал лекции и вёл практические занятия по истории античного искусства, истории искусства в эпоху Возрождения (Италия), истории христианского искусства, истории эстетических учений. Дальнейшее развитие тематики лекций по кафедре теории и истории искусств связано с учеником А.М. Миронова магистрантом, приват-доцентом Б.П. Денике (1915-1918 гг.)¹.

Преподавание истории и теории искусства, с одной стороны, подкреплялось учебно-научной базой в виде библиотеки и коллекций Музея искусств и древностей, а с другой – стимулировало усиленное развитие этой базы. Но без стабильного финансирования оно было бы невозможно.

Министерство народного просвещения в соответствии с Уставом 1884 года ежегодно выделяло для учебно-вспомогательных учреждений историко-филологического факультета Казанского университета 1250 рублей², из которых Музей искусств и древностей с 1887 года получал 1000 рублей³. Увеличение общефакультетской суммы до 2000 рублей благодаря закону от 3 июля 1914 года дало незначительную прибавку Музею искусств и древностей до 1183 рублей на 1916 год⁴. Ещё некоторая сумма добавлялась из «спецсредств» университета (платы за слушание лекций и др.). Деньги расходовались на приобретение печатной продукции и в гораздо меньшей степени – произведений искусства и предметов древности, на изготовление фотоснимков и копий памятников, музейную мебель и оборудование, оплату транспортных расходов, жалование писмоводителя, переплётчика и сторожа.

Задача преимущественного пополнения библиотеки с целью обеспечения преподавания и научной работы признавалась приоритетной всеми заведующими Музея искусств и древностей. Дополнительным аргументом служила, по словам Д.И. Нагуевского, «*крайняя теснота помещения музея, препятствующая размещению*

¹ Он вёл необязательный курс «История русского искусства XV-XVII веков», а с ноября 1920 г. в должности профессора читал лекции по истории русского, византийского и – впервые – восточного искусства в университете и в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте.

² Общий устав и временный штат императорских российских университетов, а также расписание должностей и окладов содержания инспекции в университетах. СПб., 1884. С. 60-61.

³ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 7716. Л. 10-15.

⁴ Для сравнения: на Минералогический, Геологический, Ботанический, Географический кабинеты вместе с их музеями выделялось по 1500 рублей, на Зоологический кабинет – 2134 рубля; на Анатомический кабинет – 2500 рублей; на Патолого-анатомический кабинет – 2000 рублей; на Зоотомический кабинет – 1816 рублей. См.: НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 13145. Л. 2 с об., 11, 14.

произведений искусств – статуй, картин и крупных копий». Он, как и предшественники, стремился по возможности восполнять пробелы в отделах библиотеки, учитывая важность систематического изучения специальных вопросов¹.

Начало библиотеки положили издания, хранившиеся ранее в Музее этнографии, древностей и изящных искусств, но, к сожалению, их количество не известно. В отчетных документах оно объединено с вещами. Таким образом, на 1.01.1888 г. было учтено всего 174 «предмета» на сумму 4727 р. 57 к.² Некоторые книги были получены из фундаментальной библиотеки Казанского университета по решению Совета, в частности, в 1892 г. – великолепное 6-томное издание «Древностей Российского государства» (1849-1853 гг.), состоящее из альбомов цветных хромолитографий, выполненных с рисунков академика живописи Ф.Г. Солнцева, и текста. Свои труды присылало Императорское Русское археологическое общество. Дарителями книг становились авторы, составители книг, издатели и любители искусства и науки. Как пример удивительных переплетений судеб людей и книг можно отметить поступление в библиотеку первого факсимильного парижского издания трактата Леонардо да Винчи «Кодекс о полете птиц» с авторскими рисунками³. Оно имело следующую сопроводительную надпись: «Императорского Казанского университета Музею искусств и древностей посильное приношение от С. Шохор-Троцкого, сделанное им из искреннего сочувствия целям музея и по просьбе заслуженного профессора, глубоко уважаемого Александра Васильевича Васильева. СПб. 28 декабря 1901 (10 января 1902 г.)»⁴. Петербургский преподаватель математики, методист-новатор был автором учебника по геометрии, получившего поддержку авторитетного казанского учёного⁵. Широкой публике С.И. Шохор-Троцкий был известен как автор статьи о рукописях Леонардо да Винчи в журнале «Вестник Европы» (1896. № 6, 7). Инициатором же получения замечательного малотиражного (300 нумерованных экземпляров)

¹ Годичный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1906 года. Казань, 1906. С. 18.

² Годичный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1888 года. Казань, 1888. С. 72.

³ I manoscritti di Leonardo da Vinci. Codice sul volo degli uccelli e varie altre materie, pubblicato da Teodoro Sabachnikoff; trascrizioni e note di Giovanni Piumati. Parigi: E. Rouveyre, 1893.

⁴ Годичный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1903 года. Казань, 1903. С. 27.

⁵ Васильев А.В. Отзыв о кн.: Шохор-Троцкий С.И. Учебник геометрии для средних учебных заведений // Известия физико-математического общества при Казанском императорском университете. 1891. Т. 1. № 2. С. 47–49.

издания был заведующий музея профессор Д.В. Айналов, обращавшийся в мае 1900 года от имени факультета в Париж и в Петербург с просьбой о пожертвовании одного дарового экземпляра музею¹.

В целом же дарение даже редких и ценных изданий не могло быть основным способом пополнения библиотеки, прежде всего в силу случайного характера. С первого месяца работы директор музея профессор Д.Ф. Беляев начал составлять списки литературы для приобретения. Они рассматривались и утверждались на заседании историко-филологического факультета, а потом отправлялись в книготорговые и книгоиздательские фирмы: Зиммеля в Лейпциге, Н. Киммеля, позднее Ионка и Полиевского в Риге, К.Л. Риккера в Петербурге, А.А. Дубровина и братьев Н.Я. и С.Я. Башмаковых в Казани. Иногда случался перерасход и возникала задержка с оплатой, с чем столкнулся новый заведующий музея А.М. Миронов в 1906 году, но через два года долг был выплачен. Даже в годы Первой мировой войны библиотека продолжала получать некоторые французские и английские издания через фирму Гамбера в Париже².

Расходы на библиотеку в бюджете Музея искусств и древностей в 1892-1905 гг. составляли почти 80%, что следует из «годовых отчетов» Казанского университета³.

Количество книг и журналов известно, начиная с 1.01.1893 г.: 425 названий / 535 томов на сумму 9566 р. 03 к.⁴ Последние данные относятся к 1.01.1905 г.: 896 названий / 1704 томов на сумму 18630 р. 90 к.⁵ Как видим, за 12 лет количество названий удвоилось, экземпляров (томов) стало больше чем в три раза, а стоимость – в два раза. Максимум поступлений книг отмечен в 1898 г. – 85 названий / 152 тома⁶. В среднем за 1893-1906 гг. библиотека увеличивалась, по нашим подсчетам, приблизительно на 50 номеров ежегодно.

¹ НБ КФУ. ОРРК. № 2545-2. Л. 14 об., 15, 15 об.

² Годичный отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1915 год. Казань, 1916. С. 53.

³ Общая сумма ассигнований на библиотеку за эти годы составила 11025 р. 46 к., то есть в среднем 787 р. 50 к. ежегодно. В отдельные годы (1894, 1895, 1898, 1899, 1901) выделялось более 1000 рублей. В предшествующие и в последующие годы данные суммы не указывались.

⁴ Годичный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1894 года. Казань, 1894. С. 47-48.

⁵ Годичный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1905 года. Казань, 1905. С. 27-29, 174-175

⁶ Годичный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1899 года. Казань, 1899. С. 51.

С 1907 года данные о новых поступлениях в библиотеку и общем количестве книг и журналов в опубликованных источниках отсутствуют. Источником для анализа служит рукописный в двух книгах «Документальный каталог библиотеки Музея искусств и древностей», где 1907 г. начинается с номера 1005¹, а заканчиваются записью под номером 2022 к моменту передачи собрания от заведующего музея профессора А.М. Миронова завхозу Восточного педагогического института². Это могло произойти не ранее осени 1922 г.³ Эти цифры нельзя считать реальным количеством книг и журналов и даже количеством томов (экземпляров), так как одно и то же название журнала, многотомной энциклопедии и т.п. могло записываться по мере поступления очередных выпусков под несколькими номерами. Но случалось и наоборот: под одним номером с добавлением литеры (-a, -b, -c, -d или цифр) учитывались десятки изданий. Условная цифра – 2022 – показывает увеличение фондов к 1922 году более чем на 100% по сравнению с цифрой 1005 на 1.01.1907 г. Это показатель роста библиотеки, сопоставимый с ростом за 1893-1905 гг. Среднегодовая цифра поступлений за последние 15 лет составляет 68 номеров. Вопрос о количестве книг в библиотеке МИИД требует уточнения.

Состав книг определялся главной задачей приобретения «*фундаментальных и классических пособий для преподавания и изучения искусства*»⁴, как прежде изданных, так и вновь напечатанных. В эту категорию входили не только научные труды, но и, говоря современным языком, источники. Приобретались альбомы, атласы, таблицы, научно-популярные издания.

Структуру и содержание библиотеки отражают систематические каталоги. В 1901 г. Д.В. Айналов подготовил и издал печатный каталог⁵, убедительно показавший внушительные результаты работы по комплектованию, которыми он, несомненно, гордился⁶. В каталоге 16 разделов, которые можно сгруппировать следующим образом:

¹ НБ КФУ. ОРПК. № 2541-1. Л. 120 об.

² Там же. № 2541-2. Л. 45.

³ Спустя еще какое-то время дополнительно были вписаны четыре книги, изданные в 1920-1925 гг., и таким образом всего в «Документальном каталоге» значится 2026 номеров. См.: НБ КФУ. ОРПК. № 2541-2. Л. 45.

⁴ Годичный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1895 года. Казань, 1895. С. 46.

⁵ Каталог библиотеки Музея искусств и древностей при Императорском Казанском университете. Казань, 1901. 115 с. Тираж 100 экз.

⁶ Множество экземпляров Каталога ученый разослал во все университеты, в некоторые учреждения, музеи и специалистам.

I. Литература по истории искусства и культуры разных народов, стран и эпох:

- «Восток»;
- «Греция и Рим»;
- «Христианское и византийское искусство и археология»;
- «Средние века»;
- «Эпоха Возрождения»;
- «Русские древности и искусство»;
- «Византийская историография и история»;
- «Всеобщая история культуры, религии и быта»;
- «Новое искусство»;
- «Руководства по всеобщей истории искусства».

II. Издания справочного характера:

- «Словари»;
- «География, картография, путеводители».

III. Литература по отдельным научным дисциплинам:

- «Эпиграфика»;
- «Эстетика».

IV. «Гравюры».

V. «Varia».

Отдельно прилагался список журналов и «Алфавитный указатель имен и названий». Часть работ была записана в несколько разделов. По количеству наименований работ лидировали «Греция и Рим» (294 названия) и «Христианское и византийское искусство и археология» (157 наименований), к которому можно добавить «Византийскую историографию и историю» (44 названия).

Продолжение печатного каталога в рукописном виде имеет те же самые рубрики, за исключением списка имён¹.

Кроме раздела «Русские древности и искусство», в библиотеке преобладали зарубежные издания, что было связано с более давними традициями классической археологии, филологии и искусствоведения в европейских странах. Казанские ученые и студенты могли изучать книги и журналы, изданные более чем в тридцати городах Германии (до и после объединения страны), прежде всего в Берлине, Лейпциге, Бонне, Мюнхене, Страсбурге, Штутгарте, Бреслау и др. Кроме того, имелась литература, опубликованная в таких городах мира, как Амстердам, Афины, Брюссель, Валенсия, Вена, Венеция, Женева, Кембридж, Константинополь, Лилль, Лондон, Мадрид, Милан, Неаполь, Нью-Йорк, Париж, Прага, Прато, Равенна, Рим, Сиена, Тулуза, Тур, Турин, Урбино, Флоренция. Этот список может быть дополнен. По количеству изданий выделялись Париж, Вена и Рим.

¹ Дополнение к печатному каталогу библиотеки Музея искусств. – НБ КФУ. ОРРК. № 2541.

Литература, собранная в библиотеке Музея искусств и древностей, представляла основные этапы истории искусства, культуры, религии и быта европейских и восточных народов и стран, включая Россию, с древних времен до современности. Научные труды дополнялись многочисленными воспроизведениями памятников. Библиотекой пользовались не только те, кто непосредственно работал или учился на кафедре теории и истории искусств, но и многие коллеги по факультету, читавшие курсы «Римские древности», «Греческие древности», всеобщую и русскую историю и др. Члены факультета сами ходатайствовали о выписке изданий. Так, профессор М.М. Хвостов 15.01.1911 г. попросил приобрести четыре книги¹, а 18.02.1912 г. – журнал «Bulletin de correspondance hellénique» Французской школы в Афинах, необходимый, по его словам, для историков и филологов, «занимающихся не только историей античного искусства»². Он же в марте 1911 г. выступил резко против приобретения дорогостоящих подлинных произведений искусства, «пока основные нужды не удовлетворены»³, расходясь в этом вопросе с заведующим музея профессором А.М. Мироновым. Факультет относился к Музею искусств и древностей как к своему детищу.

В 1922 г., когда из университета были изгнаны гуманитарные науки, их музеи и кабинеты были переданы Восточному педагогическому институту. Музей искусств и древностей сохранялся до полного прекращения преподавания искусствоведческих дисциплин и осенью 1925 г. был закрыт, а фонды в 1928 г. были отправлены в Центральный музей Татарской республики. Обратное в Казанский университет в 1930-е гг. была возвращена какая-то часть библиотеки.

Библиография

Жебелёв С.А. Введение в археологию. Пг: Наука и школа, 1923.

Желясков С.А., Левченко В.В., Левченко Г.С. Н.П. Кондаков – заведующий Музеем изящных искусств Императорского Новороссийского университета // Вопросы музеологии. 2014. № 2 (10).

Ключевская Е.П. Изящные искусства в Казанском университете. Казань, 2008.

Лалина М.С. А.А. Потебня – заведующий Музеем изящных искусств Харьковского университета // Проблеми історії та археології України. Збірник матеріалів Міжнародної наукової конференції до 100-річчя XII Археологічного з'їзду в м. Харкові 25-26 жовтня 2003 р. Харків, 2003. С. 159–162. URI: <http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/199>.

¹ НБ КФУ. ОРПК. № 2543-2. Л. 222.

² Там же. № 2543-3. Л. 352. Этот журнал выписывался с 1881 по 1895 гг.

³ Там же. № 2543-2. Л. 216.

- Левченко В.В., Левченко Г.С.* Музей изящных искусств Императорского Новороссийского университета: фонды, персоналии, судьба // Вопросы музеологии. 2012. № 2 (6).
- Назипова Г.Р.* Университет и музей: исторический опыт губернской Казани. Казань: Школа, 2004.
- Сыченкова Л.А.* Алексей Максимович Миронов. Попытка научной реабилитации // Гасырлар авазы / Эхо веков. 2004. № 1.
- Сыченкова Л.А.* Основатели Музея изящных искусств Казанского университета: Дмитрий Айналов и Алексей Миронов // Вопросы музеологии. 2012. № 1.
- Тихонов И.Л.* Музей древностей и изящных искусств Санкт-Петербургского университета // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 16-1. 2016.
- Филитпенко Р.И.* Е.К. Редин и Музей изящных искусств и древностей Харьковского университета // Вопросы музеологии. 2014. № 2 (10).
- Филитпенко Р.И.* Ф.И. Шмит — заведующий Музеем изящных искусств и древностей Харьковского университета // Вопросы музеологии. 2016. № 1 (13).

Сидорова Ирина Борисовна, кандидат исторических наук, доцент, г. Казань; irina-sidorova005@yandex.ru

THE CREATION OF THE LIBRARY AT THE MUSEUM OF ARTS AND ANTIQUITIES IN THE KAZAN UNIVERSITY (the end of the XIX – the beginning of the XX centuries): backgrounds and results

The article discusses factors which contributed to the creation of a unique scientific library in the Museum of arts and antiquities of the Kazan University (1882-1922). Its acquisition was the merit of the professors of the Department of theory and history of arts, the subject of care of the members of the faculty of history and philology and was provided by Central government funding. The library collected thousands books, magazines, albums, engravings published in Russia, Germany, France, Italy, Austria, England and other countries, providing an opportunity to study the history of art, religion, culture and life of many peoples of the world from ancient times to the present.

Key words: Museum, library, arts, antiquities, Kazan University, faculty of history and Philology.

Sidorova Irina Borisovna, Candidate of History, Assistant Professor, Kazan; irina-sidorova005@yandex.ru

Раздел 4

НАСЛЕДИЕ В.К. ПИСКОРСКОГО И ЕГО СОВРЕМЕННОКОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ НАУКЕ

УДК 93(092): 930+908

Труш О.М.

ВОЛОДИМИР ПИСКОРСЬКИЙ: ДЖЕРЕЛОЗНАВЧО-КРАЄЗНАВЧІ СТУДІЇ

Здійснено системний аналіз провідних напрямків дослідницької діяльності Володимира Піскорського – джерелознавства та краєзнавства.

Ключові слова: Володимир Піскорський, історична наука, джерелознавство, краєзнавство.

Наукова спадщина Володимира Костянтиновича Піскорського надзвичайно багата. Його перу належить велика кількість досліджень, основні з яких присвячені історії середньовічної Іспанії. Саме ці твори принесли науковцю славу засновника української та російської іспаністики, зробили його ім'я відомим серед вчених Заходу, суттєво збагатили новими ідеями історичну науку.

Хоча світ побачило вже немало праць про життя і діяльність вченого, відбулося перевидання деяких важливих робіт і частини епістолярної спадщини Володимира Піскорського, його наукові праці та архів є джерелом нових розробок. Зокрема, архівні матеріали науковця дозволяють здійснити аналіз джерелознавчих та краєзнавчих досліджень, деякі з яких тут опубліковано вперше, решту переглянуто, виправлено, доповнено та подано в новій редакції. Даної проблеми вже торкалися окремі дослідники творчої біографії історика¹, однак наявна інформація не є систематичною і не

¹ Кучерук О. Медієвіст Володимир Піскорський // Всесвіт. 1988. № 2; Москалено А.Є. Сторінка з історії медієвістики на Україні // Український історичний журнал. 1971. № 4; Новикова О.О. В.К. Піскорський. Біографічний нарис // Піскорсь-

охоплює проблему цілому. Цим і зумовлений наш дослідницький інтерес.

Першоосновою наукових напрацювань Володимира Піскорського були архівні заняття, публікація та всебічний аналіз джерел. Роботи вченого супроводжувалися значними за обсягом додатками, які містили опрацьовані дані архівних матеріалів, накопичених в результаті постійних багаторічних відряджень в архіви західноєвропейських країн. На особливу увагу заслуговують джерелознавчі розвідки історика з теми магістерської і докторської дисертаційних робіт. Повернувшись зі свого першого дворічного закордонного відрядження (1896-1897) В.К. Піскорський опублікував звіт¹ про роботу в іспанських архівах, в якому дав ґрунтовний аналіз опрацьованих документів, стану роботи іспанських архівістів та істориків в галузі видання документальних джерел, висловив думку щодо значення віднайдених документів для наукової праці автора.

Досліднику вдалося з'ясувати, що в Іспанії існують три головні архіви: в Сіманську, де зосереджені папери, які відносяться до XVI ст. і до історії Іспанії з часів об'єднання різних частини півострова під владою кастильських королів до новітнього часу; в Барселоні, де зберігаються документи, що стосуються історії Арагону і залежних від нього держав; у Мадриді, де містяться різноманітні матеріали, пов'язані з історією Іспанії від IX ст. до новітнього часу. У звіті² В.К. Піскорський підкреслив, що крім головних архівів, існують й інші установи, де зберігається багато рукописів, які належать до різних епох іспанської історії: Мадридська Національна бібліотека, Бібліотека святого Лоренцо, провінційні і місцеві архіви тощо.

Зокрема, з-поміж історичних джерел, які вчений опрацював в іспанських архівах, виділимо колекцію документів, складених за розпорядженням графа Кампоманеса. Вона зібрана протягом 1788 і наступних років та містить велику кількість різних грамот, привілеїв, фуеросів й інших документів, які змальовують історію поземельних і станових відносин в середньовічній Іспанії³. В Сіманському архіві В.К. Піскорському серед величезної кількості паперів також вдалося знайти цілу низку оригінальних актів, які представляють повноваження депутатів кортесів (*poderes*). Ці акти містять вказівки на ті збори кортесів, протоколи яких не збереглися. Великий

кий В.К. Вибрані твори та епістолярна спадщина / [упоряд.: О.О. Новикова, І.С. Пічугінаа]. Київ, 1997. С. 17-39.

¹ *Піскорський В.К.* Отчет о заграничной командировке приват-доцента Университета Св. Владимира В. Пискорского за 1896 и 1897 гг. // ЖМНП. 1898. Декабрь. С. 19-47.

² Там же.

³ Там же. С. 20.

інтерес становлять і закличні грамоти королів на кортеси, умови, на основі яких кортеси втували субсидії королю в різних випадках, і, нарешті, розрахунки сум, використаних на винагороду депутатам від міст¹.

На основі вивчення вищеназваних та низки інших документів, опрацьованих в іспанських архівах, В.К.Піскорський прийшов до висновку, що “єдиний метод, який може бути з успіхом застосований до дослідження кортесів, є метод історико-аналітичний, завдяки якому установу можна розглядати не цілком, а складовими частинами, і зміни, які відбувались у кожній з них, повинні вивчатися у строгій хронологічній послідовності”².

Крім того, у звіті В.К.Піскорський звертає увагу на той факт, що в Іспанії опублікованих джерел досить мало. Найбільш масштабним виданням пам’яток є “Coleccion de documentos ineditos del Archivo deneral de la corona de Fragon” – збірник документів, які були вилучені із головного архіву арагонської корони в Барселоні і стали видаватися з 1847 р. за редакцією голови цього архіву пана Бофаруля. Однак, за словами вченого, це видання складено недбало, а матеріали різних епох розподілені нерівномірно³.

Наголосимо, що Володимир Піскорський був єдиним серед своїх сучасників, хто спеціально приділяв увагу стану архівної справи в Іспанії, а також зробив докладний огляд документів з іспанських архівів. До того ж, він був першим іноземним ученим, якому дозволили працювати в Королівському архіві Іспанії!

В особистому фондї В.К.Піскорського міститься багато виписок і з інших закордонних архівів, а також чимало збірників документів, складених самим вченим, зокрема “Збірник історичних документів з історії Німеччини XIV-XV ст.”⁴, “Літературні джерела з вивчення історії Італії”⁵ тощо. Історик володів багатьма європейськими мовами, він перекладав важливі історичні пам’ятки, а також залучав до цієї роботи своїх студентів. Зокрема, в архіві вченого є цікавий рукопис перекладу “Салічної Правди”, який являє собою товстий загальний зошит в картонній обкладинці. На титульній сторінці красивим чітким почерком написано: “Салічна Правда. Переклад зроблений студентами III курсу історичного відділення під керівництвом проф. В.К. Піскорського. Ніжин. Історико-філо-

¹ Там же. С. 21.

² Там же. С. 22.

³ Там же. С. 40.

⁴ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 604. К. 7. Ед. хр. 10.

⁵ Там же. Ед. хр. 12.

логічний інститут, 1902/03 ак. р.”¹. Текст перекладу записано різними почерками. Зміст, вступні сторінки² і коментарі написані дрібним почерком професора. На звороті першої обкладинки вказано літературу з досліджуваного питання. У зошит вкладено окремі аркуші чернеток, конспекти і виписки з різних книжок, вирізки статей з газет і журналів, що стосуються теми.

“За своїм змістом, – писав професор, – Салічна Правда являє невеликий кодекс судочинства, громадянського і карного права з переважанням статей останнього: особливо багато говориться про різні види крадіжок і насильств. Якоїсь певної системи розташування матеріалу в цьому кодексі ми не знаходимо. У визначенні покарань за різні проступки помічається м’якість щодо вільних і жорстокість щодо рабів і напіввільних. Франкське суспільство, регулюючи свої відносини Салічним законом, уже вийшло за межі порядку, заснованого на власній і родовій помсті за образи. Родова помста замінюється однією грошовою сплатою. Розміри вергельда перебувають у відповідності з соціальним становищем особи, що стала об’єктом злочину”³. Характеристика “Салічної Правди” не закінчена. Далі в рукописі з посиланням на П.Г. Виноградова розглядаються лангобардські закони. Коментарі записані уривками і були конспектом для занять зі студентами. У них викладено думки різних істориків і зроблено зіставлення “Салічної Правди” з іншими документами, зокрема з “Руською Правдою”.

Про проблематику можливих досліджень пам’ятки дає уявлення невеликий аркуш із заголовком “Теми з Салічної Правди”, які, очевидно, призначалися для підготовки студентами повідомлень. Ось їх повний перелік: 1. Погляди Салічної Правди на злочини і покарання. 2. Судовий процес за Салічною Правдою. 3. Види судового процесу за Салічною Правдою. 4. Суд Божий чи ордалії за Салічною Правдою. 5. Умови, що визначають розмір віри за Салічною Правдою. 6. Чи визнає Салічна Правда тілесні покарання і страту? 7. Судова організація Салічної Правди. 8. Родові відносини за Салічною Правдою. 9. Майнові відносини за Салічною Правдою. 10. Роль скотарства в побуті салічних франків. 11. Роль землеробства в побуті салічних франків. 12. Форми землеволодіння у салічних франків. 13. Станові відносини за Салічною Правдою. 14. Становище різних класів за Салічною Правдою. 15. Становище

¹ Там же. Ед. хр. 2.

² Отчёт о состоянии и деятельности Историко-филологического Общества при Институте кн. Безбородко за 1898/9 год // Сборник историко-филологического общества при институте кн. Безбородко в Нежине. Нежин, 1900. Т. III.

³ ОР РГБ. Ф. 604. К. 7. Ед. хр. 2.

римського населення за Салічною Правдою. 16. Становище рабів за Салічною Правдою. 17. Становище жінок за Салічною Правдою. 18. Сліди впливу королівської влади і церкви в побуті франків за Салічною Правдою”¹.

Таким чином, у тематиці, розробленій В.К. Піскорським, велика увага приділяється суто юридичним питанням. Навіть після побіжного ознайомлення з рукописом можна зробити висновок, що вчений чудово знав літературу з досліджуваного питання і глибоко вивчав саму пам’ятку. Велику увагу історик приділяв вивченню становища нижчих прошарків, зокрема рабів і жінок, у франкському суспільстві.

Привертає увагу рецензія В.К. Піскорського на навчальне видання “Салічної Правди” мовою оригіналу, яке підготував московський медієвіст Д.Н. Єгоров². Даючи загалом високу оцінку праці, Володимир Піскорський висловив низку конкретних зауважень. “Педагогічний принцип, – читаємо в рецензії, – покладений в основу праці Єгорова, робить особливо помітною відсутність у ній вступної частини, яка б визначала значення і місце Салічної Правди серед інших пам’яток варварського права, вказувала б на загальні питання, пов’язані з вивченням цієї пам’ятки, і давала б цілісну уяву про неї у відповідній історичній перспективі”³. Критика полягала також у тому, що Д.Н. Єгоров не назвав тих видань, з яких він черпав цитати для своїх приміток, і тим самим завдав клопоту читачам, які хотіли б звернутися до першоджерел⁴. Однак, не зважаючи на певні зауваження, рецензія закінчується словами: “Праця Єгорова, безперечно, є цінним вкладом в нашу навчальну літературу”⁵.

У 1906 р. для семінарських занять у Казанському університеті В.К. Піскорський надрукував “Документи, які відносяться до історії цехів”⁶. Це підбірка документів на латинській та старофранцузькій мовах. Учений здійснив колосальну роботу, щоб знайти та зібрати до купи потрібні джерела, які сприяли проведенню практичних занять з історії середніх віків. Можливо, саме тоді вже почалася

¹ Там же. Ед. хр. 2.

² *Пискорский В.К.* Русское учебное издание Салической Правды: Сборник законодательных памятников древнего западноевропейского права, издаваемый под редакцией П.Г. Виноградова и М.Ф. Владимирского-Буданова. Вып. 1. Lex Salica. Текст подготовил к печати и примечаниями снабдил Д.И. Егоров. Киев, 1906 // ЖМНП. 1906. Декабрь. С. 442-447.

³ Там же. С. 444.

⁴ Там же. С. 445.

⁵ Там же. С. 447.

⁶ *Пискорский В.К.* Документы, относящиеся к истории цехов. Казань, 1906.

підготовка майбутньої праці “Паризькі ремісничі цехи в XIII–XIV ст.” улюбленого учня професора В.К. Піскорського М.П. Граціанського, який згодом став відомим вітчизняним ученим-медієвістом, доктором наук, професором, завідувачем кафедри Московського університету¹.

Ще одним внеском В.К. Піскорського в практичне джерелознавство було дослідження ним документів у вітчизняних архівах. Крім виписок із закордонних архівів, в особовому фонді вченого є багато матеріалів з історії України, Росії, слов'янства, в яких міститься інформація про гетьманство Юрія Хмельницького, про російське дворянство, про добу Петра I, Олександра II, про державу і народну освіту в Росії XVIII ст. тощо. Це свідчить про те, що В.К. Піскорський захоплювався не лише всесвітньою історією.

Зокрема, вчений брав активну участь у виданні “Рум'янцевського опису” – генерального опису міст, містечок, державних і монастирських маєтків, козацьких володінь Лівобережної України, який здійснювався у 1765-1769 рр. графом Рум'янцевим-Задунайським після знищення Катериною II інституту гетьманства. Цей опис містив багатий матеріал із соціальної та економічної історії України XVIII ст., повідомляв про форми землеволодіння, устрій та порядки українського села². На основі цього опису на прохання свого вчителя професора І.В. Лучицького Володимир Костянтинівич повинен був скласти статистичні нариси певних малоруських земель і угідь. Він вирушив до Переяслава, де в архівах збирав матеріали про Переяславську Раду, студював відомості про важливі історичні події XVII ст. у Переяславі, вивчав постаті гетьманів України П. Сагайдачного, Б. Хмельницького, І. Мазепи, І. Брюховецького. У його архіві зберігається стаття “Історія Переяслава і Переяславської ради: перелік архівних документів з анотаціями і замітками”³.

Перебуваючи в Ніжині, В.К.Піскорський здійснив помітний внесок у розвиток місцевої архівної справи. У 1899 р. до книгосховищ Ніжинського історико-філологічного інституту князя Безбо-

¹ Новикова О.О. В.К. Піскорський. Біографічний нарис // *Піскорський В.К. Вибрані твори та епістолярна спадщина* / [упоряд.: О.О. Новикова, І.С. Пічугіна]. Київ, 1997. С. 34.

² Лучицька С.І. Лучицький як дослідник історії України // *Українознавчі студії та мемуари Івана і Марії Лучицьких (кінець XIX – початок XX ст.): збірник*. К., 2007. С. 21.

³ ОР РГБ. Ф. 604. К. 7. Ед. хр. 5.

родька було передано частину архіву грецького магістрату¹. В.К. Піскорський разом з професором М.М. Бережковим склали описи нових надходжень. Вони розташували матеріали у хронологічному порядку і розсортували папери в окремі папки. У подальшому доля архіву Ніжинського грецького магістрату склалася так: до 1982-1983 р. він зберігався в місцевому архіві, а потім за рішенням тодішнього керівництва увесь масив фонду як особливо цінний було перевезено на зберігання до архівосховищ у Чернігові. Зараз він налічує близько 4 тисяч справ російською та грецькою мовами, що датуються XVIII – XIX ст.²

Значне місце в науковій спадщині В.К.Піскорського посідають розвідки краєзнавчого характеру. В 1890 р. він став членом Історичного товариства Нестора Літописця при Університеті Св. Володимира. Бути членом цього товариства було досить престижно, адже до його складу входили майже всі українські історики і філологи, незалежно від того, де вони перебували – в Києві, чи у провінції (Полтаві, Харкові, Ніжині, Житомирі, Одесі, Конотопі, Чернігові і т.д.). Серед дійсних членів Історичного товариства Нестора Літописця були професори майже всіх університетів тодішньої Росії й різних високих шкіл Петербурга, Москви, Казані, Томська, Риги, Саратова, Вільни, Варшави й інших міст. Загальна кількість членів товариства постійно зростала: якщо в 1873 р. товариство мало всього 45 членів, то в 1891 р. ця кількість збільшилася до 124³. До завдань товариства входило вивчення пам'яток старовини, збирання відомостей в місцевих архівах і бібліотеках, поширення історичних знань тощо.

В.К. Піскорський також був залучений до цієї роботи й неодноразово виступав на засіданнях товариства з доповідями на краєзнавчу тематику. Зокрема, у своїй доповіді “З історії Київського університету у 30-х роках”⁴ він на основі студентських творів, написаних ще в перші роки існування університету, простежив величезний інтерес студентства до вивчення минулого Малоросії. Деякі з цих творів (“Від'їзд до Малоросії”, “Україна”), на думку вченого,

¹ Отчёт о состоянии и деятельности Историко-филологического Общества при Институте кн. Безбородко за 1898/9 год // Сборник историко-филологического общества при институте кн. Безбородко в Нежине. Нежин, 1900. Т. III.

² Харламович К.В. Архівна спадщина Ніжинських греків / [підготовка до друку і передмова О. Морозова] // Ніжинська старовина. Ніжин, 2006. Вип. 2 (5). С. 173-174.

³ Наріжний С. Історичне товариство Нестора Літописця в Києві // Український історик. 1975. № 1-2. С. 36.

⁴ Піскорський В.К. Из прошлых лет Киевского университета (Заметка о студенческих сочинениях в 30-е годы) // Киевская старина. 1894. Апрель. С. 56-57.

є важливими джерелами, бо висвітлюють побут місцевого населення, давні традиції України, описують пам'ятки старовини тощо.

В 1902 р. на черговому засіданні Історичного товариства Нестора Літописця В.К.Піскорський виступив з доповіддю “Про щоденник і депеші герцога Лірійського, іспанського посла при російському дворі в 20-х рр. XVIII ст.”. На протипагу Бестужеву і Корсакову вчений по-новому поглянув на це видання і відзначив, що воно вельми цікаве для історії Росії XVIII ст. “Досить цікавими є описи Санкт-Петербурга, повідомлення про стан російського війська і флоту, російської промисловості та цехів, характеристика політичних партій, повний виклад проекту генерала Матюшкіна і т.д.”¹, – зазначав дослідник.

Володимир Піскорський разом з Є.О. Кілицьким, Д.М. Петрушевським, В.О. М'якотиним, Н.В. Молчановським, Є.В. Тарле об'єдналися у товариський гурток і назвали себе “бродниками”². Вони робили історичні та краєзнавчі розвідки, студіювали історію України, досліджували суспільне життя Києва. Мандрували околицями Києва та історичними місцями України: відвідували Качанівку, Китаєве, їздили на могилу Тараса Шевченка.

Результатом однієї з таких поїздок В.К. Піскорського до села Суботова стала його стаття “Пам'ятки старовини в селі Суботові”. Спершу вчений повідомляє про Ільїнську церкву, яку побудував Богдан Хмельницький, тому біля неї спочивав прах гетьмана. За словами В.К. Піскорського, “вороги не залишили Хмельницького у спокої і після смерті: вони зруйнували його гробницю і поглимлися з його останків”³. Не менш значущою пам'яткою Суботова історик уважав і Михайлівську церкву. Місцевість, на якій вона збудована, раніше була кладовищем. Під нею існує склеп, в якому похований син Богдана Хмельницького. В.К. Піскорський хотів потрапити у цей склеп, щоб особисто оглянути і обстежити його, та, на жаль, йому не вдалося цього зробити. Натомість він встиг оглянути ще декілька пам'яток старовини: камінь, який слугував у часи гетьманщини ганебним стовпом для покарання злочинців, і місцевість, де колись була садиба Б. Хмельницького. Пам'ятки старовини і сама місцевість Суботова, на думку вченого, свідчать про бурх-

¹ *Пискорский В.К.* О дневнике и депешах герцога Лирийского, испанского посла при русском дворе в 20-х гг. XVIII в. // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. В 24 кн. Кн. 16. Київ, 1902. Вып. 4. С. 23.

² *Лучицька С.І.* Лучицький як дослідник історії України // Українознавчі студії та мемуари Івана і Марії Лучицьких (кінець XIX – початок XX ст.): збірник. Київ, 2007.

³ *Пискорский В.К.* Памятники старины в селе Субботове // Киевская старина. 1892. Март. С. 485.

ливе минуле села, де в давнину відбулись події, які мали важливі історичні наслідки.

Таким чином, Володимир Костянтинович Піскорський багатопланово розробляв проблеми джерелознавства та краєзнавства – теоретично, конкретно-історично, виступав публікатором, пропагував вивчення пам'яток старовини, вирішував і чисто практичні питання. При цьому основним захопленням ученого все ж слід вважати джерелознавчі заняття, що включали пошук історичних джерел, їх археографічне опрацювання та публікацію. Особливість проваджуваної наукової роботи з джерелами, їх тематичного відбору, полягала в особистій зацікавленості матеріалом, змістовне навантаження якого безпосередньо було наближене до обраних ним проблем дослідження. Так він підвищував загальну культуру історичного дослідження і загальний рівень історичної науки. Тому В.К. Піскорський заслуговує на почесне місце в українській і російській історіографії як вчений-історик України та Росії, джерелознавець і краєзнавець.

Література

- Беляева И.Е.* В.К. Пискорский. К 100-летию со дня рождения // Новая и новейшая история. 1968. № 3. С. 190-191.
- Луцицька С.І.* Луцицький як дослідник історії України // Українознавчі студії та мемуари Івана і Марії Луцицьких (кінець XIX – початок XX ст.): збірник / Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського НАН України; Інститут всесвітньої історії РАН (м. Москва); [П.С. Сохань (голова ред.кол.), О.О. Новикова (упорядкув., опрацюв. текстів, вступ. слово, біогр. та бібліогр. матеріали)]. Київ, 2007.
- Кучерук О.* Медієвіст Володимир Піскорський // Всесвіт. 1988. № 2.
- Москалено А.Є.* Сторінка з історії медієвістики на Україні // Український історичний журнал. 1971. № 4.
- Наріжний С.* Історичне товариство Нестора Літописця в Києві // Український історик. 1975. № 1-2.
- Новикова О.О.* В.К. Піскорський. Біографічний нарис // *Піскорський В.К.* Вибрані твори та епістолярна спадщина / [упоряд.: О.О. Новикова, І.С. Пічугінаа]. Київ: фонд “Відродження”, 1997. С. 17-39.
- Отчёт о состоянии и деятельности Историко-филологического Общества при Институте кн. Безбородко за 1898/9 год // Сборник историко-филологического общества при институте кн. Безбородко в Нежине. Нежин, 1900. Т. III.
- Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 604. К. 7.
- Пискорский В.К.* Документы, относящиеся к истории цехов. Казань, 1906.
- Пискорский В.К.* Из прошлых лет Киевского университета (Заметка о студенческих сочинениях в 30-е годы) // Киевская старина. 1894. Апрель. С. 56-57.
- Пискорский В.К.* О дневнике и депешах герцога Лирийского, испанского посла при русском дворе в 20-х гг. XVIII в. // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. В 24 кн. Кн. 16. Київ, 1902. Вып. 4.

- Пискорский В.К.* Отчет о заграничной командировке приват-доцента Университета Св. Владимира В. Пискорского за 1896 и 1897 гг. // ЖМНП. 1898. Декабрь. С. 19-47.
- Пискорский В.К.* Русское учебное издание Салической Правды: Сборник законодательных памятников древнего западноевропейского права, издаваемый под редакцией П.Г. Виноградова и М.Ф. Владимирского-Буданова. Выпуск 1. Lex Salica. Текст подготовил к печати и примечаниями снабдил Д.И. Егоров. Киев. 1906 // Журнал Министерства народного образования. 1906. Декабрь. С. 442-447.
- Пискорский В.К.* Памятники старины в селе Субботове // Киевская старина. 1892. Март.
- Салическая правда / [Рус. пер. Lex Salica Н.П. Грацианского и А.Г. Муравьева; С введением Н.П. Грацианского]. Казань: Маркелов и Шаронов, 1913. [2], XXXVIII, 56 с.
- Харлампович К.В.* Архівна спадщина Ніжинських греків / [підготовка до друку і передмова О. Морозова] // Ніжинська старовина. Ніжин: Вид-во “Аспект-поліграф”, 2006. Вип. 2 (5). С. 173-174.

Труш Елена Николаевна, канд. історичних наук; г. Нежин, Україна; lena-2@ukr.net

ВЛАДИМИР ПИСКОРСКИЙ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ШТУДИИ

Осуществлен системный анализ ведущих направлений исследовательской деятельности Владимира Пискорского – источниковедения и краеведения.

Ключевые слова: Владимир Пискорский, историческая наука, источниковедение, краеведение.

Труш Елена Николаевна, кандидат исторических наук, г. Нежин, Украина; lena-2@ukr.net

VOLODYMYR PISKORSKY: SOURCE STUDY OF LOCAL HISTORY STUDIES

The article reviews the main aspects of Volodymyr Piskorsky's research studies, such as a source study and study of local lore.

Key words: Volodymyr Piskorsky, the science of history, source study, local lore studies.

Trush Elena Nikolaevna, Candidate of History, Nezin, Ukraine; lena-2@ukr.net

Кутявин В.В.

КОМЕНИОЛОГИЯ В.К. ПИСКОРСКОГО

В статье анализируется публичная лекция В.К. Пискорского, прочитанная в Киевском университете в 1892 г. В лекции, посвященной 300-летию со дня рождения Я.А. Коменского, характеризуются культурно-исторические условия жизни и деятельности «знаменитого славянина».

Ключевые слова: В.К. Пискорский, публичная лекция, Ян Амос Коменский, юбилей, Киевский университет св. Владимира, история Чехии.

Дореволюционную русскую комениологию, по авторитетному свидетельству Л.П. Лаптевой, составляют более двухсот опубликованных работ, посвящённых жизни и творчеству Яна Амоса Коменского¹. Это, бесспорно, свидетельствует о популярности этой проблематики в отечественной гуманитарии. Со временем становятся известными и неопубликованные работы о чешском педагоге и мыслителе. Только в 1970 г. появилась публикация лекции Владимира Константиновича Пискорского, посвящённая Яну Амосу Коменскому². Публикацию подготовила Елена Александровна Новикова, внучка В.К. Пискорского: семья долгие годы, до передачи в государственное архивохранилище, тщательно сохраняла архив историка. Введение к публикации написал Анатолий Евсеевич Москаленко, всегда неутомимо стремившийся восстановить во всей полноте историографическую традицию, сохранить документальные свидетельства историографического процесса.

Рукопись лекции датирована 28 марта 1892 г. В этом году отмечалось 300-летие со дня рождения Коменского. В России юбилей сопровождался настоящим бумом публикаций о юбиляре: тогда в печати появились десятки работ, в которых разносторонне анализировались жизнь и труды Коменского³. Наряду с педагогами,

¹ *Лаптева Л.П.* Русская дореволюционная комениология // *Folia Historica Bohemica*. Č. 15. Historický ústav. Praha, 1991. S. 382.

² *Пискорский В.К.* Ян Амос Коменский. Вступительная лекция / Публ. А.Е. Москаленко и Е.А. Новиковой // *Вопросы истории славян*. Воронеж, 1970. Вып. 3. С. 103–114. Далее ссылка на эту публикацию приводится в тексте в квадратных скобках.

³ Вот лишь некоторые из наиболее значимых публикаций: *Будилович А.С.* Дидактика И.А. Коменского в её отношениях к славянской школе нашего времени // *Славянское обозрение*. 1892. Т. I. Март. С. 329–350; *Вейсман А.* Амос Коменский и его дидактика // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1892. № 8. С. 33–67; *Ельницкий К.В.* Ян Амос Коменский и его педагогические идеи. СПб., 1893. 66 с.; *Каптерев П.Ф.* Материнская школа по Амосу Коменскому // *Образование*.

бесспорно преобладавшими в комениологии, видное место в ней уверенно занимали историки.

Не приходится забывать, что публичную лекцию подготовил 24-летний историк, недавно окончивший Университет Святого Владимира и теперь ищущий собственную манеру чтения лекций. Как часто бывает с начинающими лекторами, текст лекции он писал целиком, со всеми подробностями, с риторическими оборотами. В лекции чувствуется книжность, характерная для писаного текста. Потомкам трудно (если вообще возможно) характеризовать мастерство лектора: исчезают риторические вопросы, приглашающие аудиторию к сотворчеству, пропадают импровизации, которые приходят в голову во время чтения лекции, трудно воспроизвести фонетику речи («выговор») и интонации.

Однако успех и ценность лекции определяются прежде всего её содержанием, а не лекторским мастерством. Содержание же лекции В.К. Пискорского определялось её местом в цикле лекций – ей отводилась роль введения в комениологическую проблематику. В конце XIX в. для любого профессионального историка стало неоспоримым положение, согласно которому характеристика любого исторического феномена, в том числе персонифицированного, требует анализа сопутствующих ему *«исторических условий общественного развития»* [с. 106]. Именно так формулировал свою главную – профессиональную – задачу В.К. Пискорский: *«В настоящем случае мне предложена честь представить вашему вниманию рассмотрение тех культурно-исторических влияний, на почве которых выросла самостоятельная философско-педагогическая деятельность Амоса Коменского»* [с. 107]. В 1892 г., в атмосфере повышенного внимания к Коменскому, оживились споры о национальной принадлежности великого педагога и его наследия. Для В.К. Пискорского, похоже, это был вопрос решённый: посвящая лекцию *«культурно-исторической характеристике отечества Амоса Коменского, т.е. Чехии»* [с. 108], он сразу называет его *«знаменитым славянином»* [с. 108], который был одновременно и *«деятелем общеевропейским»* [с. 108], и *«деятелем своей страны и народа, культурный характер которых необходимо должен был отразиться на нём и ближайшим образом определить его умственную и нравственную физиономию»*

1892. № 4. С. 291–307; *Ржига Ф.В.* Очерк жизни и деятельности Иоанна Амоса Коменского: в 300-летнюю годовщину рождения славянского педагога XVII века. Н. Новгород, 1892; *Флоринский Т.Д.* Ян Амос Коменский, друг человечества. Публичная лекция в пользу голодающих, читанная в Университете св. Владимира 14 марта 1892 г. // Университетские известия. Киев, 1894. № 4. С. 1–25.

[с. 108]. Как водится, в юбилейных высказываниях не обошлось и без панегирических пассажей, вот и В.К. Пискорский вполне в духе славянофильствующей литературы сравнивал своего героя с Коперником и Кеплером [с. 108].

Несложно найти в лекции неточности: правление Люксембургов в Чехии начинается в 1310 г., а не в 1306 [с. 109]; в 1415 г. был сожжён Ян Гус, а Иероним Пражский – в 1416 г. [с. 110]. Одним из предшественников Гуса был, конечно, Конрад Вальдгаузер, а не Вальдгауберг [с. 110], вообще не идентифицируемый как историческая личность. Но не этими небольшими оплошностями определяется содержание лекции В.К. Пискорского о Коменском. Чтобы должным образом оценить содержание этой лекции, полезно сравнить её с лучшими образцами русской комениологии. «*Высшим достижением русской дореволюционной литературы, освещавшей жизнь и творчество Коменского в целом, является монография П.П. Блонского “Ян Амос Коменский”*»¹, – считала самый авторитетный знаток проблематики Л.П. Лаптева, проанализировав все значимые работы о Коменском, опубликованные до 1917 г. Книга П.П. Блонского, выпускника Университета Святого Владимира, в советское время достигшего серьёзных карьерных успехов на учёном и административном поприще, открывала основанную М.М. Рубинштейном серию монографий «*Великие педагоги*». Аргументируя свой вывод, Л.П. Лаптева пишет: «*Впервые в русской комениологии характеризуется эпоха в целом: европейская реформация вообще и Община чешских братьев в частности, состояние философии и педагогики, развитие реальной философии, новое учение Бэкона о науке и её методе*»².

Эти важнейшие факторы, влиявшие на мировидение и учение Коменского, П.П. Блонский выделяет и характеризует в первой главе своей книги, лаконично названной «*Эпоха*»³. Но ведь эти же факторы выделяет в своей лекции и В.К. Пискорский, при этом он обстоятельнее и точнее характеризует Общину чешских братьев, ту специфическую культурную, конфессиональную и идейную среду, в которой формировался философ и педагог Коменский. Община чешских братьев к концу XIX в. была достаточно хорошо изучена русскими славистами, не вызывала сомнений и органическая связь Общины с гуситским движением⁴. Эту взаимосвязь явлений пони-

¹ Лаптева Л.П. Русская дореволюционная комениология. С. 428.

² Там же.

³ Блонский П.П. Ян Амос Коменский. М., 1915. С. 3–20.

⁴ Подробнее см.: Лаптева Л.П. 1) Община чешских братьев в освещении русской историографии XIX – начала XX вв. // Folia Historica Bohemica. Č. 13. Historický ústav. ČSAV. Praha, 1990. S. 369–425; 2) Русский ученый И.С. Пальмов как исследо-

мал, например, ещё В.И. Григорович в своём опубликованном публичном чтении, переполненном антииезуитскими инвективами¹. Два феномена чешской истории и культуры – гуситское движение и Община чешских братьев – становятся для В.К. Пискорского структурообразующей и смыслообразующей линией в лекции о Коменском [с. 109–113]. И саму чешскую историю В.К. Пискорский излагает за весь «*период существования Чехии как самостоятельной политической единицы*», полагая, что этот период насчитывает «*несколько менее тысячелетия*» [с. 108]. Как видно, в историю Чехии включено время существования «державы» Само, что в конце XIX в. было общепринятым в богемистике, но современная историография чаще всего не склонна видеть в этом объединении форму именно чешской политической традиции.

Сам В.К. Пискорский, по-видимому, не стремился опубликовать свою лекцию о Коменском, не рассматривая её как оригинальное, самостоятельное высказывание о чешском педагоге и его эпохе. Если это так, то можно только согласиться с Владимиром Константиновичем. Вместе с тем нельзя не отметить его всестороннюю образованность, обширную эрудицию, умелое и продуманное построение лекции. Но, главное, мы видим, как начинающий университетскую карьеру историк приобщался к популярному и высоко ценимому в старой России делу – чтению публичных лекций. Как и его коллеги, В.К. Пискорский верил, что настойчивое и систематическое просвещение и образование, популяризация науки невероятно важны для развития общества.

В заключение – не связанная с темой сообщения реплика. 1892 год, как видится сейчас, был поворотным в научной работе В.К. Пискорского. Из списка его научных трудов, старательно составленного А.Е. Москаленко, следует, что все, пока ещё немногочисленные, работы В.К. Пискорского по всеобщей истории до 1892 г. посвящены средневековой Италии², а после 1892 г. он сосредоточивает внимание на истории средневековой Испании³, изучение которой принесёт ему заслуженную славу лучшего испа-

ватель Общины чешских братьев // *Лантева Л.П.* Русско-чешские научные связи во второй половине XIX – начале XX в. (по данным переписки). М., 2016. С. 393–406.

¹ *Григорович В.И.* И.А. Коменский, словянский педагог-реалист. XVII ст. Публичное чтение 26 ноября 1870 года. Одесса, 1871.

² См.: Список печатных трудов В.К. Пискорского / Сост. А.Е. Москаленко // *История и историки. Историографический ежегодник.* 1976. М., 1979. С. 388.

³ О возникновении и развитии интереса к Испании у В.К. Пискорского см.: *Antonova N., Myagkov G.* Vladimiro Piskorsky: historiador hispanista y articulista, defensor de la autonomía universitaria (en el 150 aniversario de su nacimiento) // *Investigaciones Históricas, época moderna y contemporánea*, 38 (2018). P. 377–402.

ниста дореволюционной России. Однако в последние годы жизни В.К. Пискорский в своих научных трудах вновь обращается к итальянскому Средневековью¹. Был ли это «новый поворот», мы уже не узнаем никогда из-за ранней трагической гибели историка.

Библиография

- Antonova N., Myagkov G.* Vladimiro Piskorsky: historiador hispanista y articulista, defensor de la autonomía universitaria (en el 150 aniversario de su nacimiento) // *Investigaciones Históricas, época moderna y contemporánea*, 38 (2018). P. 377-402.
- Блонский П.П.* Ян Амос Коменский. М.: К.И. Тихомиров, 1915. IV, 120 с.
- Будилович А.С.* Дидактика И.А. Коменского в её отношениях к славянской школе нашего времени // *Славянское обозрение*. 1892. Т. I. Март. С. 329–350.
- Вейсман А.* Амос Коменский и его дидактика // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1892. № 8. С. 33–67.
- Григорович В.И.* И.А. Коменский, словянский педагог-реалист. XVII ст. Публичное чтение 26 ноября 1870 года. Одесса: В типографии П. Францова, 1871. 21 с.
- Дятлов В.А., Кеда М.К.* Итальянская тема в творческом наследии В.К. Пискорского // *Пискорський В.К. Флорентійський збірник / Упорядники: Кеда М.К., Новікова О.О., Пічугіна І.С.* Київ; Москва; Чернігів: [вид-во ИВИ РАН], 2013. С. 19-34.
- Ельницкий К.В.* Ян Амос Коменский и его педагогические идеи. Публичная лекция, прочитанная в день празднования 300-летнего юбилея Я.А. Коменского. СПб., 1893. 66 с.
- Кантерев П.Ф.* Материнская школа по Амосу Коменскому // *Образование*. 1892. № 4. С. 291 – 307.
- Лаптева Л.П.* Община чешских братьев в освещении русской историографии XIX – начала XX вв. // *Folia Historica Bohemica*. Č. 13. Historický ústav. CSAV. Praha, 1990. S. 369–425.
- Лаптева Л.П.* Русская дореволюционная комениология // *Folia Historica Bohemica*. Č. 15 – Historický ústav. Praha, 1991. S. 381–439.
- Лаптева Л.П.* Русский ученый И.С. Пальмов как исследователь Общины чешских братьев // *Лаптева Л.П.* Русско-чешские научные связи во второй половине XIX – начале XX в. (по данным переписки). М.: ПОЛИМЕДИА, 2016. С. 393-406.
- Мяжков Г.П.* Поборник академической свободы. К 150-летию со дня рождения В.К. Пискорского // *Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): сборник статей*. В 2 т. Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2017. Т. 1. С. 185–192.
- Пискорский В.К.* Ян Амос Коменский. Вступительная лекция / Публ. А.Е. Москаленко и Е.А. Новиковой // *Вопросы истории славян*. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1970. Вып. 3. С. 103–114.

¹ См.: *Пичугина И.С., Новикова Е.А.* К вопросу об изучении наследия В.К. Пискорского (итальянские исследования) // *Пискорський В.К. Флорентійський збірник / Упорядники: Кеда М.К., Новікова О.О., Пічугіна І.С.* Київ; Москва; Чернігів, 2013. С. 9-18; *Дятлов В.А., Кеда М.К.* Итальянская тема в творческом наследии В.К. Пискорского // Там же. С. 19-34; *Мяжков Г.П.* Поборник академической свободы. К 150-летию со дня рождения В.К. Пискорского // *Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии: сб. статей*. В 2 т. Чебоксары, 2017. Т. 1. С. 190.

- Пічугіна І.С., Новікова Е.А.* К вопросу об изучении наследия В.К. Пискорского (итальянские исследования) // Пискорський В.К. Флорентійський збірник / Упорядники: Кеда М.К., Новікова О.О., Пічугіна І.С. Київ; Москва; Чернігів: [вид-во ІВІ РАН], 2013. С. 9-18.
- Ржизга Ф.В.* Очерк жизни и деятельности Иоанна Амоса Коменского: в 300-летнюю годовщину рождения славянского педагога XVII века. Н. Новгород, 1892. 64 с.
- Список печатных трудов В.К. Пискорского / Сост. А.Е. Москаленко // История и историки. Историографический ежегодник. 1976. М.: «Наука», 1979. С. 388–395.
- Флоринский Т.Д.* Ян Амос Коменский, друг человечества. Публичная лекция в пользу голодающих, читанная в Университете св. Владимира 14 марта 1892 г. // Университетские известия. Киев, 1894. № 4. С. 1–25.

Кутявин Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара; vladimir.kutiavin@gmail.com

COMENIAN STUDIES BY V.K. PISKORSKY

The article contains an analysis of a public lecture by which was read by Vladimir K. Piskorsky in Kiev University in 1892. The lecture was devoted to the 300th anniversary of Jan Amos Komensky; Piskorsky characterized the cultural and historical environment of the activities of the “famous Slav”.

Key words: Vladimir K. Piskorsky, public lecture, Jan Amos Komensky, anniversaries, Kiev University of Saint Vladimir, Czech history.

Kutiavin Vladimir Vladimirovich, Candidate of History, Associate Professor, Samara National Research university named after academician S.P. Korolev, Samara; vladimir.kutiavin@gmail.com

Бухараев В.М., Мягков Г.П.

**НА РАННЕМ ЭТАПЕ «БОЕВ ЗА ИСТОРИЮ»:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ
ВЛАДИМИРА ПИСКОРСКОГО 1906 ГОДА**

Авторы на основе анализа вступительной лекции В.К. Пискорского, которой ученый 3 октября 1906 г. открыл свое преподавание на историко-филологическом факультете Казанского университета, показывают, что развиваемые им взгляды содействовали формирующейся у поколения учеников основателей «русской исторической школы», бывших историками «в целях социологии», тенденции поновому решить проблему столкновения между социологией и историознанием. Предвосхищая «открытия» «анналистов», В.К. Пискорский, как следует из лекции, предлагает видеть в истории и социологии созников, помогающих друг другу. Он включился и в выяснение вопросов о профессии историка, его субъективности, технологии познавательного процесса, в борьбу за сохранение и развитие дисциплинарной идентичности «всеобщей истории», а также осмысление способности исторической науки содействовать общественному прогрессу.

Ключевые слова: В.К. Пискорский, «русская историческая школа», социология, методология истории, всеобщая история.

Из всего достаточно обширного наследия и широкой проблематики исследований Владимира Константиновича Пискорского мы бы хотели привлечь внимание – в постановочном плане – к одному сюжету. Он связан, скажем так, с участием Пискорского в решении задачи, которая тогда, на рубеже XIX–XX веков, впервые обрела актуальность на поле исторических изысканий, а именно: защита интересов и статуса исторической науки перед лицом разворачивавшейся трансгрессии социологии и социологического способа мышления. Здесь мы сталкиваемся с начальными этапами «выяснения отношений» между историографией и социологией, которую – в силу различных причин – позитивисты первого призыва выдвинули в качестве своего рода антипода истории как новую «точную» науку об обществе, так сказать спойлера наук естественных.

Если более раннее поколение историков в лице Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского, И.В. Лучицкого и ряда других с энтузиазмом восприняли новые исследовательские горизонты, какие, как казалось, открывала социология, и дали все основания рассматривать их, говоря словами П.Г. Виноградова, как историков «в целях со-

циологии»¹, то вот поколение их учеников, к коим относился и Пискорский, уже заметно острее почувствовали нависшие над их ремеслом угрозы².

Конечно, это схематичное, редуцированное изложение. Н.И. Кареев, при всем своем позитивном отношении к социологии, замечал, что в условиях активного и беспорядочного взаимодействия различных, общественных, социологических теорий «*история колеблется между самым грубым эмпиризмом и самыми произвольными и субъективными толкованиями, когда в философских воззрениях господствует полнейшая анархия, а в истории – не систематическое философствование, когда с разных сторон предлагается столько возможных теорий для объяснения истории*», «*когда... столько взаимного непонимания или даже прямо игнорирования между историками, социологами, философами*»³. Этот пассаж понадобился маститому историку и социологу для того, чтобы подчеркнуть пагубность данной ситуации для состояния исторической науки, что нередко ведет к констатации того, что «*история не есть наука и сделаться ею не может*»⁴.

Методологический этюд Пискорского «О предмете, методе и задачах науки всеобщей истории», представляющий из себя вступительную лекцию⁵, прочитанную в Казанском университете

¹ См.: Мягков Г.П. «Русская историческая школа»: методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988. С. 90-100.

² См.: Петрушевский Д.М. О задачах всеобщей истории как науки (вступительная лекция, читанная в Варшавском университете) // Образование. 1898. № 2; С. 6-7; Тарле Е.В. Социология и историческое познание // Вестник Европы. 1902. № 10; Ардашев П.Н. О прогрессе в исторической науке: вступит. Лекция, читанная в университете св. Владимира 14 окт. 1903 г. // Университетские известия. Киев, 1904. № 1; Виннер Р.Ю. Очерки теории исторического познания. М., 1911 и др.

³ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. М., 1883. С. 263. Подробнее см.: Нечухрин А.Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно, 2003. С. 36-41.

⁴ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. С. 2.

⁵ Чтение **вступительных лекций** к объявленным курсам с последующей их публикацией, в которых излагались теоретические и методологические взгляды авторов, практически стало традицией в российских университетах. Начиная свой преподавательский путь, такие лекции читали и учитель В.К. Пискорского И.В. Лучицкий (см.: Лучицкий И.В. Отношение истории к науке об обществе (вступительная лекция в курс новой истории, читанная доцентом университета св. Владимира, 18-го октября 1874 г.) // Знание. 1875. № 1. С. 1-42), и его старший товарищ Д.М. Петрушевский (см.: Петрушевский Д.М. О задачах всеобщей истории как науки (вступительная лекция, читанная в Варшавском университете) // Образование. 1898. № 2. С. 1-10). Сам В.К. Пискорский свою первую «вступительную лекцию» (в отличие от «пробных лекций», введенных для получения приват-доцентского звания) «Главные моменты в истории представительного строя Кастилии» прочитал в Университете св. Владимира 29 января 1894 г. Вот и в Казанском университете ученый открыл свое преподавание «вступительной лекцией»

3 октября 1906 года, усиливает и развивает критицизм Кареева в отношении той науки, основоположником какой Кареев и считается. Дело не только и не столько в том, что Пискорский углядел в современной ему социологии не только серьезных исследователей, но и массу дилетантов, которые «...подобно тому, как авантюристы, стекаются отовсюду к вновь открытым рудникам в поисках драгоценных камней и металлов»¹. Для него важнее другое: «Тем не менее разросшаяся до бесконечности социологическая литература не могла не свидетельствовать, что движение это не было искусственно, а вытекало из глубоких внутренних потребностей научного развития»². И вот эта общественная теория с исключительными претензиями стала оспаривать и ограничивать поле собственно исторических исследований. Тем самым поколение Пискорского встало перед необходимостью вступить в серьезную борьбу с надменной социологией.

Картину этого противоборства Пискорский живописал весьма выразительно: «Напрасно протестовали историки, утверждая, что наука их так же стара, как и мысль человеческая, что она обладает испытанными методами, что история и социология, хотя и соприкасаются друг с другом по предмету своих исследований, но глубоко различаются между собой как по цели, которую преследуют, так и по характеру тех истин, которые стараются открыть»³.

Следующий пассаж этого сюжета придает ему – верно, по ироническому замыслу Пискорского – некий былинный оттенок: но «с видом несомненного торжества социологи отвечали, что науки об индивидуальном не существует, что историче-

«О предмете, методе и задачах науки всеобщей истории». Сначала она была напечатана «...по определению Историко-филологического факультета Императорского Казанского Университета» отдельной брошюрой (Казань, 1906. 14 с. Далее ссылки на это издание), а затем в «Ученых записках Казанского университета» (1907. Кн. 1, отд. наук. С. 1-11). Автор посвятил лекцию «разъяснению некоторых общих вопросов, связанных с современным положением той науки, одним из представителей которой я здесь являюсь» (Пискорский В.К. О предмете, методе и задачах науки всеобщей истории... 1906. С. 3).

¹ Там же. С. 4.

² Там же.

³ Там же. Вряд ли можно сомневаться, что означенное видение не случайно, оно генетически связано с воззрениями учителя В.К. Пискорского профессора И.В. Лучицкого, который еще на заре означенных споров, прокладывая путь социологии в России, определял: «Дело социолога – открытие законов всех видов социальной деятельности и главным образом человеческого развития... Дело историка – исследование конкретных фактов, отдельных видов или подвидов, разновидностей, явлений общественной жизни и общественного развития» (Лучицкий И.В. Отношение истории к науке об обществе // Знание. 1875. № 1. С. 18.

ское изложение до сих пор представляло не более как группировку индивидуальных явлений, а это не может создать науки, ибо для существования ее необходима система общих понятий и законов, что история станет наукой только тогда, когда социология научит её формулировать свои законы...». Грядущее этой открытой в будущее былины Владимир Константинович видит однозначно: «Однако в этой борьбе победу должна одержать история»¹.

Можно сказать, мы застаем ситуацию первых серьезных столкновений между системой знаний, претендующей на «охватывающие» законы, торжество номотетических методов, с одной стороны, и историознанием, которое, по убеждению Пискорского, исходит из того, что исторических законов «нет и быть не может, ибо в истории роль случайного элемента и неподдающегося учету влияния человеческой воли огромны»². Если перед нами не пропуск для Пискорского в современную методологию и историографию, то что же это такое?

Собственно, такие же пропуски надлежит выдать и Карееву, и тем выдающимся представителям его поколения, которых признано научным сообществом относить к «русской исторической школе»³. К слову, то, что «отцы» на рубеже XIX–XX веков осознали ограниченность классической модели позитивистского историописания, улавливали ученики⁴, но первые, в свою очередь, также должны были определять свое отношение к новым веяниям. Так, Кареев в своих «Основах русской социологии», поддерживая позицию, выраженную в казанской речи Пискорского, согласно

¹ Пискорский В.К. О предмете, методе и задачах науки всеобщей истории... 1906. С. 5.

² Там же. С. 7.

³ Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000. С. 232–237; Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004. С. 195–200.

⁴ Весьма эмоционально отношение к воззрениям своих учителей выразил один из «бродников» Е.В. Тарле. Среди черт, объединивших И.В. Лучицкого, М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева, П.Г. Виноградова, по его мнению, было «их отвращение к каким бы то ни было философским или религиозным предвзятостям, цепям, сковывающим свободное исследование». А потому «позитивизм 70-х годов», давший «хорошие» «умственные навыки» «именно историкам», все же – это следует из весьма сложно постороенного текста – они не приняли «целиком этого мирозерцания», а только подверглись «в той или иной мере его влиянию» (см.: Тарле Е.В. И.В. Лучицкий. К пятидесятилетию его научно-литературной деятельности. 1863–1916) // Голос минувшего. 1914. № 1. С. 61). Анализ особенностей рецепции позитивизма в России, в том числе на рубеже веков см.: Богдашина Е.Н. Позитивизм в исторической науке на Украине (60-е гг. XIX – 20-е гг. XX вв.). Харьков, 2013.

которой «нужна и социология, нужна и история», не премянул отметить, что «при этом у Пискорского было очень неопределенное понятие о том, чем же занимается настоящая социология, о ее отличии от философии истории, от социальной психологии и от “науки о нравах”»¹.

Это, мягко говоря, не совсем так. Пискорский хорошо знал, о чем говорил, как всегда и делал. Другое дело, что в казанском методологическом этюде он не стал этого разворачивать. Между прочим, Пискорский сам писал, что еще в студенческие годы имел большой вкус к вопросам методологии истории², и с этой точки зрения его привлекало «изучение исторических закономерностей развития истории Испании»³. Смеем предположить, что не уйди Пискорский так рано, он оставил бы в своем наследстве значительные собственно методологические штудии. Эти материалы собраны в одной из 22 папок, составляющих ныне его архив в Российской государственной библиотеке⁴. Пионером в их осмыслении стала еще в начале 70-х годов прошлого столетия А.З. Ханина, опубликовавшая в сборнике трудов кафедры всеобщей истории КГУ статью «Идейно-теоретические позиции В.К. Пискорского в начале XX столетия»⁵. Н.И. Кареев об этой стороне дела просто не знал.

Переходя к следующей части этого этюда, мы хотим подчеркнуть – может, это будет звучать и банально, но нужно это сделать, когда позади осталось столетие русской революции 1917 года, – что в начале XX века отечественная историческая мысль буквально

¹ Кареев Н.И. Основы русской социологии. СПб., 1996. С. 175.

² Одним из свидетелей можно считать, что студенту Владимиру Пискорскому труд Н.И. Кареева «Основные вопросы философии истории» был хорошо известен: в 1887 г. он составил его конспект и попытался сформулировать «Несколько соображений по поводу того, что представляет собой современная историческая наука и чем должна быть она на самом деле» (см.: ОР ГБЛ. Ф. 604. К. 6. Д. 14).

³ Мильская Л.Т., Пичугина И.С. Владимир Константинович Пискорский // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. Москва; Иерусалим, 2000. С. 125-126.

⁴ О работе В.К. Пискорского над теоретическими и методологическими проблемами истории в казанский период свидетельствуют отложившиеся в фонде 604 ОР РГБ следующие материалы: рукописи лекции «Методология истории», прочитанной 15 сентября 1909 г. (21 л.), наброски «Очерки исторической методологии» (1910, 20 л.), записи к лекциям и библиографические заметки о социологии (1909, 47 л.), а так же сделанные в разные годы «Историографические и историософские заметки» (57 л.), наброски, заметки и рефераты по теме «Теория эволюции и прогресса» (53 л.) и др. (см.: Ф. 604. К. 6. Д. 10, 11, 15, 13, 12).

⁵ См.: Ханина А.З. Идейно-теоретические позиции В.К. Пискорского в начале XX столетия // Критика буржуазных концепций всеобщей истории. Вып. I. Казань, 1972. С. 114-133.

находилась на передовых рубежах мировой историографии. Кто знает, кто бы раньше поспел к «лингвистическому повороту»? На подступах к идее о лингвистической зависимости историка, мыслителя от современности находилась русская историческая и философская мысль. Документ служит, так сказать, посредником между фактом и историком, – это Пискорский. А вот антропологический философ Петр Лаврович Лавров: «Мы изучаем не самые предметы, а наши представления и понятия о них, самих же предметов мы воспринимать не можем...». Ни Карл Мангейм, ни Школа «Анналов» не шли этой дорогой! Видимо, сама историческая наука не могла отразиться... у нас же, в России, иное: «социология» и «история» буквально вцепились друг в друга, открывая указанные возможности...

Но было и то, что можно полагать предвосхищением «открытий» «анналистов», того, что в современной историографии определяют как «коперниканский переворот» в профессии историка¹, усматривая суть его и в расширении круга источников, вовлекаемых историком в исследовательский процесс, и в изменении самого «ремесла историка», технологии познавательного процесса.

В.К. Пискорский в своей лекции включается в спор о субъективности историка, полагает ее неизбежной, начиная с «выбора материала», зависящего «от целого ряда субъективных причин, от нашего мировоззрения, от преобладающих интересов данной эпохи, соответствием которым за одними историческими фактами признается большее, за другими – меньшее значение»². Историк в процессе познания при решении задач исторической науки – подчеркивал ученый – недостаточно отвечать на вопрос “*wie es gewesen ist*”, а надо ставить вопрос “*wie es geworden ist*”, то есть решать задачи «не только описания», но и выяснения «генезиса исторических явлений». Резюмировать поиск должно «установление причинной зависимости между одновременными или последовательными фактами»³.

Точкой «отправления исторического изучения» Пискорский, как и его учителя, полагал «конкретный факт», который устанавливается «в его настоящем виде при помощи исторической критики». Дальнейшие рассуждения лектора позволяют заключить, что перед нами опыт перехода от позитивистской модели понимания факта как реального события прошлого, данного в источнике, к формирующемуся в начале XX века взгляду на ис-

¹ Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 275.

² Пискорский В.К. О предмете, методе и задачах науки всеобщей истории... С. 6.

³ Там же. С. 7.

точник как результату профессиональной работы историка с историческим источником: *«Исторический факт изучается по тому следу, какой он оставил после себя в виде словесных, письменных и вещественных памятников»*. Такая работа возможна *«лишь при условии основательной подготовки в области целого ряда вспомогательных научных дисциплин»*¹.

Далее следует новаторское положение о важнейшем этапе работы историка: *«Документу, как историческому свидетельству, историк ставит такие же вопросы, какие судебный следователь – при допросе свидетелей; приемы исследования того и другого представляют большое сходство»*². Явно Пискорский прокламирует метод, ставший основой методологии научного познания на постпозитивистском этапе развития науки, метод диалога.

Отвечая на вопрос, чем руководствуется историк в этом «диалоге», Пискорский продолжает и обогащает традиции, заложенные в русской науке Т.Н. Грановским и развитые его учителями по «русской исторической школе»³. Для него уже недостаточно повторить мысль, что *«каждое поколение приступает к истории со своими вопросами»*⁴. Существенным становится, что новое поколение *«часто не удовлетворяется данными раньше ответами на поставленные вопросы или даже самой постановкой вопроса»*⁵. Историк должен при решении вопроса, в каком направлении ему *«разрабатывать материалы»*, руководствоваться не только *«требованиями исторической науки»*, но опираться на приобретенный *«широкий философский взгляд на общественные явления в их прошлом и настоящем»* и *«никогда не терять живой связи с современностью»*⁶.

Столь же последовательно Пискорский проводит учение / идею всеобщей истории как *«синтетической формы историче-*

¹ Там же. С. 8.

² Там же. С. 9.

³ В их числе заветы историку и исторической науке *«принимать в себя современные идеи»*, *«смотреть на прошедшее»* не иначе *«как с точки зрения настоящего»*, каждому поколению приступать к истории *«со своими вопросам»* и, принимая *«участие в судьбе человечества»* – неременная роль *«человека с мыслящим умом и благородным сердцем»*, – искать в истории, *«в судьбе отцов»* *«ключа к открытию причин»*, объяснение *«собственной»* судьбы и т.п. См.: Ретина Л.П. Т.Н. Грановский и идея всеобщей истории в России // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 52-73.

⁴ Грановский Т.Н. Историческая литература во Франции и Германии в 1847 году // Сочинения. Изд. 3-е. М., 1892. Ч. II. С. 209.

⁵ Пискорский В.К. О предмете, методе и задачах науки всеобщей истории... С. 11.

⁶ Там же.

ского построения»¹. Именно «всеобщий историк», имеющий возможность «широкого применения сравнительного метода», может подняться при условии изученности отдельных явлений во всей их индивидуальности к пониманию «основных типов общественного развития», тех начал, «которые общи для всех народов»².

В известном смысле Пискорский шел по тому же пути, что и Н.И. Кареев, разрабатывавший в эти же годы «типологический метод»³, позволяющий «перейти к изучению целой категории однородных в каком-либо отношении или во многих отношениях обществ, сравнивать их между собою и делать на основании произведенных сравнений общие выводы, характеризующие какой-либо социологический тип»⁴. Эти опыты вливались в общее русло поиска историками в начале XX века путей обновления историко-понятийного аппарата⁵. Место В.К. Пискорского в этом процессе вряд ли следует определять на основе уже цитированного положения, что «едва ли задачей исторического изучения может служить открытие исторических законов»⁶. В нем современный исследователь увидел подтверждение проникновения в среду отечественных историков «неокантианской идеи, связанной с отрицанием за исторической наукой права на изучение законов истории»⁷. В.К. Пискорский возвышал голос в защиту познавательных возможностей всеобщей истории, одновременно заступая дорогу неокантианской методологии «идеографизма» и преодолевая доминирование позитивистской социологии с ее пониманием научных законов как незыблемых⁸.

¹ Там же. С. 9-10.

² Там же. С. 10.

³ См.: Парфенов О.Г., Фильмонов В.А. Типологический метод Н.И. Кареева в свете современных исследований по теории истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 4. М., 2001. С. 221-231.

⁴ Кареев Н.И. Преподавание истории на экономическом отделении Санкт-Петербургского политехнического института (Вступительная лекция, читанная 17 сентября 1904 г. студентам I курса экономического отделения). СПб., 1904. С. 23.

⁵ См.: Фильмонов В.А. Указ. соч.; Рамазанов С.П. Методологические искания отечественной исторической мысли XX века: новации и традиции // Историческая наука и методология истории в России XX века. СПб., 2003. С. 29-36; Матророва Н.К. Типологические обобщения в русской историографии начала XX века // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. № 7 (49). С. 38-44 и др.

⁶ Пискорский В.К. О предмете, методе и задачах науки всеобщей истории... С. 7.

⁷ Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX века: В 2 ч. Ч. 1: Постановка и попытка решения проблемы. Волгоград, 1999. С. 61.

⁸ Следует обратить на близость путей эволюции методологических позиций В.К. Пискорского и Д.М. Петрушевского. См.: Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX века: В 2 ч. Ч. 2. Волгоград, 1999. С. 113-114; Ситицын О.В.

Какие же последствия для самого Пискорского как *познающего субъекта* имели сделанные эпистемологические наблюдения и выводы? Осмысливая *время* своей жизни, *среды*, в которой он жил, «*преобладающие интересы*» своей эпохи, ученый мотивирует и свой выбор в пользу изучения социальной истории: «*Каждая эпоха предъявляет особые требования к историку, и в наше время, несомненно, социальная сторона человеческого развития стоит, так сказать, во главе научных интересов исторического изучения*»¹.

Понятно, что в марксистской историографии было обращено внимание и на тот факт, что Пискорский как никто из современников именно в казанской лекции высоко оценивал заслуги марксист-

Методологические идеи Д.М. Петрушевского в российской историографии начала XX века // Историк в историческом и историографическом времени. Казань, 21013. С. 276-277. Путь Д.М. Петрушевского к неокантианству был «осторожен, постепенен и длителен» (*Рамазанов С.П. Кризис... Ч. 2. С. 113*); начавшись признанием неокантианского течения одним из ведущих в исторической мысли России после 1910 г. он оказался отмеченным «коренным изменением» отношения к неокантианству только после 1928 г. (там же. С. 115).

¹ *Пискорский В.К. О предмете, методе и задачах науки всеобщей истории... С. 7.* Такая позиция историка была результатом длительной эволюции. Достаточно вспомнить, что учитель Пискорского, при том что дал высокую в целом оценку его книги «Кастильские кортесы в переходную эпоху от средних веков к новому времени (1188-1520)» (Киев, 1897; магистерская диссертация), подверг автора критике за явно недостаточное выяснение причин упадка средневековых испанских кортесов: «*Все указываемые им [Пискорским – И.Л., Ф.Ф.] явления суть скорее симптомы происходящих изменений, чем действительные коренные причины, вызвавшие эти изменения. Мы думаем, что их следовало бы искать в социальном и экономическом строе Кастилии, в изменениях, происшедших в сословных группах, в их взаимных отношениях*» (*Луцицкий И.В., Фортинский Ф.Я. [Рец.] // Университетские известия. Киев. 1898. № 4, ч. 2. С. 4*). Поворот Пискорского к «экономической интерпретации» истории, хотя и непосредственный, происходит в его «Истории Испании и Португалии» (1902); в 1903/1904 учебном году, еще в Нежине, ученый ставит специальный курс «История аграрных отношений в Западной Европе в средние века», но особо историографы подчеркивают влияние на проблематику его исследований революционных событий 1905-1906 гг. (см.: *Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов. Томск, 1969. С. 161; Гутнова Е.В. Историография истории средних веков (середина XIX в. – 1917 г.) М., 1974. С. 309*) Перейдя в Казанский университет, он посвящает «*хозяйственной жизни Европы*» в 1907-1908 учебном году курс (см.: *Пискорский В.К. Экономическая история Западной Европы в новое время: Конспективное изложение лекций, читанных в 1906/7 учебном году. Казань, 1907. 148 с.;* одновременно курс читается на Высших женских курсах) и статью, открывающую задуманное для «*удовлетворения потребности для самообразования*» многотомное издание «Книги для чтения по истории нового времени» (см.: *Пискорский В. Новые основы хозяйственной жизни Европы // Книга для чтения по истории нового времени. Т. 1. М., 1910. С. 1-20. Среди авторов «Книг...» И.В. Луцицкий, А.Н. Савин, А.К. Дживелегов, Е.В. Тарле, Е.Н. Щепкин, С.Г. Лозинский и др.*).

ма: «...ни одна теория не оказала таких огромных услуг исторической науке, как учение о том, что не сознание людей определяет их бытие, а, напротив, их общественное бытие определяет их сознание, что во всякую эпоху господствующая форма производства и обмена служит основанием для социального, политического и умственного развития...»¹.

Лекция завершается предельно емкой характеристикой современной эпохи. Суть ее – и здесь трудно отделаться от мысли, что выявлялась она под воздействием марксизма, – улавливалась как диалектическое противоречие: если человечество, «современная цивилизация» успешно преодолевает географические и национальные ограничения, говоря современными словами, глобализируется, под влиянием «международного обмена идеями и товарами», то в «пределах каждой национальности» растет рознь между «отдельными общественными классами», рознь «и идейная, и материальных интересов». Путь к решению проблем современности Пискорский связывает не с революцией, а с открывающимся, как он подчеркивает, «к счастью», «сознательным творчеством в деле усовершенствования социальных форм жизни»².

Это сказано в самом начале XX столетия, а вот доживи историк до социальной катастрофы 1917 года и далее трудно сказать, был ли он столь оптимистичен. Но вот, не судьба. Здесь другое. Пискорский энергично продвигался к тем проблемам, какие во весь рост были поставлены позднее адептами «новой исторической науки». Конечно, наивно полагать, что историознание движется вперед – подобно древней литературе – посредством кумулятивных сюжетов. Скорее, научный авангард улавливает интеллектуальные и культурные токи времени, совершая прорывы в неизведанное. В.К. Пискорский как раз был среди тех, кто формировал *Zeitgeist*, вплотную подходя к идее междисциплинарного синтеза при решающей роли истории. Кто сейчас скажет, что это не так?

«Бои за историю», в какие одним из первых вступил Пискорский, продолжают до сего дня и вряд ли когда-либо закончатся. Взаимоотношение истории и социологии – это своеобразное сочетание борьбы и сотрудничества, причем устранение социологических элементов из историознания несколько десятилетий тому назад породило постмодернистскую ризоматическую картину мира, согласно которой «всё – и факт, и выдумка, и ложь, и правда –

¹ Там же. С. 10. Об этом см.: *Могильницкий Б.Г.* Указ. соч. С. 160; *Ханина А.З.* В.К. Пискорский (К столетию со дня рождения) // Вопросы историографии всеобщей истории. Вып. III. Казань, 1968. С. 78; *Гутнова Е.В.* Указ. соч. С. 309.

² *Пискорский В.К.* О предмете, методе и задачах науки всеобщей истории... С. 12.

составляет “текст истории”, так сказать, и этот текст нам всегда дан как текст настоящего, а не прошлого»¹. То-то вплеснул бы в недоумении руками Владимир Константинович, в самом деле, свойственная постмодернистскому взгляду «хаосмическая картина» из неоднородных тем, различных дат и уровней событий отменяет не только традиционный нарратив, но и, само собой, любые социологические обобщения.

Страшен сон, да милостлив бог. Нервическая постструктуралистская трансгрессия, немало способствуя обновлению исторического арсенала, отступила перед незыблемым союзом власти, общества и традиции. А в современной науке и культуре по-иному быть и не может, поелику других опор у социума (пока?) нет².

Библиография

- Ардашев П.Н.* О прогрессе в исторической науке: вступит. Лекция, читанная в университете св. Владимира 14 окт. 1903 г. // Университетские известия. Киев, 1904. № 1. С. 1-30.
- Богдашина Е.Н.* Позитивизм в исторической науке на Украине (60-е гг. XIX – 20-е гг. XX вв.). Харьков: ХНУ имени В.Н. Каразина, 2013. 588 с.
- Бухараев В.М.* История перед вызовом постмодернизма: «комплиментарные» стратегии на полях научных изысканий // *Clio Moderna*. Альманах зарубежной истории и историографии. Вып. 6 / под ред. И.И. Шарифжанова. Казань: Изд-во Института истории АН РТ, 2008. С. 5-19.
- Виптер Р.Ю.* Очерки теории исторического познания. М., 1911. 286 с.
- Грановский Т.Н.* Историческая литература во Франции и Германии в 1847 году // Сочинения. Изд. 3-е. М., 1892. Ч. II. С. 208-211.
- Гутнова Е.В.* Историография истории средних веков (середина XIX в. – 1917 г.) М: Высшая школа, 1974. 400 с.
- Кареев Н.И.* Основы русской социологии / под ред. проф. И.А. Голосенко. СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 1996. 368 с.
- Кареев Н.И.* Основные вопросы философии истории. Критика историософских идей и опыт научной теории исторического прогресса. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К^о, 1883. Т. 1. 456 с.
- Кареев Н.И.* Преподавание истории на экономическом отделении Санкт-Петербургского политехнического института (Вступительная лекция, читанная 17 сентября 1904 г. студентам I курса экономического отделения). СПб., 1904. 26 с.
- Лучицкий И.В.* Отношение истории к науке об обществе (вступительная лекция в курсе новой истории, читанная доцентом университета св. Владимира, 18-го октября 1874 г.) // *Знание*. 1875. № 1. С. 1-42.
- Матросова Н.К.* Типологические обобщения в русской историографии начала XX века // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2012. № 7 (49). С. 38-44.

¹ *Пятигорский А.М.* Избранные труды. М., 1996. С. 366-367.

² См.: *Бухараев В.М.* История перед вызовом постмодернизма: «комплиментарные» стратегии на полях научных изысканий // *Clio Moderna*. Альманах зарубежной истории и историографии. Вып. 6. Казань, 2008. С. 18.

- Мильская Л.Т., Пичугина И.С.* Владимир Константинович Пискорский // Портреты историков: Время и судьбы. В 2 т. Том 2. Всеобщая история. Москва; Иерусалим: Университетская книга, 2000. С. 125-131.
- Могильницкий Б.Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов. Томск: Изд-во ТГУ, 1969. 410 с.
- Мягков Г.П.* «Русская историческая школа»: методологические и идейно-политические позиции / научный ред. проф. Б.Г. Могильницкий. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. 200 с.
- Мягков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. 298 с.
- Нечухрин А.Н.* Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в.– 1917 г.): Монография. Гродно: ГрГУ, 2003. 349 с.
- Парфенов О.Г., Филимонов В.А.* Типологический метод Н.И. Кареева в свете современных исследований по теории истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 4. Специальный выпуск. Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 221-231.
- Петрушевский Д.М.* О задачах всеобщей истории как науки (вступительная лекция, читанная в Варшавском университете) // Образование. 1898. № 2. С. 1-10.
- Пискорский В.К.* Главные моменты в истории представительного строя Кастилии (вступительная лекция приват-доцента В. Пискорского, читанная 29 января 1894 г.) // Университетские известия. Киев, 1894. № 5, ч. 2. С. 1-16.
- Пискорский В.К.* Кастильские кортесы в переходную эпоху от средних веков к новому времени (1188-1520). Киев: Типография Императорского университета Св. Владимира, 1897. XVIII+186 с. Оттиск из «Университетских известий» за 1897 г. [Магистерская диссертация].
- Пискорский В.К.* О предмете, методе и задачах науки всеобщей истории. Вступительная лекция В.К. Пискорского, ординарного профессора Казанского Университета. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1906. 14 с.
- Пискорский В.К.* О предмете, методе и задачах науки всеобщей истории: Вступительная лекция, произнесенная в Казанском университете 3 октября 1906 г. // Учен. зап. Казанского ун-та. 1907. Т. 74. Кн. 1. С. 1–10. (Отдел наук).
- Пятигорский А.М.* Избранные труды. М., 1996.
- Рамазанов С.П.* Кризис в российской историографии начала XX века: В 2 ч. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 1999. Ч. 1: Постановка и попытка решения проблемы. 144 с.; Ч. 2. Методологические искания послеоктябрьской исторической мысли. 164 с.
- Рамазанов С.П.* Методологические искания отечественной исторической мысли XX века: новации и традиции // Историческая наука и методология истории в России XX века: К 140-летию со дня рождения академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. Выпуск I / Отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Изд-во «Северная Звезда», 2003. С. 29-36.
- Ретина Л.П.* Т.Н. Грановский и идея всеобщей истории в России // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 52-73.
- Ретина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю.* История исторического знания: Посobie для вузов. М.: Дрофа, 2004. 288 с.
- Синицын О.В.* Методологические идеи Д.М. Петрушевского в российской историографии начала XX века // Историк в историческом и историографическом времени: Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана; Казань, 13-15 ноября 2016 г. / со-

ставители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинец. Казань: Изд-во «Яз», 21013. С. 275-279.

Тарле Е.В. И.В. Лучицкий. К пятидесятилетию его научно-литературной деятельности. 1863-1916) // Голос минувшего. 1914. № 1. С. 42-61.

Тарле Е.В. Социология и историческое познание // Вестник Европы. 1902. № 10. С. 429-474.

Ханина А.З. В.К. Пискорский (К столетию со дня рождения) // Вопросы историографии всеобщей истории. Вып. III. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1968. С. 65-81.

Ханина А.З. Идеино-теоретические позиции В.К. Пискорского в начале XX столетия // Критика буржуазных концепций всеобщей истории. Вып. I. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. С. 114-133.

Бухараев Владимир Миннетович, кандидат исторических наук, доцент, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань; sovetsnik101@yandex.ru

Мягков Герман Пантелеймонович, доктор исторических наук, профессор, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП); профессор, Казанский федеральный университет, г. Казань; gmyagkov@yandex.ru

ON THE INITIAL STAGE OF “THE STRUGGLE FOR HISTORY”: VLADIMIR PISKORSKY’S METHODOLOGICAL EXPERIENCE OF 1906

By analyzing the inauguration lecture delivered by V.K. Piskorsky on October, 3 1906 the authors demonstrate that his view enhanced the tendency to resolve differently the problem of clash between sociology and historical studies. Anticipating the “discoveries” made by the “annalists” V.K. Piskorsky offers to understand history and sociology as allies that support each other. He also tried to penetrate into the essence of the work done by historians, their biasedness, methods of cognition process in order to preserve and develop the disciplinary identity of “general history”. He also focuses at the ability of historical studies to promote social progress.

Key words: V.K. Piskorsky, “Russian historical school”, sociology, methodology of history, general history.

Bukharaev Vladimir Minnetovich, Candidate of History, Associate Professor at the Institute of International Relations, Kazan Federal (Volga region) University, Kazan; sovetsnik101@mail.ru

Myagkov German Panteleimonovich, Doctor of History, Professor Kazan at V.G. Timiryasov Innovation University; Professor, Kazan Federal (Volga region) University, Kazan; gmyagkov@yandex.ru

Девятайкина Н.И.

М.О. ГЕРШЕНЗОН И ЕГО ВКЛАД В ИСТОРИЮ РАННЕГО РЕНЕССАНСА (ПЕТРАРКА)

Автор рассматривает место и роль «итальянского компонента» в трудах историка М.О. Гершензона (1869–1925). Основной материал – исследование этого автора о Петрарке (1304–1374), переводы его трудов. Автор статьи приходит к выводу о противоречивости суждений Гершензона, недоказанности тезиса об эго-центризме Петрарки, но считает важными тезисы об индивидуализме, стремлении к славе, духовной независимости гуманиста, актуальности его текстов для переходных времен. Главное заключение: благодаря М.С. Корелину и М.О. Гершензону произошел мощный «вброс» в русскую культуру латинского гуманистического творчества, понимания новизны его содержания.

Ключевые слова: М.О. Гершензон, М.С. Корелин, Петрарка, трактат «Моя тайна» Петрарки, ренессансный гуманизм, русская культурно-историческая школа.

Проблемы культурного развития древнего мира, средневековья и Возрождения стали активно интересовать русских историков и филологов со второй половины XIX в. При этом все они одновременно были большими знатоками и русского материала, немалый вклад внесли и в его изучение, в компаративистику, где бесценным оказалось знание западных первоисточников.

Целый ряд московских ученых – А.Н. Веселовский (1838-1906), В.И. Герье (1837-1919), М.С. Корелин (1855-1899), их младший соратник и ученик М.О. Гершензон (1869-1925) и др. – впервые системно обратили свое исследовательское внимание на культурную (идейную) историю. Наследием этих ученых занимаются ныне¹, но их мировосприятие, место и роль в их трудах «итальянского компонента» изучено пока не достаточно.

Больше всего это относится к Гершензону. Судя по статье, помещенной в «Большой биографической энциклопедии» (Нусинов

¹ См., например: *Сафронов Б.Д.* Вопросы исторической теории в трудах М.С. Корелина. М., 1984; *Кирсанова Е.С.* Владимир Иванович Герье // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 3. Древний мир и средние века. М., 2004. С. 316-335; *Тихомирова О.В.* Михаил Сергеевич Корелин (1855-1899) // Там же. С. 513-531; Александр Веселовский. Актуальные аспекты наследия. Исследования и материалы. М., 2011; *Иванова Т.Н., Мясков Г.П.* Феномен школы В.И. Герье: коммуникативные практики в пространстве научного знания // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2014. С. 572-644; *Девятайкина Н.И.* М.С. Корелин: подходы и методы изучения Ренессанса и его историографии (на примере Петрарки) // *Cursus mundi.* Человек античности, средневековья, Возрождения. Иваново, 2017. С. 133-151.

И.М., 1929), о нем сколько-то писали в 1910-е гг. (Неведомский М., Кранхельд В., 1911), в 1920-е (Полянский В., 1922; Коган, Белый А., Лидин В., 1925)¹. И затем на несколько десятилетий имя ученого почти забыли. Только в начале 1960-х гг. появляется небольшая статья о нем в «Советской исторической энциклопедии», где обозначена его «чуждость новому строю», места работы после революции и труды по русскому XIX веку².

По поводу всеобщей истории и истории культуры в диссертациях и общих трудах его имя начало упоминаться с 1970-1980-х гг.³ В 2000 г. его сочинения были изданы или переизданы усилиями еврейской культурной общественности⁴; в том же году стараниями внучки М.А. Чегодаевой вышла книга воспоминаний о М.О. Гершензоне⁵, позже появились издания избранных трудов, достаточно содержательная статья в Википедии. Но ни в ней, ни в публикациях трудов нет ни слова о его итальянских штудиях, что еще раз наталкивает на изучение данной страницы его творчества.

Основным материалом для статьи стали исследования Гершензона о Петрарке (1304-1374)⁶ и переводы трудов этого знаменитого итальянского гуманиста, зачинателя Возрождения⁷. Они позволили охарактеризовать методологическую позицию и подходы к Ренессансу, основные черты его переводческой культуры, в том числе – стиль и язык перевода, т.е. культуру исследователя и место в ней исторической составляющей. Напомним, что М.О. Гершензон был родом из Кишинева, где закончил гимназию; затем отучился в Берлине и Московском университете по историко-филологическому факультету. Мог бы быть оставлен при университете для подготовки к работе на кафедре, но, по словам П.Г. Виноградова, «помешало его еврейство». (К чести этого ученого, очерк о Петрарке для его знаменитой «Книги для чтения» была заказан именно М.О. Гершензону). Писал он и для самых известных сборников – «Русского вестника», «Вестника Европы», а также «Мира Божьего», жил с семейством публикациями.

¹ Гершензон М.О. // Большая биографическая энциклопедия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/34613/%D0%93%D0%B5%D1%80%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B7%D0%BE%D0%BD (дата обращения -10 мая 2018).

² Гершензон, Михаил Осипович // Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 4. С. 422.

³ См., например: *Девятайкина Н.И.* Мироззрение Петрарки: этические взгляды. Саратов, 1988.

⁴ См.: *Гершензон М.О.* Избранные труды: В 2 ч. М., 2010. Ч. 1-2.

⁵ *Чегодаева М.А.* Михаил Гершензон. Воспоминания дочери. М., 2000.

⁶ *Гершензон М.О.* Франческо Петрарка // Петрарка Ф. Автобиография. Исповедь. Сонеты. М., 1915. С.3-52.

⁷ *Петрарка Ф.* Автобиография. Исповедь. Сонеты. М., 1915.

С самого начала Гершензон проявлял интерес к всеобщей истории – интеллектуальной и духовной жизни древней Греции; студентом написал несколько работ об Аристотеле, отмеченных медалью и публикациями, активно занимался переводом на русский язык знаменитых трудов Нибура, Белоха, Лависса и Рембо и др. Именно он организовал серию «Памятники мировой литературы» и, судя по обложке, для него перевел в 1913-1914 гг. названный выше трактат Петрарки, а также его автобиографическое «Послание к потомкам»¹. Параллельно Гершензон много занимался творчеством Пушкина, декабристами, Чаадаевым, Огаревым, которые практически «перекрыли» его западные штудии в глазах исследователей.

М.О. Гершензон, как и другие специалисты по культуре того времени (например, М.С. Корелин), считал, что от позитивизма и материализма надо идти в сторону изучения духовной культуры, истории развития духовной свободы личности. Отсюда вытекает и его интерес к Петрарке. Не исключено, что этот интерес был подогрет блистательными лекциями и трудами М.С. Корелина, профессора того же Московского университета, автора внушительной докторской работы «Ранний итальянский гуманизм и его историография» (1892), давшей не только глубокую и системную критику западных работ, но и представившей в большой полноте и оригинальные характеристики сочинения Петрарки и ряда других гуманистов². М.С. Корелин начал готовить второе издание, вышедшее уже после его смерти, где Петрарке отведен отдельный том³. Исследование о Петрарке, равно как и переводы его сочинений, позволяют проникнуть в лабораторию Гершензона. Прежде всего, Гершензон не просто безукоризненно справляется со сложным этико-философским текстом, но и вводит его своим обширным предисловием в контекст всего творчества Петрарки. Он изучает, по-

¹ См.: *Петрарка Ф.* Письмо потомкам / пер. с лат. М.О. Гершензона // *Франческо Петрарка.* Избранное. Автобиографическая проза. Сонеты. М., 1915. С. 9-24. Эти сочинения Петрарки, начиная со времени 600-летия со дня смерти поэта, 1974 г., и доньше активно переиздаются в России.

² *Корелин М.С.* 1) Ранний итальянский гуманизм и его историография. Вып. 1. М., 1892; 2) Ранний итальянский гуманизм и его историография. Вып. 2. М., 1892.

³ См.: *Корелин М.С.* 1) Ранний итальянский гуманизм и его историография. Критическое исследование. Т. 1. СПб, 1914; 2) Ранний итальянский гуманизм и его историография. Критическое исследование. Т. 2. Франческо Петрарка, его критики и биографы. СПб, 1914; 3) Ранний итальянский гуманизм и его историография. Критическое исследование. Т. 3. Джованни Боккаччо, его критики и биографы. СПб, 1914; 4) Ранний итальянский гуманизм и его историография. Критическое исследование. Т. 4. Современники, друзья, ученики и последователи первых гуманистов в XIV и в первой четверти XV столетия. СПб, 1914.

мимо переводимого трактата, едва ли не все латинские сочинения гуманиста: три больших трактата – «Об уединенной жизни» (1346), «О средствах против превратностей судьбы» (1354-1366), «О знаменитых мужах» (1330-е, незавершено), большую поэму «Африка» о Сципионе Африканском (1330-е, незавершена), небольшой «Путеводитель в Святую землю» (1358), десятки писем поэта к самым разным адресатам (1340-1360-е гг.). Иными словами, почти все тексты, вошедшие в солидное базельское издание сочинений Петрарки 1581 года¹. По счастью, оно было (и есть ныне) в библиотеке Московского императорского университета, в Румянцевской библиотеке, что, очевидно, и позволило за краткий срок провести столь значительную работу. Но Гершензон на этом тоже не успокаивается. Он обращается к документам Флоренции и Венеции того времени, выясняет степень знакомства гуманиста с античной литературой и разыскивает читаемых Петраркой авторов ради того, чтобы понять, что он вычерпывает из древних текстов и почему. Гершензон, занятый «Моей тайной», думает над всеми другими текстами Петрарки, дает им важные характеристики, которые и ныне имеют ценность. Например, по поводу самого спорного трактата «О средствах против превратностей судьбы», не раз называемого самым аскетическим и средневековым произведением Петрарки (только пару лет тому назад появившемся в полном переводе на русском языке), Гершензон пишет, что перед нами энциклопедия наблюдений за реальной жизнью, показывающая знакомство автора с условиями жизни человека, его свойствами, духовной и физической природой, но есть и следы аскетизма. Под этими характеристиками может подписаться любой современный специалист по Петрарке. Столь же содержательны, несмотря на краткость, характеристики «Путеводителя в Святую Землю» как толкового и яркого описания пути для любознательного туриста. Даже эти краткие замечания показывают, что М.О. Гершензон работает в традициях русской историко-культурной школы, что ему важны результаты сравнительно анализа текстов.

Конечно, больше всего Гершензон рассуждает о переведенном трактате. Поясним в нескольких словах, что речь идет об одном из самых знаменитых текстов Петрарки, который по-латински называется «*De contemptu mundi sive de secreto conflictu curarum mearum*». М.О. Гершензон, как мы видели выше, перевел название как «Исповедь». В издании его перевода Н. Томашевским стоит другое название: «Моя тайна, или Книга бесед о презрении

¹ Francisci Petrarchae opera, quae extant omnia. Basileae, 1581. 1379 p.

к миру»¹; есть и иные заголовки и подзаголовки. Трактат относят к автобиографической прозе, по-разному датируют время создания – от 1342-1343 гг. до 1357-1358 гг. Он состоит из трех объемных книг, написан в форме диалога между Августином и Франциском перед лицом молчаливо присутствующей Истины. Сам Гершензон предварил этот перевод еще и автобиографическим «Письмом к потомкам» (1351 ?- 1370-71, незавершено)². Из добавления понятно, что у переводчика автобиографичность большого текста не вызвала сомнений, письмо призвано было устами автора рассказать то, что ему казалось наиболее важным поведать потомкам.

Таким образом, «концепция отбора» сочинений для перевода исходила из стремления показать, как гуманист открывал в тексте самого себя и собственную жизнь, как вызревала идея свободы личности, какие формулировки она получала в диалоге и как ее можно понимать современникам Гершензона.

Сразу заметим, позиция автора статьи выглядит достаточно противоречивой, на современный взгляд. (Возможно, поэтому ныне издатели не публикуют ее рядом с переводом). Так, в первой части статьи Гершензон заявляет, что для понимания человека в его времени «необходимо предварительно узнать характер этого человека». Описание данного вопроса посвящено немало страниц, на которых Петрарка-человек представлен как мелкая личность, занятая самолюбованием, как крайний себялюб, «не сделавшийся, но родившийся эгоистом»³; его эгоизм выливается в подозрительность и трусость, лживость, лесть, жажду земных благ, суетность и тщеславие⁴.

Кажется, что Гершензон с удвоенной критичностью истолковывал все, что «услышал» из уст персонажа трактата Петрарки, Франциска, приняв его вопросы и суждения за личные признания и «разоблачения», а не этико-философскую попытку разобраться в природе и чувствах человека. Гершензон усиливает и адресует Петрарке-человеку упреки другого персонажа – Августина (имя намекает на знаменитого отца церкви раннего средневековья, рубежа IV-V вв., кстати, тоже автора «Исповеди»), который в трактате «оппонирует» Франциску. Но тот и наставляет собеседника, верит

¹ См.: *Петрарка Ф. Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру* / пер. с лат. М.О. Гершензона // *Франческо Петрарка. Избранное. Автобиографическая проза. Сонеты*. М., 1974. С. 25-242.

² *Петрарка Ф. Письмо потомкам* / пер. с лат. М.О. Гершензона // *Франческо Петрарка. Избранное. Автобиографическая проза. Сонеты*. С. 9-24.

³ *Гершензон М.О. Франческо Петрарка // Петрарка Ф. Автобиография. Исповедь. Сонеты* М., 1915. С. 4-9.

⁴ Там же. С. 14-21.

в его внутренние силы и желание стать лучше. Или молча принимает некоторые возражения по поводу, например, жажды славы. Большинство исследователей сходятся во мнении, что Петрарка-автор – в том и другом.

Вызывает вопрос и еще один момент: казалось бы, у Гершензона была возможность воспользоваться для характеристики Петрарки-человека его обширной перепиской, почти в 600 писем, переведенным «Посланием к потомкам», но этого не происходит. Гершензону был важен его «ключ», и оценки вписываются в него. Заметим, что примерно также писали о Петрарке в эту пору и некоторые другие авторы, как русские, так и западноевропейские.

Однако, в отличие от таких авторов, Гершензон не ограничивается сказанным в первой части. Во второй он дает развернутую характеристику взглядам и идеям Петрарки как первого поэта и интеллектуала нового времени, гуманиста. Здесь он, вслед за Я. Буркхардом и М.С. Корелиным, много пишет об индивидуализме, стремлении к славе, духовной независимости как проявлениях нового самосознания; считает, что любовь к античной литературе, способность ее понять, сделать образцом своего творчества прокладывает пропасть между Петраркой и средневековым человеком¹.

На протяжении всего исследования автор неоднократно говорит, что главной чертой мировосприятия Петрарки является двойственность, раздвоение, «которым с той поры болеет все человечество». Спор «двух душ» сопровождает творческую жизнь гуманиста, ярче всего выразившись в «Исповеди»: его одновременно влекут земля и небо, земное счастье и спасение души, Мадонна и Лаура, Цицерон и Христос². Победителя в этом споре, по мнению автора, нет. Гершензон уверен в актуальности всех писательских устремлений Петрарки, «ярко и блистательно выразившего чувства современников, давшего ясную формулу назревшим потребностям», и стремится раскрыть творчество гуманиста, ввести его в круговорот «животрепещущей действительности» своего времени.

Все эти темы не уходят из поля внимания ученых, в общих работах по истории литературы до сих пор сохраняется много схожих оценок, что говорит о неисчерпанности подходов Гершензона. Но главным вкладом в широкое познание Петрарки как гуманиста ныне можно назвать его переводы. Гершензон четко формулирует задачи переводчика: «Сохранять верность слову, и верность тону подлинника»³. Все, кто пробовал переводить гуманистических ав-

¹ Там же. С. 40-42.

² Там же. С. 31-40.

³ Там же. С. 47.

торов, знают, как это непросто, как волей-неволей современность, с ее понятиями и словарем, «вмешивается» в дело. В «Моей тайне» Гершензона увлеченно спорят между собой русские интеллектуалы начала XX в.: их язык красив, обороты речи изящны, демонстрируются разные способы выражения уважения к собеседнику, его точке зрения, что не мешает переводчику передать жесткость и принципиальность разговора о земной жизни, бедности, богатстве, смерти, славе, любви, спасении души. Соответствие культурному и языковому многообразию высказываний и Августина, и Франциска достигается за счет особого лексического «вежества», естественно-свободного употребления персонажами слов вроде «чело» вместо облик, «довольно» вместо «долго», «обыкновенно» вместо «обычно», «взор» вместо «взгляд», «дева» вместо «женщина». Для примера достаточно привести одну фразу из Предисловия как раз по поводу «девы»-Истины: «Неведомо, как она вошла, и я, ошеломленный необычным светом, не смел поднять глаза навстречу лучам, которые струило солнце ее очей» (...Nec igitur me stupentem insuete lucis aspectum et adversus radios, quos oculorum suorum sol fundebat, non audentem oculos attollere...). Метафора сложная, но мастерски преданная переводчиком. Безупречная классическая культура самого Гершензона позволила ему проникнуться латынью «Моей тайны», создать перевод, непревзойденный доньше.

В целом, большая статья Гершензона, его комментарии, перевод вобрала в себя достижения предшественников: и трактовки позитивиста Я. Буркхардта, и некоторые важные наблюдения М.С. Корелина, и способы их работы с источниками; все это накладывается на размышления автора-переводчика, порожденные переходным временем, ситуацией 1900-х годов, собственными жизненными впечатлениями и чувствами. При этом вывод Гершензона об индивидуализме Петрарки, прежде всего как об эгоцентризме, не находит удовлетворительного объяснения, предлагается словно некая данность. Резкость оценок автора не мешает отметить, что его подходы есть своего рода «послания» в будущее, поскольку их главный призыв – изучать мировоззрение и ценностные ориентиры творческих и ученых личностей в контексте их времени. Гершензон имел свой взгляд на Петрарку как на личность, тип личности уже нового времени, фактически близкий к современному. Недаром он адресуется к понятию «переходная эпоха», по сути, обнаруживая близость моделей поведения, чувствования, самостояния личностей как петрарковского, так и его собственного времени.

Символично, что волею судеб, публикация М.О. Гершензоном большого предисловия-исследования и перевода трудов гуманиста практически совпала со вторым изданием монографии М.С. Корелина. Благодаря двум историкам произошел мощный культурный «вброс» в науку и среду читающего сообщества ренессансного латиноязычного материала, весомо дополнивший труды А.Н. Веселовского о литературе раннего итальянского гуманизма и переводы с «вольгаре».

Библиография

- Александр Веселовский. Актуальные аспекты наследия. Исследования и материалы. М., 2011.
- Гершензон М.О. // Большая биографическая энциклопедия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/34613/%D0%93%D0%B5%D1%80%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B7%D0%BE%D0%BD (дата обращения -10 мая 2018).
- Гершензон, Михаил Осипович // Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 4. С. 422.
- Гершензон М.О. Франческо Петрарка // *Петрарка Ф.* Автобиография. Исповедь. Сonetы. М., 1915. С. 3-52.
- Гершензон М.О. Избранные труды: В 2 ч. / Ин-т обществ. мысли. М.: РОССПЭН, 2010. Ч. 1 / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Л.Г. Березовая; ч. 2 / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Л.Г. Березовая.
- Девятайкина Н.И. Мирозозрение Петрарки: этические взгляды. Саратов, 1988.
- Девятайкина Н.И. М.С. Корелин: подходы и методы изучения Ренессанса и его историографии (на примере Петрарки) // *Cursus mundi. Человек античности, средневековья, Возрождения.* Иваново, 2017. С. 133-151.
- Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Феномен школы В.И. Герье: Коммуникативные практики в пространстве научного знания // *Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время* / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2014. С. 572-644.
- Кирсанова Е.С. Владимир Иванович Герье // *Портреты историков. Время и судьбы.* Т. 3. Древний мир и средние века. М., 2004. С. 316-335.
- Корелин М.С. Ранний итальянский гуманизм и его историография. Вып. 1. М., 1892. 586 с. Вып. 2. М., 1892. 590 с.
- Корелин М.С. Ранний итальянский гуманизм и его историография. Критическое исследование. Т. 1-4. СПб, 1914.
- Петрарка Ф. Автобиография. Исповедь. Сonetы / пер. с лат. М.О. Гершензона; Вяч. Иванова. М., 1915. 276 с.
- Петрарка Ф. Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру / пер. с лат. М.О. Гершензона // Франческо Петрарка Избранное. Автобиографическая проза. Сonetы / сост., общая ред. и коммент. Н. Томашевского. М., 1974. С. 25-242.
- Петрарка Ф. Письмо потомкам / пер. с лат. М.О. Гершензона // Франческо Петрарка Избранное. Автобиографическая проза. Сonetы. М., 1915. С. 9-24.
- Сафронов Б.Г. Вопросы исторической теории в трудах М.С. Корелина. М., 1984.
- Тихомирова О.В. Михаил Сергеевич Корелин (1855-1899) // *Портреты историков. Время и судьбы.* Т. 3. Древний мир и средние века. М., 2004. С. 513-531.
- Чегодаева М.А. Михаил Гершензон. Воспоминания дочери. М., 2000.
- Francisci Petrarchae opera, quae extant omnia. Basileae, 1581. 1379 p.

Девятыйкина Нина Ивановна, доктор исторических наук, профессор, Саратовская государственная консерватория, г. Саратов; devyatay@yandex.ru

M.O. GERSHENZON AND HIS CONTRIBUTION TO THE HISTORY OF THE EARLY RENAISSANCE (PETRARCH)

The author considers the place and role of the «Italian component» in the works of historian M.O. Gershenzon (1869-1925). The main material is the study of this author about Petrarch (1304-1374), translations of his works. The author of the article comes to the conclusion about contradictory judgments of Gershenzon, unsubstantiated thesis about ego-Centrizme Petrarch, but considers important theses about individualism, aspiration to glory, spiritual independence of humanist, relevance of his texts for Transitional times. The main conclusion: M.S. Korelin and M.O. Gershenzon produced a powerful «stuffing» in the Russian culture of Latin humanistic texts, understanding the novelty of its content.

Key words: M.O. Gershenzon, M.S. Korelin, Petrarch, treatise «De contemptu mundi sive de secreto conflictu curarum mearum» of Petrarch, Renaissance humanism, the Russian cultural and historical school

Devyataykina Nina Ivanovna, Doctor of History, Professor, Saratov state Conservatoire, Saratov; devyatay@yandex.ru

Свешников А.В.

И.М. ГРЕВС ОБ ИТАЛИИ XIX ВЕКА

В статье на основании анализа работы русского медиевиста И.М. Гревса «Массимо Д'Адзелио (Жизнь и творчество)» проводится изучение представлений историка об основных тенденциях исторического развития Италии в XIX веке

Ключевые слова: И.М. Гревс, Италия, историческая наука, Массимо Д'Адзелио, итальянская литература, либерализм, Рисорджименто.

Профессор Санкт-Петербургского (позднее Петроградского и Ленинградского) университета Иван Михайлович Гревс (1860–1941), как известно, горячо любил Италию, неоднократно в ней бывал и практически всю свою жизнь посвятил ее изучению. Хорошо известны его труды, посвященные античной и средневековой истории Италии¹. Но при этом исследователи его творчества как-то прошли мимо рассуждений Гревса о современной ему Италии или Италии недавнего прошлого². Попытку анализа этих рассуждений мы и предпримем в нашей статье.

Молчание историографии на эту тему в общем-то вполне объяснимо. О новой Италии (за одним исключением, о котором мы скажем ниже) Гревс практически не писал ни в опубликованных работах, ни в личной переписке и ни в отчетах о поездках. Или, точнее, писал очень мало.

Согласно этим текстам для Гревса Италии была как бы «живым музеем». Он смотрел на нее, стараясь как бы сквозь современность увидеть прошлые века. Он, культивируя «топографическое чувство»³, очень много ходил, очень много смотрел, очень много

¹ См., например: *Гревс И.М.* 1) Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во времена империи). Т. 1. СПб., 1899; 2) Научные прогулки по историческим центрам Италии. Очерки флорентийской культуры. Происхождение свободной Флоренции // Научное слово. 1903. Кн. 4. С. 50–81; Кн. 5. С. 54–83; 1905. Кн. 1. С. 61–89; Кн. 7. С. 81–122; 4) Из «Studi Danteschi»: первая глава трактата Данте «De Monarchia» // Из далекого и близкого прошлого: сборник этюдов по всеобщей истории в честь Н.И. Кареева. Пг.; М., 1923. С. 120–134; 5) Кровавая свадьба Буондельмонте. Жизнь итальянского города в XII веке. Л., 1925; 6) Тацит. М.; Л., 1946.

² См., например: *Скржинская Е.Ч.* Иван Михайлович Гревс. Биографический очерк // *Гревс И.М.* Тацит. М.; Л., 1946. С. 223–248; *Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007.

³ Об этом см.: *Вахромеева О.Б.* Приглашение к путешествию: методика исторических поездок И.М. Гревса. СПб., 2007; *Степанов Б.Е.* Навстречу прошлому: экскурсионная практика и философия памяти в творчестве И.М. Гревса и Н.П. Ан-

писал об этом, но интересовали его в первую очередь «живые памятники старины», которые позволяли, включив эмоциональный регистр, «почувствовать прошлое». Иногда кажется, что в сравнении с «великими монументами истории», как лучшей «школой духа», настоящее (или не оставившее подобных монументов недавнее прошлое) Италии для него, подобно Э. Гиббону, представляется каким-то мелким. Он готов в годы своих поездок в Италию с упоением описывать, галерею Уффици, а настоящему уделяются в лучшем случае лишь маргиналии его «итальянских» текстов.

Эти маргиналии, конечно, есть. Гревс следит за современной ему итальянской исторической наукой, выделяя среди итальянских историков Паскуале Вилларе, с которым он познакомился во время своей первой поездки в Италию в 1890 г. и творчество которого он оценивал очень высоко¹. Хотя немецкая и особенно французская историография для него значили гораздо больше. Гревс оставил несколько «бытовых» и «этнографических» зарисовок современной итальянской жизни. Так, например, в воспоминаниях о «первой встрече с Италией» он писал: *«Всматривался я и просто в жизнь современной Италии, повседневную, трудовую, бытовую и праздничную. Первая рисовала в симпатичных красках природу итальянца, очищая его фигуру личным впечатлением от словесно-традиционных характеристик, окружавших его неблагоприятными эпитетами. Итальянец рисовался симпатичным простым человеком, даже во многих отношениях похожим на русского, особенно южнорусского простолюдина, и некоторая его неопрятность, а порой и склонность не вполне правильно воспользоваться какой-нибудь выгодой (хотя всегда почти грошовой) покрывалась его добродушием и готовностью со своей стороны оказать (правда, также дешево столичную, но весело предлагаемую услугу)»*².

Но, еще раз повторюсь, и с точки зрения объема «итальянских» текстов Гревса, и с точки зрения их содержания, это именно маргиналии, т.е. небольшие заметки на полях.

Все свои поездки в Италию Гревс, естественно, совершил перед Первой мировой войной. Он был в Италии, например, в 1890-1891, 1893, 1895, 1900, 1907, 1912 годах. Всего десять раз. По собственным словам, только во Флоренции он прожил полтора года. И тогда он

циферова // Отечественные записки. 2008. № 43. С. 311-339; Свеишников А.В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества. М.; СПб., 2016. С. 240-259.

¹ Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860-1941) / Автор-составитель О.Б. Вахромеева. СПб., 2004. С. 234.

² Там же. С. 236.

о современной Италии не писал. А вот через много лет после того, когда эти поездки закончились, он написал текст, ставший исключением в его творческом наследии. Текст, посвященный Италии XIX века.

Это предисловие к изданию очередного русского перевода романа итальянского писателя Массимо д'Адзельо (1798–1866) «Этторе Фьерамоска или турнир в Барлетте». Точнее, Гревс написал даже два предисловия для этой книги – статьи «Массимо д'Адзелио (Жизнь и Творчество)» и «Италия и Европа в XV и XVI веках», а также составил комментарии¹. Статьи эти, безусловно, известны исследователям творчества Гревса, но предметом специального анализа они никогда не становились. Первая из этих статей намного шире по содержанию своего названия. Это фактически краткий очерк истории и культуры (в первую очередь литературы и общественной мысли) Италии первой половины XIX века, и поэтому на нем мы остановимся подробнее. Но прежде чем обратиться непосредственно к анализу этого текста, следует сделать ряд предварительных замечаний.

Во-первых, книга вышла в свет 1934 г. Это был один из самых тяжелых периодов в жизни Гревса. Давно отстраненный от преподавания в университете (после открытия исторических факультетов он получил приглашение на кафедру средних веков ЛГУ, но пока он об этом не знает) после разгрома краеведения он, будучи уже очень немолодым человеком (ему было 74 года), фактически был лишен работы и должен был искать различные заработки. В официальную систему советской науки пожилой «старорежимный» профессор, неоднократно вызывавшийся на допросы в ОГПУ², явно не вписывался. «Нэповские» издательства, дававшие возможность идеологически нейтральных «культурных» публикаций, были свернуты. Краеведение, развитию которого Гревс отдал столько сил, тоже. Единственная возможность столь необходимой Гревсу материально и экзистенциально (он считал это смыслом своей жизни) работы – сотрудничество с государственными издательствами. И Гревс пытается этим заниматься. Он готовит перевод, например, мемуаров Сен-Симона со своим предисловием³, пишет статьи для издания «Этторе Фьерамоске». Даже самые близкие старому профессору люди, его бывшие ученики

¹ См.: Гревс И.М. 1) Массимо Д'Адзелио (Жизнь и творчество) // Массимо Д'Адзелио. Этторе Фьерамоска или Бралетский турнир. М.; Л., 1934. С. 7-39; 2) Италия и Европа в XV и XVI веках // Там же. С. 41-64.

² Каганович Б.С. Указ. соч. С. 53.

³ См.: Гревс И.М. Сен-Симон, его жизнь и мемуары // Сен-Симон. Мемуары. Т. 1. М.; Л., 1934. С. 7-33.

(например, Т.Б. Лозинская) при всей своей любви к Гревсу, не могли назвать эти работы выдающимися научными трудами. Но они понимали, насколько эти работы важны для него лично. Конечно, для того, чтобы публиковаться Гревсу приходилось подстраиваться под новые условия. Но при этом, естественно, подстраиваясь под новые правила, Гревс оставался собой и даже в этих условиях не всегда мог наступить на «горло собственной песни». Статья «Массимо Д'Адзелио...» – это, может быть, один из самых «советских» текстов Гревса. На статье, конечно же, лежит «печать времени». Лежит, но, впрочем, не закрывает ее полностью.

Во-вторых, сама книга и ее автор были достаточно специфичны. С одной стороны, это было далеко не первое издание романа итальянского писателя на русском языке. И автор, и его роман не относились в восприятии русской культуры к категории «великих» (и, следовательно, идеологически значимых), но, по крайней мере образованной публике, были известны. Исторический роман классика итальянской литературы, написанный в 1833 г., впервые был переведен на русский язык и опубликован уже в 1847 г. в журнале «Современник», а в 1874 г. был издан по-русски отдельной книгой. В 1934 г. был сделан новый перевод, к которому Гревс и писал предисловие. Однако, с другой стороны, с точки зрения политической и идеологической конъюнктуры все было не так просто. В Италии Муссолини роман Д'Азельо и его герой, кондотьер Этторе Фьерамоска, в это время становятся важными «местами памяти» итальянского национализма¹. Роман неоднократно переиздается. О жизни его героя снимают художественные фильмы, и в честь него даже называют боевые корабли.

Впрочем, сам Д'Адзельо был одним из основным персонажей известной работы, одной из центральных фигур не просто советской, а «большевистской» гуманитарной науки академика В.М. Фриче «Итальянская литература XIX века», умершего в 1929 г.² Таким образом, идеологически «правильный» с точки зрения советской цензуры взгляд на писателя уже был сформирован, и работа Фриче явно была Гревсу знакома.

В-третьих, эта статья – предисловие к художественному произведению, написанное для широкого читателя с учетом всех особенностей этого жанра. Ее задача не столько способствовать приращению нового знания, сколько репрезентовать доступно некое «готовое» знание. В ней практически нет сносок, немного цитат, не об-

¹ См.: Юсим М.А. О «Барлетском вызове», великих историках и патриотизме // Новая и новейшая история. 2015. № 1. С. 39-49.

² См.: Фриче В.М. Итальянская литература XIX века. Ч. 1. М., 1916.

стоятельно аргументации, аналитического обзора. Она должна дать целостный образ писателя в значимом историческом контексте. Но при этом, понятно, что «дать целостный образ» можно только имея его, в том числе и опираясь на некую продуманную целостную концепция, которая, таким образом, имплицитно присутствует в тексте. И эта концепция истории Италии XIX века.

Гревс, как уже говорилось, пишет биографию Д'Адзелио в широком историческом контексте. Он опирается на автобиографию писателя в качестве основного источника. При его интерпретации в тексте статьи явно проступают идеи Фриче. Гревс говорит об «абсолютизме» и «городской буржуазии», «религиозных суевериях» крестьян. Говорит явно «чужим», «не своим языком», в котором, правда, прячутся отблески своих собственных идей.

Италия XIX века для историка – это прежде всего раздробленная страна, и ее основная задача, продиктованная ходом и логикой истории – борьба за создание единого государства. *«Городские республики, главные носительницы хозяйственного и духовного развития в прошлом, уже издавна потеряли почти всю свою самостоятельность, и территории их сплотились в княжества под абсолютной (часто тиранической) властью единоличных правителей; другие части страны были захвачены иностранцами»*¹. Причиной раздробленности Гревс называет закрепившие прежний порядок «акты Венского конгресса». *«Зависимость от Австрии, стремившейся “властвовать, разделяя”, тяготела над итальянским населением особенно невыносимо»*². Основными итальянскими государственными образованиями, которым историк дает достаточно краткую общую характеристику, он считает Сардинское королевство (с Пьемонтом), Ломбардо-Венецианское королевство, герцогства Средней Италии, папское государство и королевство обеих Сицилий. *«Страна была разбита на осколки»*³.

Вторым фактором итальянской истории описываемого периода Гревс называет экономическую отсталость, кризис и застой. Характеризуя развития Пьемонта, он пишет: *«...сохранилось много архаических черт в хозяйстве, быту и нравах, много консерватизма в привычках и общественных настроениях. Дворянство не отличалось экономической предприимчивостью, довольствуясь в общем старыми оброками. В городах промышленный капитализм развивался слабо...»*⁴.

¹ Гревс И.М. Массимо... С. 9.

² Там же. С. 10.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 11.

«Народ Италии» в изображении историка стремился к единству, боролся против раздробленности и иностранного давления. Но в силу социально-экономической отсталости единственной силой, способной возглавить это движение, оказалась северо-итальянская «прогрессивная интеллигенция». Именно она формирует итальянскую национальную идею. И этот процесс Гревс оценивает однозначно позитивно.

Именно в этом ключе Гревс описывает творчество Уго Фосколо¹, Сильвино Пеллико², Винченцо Джоберти³, Чезаре Бальбо⁴ и конечно Джузуппе Мадзини⁵ и тестя Д'Адзельо Алессандро Манцони. Последний особенно важен для Гревса: «...он развивал мысль, что нравственная высота личности – необходимая предпосылка для национального освобождения, и пока она не достигнута, необходимо воздерживаться от решительных действий. Его мировоззрение было окрашено в религиозные тона»⁶. В этой связи Гревс положительно оценивает и итальянский романтизм, и жанр исторического романа, к представителям которого наряду с Мацони и Д'Адзельо он так же относит Гверацци и Гросси⁷. Историк писал: «Романтизм не носил в Италии столь реакционной окраски, как в Германии. Итальянские романтики, при всей своей умеренности, все же смотрели вперед, а если обращались к прошлому, то искали в нем образцов для свободного будущего. Сильвио Пеллико утверждал, что “романтизм”, зовущий к “гуманности”, есть “либерализм”, отстаивающий освобождение»⁸. В целом в итальянской литературе для автора на первом месте оказываются общественно-политические идеи, т.е. либеральный национализм, а не, скажем, «художественные достоинства». «Такова была тенденция всей итальянской патриотической литературы: своей задачей она ставила не осуществление определенного художественного канона, а общественно-воспитательное воздействие. Выбор сюжета, его трактовка, пафос всего произведения вытекали из основного намерения: пробудить чувство национальной доблести и энтузиазм борьбы за независимость. Считая, что высота задачи, при наличии у автора таланта, га-

¹ Там же. С. 21.

² Там же. С. 22.

³ Там же. С. 30.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 28–29.

⁶ Там же. С. 23.

⁷ Там же. С. 24.

⁸ Там же. С. 22.

рантирует художественность исполнения: при отсутствии этой высоты исчезнет и художественность»¹.

Для полноты описания картины политических процессов, протекавших в Италии первой половины XIX века, Гревс обращается и к сюжету о движении карбонариев. И здесь, с одной стороны, он, учитывая время написания текста, не может ни отозваться о них положительно, как о революционном движении. Но с другой – историк аккуратно критикует их за сверхжесткую централизацию и дисциплину, террористические методы². Более того, поскольку хронологические рамки статьи Гревса, формально биографической, ограничены годами жизни Д'Адзельо, в нем нет описания собственно процесса объединения Италии. Есть вызревания национальной идеи, революционные выступления 1820–1840 гг., австро-пьемонтская война и ее последствия. И в этих рамках получается, что карбонарии, как в какой-то степени и «Молодая Италия» своими действиями спровоцировали преждевременное, явно неподготовленное выступление, закономерно потерпевшее поражение и чуть не загубившее в принципе дело национального объединения. В этих условиях поражения только либералы, если реконструировать логику рассуждений Гревса, сумели спасти то, что чуть не погубили радикалы.

В этих исторических условиях и разворачивается деятельность Массимо Д'Адзельо. Дворянин, художник и писатель, публицист и крупный общественно-политический деятель, художественно одаренная натура и прекрасный знаток классической итальянской культуры, патриот и либерал – в какой-то степени – Д'Адзельо выступает своеобразным «альтер эго» Гревса, сумевшим в своей жизни реализовать то, что не удалось реализовать самому историку. Конечно, учитывая «советский» характер текста, Гревс говорит о «буржуазной ограниченности» либерализма писателя, его страхе перед революционным движением, «политическом бессилии» и «предательской по отношению к массам» буржуазной тактике³. Но при этом Д'Адзеддио предстает спасителем национального движения после поражения в вызванной радикалами неподготовленной войне с Австрией. Гревс называет Д'Адзельо «типичным либералом», но это не выглядит уничижительным клеймом советской историографии. Более того, создается впечатление, что иногда свои собственные идеи Гревс излагает устами итальянского писателя, подбирая для этого соответствующие цитаты.

¹ Там же. С. 24.

² См.: там же. С. 15-16.

³ Там же. С. 18.

Говоря о конце министерской деятельности Д'Адзедьо, Гревс фактически признает: новое время, период собственно объединения, требовал иных, более решительных политических деятелей, а время Д'Адзедьо ушло. Он – человек другой эпохи, подготовившей нынешнюю. И в этом так же можно увидеть (при желании и наличии фантазии) некое сближение автора-историка со своим героем.

Чего нет в статье Гревса по сравнению с традиционными историями Италии этого периода? Совсем нет Гарибальди, мельком упоминается Кавур, бывший главным лицом в одном из министерских кабинетов Д'Адзедьо и сменивший его потом на посту премьер-министра, ни слова не говорится о старшем брате писателя, крупном политике и художнике Роберто Д'Адзедьо. Почему? Видимо, для того, чтобы подчеркнуть масштаб личности своего героя или его «прогрессивный либерализм».

Таким образом, по мнению Гревса, получается, что национально-либеральное движение внесло решающий вклад в подготовку объединения Италии. Без деятельности либералов, крупных, выдающихся личностей, несмотря на наличие любых «объективных предпосылок», этот процесс был бы не возможен.

В целом, реконструкция политических процессов в Италии XIX века, предпринимаемая Гревсом, не очень отличается от той оценки этих событий, которая преобладала в официальной советской историографии того времени. Но при этом, во-первых, официальная советская историография в данном случае вполне созвучна «родной» для Гревса дореволюционной либеральной традиции, которая в рамках либерального национализма считала объединение Италии закономерным и прогрессивным процессом. А во-вторых, Гревс в отличие от официальной советской историографии делает акцент на решающей роли в этом процессе либеральной интеллигенции, что находится в полном соответствии с его либерально-народническими взглядами.

Итак, важнейшими событиями истории Италии XIX века Гревс считал процесс объединения Италии и создания единого национального государства, оценивая его в первую очередь как естественную борьбу с «иностранными врагами». Гревс считал этот процесс закономерным и «естественным», уделяя особое внимание его национальной либерально-демократической стороне. А в дискурсивном пространстве текстов Гревса сама Италия из «живого музея» превращается в этой статье в поле для отстаивания своих собственных национально-либеральных взглядов в той форме, которая была возможна в новых исторических (т.е. советских) условиях. Взглядов, которыми Гревс был верен всю свою жизнь.

Библиография

- Вахромеева О.Б.* Приглашение к путешествию: методика исторических поездок И.М. Гревса. СПб.: Знаменитые универсанты, 2007.
- Гревс И.М.* Из «Studi Danteschi»: первая глава трактата Данте «De Monarchia» // Из далекого и близкого прошлого: сборник этюдов по всеобщей истории в честь Н.И. Кареева. Пг.; М., 1923. С. 120-134.
- Гревс И.М.* Италия и Европа в XV и XVI веках // Массимо д'Адзелио. Этторе Фьерамоска или Барлеттский турнир. М.; Л., 1934. С. 41-64.
- Гревс И.М.* Кровавая свадьба Буондельмонте. Жизнь итальянского города в XII веке. Л., 1925.
- Гревс И.М.* Массимо Д'Адзелио (Жизнь и творчество) // Массимо Д'Адзелио. Этторе Фьерамоска или Барлеттский турнир. М.; Л., 1934. С. 7-39.
- Гревс И.М.* Научные прогулки по историческим центрам Италии. Очерки флорентийской культуры. Происхождение свободной Флоренции // Научное слово. 1903. Кн. 4. С. 50-81; Кн. 5. С. 54-83; 1905. Кн. 1. С. 61-89; Кн. 7. С. 81-122.
- Гревс И.М.* Очерки из истории римского землевладения (преимущественно во времена империи). Т. 1. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1899.
- Гревс И.М.* Сен-Симон, его жизнь и мемуары // Сен-Симон. Мемуары. Т. 1. М.; Л.: Academia, 1934. С. 7-33.
- Гревс И.М.* Тацит. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.
- Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: ГИПЕРИОН, 2007.
- Свешников А.В.* Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
- Скржинская Е.Ч.* Иван Михайлович Гревс. Биографический очерк // Гревс И.М. Тацит. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С. 223-248.
- Степанов Б.Е.* Навстречу прошлому: экскурсионная практика и философия памяти в творчестве И.М. Гревса и Н.П. Анциферова // Отечественные записки. 2008. № 43. С. 311-339.
- Фриче В.М.* Итальянская литература XIX века. Ч. 1. М.: Задруга, 1916.
- Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) / Автор-составитель О.Б. Вахромеева. СПб., 2004. [б.и.]
- Юсим М.А.* О «Барлеттском вызове», великих историках и патриотизме // Новая и новейшая история. 2015. № 1. С. 39-49.

Свешников Антон Вадимович, доктор исторических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск; pucholik@rambler.ru

I.M. GREVS ABOUT ITALY OF THE XIX CENTURY

In the article, based on an analysis of the work of the Russian medevist I.M. Grevs «Massimo D'Adzelio (Life and Creativity)» conducted a study of the views of the historian on the main trends of the historical development of Italy in the XIX century

Key words: I.V. Grevs, Italy, Historical Science, Massimo D'Adzelio, Italian Literature, Liberalism, Risorgimento.

Sveshnikov Anton Vadimovich, Doctor of History, Professor of the Department of World history of Dostoevsky Omsk State University, Omsk; pucholik@rambler.ru

Шадрина Н.А.

**КОМПАРАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО
И АРАБО-МУСУЛЬМАНСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

Статья посвящена специфике осмысления исламо-христианского межкультурного диалога в эпоху средневековья на страницах работ представителей школы казанского миссионерского исламоведения второй половины XIX – начала XX века. Автором ставятся вопросы о том, в какой степени можно говорить о научности такого политически ангажированного подхода, как миссионерское исламоведение, а также о том, в каком ключе в рамках подобных исследований трактуются формы и содержание исламо-христианского диалога средневековья. В итоге отмечается, что именно в рамках казанского миссионерского исламоведения впервые в отечественной историографии была поставлена проблема компаративного изучения исламской и христианской культур, что наметило актуальное, развивающееся по сей день исследовательское поле.

Ключевые слова: казанское миссионерское исламоведение, исламо-христианский диалог, Средние века, компаративные исследования.

Современная историография уже довольно отчетливо осознает ту роль, которую сыграли народы Ближнего Востока, их культуры и духовный опыт в становлении и развитии европейской цивилизации. Ближний Восток был для Европы своего рода источником, из которого она черпала недостающие ей культурные элементы, и в то же время постоянным «раздражителем», ставившим перед европейской мыслью новые, неведомые проблемы, вынуждавшим напряженно искать на них ответы. Начиная с периода Высокого Средневековья, эта роль ближневосточного интеллектуально-духовного партнера-оппонента принадлежала преимущественно арабо-мусульманской культуре. История двух цивилизаций средиземноморского ареала в полной мере может быть понята лишь в контексте их взаимодействия, в ходе которого между ними, с одной стороны, складывается и осознается определенная духовная общность, а с другой – выявляются некоторые принципиально отличные социокультурные ориентиры¹.

В отечественной историографии исследование проблем исламо-христианского межкультурного взаимодействия, в том числе

¹ См.: Журавский А.В. Ислам и христианство: социокультурные проблемы диалога. М., 1990.

и в эпоху средневековья, начинает выделяться в особое направление в 70-е годы XX века и становится особенно популярно с 90-х¹.

Однако здесь необходимо отметить, что некоторые упоминания об исторических реалиях, связанных с иламо-христианским взаимодействием, появляются на страницах отечественных исследований уже во второй половине XIX – начале XX вв. Так, в труде В.К. Пискорского «История Испании и Португалии»², эпохе арабского владычества в Испании посвящена отдельная глава под названием «Арабы и реконкиста». Несмотря на несколько негативное отношение, которое можно заметить при упоминании автором христиан, по экономическим или каким-либо другим причинам переходивших в ислам, в целом, В.К. Пискорский говорит о мирном сосуществовании представителей двух культурных миров, хотя его в большей степени интересует все-таки социально-политическое и экономической устройство арабских государств Пиренейского полуострова³.

Совершенно особое направление изучение приобретает проблема иламо-христианского взаимодействия в средние века во второй половине XIX века в рамках казанского миссионерского исламоведения. Вклад этого направление в изучение ислама в России стремился выявить ряд исследователей⁴. Но рассматривая ра-

¹ В этот период и позже появляется целый ряд работ как российских исследователей, так и переводных, посвященных проблемам иламо-христианского социокультурного взаимодействия. См.: *Батунский М.А.* Развитие представлений об исламе в западноевропейской средневековой общественной мысли (XI–XIV вв.) // Народы Азии и Африки. М., 1971. № 4; *Гайдук И.В.* Европа и ислам в истории: сосуществование, сотрудничество и взаимовлияние // Взаимодействие культур и социумов в контексте всемирной истории. М., 2007; *Керов В.Л.* Проблема взаимоотношений христианства и ислама в эпоху средневековья // Философия и современный мир. М., 2004; *Лучицкая С.И.* Образ Другого: мусульмане в хрониках Крестовых походов. СПб., 2001; *Пиков Г.Г.* Библия и представления европейцев VIII–XII вв. об исламе и арабах // Традиции и инновации в истории культуры. Новосибирск, 1995; *Дэниел Н.* Ислам в христианской мысли на Западе: от начала до 1914 г. // Христиане и мусульмане: проблемы диалога. Хрестоматия: межконфессиональный и межрелигиозный диалог. М., 2000; *Уотт У.М.* Влияние ислама на средневековую Европу. М., 1976 и др.

² См.: *Пискорский В.К.* История Испании и Португалии. СПб., 1909. Труд вышел в серии «История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время», издававшейся под редакцией Н.И. Кареева и И.В. Лучицкого. См.: *Филимонов В.А.* Издательский проект как площадка научной коммуникации («История Европы по эпохам и странам в Средние века и Новое время» под редакцией Н.И. Кареева и И.В. Лучицкого) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные наук. 2014. Т. 156, кн. 3. С. 202.

³ *Пискорский В.К.* История Испании и Португалии. СПб., 1909. С. 28-49.

⁴ См.: *Мазитова Н.А.* Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX в.). Казань, 1972; *Михайлова С.М.* Казанский университет и просвещение народов Поволжья и Приуралья. Казань, 1979; *Вале-*

боты казанских миссионеров-исламоведов в контексте востоковедческой проблематики, они не акцентировали внимания на явно присутствовавших в них аспектах компаративного изучения ислама и христианства.

В целом в контексте изучения трудов казанских миссионеров-исламоведов можно выделить два ключевых вопроса: во-первых, формировался ли и каким образом в рамках этого, во многом социально-политически ангажированного направления научный подход к изучению исламо-христианского межкультурного взаимодействия, во-вторых, как в рамках данных исследований транслировались форма и содержание исламо-христианского диалога средневековья.

В первую очередь необходимо отметить, что исламоведческая проблематика выделяется в России в особое направление именно в середине XIX века. Причем это объясняется не только академическим интересом, но и особой актуальностью, которую приобретает эта проблематика в связи с завоеванием Средней Азии. В результате его Россия не только получила в свой состав регион с многовековой и высокоразвитой исламской религиозной и социокультурной традицией, но и вышла к рубежам «внешнего» мусульманского мира. При этом Поволжье, рассматривавшееся до того, как мусульманская окраина, превратилось в крупнейший исламский анклав «внутренней России». В этой ситуации ислам превратился для русского общества из культурологической и религиозно-метафизической проблемы в проблему социально-политическую. Миссионерское направление формируется в Казани как ответ на вопрос, рассматривавшийся тогда в казанских церковных кругах, вопрос «о лучшем устройении миссионерской деятельности в среде мусульманского населения». И автором проекта «лучшего устройства», а точнее сказать, лучшей подготовки миссионерских кадров стал Николай Иванович Ильминский (1822–1891), выпускник Казанской духовной семинарии, один из талантливейших представителей казанского миссионерского исламоведения. Согласно плану, предложенному Ильминским, на трех этапах обучения – духовное училище, семинария и академия – будущие миссионеры должны были пройти всестороннюю подготовку, которая включала изучение восточных языков, в том числе и арабского, религиозных текстов мусульман, их истории и культуры. Ильминский объяснял свои идеи тем, что, с его точки зрения, насильственные методы

ев Р.М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). Казань, 1998; *Колесова Е.В.* Востоковедение в синодальных учебных заведениях Казани (середина XIX – начало XX вв.): дис. ...канд. ист. наук. Казань, 2000 и др.

христианизации инородцев, практиковавшиеся ранее, не могли принести успеха, т.к. «полицейская строгость не властна проникать во внутреннее святилище мысли и совести». Необходимо было проникнуть во внутренний мир человека, чтобы обратить его изнутри. Для этого было необходимо адаптировать христианскую проповедь к народному миропониманию¹.

Во исполнение этого плана в рамках казанского миссионерского исламоведения был осуществлен первый в России перевод Корана на русский язык непосредственно с арабского. Автором перевода стал Гордий Семенович Саблуков (1804–1880). Особенностью подхода Саблукова была его опора на мусульманскую экзегетическую традицию в соединении с рассмотрением Корана как культурно-исторического памятника. Именно поэтому Г.С. Саблукова можно считать одним из основоположников научного корановедения в России².

В исследовательской деятельности представителей казанского миссионерского исламоведения можно выделить три основных направления – изучение истории становления ислама³, компаративное изучение исламского и христианского вероучений⁴ (в целом в рамках сравнительно богословия), а также исследование истории взаимоотношений исламского и христианского миров⁵.

Анализируя постановки, риторику и выводы казанских миссионеров-исламоведов можно выделить ряд интересных аспектов. Так, в частности, рассуждения представителей данного направления о становлении ислама и его вероучении находят параллели с западноевропейской средневековой традицией восприятия мусульманской религии. Это касается, например, репрезентации личности пророка Мухаммеда. На страницах работ казанских миссионеров встречаются представление о Мухаммеде как о лжепророке

¹ См.: *Алексеев А.К.* К проблеме культурного диалога: ислам и Казанское миссионерское исламоведение // Ислам в советском и постсоветском пространстве: история и методологические аспекты исследования. Казань, 2004. С. 68-76.

² Перевод был высоко оценен, в частности, акад. В.В. Бартольд. О деятельности Г.С. Саблукова см.: *Валеев Р.М.* Из истории казанского востоковедения середины – второй половины XIX в: Гордий Семенович Саблуков – торколог и исламовед. Казань, 1993.

³ *Остроумов Н.П.* Аравия и Коран: (Происхождение и характер ислама): Опыт исторического исследования. Казань, 1899.

⁴ *Заборовский А.* Мысли аль-Корана, заимствованные из христианства: сочинение студента Казанской духовной академии XII учеб. курса (1864-1868 г.). Казань, 1875. Вып. 7; *Коблов Я.Д.* Антропология Корана в сравнении с христианским учением о человеке. Казань, 1905. Вып. 23; *Михайлов А.Ф.* Сказания Корана о новозаветных лицах и событиях и критико-политический разбор этих сказаний. Казань, 1894.

⁵ *Остроумов Н.П.* Исторический очерк взаимных отношений между христианством и мусульманством. СПб., 1888.

или человеке, страдавшем нервным расстройством. Подобные представления корнями уходят в средневековье¹, а в сочинения казанцев проникают из западноевропейской историографии².

Ключевая идея, которая транслируется исследователями в рамках сравнительного изучения вероучений ислама и христианства, – исламское вероучение – это никоим образом не структурированная смесь иудейских, христианских (причем еретических) и аравийских языческих представлений³. Несмотря на идеологическую ангажированность подобных выводов, именно здесь впервые в отечественной историографии отмечается факт влияния христианской и иудейской догматики на догматику ислама, хотя влияние это и абсолютизируется⁴. Причем основанием для подобных выводов служит подробный компаративный анализ мусульманских и христианских источников, и именно анализ источников ставится во главу угла⁵.

В этой связи, несмотря на сомнения относительно научности выводов миссионеров-исламоведов, рассматривать их деятельность следует все-таки в рамках реалий конца XIX века, когда, в период становления исламоведения, деление на «научное» светское, антиклерикальное и «ненаучное» миссионерское является весьма спорным⁶.

Третье направление – изучение истории взаимодействия исламского и христианского миров также носит двойственный характер, идеологическая направленность здесь тесным образом переплетается с вполне объективным описанием исторического процесса. Основной работой в рамках данного направления можно счи-

¹ Анализ средневековых представлений об исламе см.: *Батунский М.А.* Указ. соч.; *Дэниел Н.* Указ. соч.; *Daniel N.* Islam and the West. The making of an image. Edinburgh, 1966 и др.

² В частности, казанские миссионеры-исламоведы ссылались на работы таких авторов, как Г. Вейль, А. Шпренгер, Э. Ренан, Р. Доци.

³ Данные выводы присутствуют практически во всех работах казанских миссионеров-исламоведов, занимавшихся сравнительным богословием. См.: *Заборовский А.* Мысли аль-Корана, заимствованные из христианства...; *Коблов Я.Д.* Антропология Корана в сравнении с христианским учением о человеке...; *Михайлов А.Ф.* Сказания Корана о новозаветных лицах и событиях...

⁴ Необходимо оговориться, что традиция подобного рода компаративных исследований заимствована из западноевропейской историографической традиции. Подробнее см.: *Батунский М.А.* Превославие, ислам и проблемы модернизации в России на рубеже XIX – XX вв. // ОНС. 1994. №2. С. 81-90; *Batunsky M.* Russian clerical Islamic studies in late 19 and early 20-th centuries // *Central Asian Survey*. 1994. Vol. 13. № 3.

⁵ См., в частности, критику М.А. Мащанова работы Я.Д. Коблова: *Колесова Е.В.* Востоковедение в синодальных учебных заведениях Казани... С. 129-130.

⁶ *Batunsky M.* Russian clerical Islamic studies in late 19 and early 20-th centuries. P. 27.

тать работу Николая Петровича Остроумова «Исторический очерк взаимных отношений между христианством и мусульманством», изданную в Санкт-Петербурге в 1888 году.

Центральный тезис данной работы опять-таки идеологически обусловленный: «Взаимные отношения христианства и мусульманства никогда не были мирными, да и не могли быть такими, потому что обе названные религии взаимно исключают друг друга в самых существенных пунктах своего учения»¹. После подобного введения автор излагает основные этапы исламо-христианского взаимодействия. Причем в изложении исторических событий Остроумов ссылается в основном на два источника: «Историю средних веков» М. Стасюлевича и «Всемирную историю» Шлоссера. Пытаясь делать постоянный акцент на жестокость арабов и их нетерпимое отношение к христианам, автор все-таки не грешит против исторической правды и не может замолчать факты религиозной веротерпимости мусульман². Однако, Остроумов, опять-таки в рамках основной установки своего сочинения, подчеркивает, что впоследствии мусульманское господство превращается на завоеванных территориях из мягкого в деспотическое (цитируя при этом сочинение отрывок из сочинения Р. Дози «Очерк истории ислама», приведенный в хрестоматии Стасюлевича)³.

В результате анализа работ казанских миссионеров-исламоведов встает, во-первых, вопрос о том, насколько это направление вообще можно называть научным. Здесь, безусловно, ясно, что работы подобного рода преследовали вполне конкретные, политически ангажированные цели, что сказывалось на тоне оценок и выводов. Этот факт отмечался уже в то время, о котором идет речь. Представители академического востоковедения критиковали представителей казанской миссионерской школы (правда, сам факт подобной критики уже свидетельствует об определенном интересе, который представляли работы миссионеров). Речь идет, в частности, о критико-библиографических статьях, посвященных сочинениям казанских исламоведов, Виктора Романовича Розена в «Записках Восточного отделения русского археологического общества». В них автор, несмотря на критику основных выводов миссионеров-исламоведов, подчеркивает разносторонность их источниковой базы⁴. Можно сказать, что данная полемика, растянувшаяся

¹ Остроумов Н.П. Исторический очерк взаимных отношений между христианством и мусульманством. СПб., 1888. С. 1.

² Там же. С. 24-27.

³ Там же. С. 23.

⁴ См., например: Розен В. 1) [Рец. на:] М. Машанов «Очерк быта арабов в эпоху Мухаммеда как введение в изучение ислама». Ч. 1 «Очерк религиозного быта ара-

на десятилетия, способствовала самоопределению академического исламоведения и накоплению объективно-научных знаний об истории ислама¹.

Очень важна реакция на сочинения миссионеров-исламоведов и в среде не академической. Так, некоторые исследователи связывают с подобной реакцией в среде татарских просветителей появление в начале 80-х гг. XIX в. первых работ мусульман об исламе на русском языке². Татарские реформаторы выдвигали свои пути решения проблемы инкорпорации мусульман в государственную систему страны, учитывая этнокультурные и религиозные особенности³.

Во всех этих фактах прослеживается сложность и противоречивость формирования исторической науки в целом, переплетение в этом процессе как научно-исследовательских, так и идеологических начал. С другой стороны, именно в рамках казанского миссионерского исламоведения впервые в отечественной историографии была поставлены проблемы компаративного изучения исламской и христианской культур. Означенные в их числе проблемы влияния христианского вероучения на вероучение ислама, выявления этапов исламо-христианского взаимодействия по-прежнему представляют интерес.

Помимо этого, работы казанских миссионеров-исламоведов сами по себе являются ценнейшим источником по истории формирования «образа другого», поскольку именно они, выполняя определенный социальный заказ, создавали образ иноверца-мусульманина, отвечавшего запросам официальной идеологии. Сочинения представителей данного направления можно назвать частью того, что Э. Саид определил как «ориентализм» – научный, политический и литературно-художественный дискурс, совокупность риторических средств, с помощью которых Европа создает образ Востока как принципиального «Другого»: экзотичного, непредсказуемо-

бов-язычников в эпоху Мухаммеда» (Казань, Миссионерский противомусульманский сб. Вып. XVII) // Записки Восточ. отделен. Императ. Русского археологического об-ва. СПб. Т. 2. 1888. С. 283-301; 2) [Рец. на:] «Моисеево законодательство по учению Библии и по учению Корана (опыт объяснения одного из очевиднейших противоречий в Коране)» Протоиерея Е.А. Малова. Казань, 1890 // Записки Восточного отделения Императ. Русского археологического об-ва. СПб. Т. 8. 1894. С. 362-367.

¹ Об этой полемике см.: *Валеев Р.М.* Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). Казань, 1998. С. 198-231.

² *Гаспринский И.* Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Симферополь, 1881; *Баязитов А.* Отношение ислама к науке и к иноверцам. СПб., 1887 и др.

³ *Исхаков Р.* «Ислам как религиозное учение не заслуживает упрека в деспотизме или нетерпимости...» // Эхо веков. 2010. № 3/4. С. 204.

го, притягательного и враждебного и всегда «Чужого». Данный взгляд, как показывал Э. Саид, предполагает изучение Востока «сверху вниз», активное цивилизующее и колонизаторское отношение к Востоку. Однако, по отношению к российской ориенталистике этот подход более сложен. Если восприятие таких имперских владений, как Кавказ и Средняя Азия, вполне укладывалось в рамки классического ориенталистского дискурса, то для Среднего Поволжья этот дискурс принимал уникальную форму «внутреннего ориентализма» (термин А. Эткинда)¹. В качестве «Востока» и объекта цивилизаторской миссии выступала собственная страна. Более того, одна из стратегий внутреннего ориентализма состояла в изучении прошлого России².

В последующие годы, в частности, в ранний советский период исследования казанского миссионерского исламоведения практически не были востребованы в рамках становления науки. Однако широко использовались в национальной политике. В частности, проект перевода языков мусульманских народов России на кириллицу, осуществленный в 1920-30-х гг., разрабатывался именно на противомусульманском отделении Казанской духовной академии³.

Таким образом, мы видим, как в российской исторической науке, даже в самых идеологизированных и социально-политически ангажированных ее направлениях, выкристаллизовываются научные подходы к решению проблем истории средневекового общества, коей является проблема исламо-христианского взаимодействия.

Библиография

- Batunsky M.* Russian clerical Islamic studies in late 19 and early 20-th centuries // *Central Asian Survey*. 1994. Vol. 13. № 3.
- Daniel N.* Islam and the West. The making of an image. Edinburgh: The Univ. press, 1966. XII, 448 p.
- Алексеев А.К.* К проблеме культурного диалога: ислам и Казанское миссионерское исламоведение // *Ислам в советском и постсоветском пространстве: история и методологические аспекты исследования: материалы Всерос. конф. «Ислам в советском и постсоветском пространстве: формы выживания и бытования»*, Казань, май 2003 г. / под ред. Р.М. Мухаметшина. Казань, 2004. С. 68-76.
- Батунский М.А.* Превославие, ислам и проблемы модернизации в России на рубеже XIX – XX вв. // *Общественные науки и современность*. 1994. № 2. С. 81-90.

¹ Эткинд А. Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации // *Новое литературное обозрение*. 2003. № 59. С. 103-124.

² Леонтьева О.Б. Стратегии внутреннего ориентализма в российской мысли XIX – начала XX вв.: ориентализация прошлого // *Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт*. М., 2007. С. 296-307.

³ Алексеев А.К. Указ. соч. С. 70.

- Батунский М.А.* Развитие представлений об исламе в западноевропейской средневековой общественной мысли (XI–XIV вв.) // Народы Азии и Африки. М., 1971. № 4. С. 107–118.
- Баязтов А.* Отношение ислама к науке и к иноверцам. СПб., 1887.
- Валеев Р.М.* Из истории казанского востоковедения середины – второй половины XIX в.: Гордый Семенович Саблуков – тюрколог и исламовед. Казань: Изд-во Казань-Kazan, 1993. 104 с.
- Валеев Р.М.* Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1998. 380 с.
- Гайдук И.В.* Европа и ислам в истории: сосуществование, сотрудничество и взаимовлияние // Взаимодействие культур и социумов в контексте всемирной истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. М., 2007. С. 192–206.
- Гаспринский И.* Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Симферополь, 1881.
- Дэнцел Н.* Ислам в христианской мысли на Западе: от начала до 1914 г. // Христиане и мусульмане: проблемы диалога. Хрестоматия: межконфессиональный и межрелигиозный диалог / сост. вступ. ст. и коммент. А. Журавский. М.: Библ.-богослов. ин-т св. ап. Андрея, 2000. С. 259–275.
- Журавский А.В.* Ислам и христианство: социокультурные проблемы диалога. М.: Наука. Глав. ред. восточ. лит.-ры, 1990. 128 с.
- Заборовский А.* Мысли аль-Корана, заимствованные из христианства: сочинение студента Казанской духовной академии XII учеб. курса (1864–1868 г.): [с прил. «Что Мухаммед заимствовал из Христианства?»; пер. с англ.] /общ. тит. л.: Труды студентов миссионерского противомусульманского отд. при Казан. духовной акад. Казань: Унив. тип., 1875. Вып. 7. 73 с.
- Исхаков Р.* «Ислам как религиозное учение не заслуживает упрека в деспотизме или нетерпимости...» // Эхо веков. 2010. № 3/4.
- Керов В.Л.* Проблема взаимоотношений христианства и ислама в эпоху средневековья // Философия и современный мир. 2004. С.99–110.
- Коблов Я.Д.* Антропология Корана в сравнении с христианским учением о человеке / общ. тит. л.: Труды студентов противомусульманского отд. При Казан. духовной акад. Казань. [Б.и.]. 1905. Вып. 23. 352 с.
- Колесова Е.В.* Востоковедение в синодальных учебных заведениях Казани (середина XIX – начало XX вв.): дис. ...канд. ист. наук. Казань, 2000. 206 с.
- Леонтьева О.Б.* Стратегии этнокультурного ориентализма в российской мысли XIX – начала XX вв.: ориентализация прошлого // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. М., 2007. С. 296–307.
- Лучицкая С.И.* Образ Другого: мусульмане в хрониках Крестовых походов / отв. ред. А.Я. Гуревич. СПб.: Алетейя, 2001. 396 с.
- Мазитова Н.А.* Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX в.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. 225 с.
- Михайлов А.Ф.* Сказания Корана о новозаветных лицах и событиях и критикополитический разбор этих сказаний; общ. тит. л. Труды студентов миссионерского противомусульманского отд. при Казан. духовной акад. Казань: [Б.и.], 1894.
- Михайлова С.М.* Казанский университет и просвещение народов Поволжья и Приуралья. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1979. 224 с.
- Остроумов Н.П.* Аравия и Коран: (Происхождение и характер ислама): Опыт ист. исслед. Казань: Типо-литография Императорского ун-та, 1899. 256 с.
- Остроумов Н.П.* Исторический очерк взаимных отношений между христианством и мусульманством. СПб.: [Б.и.], 1888. 75 с.

- Пиков Г.Г. Библия и представления европейцев VIII – XII вв. об исламе и арабах // Традиции и инновации в истории культуры: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1995. С. 52-63.
- Писковский В.К. История Испании и Португалии. Изд. 2-е. СПб.: Акц. общ. «Брокгауз и Ефрон», 1909.
- Розен В. [Рец. на:] «Моисеево законодательство по учению Библии и по учению Корана (опыт объяснения одного из очевиднейших противоречий в Коране)» Протоиерея Е.А. Малова. Казань, 1890 // Записки Восточ. отделен. Императ. Русского археологического об-ва. СПб. Т. 8. 1894. С. 362-367.
- Розен В. [Рец. на:] М. Машанов «Очерк быта арабов в эпоху Мухаммеда как введение в изучение ислама». Ч.1 «Очерк религиозного быта арабов-язычников в эпоху Мухаммеда» (Казань, Миссионерский противомусульманский сб. Вып. XVII) // Записки Восточ. отделен. Императ. Русского археологического об-ва. СПб. Т. 2. 1888. С. 283-301.
- Уотт У.М. Влияние ислама на средневековую Европу. М.: Наука, 1976. 127 с.
- Филимонов В.А. Издательский проект как площадка научной коммуникации («История Европы по эпохам и странам в Средние века и Новое время» под редакцией Н.И. Кареева и И.В. Лучицкого) // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные наук. 2014. Т. 156, кн. 3. С. 197-206.
- Эткинд А. Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 103-124.

Шадрина Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань; shadrina_nata@list.ru

COMPARATIVE STUDIES OF THE EUROPEAN AND ARAB-MUSLIM MIDDLE AGES IN THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE SECOND HALF OF THE XIX - EARLY XX CENTURIES

The article is devoted to the specifics of understanding the Islamic-Christian intercultural dialogue in the Middle Ages in the works of representatives of the Kazan missionary Islamic studies school in the second half of the XIX - beginning of the XX century. The research raises questions about the degree of scientificity of such a politically biased approach as missionary Islamic studies, as well as the manner in which such studies interpret the forms and content of the Islamic-Christian dialogue of the Middle Ages. As a result, it is noted that for the first time in the national historiography, the problem of comparative study of Islamic and Christian cultures has been stated in the Kazan missionary Islamic studies school, which in its turn has outlined a field of research still being developed.

Key words: Kazan missionary Islamic studies, Islamic-Christian dialogue, Middle Ages, comparative study.

Shadrina Nataliya Anatolevna, Candidate of History, Department of General History, Institute of International Relations Kazan Federal University, Kazan; shadrina_nata@list.ru

Руденко К.А.

ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСПАНИЯ: ПУТИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ (историографический аспект)

В статье рассматриваются исследования, посвященные сравнению двух средневековых государств – Испании и Волжской Булгарии в X – начале XIII столетия. Анализируются взгляды Ф.Курты, Дж. Мако, касающиеся важных этапов становления средневековой Испании и Волжской Булгарии, в том числе о влиянии ислама и торговли на становление городов и городской культуры. Рассматривается вопрос о возможностях сравнения истории развития культуры этих государств по разным источникам.

Ключевые слова: Волжская Булгария, средневековая Испания, археология, В.К. Пискорский, Ф. Курта, Дж. Мако, средневековая торговля.

Исследования истории Испании, проводившиеся профессором Казанского университета В.К. Пискорским в начале XX в.¹ и во многом не утратившие своей актуальности и в настоящее время², оказались весьма интересны в начале XXI в., в контексте другого региона и историко-культурного контекста – Среднего Поволжья, где в X в. пришедшие сюда в VIII в. тюркоязычные булгары после крушения Хазарской империи создали собственное государство – Волжско-Камскую Булгарию. Сравнение средневековой Булгарии и Испании впервые обозначил как исследовательскую проблему в начале 2010-х гг. американский историк, археолог и медиевист, специалист по истории балканских славян Флорин Курта³. Хотя его взгляды воспринимаются российскими историками-славистами по-разному⁴, но в данном случае постановка вопроса представляется весьма любопытной.

Суть его гипотезы заключается в том, что Волжская Булгария в X–XI вв. являлась мощным торговым центром, благодаря чему

¹ Пискорский В.К. История Испании и Португалии: От падения Римской империи до начала XX века. Изд. 5-е. М., 2017.

² Мягков Г.П. Поборник академической свободы. К 150-летию со дня рождения В.К. Пискорского // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): сборник статей. В 2 т. Т. 1. Чебоксары, 2017. С. 185-186.

³ Curta F. Markets in tenth-century al-Andalus and Volga Bulghāria: contrasting views of trade in Muslim Europe // Al-Masaq. 2013. Vol. 25. No. 3. P. 305-330.

⁴ Шуvalов П.В. Изобретение проблемы (по поводу книги Флорина Курты) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 2 (4). Июль-Декабрь. С. 13-30.

здесь сформировалась городская культура, да и по сути произошло становление государственности. Автор сделал такой вывод основываясь на данных письменных источников, так (и в большей степени) на археологических данных. Впрочем, Ф. Курта отмечает, что «экономика Аль-Андалуса, возможно, сильно отличалась от экономики Волжской Булгарии, а также политическими и военными обстоятельствами, в которых развивалась торговля в двух странах в конце X и начале XI вв. Тем не менее, методы, используемые археологами, изучающими сопутствующий подъем Волжской торговли и города Булгара, могут стать источником вдохновения для будущих исследований в Андалусе»¹.

Гипотеза Ф. Курты по болгарской проблеме не одинока в современной зарубежной историографии. В некотором смысле, предтечей ее была большая статья английского исследователя Джеральда Мако посвященная вопросу принятия ислама волжскими булгарами, в которой автор приходит к выводу, что этот шаг был обусловлен в основном торговыми интересами болгарской верхушки, при этом он не имел противоречий с внутригосударственной политикой хазарского кагана, и в целом оказал позитивное, если не определяющее влияние на дальнейшую историю волжских болгар².

Исследователь достаточно основательно подошел к исследованию вопроса, затронув целый ряд важных тем – от появления и трактовки этнонима «булгары» и до источниковедческих сюжетов, привлекая для этого и публикации российских исследователей как советского времени, так и современных, в числе которых нумизматы (В.В. Кропоткин, А.Г. Мухамадиев), историки (Б.Д. Греков) и археологи (А.П. Смирнов, Е.П. Казаков, А.Х.Халиков, Е.А. Халикова, Р.Г. Фахрутдинов, К.А. Руденко). Коснулся автор и лингвистических проблем, обозначив тему языка волжских болгар в домонгольское время в контексте чувашской теории³.

В основе концепции Дж. Мако лежит тезис, что на выбор ислама как религии правящей элиты болгар хазарские правители особого внимания не обращали в силу своего достаточно толерантного отношения к вопросам веры⁴. Выбор ислама самими булгарами был обусловлен и тем, что Волжская Булгария, по его мнению,

¹ *Curta F.* Markets in tenth-century al-Andalus and Volga Bulghāria... P.330.

² *Mako G.* The islamization of the Volga Bulgars: a question reconsidered // *Archivum Eurasiae Medii Aevi* / ed. Th.T. Allsen, P.B. Golden, R.K. Kovalev and A.P. Martinez. Wiesbaden. 2011. № 18. P. 222-223.

³ *Ibid.* P. 201.

⁴ *Ibid.* P. 205.

и мнению ряда других исследователей (Т. Нунан¹), в начале X в. была крупнейшим торговым центром Восточной Европы в первую очередь в контактах с мусульманским Востоком, имея опосредованные связи с Китаем и Индией². Дж. Мако также отметил, что эти торговые сношения имели свою предисторию, имея в виду массовое оседание серебряной утвари и украшений в Прикамье в добулгарский период, что подтверждает, по его мнению, наличие устоявшихся торговых связей региона с центрами цивилизованного мира Востока.

Для подкрепления своей гипотезы Дж. Мако дает ссылки на публикации российскими учеными археологических данных, в основном опираясь на исследование погребального обряда волжских болгар Е.П. Казаковым и Е.А. Халиковой³. Отдельно автор привел свидетельства путешественников, побывавших в Булгарии в XII в., в частности выходца из Аль-Андалуса Ал Гарнати.

Несмотря на малочисленность зарубежных публикаций по истории и археологии волжских болгар, тем не менее приведенные выше статьи демонстрируют интерес к общим тенденциям развития мусульманских государств на европейском пространстве в эпоху средневековья. При этом, если американские и западноевропейские ученые демонстрируют своего рода европоцентризм, то казанские исследователи предпочитают видеть Волжскую Булгарию в контексте развития либо степных тюркских государств, либо в парадигме цивилизаций мусульманского Востока⁴. Впрочем, представление зарубежных исследователей о особенностях домонгольской Волжской Булгарии, ее генезисе достаточно размытое, о чем можно судить по другим публикациям⁵.

Подход Ф. Курты строится на гипотезе, что для Аль-Андалуса и Волжской Булгарии важнейшим фактором культурогенеза была торговля. В отношении последней он дает ссылки на археологические данные, интерпретация части которых в настоящее время оспариваются или были отвергнуты (например, т. н. «караван-

¹ Нунан Т.С. Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. СПб., 2004. С. 256-313.

² Mako G. The islamization... P. 209.

³ Ibid. P. 217-218.

⁴ Хузин Ф.Ш. Исследования по болгаро-татарской археологии. Казань, 2011. С. 7-14.

⁵ Mako G. The Volga Bulgar Emirate // The Encyclopedia of Empire. First Edition. Ed. John M. MacKenzie. Published 2016 by John Wiley & Sons, Ltd. P. 1-2. DOI: 10.1002/9781118455074.wbeoe009. Последняя содержит некоторые фактические ошибки, довольно странные, учитывая публикацию этого же автора, вышедшую в 2011 г. См.: Mako G. The islamization...

сарай» в Биляре). В целом, гипотезу Ф. Курты нельзя назвать абсолютно новой как в испановедении¹, так и в болгаристике, но она ценна тем, что открывает широкие возможности для интегративного изучения общих и особенных черт развития культуры ислама в периферийных районах арабского халифата.

Что касается роли торговли в истории волжских булгар, то одним из первых ее отметил русский историк В.Н. Татищев в XVIII в.², а концепцию болгарской «торговой экспансии» развивал в 1920-х гг. казанский историк проф. Н.И. Фирсов³. Впрочем, с конца 1940-х гг. возобладала идея о социально-экономических факторах социо и культурогенеза волжских булгар⁴. Значение торговли в истории волжских булгар подчеркивается и в современных исследованиях, например, в диссертационном исследовании И. Мечкова из Болгарии⁵. Солидный пакет научных работ европейских и российских ученых по волжской торговле в первой трети II тыс. н.э. касающихся Волжской Булгарии был опубликован в начале XXI в. в серии сборников научных статей, изданных в Казани⁶.

При этом, казанские историки и археологи ни разу болгаро-испанских параллелей в своих исследованиях не рассматривали⁷. Тем не менее, косвенные свидетельства таких сношений у нас имеются: сохранились записки путешественника ал Гарнати, выходца из Гренады в Андалусии, посетившего Булгар в 1135/1136 гг.⁸, да и интерес в мусульманской Испании к хазарским землям, где среди прочих народов, проживали булгары на Волге был и ранее, что де-

¹ Червонов С.Д. Испанский средневековый город. М., 2005. С. 28-29.

² Руденко К.А. Волжские булгары в зеркале истории (X – XIX в.). Курс лекций. Часть I. Казань, 2007. С. 169.

³ Фирсов Н.И. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. 2-е изд-е. Казань, 1921. С.29-32.

⁴ Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань, 2014. С. 478-479.

⁵ Он писал: «държавата на волжките българци е търговски и в известен смисъл геополитически наследник на каганата» (Мечков И.Д. Участие на българите във формиране на културни общности в Източна Европа V-X в. (Фактори и аспекти на културната динамика). Автореф. дис. ...доктора ист. наук. София, 2013. С. 18).

⁶ Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути». Казань, 2001; Великий Волжский путь: история формирования и развития. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь и Волжская Булгария». Часть II. Казань, 2002.

⁷ Хузин Ф.Ш. Исследования по болгаро-татарской археологии... С. 26-27.

⁸ Впрочем, связи со своей Родиной у него были непрочными: еще юношей он покинул Андалусию и туда уже не вернулся: *Ал-Гарнати Абу Хамид Путешествие в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.) // Татищев В.Н. История Российская (1055-1378 гг.)*. Рязань, 2015. С. 556-557. Однако сам факт того, что испанец по рождению совершил столь дальнее путешествие примечателен.

монстрирует сохранившаяся испано-хазарская переписка середины X в.¹ К более позднему времени – середине XII в., – относятся сведения о Булгаре в географическом сочинении испанского географа и путешественника Ал-Идриси «Отрада страстно желающего пересечь мир»². Хотя Ал-Идриси в отношении Булгара явно использовал сведения своих предшественников, в частности ибн Хуакала, жившего в X в.³, но тем не менее, как считает И.Г. Коновалова, исследователь труда испанского географа, автор дорожил достоверностью информации и тщательно проверял данные, в том числе и по этой теме. В целом, как отмечалось учеными, в XII–XIV вв. интерес андалусских географов к мусульманским странам был велик⁴, и Волжская Булгария в этом отношении, видимо, не осталась без внимания.

Базой для сравнения страны булгар и Аль-Андалуса в работе Ф. Курты, как и Джеральда Мако, стал еще один важный фактор – государственная религия этих государств – ислам, как и предложенный ими важный экономический стимул в процессе складывания государства – торговля и торговые связи⁵. Кстати сказать, на религиозный фактор в свое время обратил внимание и В.К. Пискорский, отметив, что «взятая в целом, история Ислама представляется мощной пропагандой свободы мысли и высокой культуры»⁶, что особенно проявилось в Аль-Андалусе⁷.

Однако подходы к оценке этого явления в Аль-Андалусе и в Волжской Булгарии разнятся: историки медиевисты как зарубежные, так и отечественные подчеркивают мультикультурный характер общества и веротерпимость в Аль-Андалусе, где иудеи и христиане играли важную роль в социально-экономическом и политическом развитии государства⁸. Казанские ученые чаще всего делают акцент на «всеобщую мусульманизацию булгар»

¹ Глоб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. Москва; Иерусалим, 1997.

² Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. М., 2006. С. 120.

³ Там же. С. 28.

⁴ Уотт У.М., Какпа П. Мусульманская Испания. М., 1976. С. 6-7.

⁵ Curta F. Markets in tenth-century al-Andalus and Volga Bulghāria... P. 307.

⁶ Пискорский В.К. История Испании и Португалии... С.34.

⁷ Там же. С.35-39.

⁸ Там же. С. 30. Ср.: История Испании. Т. 1: с древнейших времен до конца XVII века. М., 2012. С. 119-120; 151-159; Грюнебаум Г.Э. фон. Классический ислам. Очерк истории (600-1258). М., 1988. С. 114; Кудрявцев А.Е. Испания в средние века. М., 2015. С. 84.

и нередко в этом плане недооценивают поликонфессиональность и полиэтничность Булгарии¹.

Кроме исследовательских походов, есть и объективные причины сложности сопоставлений. Это источниковая база в целом. В отношении волжских булгар – это прежде всего корпус археологических данных; отсутствие аутентичных источников и отрывочность, а в ряде случаев субъективность дошедших до настоящего времени сведений путешественников, послов, летописцев и географов, упоминавших или описывавших страну булгар². Поэтому особое внимание в Татарстане за последние 50 лет уделялось и уделяется археологическим исследованиям средневековых булгарских памятников³. В первую очередь изучаются крупные булгарские городские центры⁴.

Иная ситуация в испанской медиевистике. Здесь обеспеченность сохранившимися письменными данными вполне достаточна, чтобы изучать этот период истории Испании. Археологические источники стали привлекаться испанскими учеными и заняли свое место в исследовательском поле по средневековой истории Испании только с начала 1980-х гг.⁵ Кроме того, традиционно, сохраняется значительный интерес к художественным предметам и монументальной архитектуре мусульманской Испании⁶, которая представлена многочисленными памятниками⁷.

Вместе с тем вышеозначенные проблемы не являются непреодолимым препятствием в проведении сравнительного анализа. Рассмотренные публикации демонстрируют возможности в этой области. Вместе с тем, внешний взгляд на столь отдаленные регионы таит в себе и определенного рода опасности, прежде всего

¹ Хузин Ф.Ш. Исследования по булгаро-татарской археологии... С. 43; 84-86. Делается попытка представить средневековые военные конфликты Древней Руси и Булгарии как идеологическое противостояние: Хузин Ф.Ш. Указ. соч. С. 90.

² Руденко К.А. 1) История археологического изучения... С. 410, 411; 2) Волжские булгары в зеркале истории... С. 32-76.

³ См.: Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии...

⁴ Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань, 2001.

⁵ Искьердо Бенито Р. Средневековая археология в Испании: основные направления исследований // Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 70 (3). М., 2009. С. 87-97. О привлечении данных археологии в испанской медиевистике пишет и Ф. Курта: *Curta F. Markets in tenth-century al-Andalus and Volga Bulghāria...* P. 305.

⁶ Rosser-Owen M. *Islamic Arts from Spain*. London, 2010; Ettinghausen R., Grabar O., Jenkins-Madina M. *Islamic Art and Architecture 650–1250: Pelican History of Art*. 2-ed. New Haven; London, 2003. P. 83-101, 269-288.

⁷ От Волжской Булгарии домонгольской периода не сохранилось ни одной монументальной постройки. Некоторые из них мы знаем по раскопкам Билярского городища.

в критической оценке опубликованных данных по данной теме, поскольку накопление новых данных, корректировка в связи с этим, уже известных положений, появление новых методологических парадигм принципиально меняет оценку даже уже устоявшихся гипотез.

Библиография

- Ал-Гарнати Абу Хамид*. Путешествие в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.) // *Татищев В.Н.* История Российская (1055-1378 гг.). Рязань: Изд-во «Александрия», 2015. С. 551-664.
- Искьердо Бенито Р.* Средневековая археология в Испании: основные направления исследований // *Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени*. Вып. 70 (3) / отв. ред. П.Ю. Уваров. М.: Наука, 2009. С. 87-97.
- Глоб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века / пер. с англ. В.Л. Вихновича. Москва; Иерусалим: Гешарим, 1997. 240 с.
- Грюнебаум Г.Э. фон*. Классический ислам. Очерк истории (600-1258) / пер. англ. И.М. Дижуря. М.: Гл. ред. вост. лит-ры изд-во Наука, 1988. 216 с.
- Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути». Казань: Изд-во «Мастер-Лайн», 2001. 354 с.
- Великий Волжский путь: история формирования и развития. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь и Волжская Булгария». Часть II / отв. ред. М.А. Усманов. Казань: ИИ АН РТ, 2002. 396 с.
- История Испании. Т. 1: с древнейших времен до конца XVII века / отв. ред. тома *В.А. Ведюшкин, Г.А. Попова*. М.: «Индрик», 2012. 696 с.
- Коновалова И.Г.* Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. М.: Вост. лит-ра, 2006. 328 с.
- Кудрявцев А.Е.* Испания в средние века. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. – 288 с.
- Мечков И.Д.* Участие на болгарите във формиране на културни общности в Източна Европа V-X в. (Фактори и аспекти на културната динамика). Автореф. дисс. доктора ист. наук. София, 2013. 24 с.
- Мягков Г.П.* Поборник академической свободы. К 150-летию со дня рождения В.К. Пискорского // *Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): сборник статей*. В 2 т. Т. 1 / редкол.: О.Н. Широков, Т.Н. Иванова, Н.Н. Агеева, М.Н. Краснова. Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2017. С. 185-192.
- Нунан Т.С.* Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. // *Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы* / ред. А.Н. Кирпичников, В.Н. Седых. СПб: Изд-во СПбГУ. 2004. С. 256-313.
- Пискорский В.К.* История Испании и Португалии: От падения Римской империи до начала XX века. Изд. 5-е. М.: ЛЕНАНД, 2017. 288 с.
- Руденко К.А.* Волжские булгары в зеркале истории (X – XIX в.). Курс лекций. Часть I. Казань: Школа, 2007. 420 с.
- Руденко К.А.* История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования», 2014. 768 с.

- Уотт У.М., Какия П.* Мусульманская Испания / пер. с англ. С.И. Дунавецкого. М.: Гл. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1976. 199 с.
- Фирсов Н.И.* Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. 2-е изд-е. Казань: Гос. изд-во, Казанское отделение, 1921. 136 с.
- Хузин Ф.Ш.* Булгарский город в X – начале XIII вв. Казань: «Мастер-Лайн», 2001. 480 с.
- Хузин Ф.Ш.* Исследования по болгаро-татарской археологии. Казань: ООО «Фолиант», ИИ АН РТ, 2011. 468 с.
- Червонов С.Д.* Испанский средневековый город. М.: Изд-во Гриф и К°, 2005. 415 с.
- Шувалов П.В.* Изобретение проблемы (по поводу книги Флорина Курты) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2008. № 2 (4). Июль-Декабрь. С. 13-30.
- Ettinghausen R., Grabar O., Jenkins-Madina M.* Islamic Art and Architecture 650–1250: Pelican History of Art. 2-ed. New Haven and London: Yale University Press, 2003. 352 p.
- Curta F.* Markets in tenth-century al-Andalus and Volga Bulghāria: contrasting views of trade in Muslim Europe // *Al-Masaq*. 2013. Vol. 25. No. 3. P. 305- 330.
- Mako G.* The Islamization of the Volga Bulgars: a question reconsidered // *Archivum Eurasiae Medii Aevi* / ed. Th.T. Allsen, P.B. Golden, R.K. Kovalev, and A.P. Martinez. Harrassowitz Verlag; Wiesbaden. 2011. № 18. P. 199-223.
- Mako G.* The Volga Bulgar Emirate // *The Encyclopedia of Empire*. First Edition. Ed. John M. MacKenzie. Published 2016 by John Wiley & Sons, Ltd. P. 1-2. DOI: 10.1002/9781118455074.wbeoe009
- Rosser-Owen M.* Islamic Arts from Spain. London: V&A Publishing, 2010. 160 p.

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры, г. Казань; murziha@mail.ru

VOLGA BULGARIA AND THE MEDIEVAL SPAIN: WAYS OF CULTURE DEVELOPMENT (historiographical aspect)

The article examines the studies devoted to the comparison of two medieval states – Spain and Volga Bulgaria in the 10th – early 13th centuries. The views of F. Curta, G. Mako, concerning the important stages of the formation of medieval Spain and the Volga Bulgaria are analyzed. Including the influence of Islam and trade on the formation of cities and urban culture. The question of the possibilities of comparing the history of the development of the culture of these states by different sources is considered.

Key words: Volga Bulgaria, medieval Spain, archeology, V. K. Piskorsky, F. Curta, G. Mako, medieval trade

Rudenko Konstantin Aleksandrovich, Doctor of History, Professor, Kazan State University of Culture, Kazan; murziha@mail.ru

Кузнецов А.А.

**АНГЛО-ИСПАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В 1654–1659 ГОДАХ В ИССЛЕДОВАНИЯХ
С.И. АРХАНГЕЛЬСКОГО**

В статье рассматривается опыт изучения историком С.И. Архангельским внешнеполитической роли Испании в 1654–1659. Этот период характеризовался активной внешней политикой Оливера Кромвеля.

Ключевые слова. С.И. Архангельский, изучение истории Испании, внешняя политика Англии, Оливер Кромвель, международные отношения, протекторат.

Сергей Иванович Архангельский (1882–1958) – патриарх нижегородской (горьковской) исторической науки, основоположник и организатор высшего исторического образования в Горьком (Нижнем Новгороде), член-корреспондент АН СССР – присутствует в современной историографии, в основном, благодаря исследованиям аграрного аспекта Английской буржуазной революции. Также актуально его наследие в областях методологии краеведения и собственно нижегородского краеведения. Эти две стороны научного творчества С.И. Архангельского оказались «зафиксированными» в истории исторической науки, благодаря его монографиям. Возможно, из-за отсутствия подобного обобщающего труда историографы не замечали ещё одно направление научного поиска С.И. Архангельского – история внешней политики Англии и международные отношения эпохи протектората Оливера Кромвеля. Вскоре после защиты докторской диссертации об аграрном законодательстве Английской Революции, Архангельский решил, что будет ещё изучать и внешнюю политику Оливера Кромвеля. В одной из версий Автобиографии Архангельский писал: «С 1940 г. начал изучать Английскую революцию по двум линиям – крестьянские движения в Англии и внешняя политика Англии в годы революции»¹. В 1940 г. харьковский коллега, историк-«всеобщник», В.М. Пакуль писал С.И. Архангельскому: «От души желаю достигнуть подобных же результатов и по той новой теме, которую Вы себе наметили (внешняя политика Англии в 40–50 гг. XVII в.)»².

¹ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 377. Оп. 8а. Д. 6. Л. 2.

² ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 249. Л. 30.

Затем была война, во время которой и после С.И. Архангельский публиковал статьи и большие работы по внешней политике Англии в контексте международных отношений. Учёный подготовил большую работу по истории внешней политики Англии времён Оливера Кромвеля. В военном 1944 году, когда уже обозначились чёткие контуры победы над нацистской Германией, британский историк Кристофер Хилл, служивший в армии, поведал Архангельскому: «*Я нетерпеливо жду Вашу книгу о внешней политике Англии во время революции*»¹. К сожалению, опубликовать целиком «Внешнюю политику Англии в эпоху Протектората 1654–1659» Архангельский не успел. Лишь несколько лет назад она была напечатана².

В этом объёмном тексте представлен срез международных отношений Европы, включая Россию и Средиземноморье, затрагивающий и Американский континент. Источниками для проведения столь серьёзного исследования стали Календари – сборники документов, которые британские учёные, начиная с XVIII в. искали в архивохранилищах своей страны и за рубежом. Из последних в штудиях С.И. Архангельского заметно выделяются донесения венецианских дипломатов. Удалось обнаружить ещё одну неизданную статью С.И. Архангельского, посвящённую донесениям венецианского посла (была опубликована в 2012 г.)³. Такой подход к источникам вскрывает методологию исследования Архангельским истории внешней политики и международных отношений. Венецианские источники, изданные в Великобритании, при должной обработке дают полноценную информацию по внешней политике Англии и её связям и противоречиями с другими державами.

В работе Архангельского системный подход к внешней политике Кромвеля позволяет увидеть международные отношения Европы последнего пятилетия 1650-х гг. под углом зрения любого их участника. На этом поприще Архангельский выступил старшим коллегой Б.Ф. Поршнева, в своих работах выразившего скепсис относительно полноценного изучения истории одной страны⁴. Архангельский несколько ранее доказал, что историю международ-

¹ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 315. Л. 23.

² *Архангельский С.И.* Внешняя политика Англии в эпоху протектората 1654–1659 // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 3–4. Нижний Новгород, 2013. С. 91–117.

³ *Архангельский С.И.* Донесения венецианских послов из Лондона за 1640–1660 годы, как источник по истории Английской революции // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 353–362.

⁴ См., например: *Поршнев Б.Ф.* Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970.

ных отношений Европы в 1654–1659 гг. можно показать как историю внешней политики одной страны. Международные отношения, интересы отдельных их субъектов представлены через призму их переплетения в разных регионах Старого света и даже в Карибском море. К сожалению, сводный труд С.И. Архангельского не увидел в своё время свет и остался непрочитанным Б.Ф. Поршневым.

Комплексный анализ С.И. Архангельским внешней политики Оливера Кромвеля позволил ему внести лепту и в изучении внешней политики Испании и её роли в международных отношениях той поры. Несмотря на многомерность и равнозначность интересов Кромвеля за пределами Альбиона, Архангельский в большой работе так организовал материал, что рассмотренные им противоречия Англии и Испании стали определённым каркасом всей исследовательской модели. Она же позволила историку охарактеризовать отношения Британии с Францией, с Габсбургами, Нидерландами, Речью Посполитой, Швецией, Россией, украинским казачеством и др. При этом разбор отношений с ними в работе представлен как самостоятельная исследовательская процедура, однако к ту или иную тему С.И. Архангельский всё же изучал как следствие, отложенных и даже переотложенных, англо-испанских отношений.

Архангельский представляет причины роста враждебных отношений Оливера Кромвеля к Испании в двух аспектах. Первый аспект – это внутренние противоречия в Англии и их связь со стремлением лорда-протектора поставить Англию во главе протестантского мира. Цитируя Кромвеля, Архангельский соглашается с ним, что английские паписты в 1650-е гг. находились под влиянием Испании¹. Этот фактор оказался значимым, когда *«сплочение протестантов вокруг Англии..., стремление Кромвеля стать главой протестантского мира и его покровителем находило соответствующий резонанс и среди католических руководящих кругов, которые ответили на это тоже сплочением своих рядов»*².

Признать то, что за этим конфликтом лежало исключительно столкновение идеологий революционного протестантизма и католической Испании, всё же мешает факт, прописанный Архангельским, что Испания первая признала революционную Англию, а католическая Франция долго не признавала революционный режим по ту сторону Ла-Манша. Затем по отношению к обоим католическим странам дипломатия Англии переживает обратную эволюцию, и уже в союзе с Францией выступает против Испании. Это – второй, внешнеполитический аспект усиления взаимной враж-

¹ Архангельский С.И. Внешняя политика Англии в эпоху протектората... С. 91.

² Там же. С. 92.

дебности Испании и Англии. Отметим Архангельский и активность французской дипломатии, подстегнутую наметившимся было англо-испанским сближением.

Так сложился англо-французский союз, направленный против Испании. Большую роль в этом сыграло нежелание Испании и стремление Англии создать режим свободной торговли и мореплавания в Вест-Индии¹. В результате одна британская эскадра направилась воевать в Вест-Индию², а другая стала вести боевые действия в западном Средиземноморье. Ещё один англо-испанский фронт пролегал во Фландрии, где англичане действовали совместно с французами.

Наличие общего геополитического врага в лице Испании и обусловило сближение революционной Англии и католической Франции. Оно привело к такому союзу, что у его участников оказались не только общие друзья, но и враги. В частности, Англия стала поддерживать Швецию, воевавшей с недругом Франции – Польшей. А это отразилось на том, что дипломатические агенты Кромвеля сделали всё возможное, чтобы прекратить войну между Россией и Швецией, купировать антишведские действия Дании³.

Проводя обзор международных отношений в Европе в 1654–1659 гг., Архангельский подчёркивал, что, когда в Европе имелось три, по сути, континентальных конфликта с участием 16-ти государств: война Венеции и Турции, «на западе воевала англо-французская коалиция с Испанией, на северо-востоке началась польско-шведская война», «Испания не могла не интересоваться событиями на северо-востоке Европы» и пыталась разыграть карту контрреволюционных и роялистских сил в Европе⁴. Тем не менее победа осталась за Англией.

Мир между Англией и Испанией был заключен лишь после смерти Оливера Кромвеля. При этом Англия получила в Европе Дюнкерк, в Вест-Индии – Ямайку, а Португалия предоставила Англии свободу торговли в своих колониальных владениях. Поэтому логичен вывод С.И. Архангельского: «внешняя политика Оливера Кромвеля действительно заложила основы будущей Британской империи»⁵. Исследователь не стал акцентировать внимание на том, что это, в принципе, означало начало упадка испанского мирового могущества, но он же указал причины поражения крупного госу-

¹ Там же. С. 94–95.

² Там же. С. 100.

³ Там же. С. 101–103, 105–108

⁴ Там же. С. 113–114, 115.

⁵ Там же. С. 116.

дарства на Пиренеях. Они были порождены революцией в проведении внешней политики Оливером Кромвелем. Эта деятельность «отличалась большей целеустремлённостью, продуманными действиями и настойчивостью» и была соединена с идеологией покровительства европейскому протестантизму¹. Объединенное международное реакционное движение, лидером которого Архангельский представил Испанию, de facto не смогло адекватно ответить на этот вызов.

Опыт изучения С.И. Архангельским внешней политики Англии и международных отношений в 1654–1659 гг. показателен в смысле компенсации ряда исследовательских пробелов. С.И. Архангельский владел, кроме классических, английским, французским и немецким языками². Соответственно, он имел доступ к источникам, написанными на этих языках. Испаноязычные документы были для него закрыты. Однако системный анализ, применённый Архангельским, позволил восполнить эту лауну и представить важную страницу начала упадка мирового значения Испании. К сожалению, этот опыт горьковского (нижегородского) историка не оказал должного влияния на историографию международных отношений XVII в., постижение прошлого Испании и её внешнеполитических роли и значения. Остаются только рефлексии по поводу историографических альтернатив и упущённых историографических возможностей.

Библиография

Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 377. Оп. 8а. Д. 6.

Центральный архив Нижегородской области. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 249, 315.

Центральный архив Нижегородской области. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 9.

Архангельский С.И. Внешняя политика Англии в эпоху протектората 1654–1659 // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 3–4. Нижний Новгород, 2013. С. 91–117.

Архангельский С.И. Донесения венецианских послов из Лондона за 1640–1660 годы, как источник по истории Английской революции // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 353–362.

Поршнев Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М.: Наука, 1970. 387 с.

Кузнецов Андрей Александрович, доктор исторических наук, профессор, Институт экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород; nalbuz@mail.ru

¹ Там же. С. 116.

² ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 9. Л. 95.

THE ENGLISH-SPANISH RELATIONS IN 1654–1659 IN RESEARCHES OF S.I. ARKHANGELSKY

In the article experience of studying by the historian S.I. Arkhangelsky of a foreign policy role of Spain in 1654–1659 is considered. This period was characterized by active foreign policy of Oliver Cromwell.

Key words: S.I. Arkhangelsky, studying of history of Spain, foreign policy of England, Oliver Cromwell, international relations, protectorate.

Kuznetsov Andrey Aleksandrovich, Doctor of History, Associate professor, Department of Culture and Psychology of Entrepreneurship of the Institute of Economics and entrepreneurship of the Lobatchevsky State University of Nizhni Novgorod; nal-buz@mail.ru

Бикеева Н.Ю.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АГИОГРАФИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.: ИССЛЕДОВАНИЯ ИППОЛИТА ДЕЛЕЭ

Статья посвящена рассмотрению основных тенденций в изучении агиографических текстов на рубеже XIX–XX вв. Особое внимание уделено концепции И. Делеэ – выдающегося историка, специалиста по средневековой агиографии. Его исследования привели к фундаментальному обновлению методов изучения агиографии.

Ключевые слова: агиография, жития святых, И. Делеэ, болландисты, позитивизм, средние века.

В качестве объекта изучения агиография имеет длительную и противоречивую историю, в которой имели место и периоды пренебрежения ею интеллектуалами эпохи Просвещения, и позитивистская критика, и современные подходы, рассматривающие агиографию как важный элемент в истории средних веков. Сегодня специалисты не отвергают значимость агиографических текстов для изучения позднеантичных и средневековых обществ. Почитание святых играло большую роль в средневековой христианской цивилизации, как в западной, так и в восточной ее частях. Не удивительно, что агиография являлась одним из ведущих жанров средневековой литературы.

Жития святых были предназначены для широкой аудитории, в том числе для необразованных людей, не владеющих латынью. Сборники рассказов о жизни, деяниях и чудесах святых и мучеников пользовались в Средние века большой популярностью, поскольку часто сочетали в себе назидательный элемент с увлекательным стилем изложения. Этим объясняется большое количество агиографических текстов, созданных в период от Поздней Античности до конца Средневековья. В них имеется ценная информация не только о религиозных практиках, убеждениях и ценностях, но также о событиях повседневной жизни, общественных институтах и людях, о чем многие другие документы той эпохи умалчивают.

Современные специалисты используют термин «агиография» достаточно широко и многозначно. Им обозначают как различного рода сочинения о святых, так и изучение этих источников. В последнем случае некоторые ученые предпочитают

говорить об «агиологии», чтобы избежать путаницы в использовании термина¹.

Современная критическая агиография родилась во Фландрии в начале XVII в. Еще в 1607 г. иезуит Хериберт фон Росвейд (*Heribert Rosweyde*, 1559-1629) из Утрехта представил первое упорядоченное собрание «житий святых» для годового церковного календаря. Конечно, жития раннехристианских святых и мучеников собирались и публиковались и ранее в XV-XVI вв. Но именно Х. Росвейд опубликовал то, что может быть названо проспектом для нового и более научного собрания агиографических источников (житий святых, страстей мучеников и т.п.), которое, как он полагал, будет содержать 18 томов².

Х. Росвейд поставил четыре основных задачи: 1) восстанавливать подлинный текст настоящих агиографических документов, которые были искажены более поздними писателями, желающими улучшить их стилистику; 2) восстановить полные тексты документов, части которых были утеряны (например, прологи, описания чудес и т.д.); 3) искать и публиковать ранее неизвестные и неотредактированные жития святых; 4) добавлять комментарии для разъяснения трудностей в текстах и устранения несоответствий и противоречий³.

Х. Росвейд работал с доступными ему житиями отцов-пустытников. Однако он умер в 1629 г. до того, как сумел завершить хотя бы один из запланированных им 18 томов⁴.

Первые два тома агиографических источников опубликовал в 1643 г. другой учёный-иезуит – Иоганн Болланд (1596-1665)⁵. Это послужило началом издания многотомной серии изданий агиографических источников – «*Acta sanctorum*», которое продолжается до настоящего времени⁶. И. Болланд также наметил своего рода программу, которую в течение двухсот лет осуществляло значительное число его братьев по ордену. По имени И. Болланда издатели этой серии называются болландистами. В основу издания «*Acta sanctorum*» был положен строгий историко-критический ме-

¹ *Philippart G.* *Hagiographes et hagiographie, hagiologes et hagiologie: des mots et des concepts.* *Hagiographica*, 1. P. 14.

² *Barnes T.D.* *Early Christian Hagiography and Roman History.* Mohr Siebeck, 2010. P. 285-286.

³ *Ibid.* P. 286.

⁴ *Delahaye H.* *The Work of the Bollandists.* Princeton University Press, 1922. P. 8-21. URL: <https://archive.org/stream/theworkoftheholloodeleuoft#page/n31/mode/2up>.

⁵ См. официальный сайт общества болландистов: <http://www.bollandistes.org/index.php>.

⁶ *Афиногенов Д.Е.* *Acta Sanctorum // Православная энциклопедия.* М., 2000. Т. I. С. 420.

год. Тексты публиковались по всем доступным рукописям, снабжались основательными введениями и комментариями. При этом болландисты в целом оценивали жанр агиографии достаточно скептически с точки зрения его историчности.

Интересно, что отношение к болландистам со стороны деятелей церкви с самого начала не было бесконфликтным. Например, в 1695 г. испанская инквизиция прокляла как еретиков авторов первых четырнадцати томов «Acta sanctorum» и этот приговор не отменялся в течение 20 лет¹.

В конце XIX – первой четверти XX вв., историки под влиянием позитивизма² критически подходили к житийному жанру и отделяли «факт» и «вымысел» в агиографических сочинениях. Подобный подход применял в своих исследованиях выдающийся болландист Ипполит Делеэ (*Hippolyte Delehaye*, 1859–1941), являющийся одним из самых влиятельных представителей критической агиографии до настоящего времени.

И. Делеэ – бельгийский учёный, историк церкви, монах-иезуит, член общества болландистов, а впоследствии его председатель. Он происходил из известной и уважаемой католической семьи, для которой научные занятия и теология были традиционными. 23 сентября 1876 г. он принял монашество в ордене иезуитов; 20 февраля 1891 г. был возведён в ранг старшего брата в иерархии ордена. После 1876 г. начал обучение естественным наукам в коллегии Сент-Барб в Генге, однако постепенно обратился к истории и агиографии. Интересно, что его первой работой стала небольшая статья о растениях в Библии³. С 1886 г. он сотрудничал с издательством «Analecta Bollandiana»⁴. В 1891 г. стал членом общества бол-

¹ Barnes T.D. Idem. P. 290.

² Для историков-позитивистов характерно пристальное внимание к вопросам природы исторического источника, классификации источников, способов их исследования. Позитивизм стимулировал поиски новых источников, их публикацию, разработку методики их анализа, способствовал развитию вспомогательных исторических дисциплин.

³ Heffernant J. Hippolyte Delehaye // *Medieval Scholarship: Biographical Studies on the Formation of a Discipline: Literature and Philology*. Routledge, 2014. P. 217-218.

⁴ «Analecta Bollandiana» – ежегодное периодическое издание общества иезуитов-болландистов в Брюсселе (Бельгия). Оно было основано в 1882 г. с целью публикации агиографических источников, которые должны были дополнять серию «Acta Sanctorum». Первоначально в там печатались только тексты житий и месяце-словов. После того как в нач. 90-х гг. XIX в. в состав редакции вошел И. Делеэ (с 11-го тома), издание стало отвечать требованиям, предъявляемым к научным журналам мирового уровня. Теперь каждый выпуск включал также аннотированную библиографию агиографических публикаций, вышедших за год по всему миру (см. официальный сайт общества болландистов: <http://www.bollandistes.org/index.php>).

ландистов в Брюсселе. С 1912 г. и до смерти Ипполит Делеэ возглавлял общество болландистов¹.

Его считают основателем школы критической агиографии и исследований текстов, касающихся христианских святых и мучеников. На труды И. Делеэ опирается большинство современных исследований в этой области². Метод И. Делеэ основан на применении археологической и документальной критики текстов, которые использовались библеистикой³ XIX в. С библейских исследований, применения исторического метода, и отказа от богословия св. Фомы как не соответствующего современному принципу веры начался модернизм в католицизме. Для представителей этого направления представлялось острой необходимостью изъять священную историю и Писание из области теологии, показать ее принадлежность человеческой истории, опираясь на естественно-научные доказательства. Церковная традиция подлежала пересмотру в свете исторической достоверности. Отличительной чертой данного движения являлось активное участие в нём церковных иерархов, в особенности во Франции и Италии⁴. В исследованиях И. Делеэ отразилось модернистское течение в Римско-католической церкви, из-за чего его книги подвергались критике со стороны Ватикана.

Исследования И. Делеэ были посвящены восточнохристианским святым и традиции их почитания. Особое внимание он уделял мартирологам и традиции почитания мучеников как наиболее ранней формы культа святых в христианстве. Следует особо выделить такие его труды, как «Агиографические легенды» (1905)⁵, «Происхождение культа мучеников» (1912)⁶, «Страсти мучеников и жанры литературы» (1921)⁷, «Шесть лекций об агиографическом методе» (1934)⁸. Эти работы И. Делеэ составляют основу современной критической агиологии.

¹ *Heffernan* 1995. P. 217-218.

² *Joassart B.* Hippolyte Delehaye. Hagiographie critique et modernisme (2 vol.). Bruxelles: Société des Bollandistes, 2000. 897 p.

³ *Польсков К.* Библеистика // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. V. С. 25-58.

⁴ *Воронцова И.В.* Модернизм (1890–1914) в Римско-Католической Церкви и путь в нем Альфреда Луази // Исторические исследования. № 8. М., 2017. С. 315-331.

⁵ *Delehaye H.* Les Légendes hagiographiques. Brüssels, 1905. URL: <https://archive.org/stream/leslegendeshagiooodelegoog#page/n7/mode/2up>

⁶ *Delehaye H.* Les Origines du culte des martyrs. Brüssels, 1912. URL: <https://archive.org/stream/lesoriginesduculooodeleuoft#page/n5/mode/2up>

⁷ *Delehaye H.* Les passions des martyrs et les genres littéraires. Bruxelles, 1921. URL: <https://archive.org/stream/lespassionsdesmaoodele#page/364/mode/2up>

⁸ *Delehaye H.* Cinq leçons sur la méthode hagiographique. Brüssels, 1934. 147 p.

Исследование И. Делеэ «Легенды святых» впервые было опубликовано в 1905 г. в разгар кризиса модернистского течения в римско-католической церкви¹ и не избежало осуждения с ее стороны. Вообще рубеж XIX-XX вв. был очень беспокойным, но одновременно плодотворным периодом в исторической науке, и в частности, в агиографии. С одной стороны, мы видим прогресс в развитии исторического метода, а с другой, можно обнаружить сопротивление, недоверие и даже страхи со стороны церковных властей. В этом отношении работа И. Делеэ выявила атмосферу подозрения в отношении интеллектуалов, царившую в то время в католическом мире. Чтобы понять вклад И. Делеэ, необходимо помнить, в какой политической и социокультурной обстановке он создавал свои труды и размышлял о методах исследования. Опираясь на методы критики исторических текстов в сочетании с широкой эрудицией, общаясь и взаимодействуя со своими коллегами-иезуитами, болландистами и другими учеными того времени, И. Делеэ оказал большое влияние на развитие агиографии. Через изучение его трудов можно увидеть не только важный этап истории общества Болландистов, но и получить представление о мире ученых, интеллектуалов того времени, которых волновали вопросы исторического метода и достоверности исторических источников.

В своей работе «Легенды святых» (1905)² И. Делеэ предложил разделять жития святых на «эпические» и «исторические», тем самым противопоставив «агиографию» и «историографию». «Эпическое» житие (т.е. агиография) не стремится изложить историю так, как это сделал бы хронист, поэтому и подход историка к такому источнику должен отличаться от его подхода к анналам и хроникам (т.е. к историографии)³. Хотя сам И. Делеэ не рассматривал «эпические» жизнеописания в качестве надежного исторического источника, его исследования оказали очень сильное влияние на возрастание интереса ученых к дальнейшему изучению агиографии как жанра.

И. Делеэ сосредоточился на изучении отдельных жанров агиографии. В другом своем исследовании 1921 г., посвященном страстям мучеников и литературным жанрам агиографии⁴, бельгийский ученый указал основное различие между «историческими страстями» с одной стороны и панегириками, «эпическими стра-

¹ См. прим. 5 стр. 272.

² *Delehaye H. Les Légendes hagiographique...*

³ *Лурье В.М. Введение в критическую агиографию.* СПб., 2009. С. 23-30.

⁴ *Delehaye H. Les passions des martyrs et les genres littéraires.* Bruxelles, 1921. URL: <https://archive.org/stream/lespassionsdesmaoodele#page/364/mode/2up>

стями» и агиографическими новеллами с другой. Первые четыре из шести частей данного исследования имели следующие названия: «Страсти мучеников¹ исторические»², «Панегирики»³, «Страсти мучеников эпические»⁴ и «Вторичные и смешанные жанры»⁵.

В развитии агиографической литературы Делеэ выделял три фазы: (1) сначала о мучениках составлялись рассказы современников, т.е. *Passions historiques*; (2) потом, на волне расцвета христианского ораторского искусства в IV в. о святых стали слагать панегирики. Хотя в них имелось немало литературных искажений, они в целом стремились следовать известным автору фактам, хотя не осмысливали их критически; (3) наконец, почти одновременно с панегириками и не без их влияния, складывается следующий жанр агиографической литературы – *Passions épiques*.

О последнем жанре И. Делеэ пишет, что, «когда великая эпоха основателей агиографии – тех, кто искренне рассказывал то, что видели их очи, – окончательно завершилась, но еще до того, как раздалась последние отзвуки золотого века христианского красноречия, внутри приходящей в упадок цивилизации и будучи в числе самых явных признаков интеллектуального упадка, начала вырабатываться некая анонимная литература, которая также была посвящена прославлению мучеников и из-за которой будут забыты бесспорные шедевры и наиболее аутентичные документы эпохи гонений»⁶. По мнению бельгийского ученого, в отличие от панегирика, литературные средства при написании «эпических страстей» используются не для создания идеализированного портрета реальной личности, а для получения литературного портрета. Следствием этого стала типизация и клишированность, характерная для жанра «эпических страстей». Т.о. в данной работе И. Делеэ представил классификацию агиографии мучеников – исторические акты, полуисторические, легендарные. По мнению И. Делеэ особо ценными с точки зрения историчности являются «исторические *passio*», которые он считал надежными источниками.

Конечно, исследователи сегодня по-иному рассматривают историческое содержание агиографических памятников, не так, как это представлял И. Делеэ. Если ранее нарративные источники использовались в качестве доказательств и свидетельств того, что произошло в то время, когда они были созданы, то сегодня больше

¹ Passio (лат.)

² Delehaye H. Les passions des martyrs et les genres littéraires... P. 11-182.

³ Ibid. P. 183-235.

⁴ Ibid. P. 236-315.

⁵ Ibid. P. 316-364.

⁶ Цит. по: Лурье В.М. Указ. соч. С. 45.

внимания уделяется вопросам происхождения и функциям самих текстов в политических и социальных процессах того времени, когда они были созданы. Вследствие этого, агиографические тексты используются все более и более как источник по изучению времени и среды автора, а не главного героя текста¹.

Однако именно И. Делеэ принадлежит одно из наиболее распространенных сегодня определений термина «агиография». По его мнению, агиографический текст должен «быть религиозным по сути и быть предназначен для назидания. Этот термин должен вследствие этого быть использован для любой письменной работы вдохновленной и имеющей целью содействовать почитанию святых»². Текст рассматривается им как агиографический не вследствие своей формы и функции, но исходя из его содержания. Но это определение агиографии, предложенное И. Делеэ, не позволяет ясно различить агиографию как определенный жанры.

Некоторые современные исследователи полагают, что термин «агиография» – не средневековый по происхождению и, вследствие этого, подходят к решению проблемы различения «агиографического» и «историографического» жанров весьма радикально³. Например, американский историк Ф. Лифшиц считает, что различия между агиографией и историографией как жанрами берут свое начало только в XII в., а своего пика достигают лишь в XIX в.⁴ В своей статье «За пределами позитивизма и жанра: “агиографические” тексты как исторический нарратив» автор утверждает, что только в XIX в. была изобретена особая категория (или жанр) – «агиография» – для решения задач своего времени⁵.

Необходимо отметить, что Ф. Лифшиц рассматривает только такие агиографические источники, как жития, в то время как определение, данное И. Делеэ, охватывает также и другие типы агиографических текстов, например, мартирологи, страсти мучеников, истории о чудесах святых. Полностью отказаться от прежнего термина «агиография», как предлагает Ф. Лифшиц, не представляется возможным. Принятие определения термина «агиография», данное более 100 лет назад И. Делеэ, которое в большей степени основано на содержании текстов, чем на их цели, предпочтительнее полного отказа от этого термина. Подобный подход можно увидеть

¹ *Репина Л.П.* Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2008. Вып. 25-1. С. 6.

² *Delehaye H.* Les Légendes hagiographiques... P. 2.

³ *Lifshitz F.* Beyond Positivism and Genre: “Hagiographical” Texts as Historical Narrative // *Viator*. V. 25. Brepols Publishers, 1994. P. 95-113.

⁴ *Ibid.* P. 95.

⁵ *Ibid.* P. 108.

у современных специалистов по данной проблематике, например у М.Ю. Парамоновой, автора статьи «Агиография», написанной для «Словаря средневековой культуры»: «К агиографии могут быть отнесены тексты, существенно различающиеся по своим жанровым и функциональным параметрам: как предназначенные для литургических целей – мартирологи, особые службы и т.п., так и повествовательные тексты – страсти мучеников, жития святых, сказания об обретении и переносе (*translatio*) реликвий, истории о чудесах святых. В единую классификацию они объединены в силу того, что их содержание сфокусировано на образе святого и интерпретации феномена святости»¹.

Библиография

- Официальный сайт общества болландистов. URL: <http://www.bollandistes.org/index.php>.
- Barnes T.D. Early Christian Hagiography and Roman History. Mohr Siebeck, 2010. P. 285-286.
- Delahaye H. The Work of the Bollandists. Princeton University Press, 1922. P. 8-21. URL: <https://archive.org/stream/theworkoftheholloodeleuoft#page/n31/mode/2up>
- Delehaye H. Cinq leçons sur la méthode hagiographique. Brüssels: Société des Bollandistes, 1934. 147 p.
- Delehaye H. Les Légendes hagiographiques. Brüssels: Société des Bollandistes, 1905. URL: <https://archive.org/stream/leslegendeshagioodeleuoft#page/n7/mode/2up>
- Delehaye H. Les Origines du culte des martyrs. Brüssels: Société des Bollandistes, 1912. URL: <https://archive.org/stream/lesoriginesduculodeleuoft#page/n5/mode/2up>
- Delehaye H. Les passions des martyrs et les genres littéraires. Bruxelles: Société des Bollandistes, 1921. 447 p. URL: <https://archive.org/stream/lespassionsdesmaodele#page/364/mode/2up>
- Heffernan J. Hippolyte Delehaye // Medieval Scholarship: Biographical Studies on the Formation of a Discipline: Literature and Philology. Routledge, 2014. P. 217-218.
- Joassart B. Hippolyte Delehaye. Hagiographie critique et modernisme (2 vol.). Bruxelles: Société des Bollandistes, 2000. 897 p.
- Lifshitz F. Beyond Positivism and Genre: “Hagiographical” Texts as Historical Narrative // Viator. V. 25. Brepols Publishers, 1994. P. 95-113.
- Philippart G. Hagiographes et hagiographie, hagiologes et hagiologie: des mots et des concepts. Hagiographica, 1. P. 1–16.
- Афиногенов Д.Е. Acta Sanctorum // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. Т. I.
- Воронцова И.В. Модернизм (1890–1914) в Римско-Католической Церкви и путь в нем Альфреда Луази // Исторические Исследования. № 8. М.: Изд-во МГУ, 2017. С. 315-331.
- Лурье В.М. Введение в критическую агиографию. СПб.: Аxioma, 2009.
- Парамонова М.Ю. Агиография // Словарь средневековой культуры / Под ред. А.А. Гуревича. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003.

¹ Парамонова М.Ю. Агиография // Словарь средневековой культуры. М., 2003. С. 22.

Польсков К. Библистика // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. Т. V. С. 25-58.

Репина Л.П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории / под ред. Л.П. Репиной. М., 2008. Вып. 25-1. С. 5-11.

Бикева Наталья Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань; binata@rambler.ru

NEW APPROACHES TO THE STUDY OF MEDIEVAL HAGIOGRAPHY AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES: RESEARCH BY HIPPOLYTE DELEHAYE

The paper is devoted to the consideration of the main trends in the study of hagiographic texts at the turn of the XIX-XX centuries. Particular attention is paid to the conception of Hippolyte Delehaye – an eminent historian, specialist in medieval hagiography. His investigations brought about a fundamental renewal in the methods of hagiography.

Key words: hagiography, Lives of saints, H. Delehaye, bollandists, positivism, middle Ages.

Bikeeva Natalya Yurevna, Candidate of History, Associate Professor, Department of Universal History, Kazan Federal University, Kazan; binata@rambler.ru

Зипунникова Н.Н.

ИСТОРИКО-ПРАВОВАЯ НАУКА В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ПОДГОТОВКЕ РОССИЙСКИХ ЮРИСТОВ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье рассматриваются нормативные основы историко-правовой составляющей в подготовке юристов в российских университетах на излете имперской истории, а также практика реализации законодательных предписаний на примере Московского и Томского императорских университетов. Обращено внимание на продвижение семинариев, практических занятий, переход на предметную систему преподавания, прежде всего, таких наук, как история римского права, история русского права, история философии права.

Ключевые слова: российские императорские университеты, юридические факультеты, историко-правовая наука, устав, правила, историко-правовые кафедры, предметная система, практические занятия.

Нормативно-правовая основа. В новое столетие из «университетского» XIX века российское юридическое образование шагнуло с Общим уставом российских императорских университетов 1884 г. Для юридических факультетов последний действовавший в Российской империи «главный университетский закон» предусматривал, в том числе, кафедры римского права, истории русского права, энциклопедии права и истории философии права¹. Прежде всего на них возлагалась реализация историко-правовой компоненты «образовательного стандарта» для универсантов-юристов. В качестве сравнения важно упомянуть предыдущий «главный университетский закон» – устав 1863 г.: его нормы предписывали преподавание будущим юристам истории философии права по кафедре энциклопедии права, истории римского права и византийского права по кафедре римского права, предусматривались также кафедры истории древних и новых важнейших иностранных законодательств, истории русского права, истории славянских законодательств². Принципиального характера тезис о том, что границу между юридическим образованием и научным правоведением в XIX столетии можно проводить лишь условно, многократно и убедительно аргументировался исследователями. В значительной степени это можно отнести и к рассматриваемому периоду.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 4. № 2404.

² Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 38. № 39752.

Устав 1884 г. предписал юридическим факультетам устройство семинариев – практических занятий под руководством профессоров; определение правил работы таких занятий входило в компетенцию профильного ведомства – Министерства народного просвещения (МНП), которое в конце столетия обращало внимание на необходимость их «правильной постановки»¹. Важной новеллой устава 1884 г. было введение испытательных университетских комиссий, включая юридическую. Установленные министерством правила, требования и программы испытаний для этой комиссии включали испытание по римскому праву; историко-правовые элементы содержались также в программе по церковному праву². В 1898 г. утвержденными министром правилами о производстве испытаний в юридической комиссии число «экзаменных комитетов» сократилось, в частности, экзамен по церковному праву был переведен из окончательных испытаний в полукурсовой³. С 1906 г. на юридических факультетах взамен курсовой вводилась предметная система, основы которой были заложены, как считается, уставом 1884 г.⁴ Соответствующие правила принимались для каждого университетского юридического факультета⁵.

Во все проекты нового университетского устава, подготовленные в начале XX века, включались предположения об устройстве кафедр, формировавших историко-правовой фундамент подготовки юридических кадров – римского права, истории русского права, истории философии права.

Университетская практика. Московский университет. Из отчета университета за 1900 г. следует, что в составе юридического факультета работало 12 кафедр, среди них – римского права, истории русского права, энциклопедии и истории философии права (т.е. те, что предписывал устав 1884 г.). Сверх кафедральных дисциплин предусматривалось преподавание еще нескольких курсов, большая часть которых была историческими: русская история,

¹ См. об этом: *Захаров В.В.* Как готовить юриста: изучая русские рецепты. Очерки истории юридического образования в России второй половины XIX – начала XX века. Курск, 2006. С. 152–154.

² Правила, требования и программы испытаний в комиссии юридической. Утверждены министром народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. № 2. С. 8–11, 21–23.

³ Сборник распоряжений по Министерству Народного Просвещения. Т. 14. СПб., 1904. Стб. 170–177.

⁴ См.: *Захаров В.В.* Указ. соч. С. 96.

⁵ См., например, по Харьковскому университету: Правила о предметной системе преподавания и экзаменов на юридическом факультете Харьковского университета. Харьков, 1907. URL: <http://dspace.univer.kharkov.ua/bitstream/123456789/908/4/Pravila%20o%20predmetnoy.pdf> (дата обращения: 10.03.2018).

римская древняя история, римские древности, новая европейская история. В соцветии ученых, преподававших на факультете, были как историки права, так и те, в чьем научном наследии работы историко-правового характера занимали отнюдь не периферийное место (А.С. Алексеев, Л.А. Кассо, П.Н. Мрочек-Дроздовский, П.И. Новгородцев, Д.Я. Самоквасов, К.А. Стратонитский, Н.С. Суворов, В.М. Хвостов, П.И. Числов). На факультете были организованы практические занятия, где решались и анализировались казусы, читались и комментировались источники: по истории русского права – на первом и втором курсе (вели К.А. Стратонитский и П.И. Числов), по римскому праву – на втором, третьем и четвертом курсах (В.А. Краснокутский, В.В. Рождественский, А.Э. Вормс, проф. В.М. Хвостов). Последний был назначен заведующим организованного осенью 1901 г. юридического семинария на факультете¹.

В феврале 1906 г. был введен «План предметной системы преподавания и экзаменов на юридическом факультете». Документ называл предметы общей группы и курсы для освоения специальных учебных планов; история римского права, история русского права, история философии права относились к общей группе. В составленном на 1911/1912 уч. год Обозрении преподавания на юридическом факультете предусматривались, кроме прочих, занятия по истории римского права (6 ч., проф. Хвостов), истории русского права (6 ч., проф. Филиппов; 2 ч., проф. Самоквасов), истории политических учений (2 ч., приват-доцент Булгаков), истории международных отношений (2 ч., приват-доцент Котляревский).

В начале 1912 г. на факультете преподавали: по кафедре истории русского права – А.Н. Филиппов, П.И. Числов, К.А. Стратонитский, Г.Г. Тельберг (в том же году защитил магистерскую диссертацию на тему «Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве в XVII в.»); по кафедре римского права – А.К. Митюков, А.Н. Беликов, И.Б. Новицкий, И.И. Вульфферт, М.П. Бобин (основал на факультете кабинет римского права для практических занятий по источникам римского права), Г.Н. Соколовский, А.М. Винавер; по кафедре энциклопедии права и истории философии права – А.Л. Байков, С.И. Живаго, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, А.А. Рождественский, Н.Н. Алексеев. Как видно из Обозрения факультетского преподавания на 1914/1915 академический год, по истории римского права велись практические упражнения по институциям римского права (для начинающих), по истории русского права для студентов первого курса был

¹ История юридического факультета Московского университета (1755–2010). Изд. 2-е / отв. ред. В.А. Томсинов. М., 2011. С. 381, 384, 388.

организован репетиториум, практические занятия предусматривались и по истории философии права. Среди необязательных курсов называлась история источников русского уголовного права (читал К.А. Стратонитский). В Обзрении преподавания на 1915/1916 академический год заявлялись курсы истории источников греко-римского христианского права (П.В. Гидулянов) и истории юридической литературы (Г.С. Фельдштейн). История римского права (М.П. Бобин) и русского права (А.Н. Филиппов) были обозначены в числе 15 курсов на 1916/1917 учебный год¹.

Университетская практика. Томский университет. Юридический факультет императорского Томского университета, открытый в 1898 г., стал самой окраинной, восточной площадкой научной подготовки профессиональных юридических кадров в Российской империи. Значительные трудности (организационные, кадровые, др.), отодвигавшие открытие как самого университета, так и его юридического факультета, давали о себе знать и после. Тем не менее в жизнь воплощались и уставные нормы, и министерские циркуляры. Из Общего обзора преподавания на факультете в осеннем полугодии 1901/1902 учебного года следует, что для студентов 1-го семестра полагались, кроме прочего, занятия по истории римского права (4 ч. лекций и 2 ч. практических занятий, И.Г. Табашников), истории русского права (такое же количество часов, И.А. Малиновский); для студентов 3-го семестра – по истории русского права (1 ч. лекций и 1 ч. практики, И.А. Малиновский) и истории философии права (2 ч. лекций, С.И. Живаго)². Результаты освоения этих дисциплин проверялись на полукурсовых испытаниях. Председателями испытательных комиссий назначались в 1903 г. деканы факультетов (юрфака – И.А. Базанов?); членами юридической испытательной комиссии руководителем ведомства были назначены профессора Сабинин, Розин, Уляницкий, Юшкевич, Табашников³.

В 1905/1906 учебном году на факультете устанавливалось преподавание в 1-м и 2-м семестрах – истории римского права (4 ч. лекций и 2 ч. практических занятий, И.Г. Табашников), истории русского права (тот же объем часов, И.А. Малиновский); в 3-м и 4-м семестрах – истории русского права (1 ч. лекций и 1 ч. практики, И.А. Малиновский), истории философии права (2 ч. лекций, В.Г. Камбуров). Среди утвержденных пособий по римскому праву

¹ История юридического факультета Московского университета. С. 398–399, 410–411, 416–419, 424–426, 429.

² Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 102. Оп. 1. Д. 243. Л. 131.

³ ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 308. Л. 1, 3.

был обозначен учебник Н.П. Боголепова (М., 1895), по истории философии права – лекции П.И. Новгородцева (1901). По истории русского права в числе источников назывались Полное собрание законов («отдельные томы будут указаны на лекциях и практических занятиях»), Собрание узаконений русского государства Е. Карновича, а также «Хрестоматия по истории русского права» М.Ф. Владимирского-Буданова, его же «Обзор истории русского права» был указан пособием. Кроме того, назывались «Лекции и исследования по древней истории русского права» и «Русские юридические древности» В.И. Сергеевича, «Учебник истории русского права периода империи» и «Лекции по внешней истории русского права» В.Н. Латкина, «История права русского народа» и «История права Московского государства» Н.П. Загоскина, «Лекции по внешней истории русского права» М.Н. Ясинского¹.

Вместо заключения. Устав 1884 г. значительно сократил историко-правовую часть в университетской подготовке юристов в сравнении с уставом 1863 г.: то было «наступление на теоретическую и историко-правовую части научного правоведения»². Тем не менее, познание историко-правовой науки осуществлялось последовательно, что видно из иллюстраций по одному из столичных университетов (Московскому) и университету провинциальному – Томскому. Продвижение практических занятий, работа с источниками, использование в качестве учебных пособий трудов историков права, до сей поры во многом выступающих «камертоном» для научной работы, свидетельствовали о значимости историко-правовой компоненты в университетской подготовке российских юристов в начале XX столетия.

Библиография

- Высочайше утвержденный Общий устав императорских российских университетов от 18 июня 1863 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 38. № 39752.
- Высочайше утвержденный Общий устав императорских российских университетов от 23 августа 1884 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 4. № 2404.
- Обзорение преподавания на юридическом факультете императорского Томского университета в 1905/1906 учебном году // Государственный архив Томской области. Ф. 102. Оп. 1. Д. 280. Л. 3–4, 31 об.
- Общий обзор преподавания по юридическому факультету в 1901/1902 учебного года // Государственный архив Томской области. Ф. 102. Оп. 1. Д. 243. Л. 131.

¹ ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 280. Л. 3–4, 31 об.

² *Емельянова И.А.* Юридический факультет Казанского государственного университета. 1805–1917 год. Очерки. Казань, 1998. С. 84.

- Отношения попечителя Западно-Сибирского учебного округа ректору императорского Томского университета от 15 апреля 1903 г. № 1649 и № 1652 // Государственный архив Томской области. Ф. 102. Оп. 1. Д. 308. Л. 1, 3.
- Правила, требования и программы испытаний в комиссии юридической. Утверждены министром народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. № 2. С. 1–27.
- Правила о предметной системе преподавания и экзаменов на юридическом факультете Харьковского университета. Харьков, 1907. URL: <http://dspace.univer.kharkov.ua/bitstream/123456789/908/4/Pravila%20o%20predmetnoy.pdf> (дата обращения: 10.03.2018).
- Правила о производстве испытаний в юридической комиссии от 12 мая 1898 г. // Сборник распоряжений по Министерству Народного Просвещения. Т. 14. СПб., 1904. Стб. 170–177.
- Емельянова И.А.* Юридический факультет Казанского государственного университета. 1805–1917 год. Очерки. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1998.
- Захаров В.В.* Как готовить юриста: изучая русские рецепты. Очерки истории юридического образования в России второй половины XIX – начала XX века. Курск, 2006.
- История юридического факультета Московского университета (1755–2010). Изд. 2-е / отв. ред. В.А. Томсинов. М.: Изд-во МГУ, 2011.

Зипунникова Наталья Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург; zipunnikowa@yandex.ru

LEGAL HISTORY STUDIES IN UNIVERSITY TRAINING OF RUSSIAN LAYERS IN THE EARLY 20TH CENTURY

The article looks at the normative framework of teaching legal history to the future layers at Russian Universities in the last years of imperial history, as well as its implementation in Moscow and Tomsk imperial universities. The author focuses on promoting seminars, practical classes, adoption of the subject bases teaching system, especially in delivering classes of history of Roman law, history of Russian law, history of legal philosophy.

Key words: Russian imperial Universities, faculties of law, legal history studies, statute, rules, legal history departments, curriculum, practical classes.

Zipunnikova Natalya Nikolaevna, Candidate of Law, Associate Professor at the department of state and legal history, Ural State Law University; zipunnikowa@yandex.ru

Федорова Н.Г.

**УЧЕБНИКИ ПО ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.:
ОТ «КОММЕРЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ»
К «НАУЧНОЙ КНИГЕ»**

Конец XIX века – это особенно важный этап в «истории развития учебника истории». Либеральные изменения в общественной жизни и образовательной политике способствовали удивительному факту: новые научные идеи, концепции и веяния, пожалуй, впервые так быстро и объемно находят прямое отражение и воплощение в школьной учебной литературе.

Ключевые слова: учебник, история средних веков, Д.И. Иловайский, П.Г. Виноградов, Н.И. Кареев, Р.Ю. Вишпер.

Сегодня одной из актуальных проблем российского образования, которая привлекает внимание не только педагогического сообщества, но и широкой общественности, является состояние и перспективы подготовки качественной, отвечающей современным требованиям учебной литературы по истории. Поэтому особенное значение приобретает изучение опыта составления учебных пособий в России.

Такое свойство учебной исторической литературы, как *«догоняющий» характер ее научной основы*¹, является типичной особенностью. Это закономерно и оправданно. Новые исторические идеи должны прежде «устояться» в научных кругах, быть отрефлексированы отечественными историками и только потом, при благоприятных внешних обстоятельствах (либеральной государственной образовательной политике), могут найти частичное отражение на страницах школьных учебников².

Конец XIX века – это особенно важный этап в «истории развития учебника истории». Осмелимся предположить, что либеральные изменения в общественной жизни и образовательной полити-

¹ См.: Федорова Н.Г. Учебник по истории средних веков в дискурсивном пространстве российского общества (вторая четверть XIX – начало XX вв.). Ч. 1. Казань, 2012.

² Например, позитивистские идеи, распространившиеся в научно-историческом сообществе России во второй половине XIX века, «с запозданием» проникали в содержание школьных учебников всеобщей истории. С гораздо большим запозданием, лишь в начале XX века, они нашли отражение в официальных планах и программах исторических курсов.

ке способствовали удивительному факту: новые глубокие научные идеи, концепции и веяния, пожалуй, впервые так быстро и объемно находят прямое отражение и воплощение в школьной учебной литературе. Этому способствовала и сложившаяся система государственной аттестации школьных учебников по всеобщей истории на рубеже XIX–XX вв.¹ Материалы и журналы заседаний основного и особого отделов Ученого Комитета Министерства народного просвещения свидетельствуют о складывании достаточно эффективного механизма осуществления государственного контроля за использовавшейся учебной литературой, а также изучить, каким образом оценивались учебники по всеобщей истории для средней школы и какие требования к ним предъявлялись со стороны Министерства в конце XIX – начале XX вв. В резолюциях отражалась официальная точка зрения на вопросы постановки исторического образования в средних учебных заведениях. Её следует признать компетентной: членами УК МНП являлись преподаватели университетов, педагоги, которые, с одной стороны и в первую очередь, ориентировались на официальные программы и постановления, а с другой – профессионально судили о школьных учебниках, учитывали научные позиции, авторитет их авторов. Внимания заслуживают взгляды членов комиссий – практикующих учителей по отдельным вопросам исторического обучения, особенно их оценки действовавших «профессорских» учебников по всеобщей истории.

В «Учебном плане и примерной программе истории» 1890 г. еще достаточно подробно изложены указания, которые «надлежит иметь в виду... при преподавании истории средних веков»². В сравнении с предшествовавшими программами, новшеств немного: изменились лишь формулировки, которые приобрели характер «рекомендательности», и акценты, утратившие элемент ярко выраженной назидательности в духе религиозно-монархических идей, а содержание в основных чертах повторяло учебные планы периода «толстовско-деяновского классицизма»³. Ставшие в XIX

¹ См.: Федорова Н.Г., Золотарев В.П., Мягков Г.П. Государственная аттестация школьных учебников по всеобщей истории на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Омского университета. 2010. № 1. С. 48.

² См.: Учебные планы и примерные программы предметов, преподаваемых в мужских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения (1 августа 1890 г.) // Журнал Министерства народного просвещения. 1890. Ч. 272. Отд. 1. С. 179–183.

³ Так, предлагалось, например, при изложении событий великого переселения народов «отмечать факты, в которых представители церкви являются защитниками и руководителями местного покоренного населения, и вообще иметь в виду значение церкви, как хранительницы римских преданий и древнего образования, своею нравственною силою сдерживавшей разрушительные стремления варваров» (Учеб-

веке «классикой жанра» учебники Д.И. Иловайского, несмотря на серьезную критику в либеральные 60-е годы XIX века, на рубеже столетий вновь и вновь переиздаются, причем содержание текста учебника остается практически без изменений¹.

С 1902 учебного года было введено преподавание истории в 1 и 2 классах гимназий и реальных училищ с целью, как объяснено в конспекте учебного плана, «пройти эпизодический курс русской истории в форме рассказов о наиболее выдающихся событиях в нашем отечестве, в живых картинах народного быта разных эпох, в жизнеописаниях великих наших государей, выдающихся отечественных героев..., а также жития св. чудотворцев»².

Истории как учебному предмету в младших классах придавалось важное значение «как элементу не только образовательному, но главным образом воспитательному, имеющему задачу посеять в сердцах учащихся первые семена любви к родине, преданности престолу и отечеству». В старших классах (вторая ступень) ставилась более серьезная, научная цель преподавания истории: «Вызвать у учащихся историческое отношение к жизни, развить историческое понимание»³. И в этом отношении учебные планы и программы 1913–1914 гг. существенно отличаются от всех предшествовавших им. Во-первых, в каждом параграфе приводятся ссылки на

ные планы и примерные программы предметов, преподаваемых в мужских гимназиях и прогимназиях МНП (1 августа 1890 г.) // Журнал Министерства народного просвещения. 1890. Ч. 272. Отд. 1. С. 180), при описании «столетней англо-французской войны» главное внимание рекомендовалось «остановить на объяснении причин и изложении последних событий со времени появления Жанны д'Арк; при этом следует указать на значение войны для усиления парламента в Англии и королевской власти во Франции» (там же. С. 182-183), при преподавании отечественной истории надлежало «обращать особое внимание на факты из внешней истории, а из бытовой истории вводить только самые крупные явления», «события светлые излагать более подробно», «...в борьбе за Ливонию указать на стремление Иоанна Грозного расширить пределы русской земли до естественных границ», «Фактическая сторона мятежа 1863 и 64 годов и завоеваний императора Александра в Азии излагается только в главных чертах; при этом следует указать на культурное значение России для азиатских народов и на то, что движение на Восток носило характер не завоеваний, а охраны, и началось уже издавна» (там же, с. 185-187).

¹ См.: *Иловайский Д.И.* 1) Руководство ко всеобщей истории. Средний курс. Изд. 21. М., 1888; 2) Руководство ко всеобщей истории. Средний курс. Изд. 28. М., 1898.

² Циркулярное предложение г. министра народного просвещения попечителям учебных округов 25 сентября 1901 года о доставлении программ преподавания истории в младших классах средних учебных заведений // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Ч. 339. Отд. 1. С. 147.

³ Примерные программы и объяснительные записки, изданные по распоряжению г. министра народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Ч. 60. Приложения. Материалы по реформе средней школы. С. 43.

научную литературу, которая может быть полезна учителю для изложения тех или иных вопросов истории, а также указываются «пособия, рекомендуемы ученикам». Во-вторых, это действительно научные программы и рекомендации по воспитанию нравственных качеств у школьников на конкретных исторических примерах в них совершенно отсутствуют. И наконец, в-третьих, на содержании этих программ впервые отразилось влияние позитивизма: вопросы социально-экономической и культурной истории не просто включались в школьный курс – им отводилось равнозначное политическим событиям место.

Таким образом, в течение сравнительно небольшого промежутка времени в конце XIX – начале XX вв. учебные планы и программы существенно изменились – содержательно и качественно.

С другой стороны, руководство школ и учителя решали проблему улучшения оснащенности образовательных учреждений, в том числе и обеспечения учащихся учебниками. Постановления и циркуляры МНП этому благоприятствовали. Достаточно сказать, что «...только в одном 1899 году в каталоге учебных пособий и методических руководств по 18 гимназическим предметам было зарегистрировано 1287 названий книг – “рекомендованных”, “одобренных”, “допущенных” Ученым комитетом МНП»¹. При этом особыми циркулярными распоряжениями подчеркивалось, что «учебные руководства и пособия должны быть выбираемы из числа одобренных министерством народного просвещения и духовным ведомством по принадлежности»². Дело в том, что это правило часто нарушалось, и начальниками заведений допускались к употреблению при преподавании не только позднейшие издания тех сочинений, которые были рассмотрены и одобрены ученым комитетом в одном из предшествующих изданий, но даже и «...такие сочинения, которые вовсе не были одобрены»³.

Поэтому ограничительные меры министерства были вызваны, вероятно, «...многочисленными жалобами на неблагоприятные ком-

¹ Цит. по: *Егоров С.Ф.* Содержание и методы обучения в системе отечественного образования дореволюционного периода: ретроспектива, тенденции развития (конец XIX – начало XX вв.) // Историко-педагогические основания стратегии развития отечественного образования. М., 1994. С. 11.

² Циркулярное предложение гг. попечителям учебных округов (28 июня 1899 г.) [Об использовании в учебных заведениях только книг из официальных «каталогов» МНП] // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. Ч. 324. Отд. 1. С. 59-60.

³ Циркулярное предложение Министра народного просвещения гг. попечителям учебных округов о каталоге учебных руководств и пособий (23 июня 1900г., № 16547) // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Ч. 330. Отд. 1. С. 119.

мерческие расчеты некоторых из господ составителей школьных руководств»¹. Судя по отзывам современников, в конце XIX – начале XX вв. «авторы-барышники» освоили «способ фабрикация книг»²: «Кто ж теперь из учителей не издает учебников! Ведь это очень выгодно!»³. Такая ситуация привела в итоге к тому, что «...появилась у нас даже новая отрасль промышленности, а именно: специальное издательство учебников и торговля этими учебниками и учебными пособиями»⁴, и потребовала установления контроля за печатанием учебников и особенно их переизданий.

У методистов, педагогов и авторов учебных пособий по истории конца XIX – начала XX вв. были разные точки зрения на то, каким образом излагать историю в учебниках. Одни считали, что учебник должен содержать лишь конспект материала, разработанного на уроке. Другие, напротив, полагали, что превращение учебника в конспект было бы ошибкой и поэтому старались давать в учебниках живое, развернутое изложение главных фактов, рассказы преданий, а также иллюстрировали учебник. Существовало многообразие типов учебных пособий по истории, различавшихся по своим задачам, характеру и отбору материала.

На рубеже столетий были переосмыслены роль и функции школьного учебника в процессе обучения. Педагоги разрабатывали вопросы о задачах учебника, требованиях к нему, приемах его использования, в зависимости от своеобразия предмета, в соответствии с новыми гуманистическими принципами. Появились первые научные работы о состоянии школьной исторической литературы и конкретные методические рекомендации по её совершенствованию⁵. О. Сиповский к числу недостатков существовавших учебников относил «энциклопедичность содержания, отвлеченность и вследствие этого крайнюю сухость изложения, погоня за внешней систематичностью...». А. Кролюницкий подчеркивал, что хороший учебник по истории «... при известной степени сжатости...

¹ Роков Г. Распоряжение об учебниках // Вестник воспитания. 1899. № 6. Хроника: школа, литература и жизнь. С. 121-122.

² Одесский И. Как надо составлять учебники // Вестник воспитания. 1896. № 4. Оригинальные и переводные статьи. С. 165.

³ [К.] Методы преподавания и учебники в наших школах (Заметка старого учителя) // Вестник воспитания. 1890. № 7. Оригинал. и перев. статьи. С. 54.

⁴ Тиандер К. Мысли о будущей школе // Вестник воспитания. 1908. № 6. Отд. I. Оригинальные и переводные статьи. С. 15.

⁵ Коваленский М.Н. О методах преподавания истории в средней школе. Труды курсов для учителей средней школы. СПб., 1907; Кулжинский Я.С. Опыт методики систематического курса истории. СПб., 1904; Приселков М. Из бесед по методике преподавания истории // Педагогический сборник. 1917. № 1. С. 371-396; Сигналович С.П. Страница из методики истории. Казань, 1917 и др.

должен отличаться живыми, характерными подробностями... Изложение должно быть чуждо всякой тенденциозности... совершенно объективно излагать лишь фактическую сторону»¹. Вместе с тем фактический материал должен быть подобран и изложен таким образом, чтобы ученик вынес из курса «...представление о развитии, совершающееся в разных сферах общественной жизни»².

Педагоги и методисты говорили о необходимости объективного преподавания предмета. Я.С. Кулжинский доказывал, что «...ни в каком случае нельзя читать морали... исказить для этого истории... Чем объективнее будет преподавание истории..., тем лучших работников оно воспитает Родине»³. «Тенденциозность – орудие обоюдоострое... при первом же знакомстве с истиной от него [чувства. – Н.Ф.] не останется и следа... и резче может наступить реакция». Важно, что многие методические работы были написаны авторами школьных учебников по всеобщей истории этого времени⁴, что позволяет проанализировать отражение в учебниках педагогических взглядов их создателей.

Таким образом, на рубеже XIX–XX веков не существовало единого мнения по вопросам о системе и содержании исторического образования, о принципах отбора и освещения исторических фактов и процессов в соответствии со структурой и объемом школьного учебника. Отсутствие жесткого государственного давления на образование с одной стороны, и единодушие исследователей в условиях серьезных творческих поисков с другой – стало причиной появления целой массы учебников, каждый из которых воплощает взгляды конкретного автора на педагогические проблемы.

Исторические условия конца 90-х XIX века благоприятствовали появлению принципиально новых учебников по истории средних веков, авторами которых являлись известные ученые, крупные специалисты с мировым именем, талантливые педагоги высшей школы, имевшие практический опыт работы и в средней школе –

¹ Кролюницкий А. Опыт методики элементарного курса истории (с приложением программы курса, хрестоматии из статей разных авторов и библиографических списков книг, карт и картин, относящихся к курсу). СПб., 1899. С. 263–265.

² Педагогическое Общество при Императорском Московском университете. Отделение преподавателей истории. К вопросу об элементарном преподавании истории. М., 1902. С. 33.

³ Кулжинский Я.С. Опыт методики систематического курса истории. Изд. 2-е. СПб., 1914. С. 52–53.

⁴ Иванов К.А. 1) К вопросу о прохождении и повторении исторических курсов // Русская школа. 1892. № 10. С. 15–23; 2) Очерки методики истории. СПб., 1915; Карев Н.И. 1) Заметки о преподавании истории в средней школе. СПб., 1900; 2) Очерки по методике истории. Пг., 1917; Виннер Р.Ю. Школьное преподавание древней истории и новая историческая мысль // Вестник воспитания. 1898. № 1. С. 25–37.

П.Г. Виноградов, Н.И. Кареев, Р.Ю. Виппер, представившие известную «русскую историческую школу». Созданные ими учебники в методическом и научном отношении были новаторскими. Авторы резко расходились во взглядах по вопросу о системе и содержании исторического образования, на принципы отбора и освещения исторических фактов, на структуру и объем школьных учебников, о связи истории России с мировой историей как со своими предшественниками, так и между собой. Особенности их исторических взглядов приобретают конкретную формулировку в учебной литературе. Каждый из учебников по истории, созданный на рубеже XIX–XX столетий, представляет ценность для современных исследователей как источник историографический, как дополнительный источник для изучения концепций и взглядов их авторов на содержание школьного исторического образования, методологическое и методическое обеспечение новых учебных пособий по средневековой истории.

Взгляды В.И. Герье о принципиальном различии вузовского (научного) и школьного (элементарного) обучения истории и значительной дистанции между этими двумя последовательными образовательными этапами воспринимались педагогической общественностью в конце XIX – начале XX века как весьма консервативные. Тем более что идея о значении школьного учебника исключительно как средства для развития памяти, а не других мыслительных способностей в комплексе, итак длительное время официально (а во второй половине XIX века – уже строго регламентирующе) распространялась Министерством народного просвещения и решительно устарела к рубежу столетий. В этом смысле ученики В.И. Герье – П.Г. Виноградов, Н.И. Кареев, Р.Ю. Виппер – попытались привнести столь актуальные педагогические взгляды учителя о научности вузовского преподавания истории в состав своих учебников, тем самым качественно повысить уровень исторического образования в средней школе¹.

Не просто усвоение и запоминание фактов, а понимание их сущности, установление причинно-следственных закономерностей, более того, рассмотрение событий в контексте всемирно-исторического развития – обозначается руководящими принципами этих учебных пособий. Бытовавшие представления о школьном учебнике всеобщей истории как о «сухом собрании фактов», ученые стремились заменить конкретными примерами возможности и необхо-

¹ Иванова Т.Н., Мяжков Г.П. Школа В.И. Герье: основные черты и место в научном пространстве России // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 44. М., 2013. С. 176-177.

димости создания и распространения учебников нового типа, способствующих самостоятельному приобретению учащимися основ реального научного знания через анализ фактов. И, признаемся, обладали на это весьма серьезными основаниями. Н.И. Кареев и П.Г. Виноградов имели некоторый опыт преподавательской работы в средней школе, а Р.Ю. Виппер, известный своими конкретно историческими исследованиями, прославился как талантливый популяризатор исторической науки.

Вслед за «профессорскими» учебниками в конце XIX – начале XX вв. появляется еще целый ряд учебников, авторами которых были преподаватели средних школ (К.А. Иванов, Н. Знойко, И. Реверсов, А.Г. Вильфиус и др.)¹. Как отмечают исследователи, в начале XX века было достигнуто разнообразие в учебниках: «В издании учебников установился... порядок... Учебники писали не по заказу, а те, кто считал это нужным и себя к этому подготовленным»². Школа имела различные учебники по всеобщей и отечественной истории – от реакционных до либеральных (и даже радикальных). Именно за школами и учителями сохранялось право выбора учебников в соответствии с планом, их убеждениями и педагогическими концепциями.

Несмотря на все субъективные оценки, каждый из учебников периода конца XIX – начала XX вв. представляет в настоящее время важность именно как источник историографический, дополнительный источник для изучения исторических и педагогических взглядов их авторов, которые именно в школьном учебнике приобретают конкретную формулировку. С другой стороны – учебник

¹ *Ананьин В.И.* Учебник всеобщей истории (для высших начальных училищ и торговых школ). Изд. 3. М., 1915; *Васильев А.А.* 1) Учебник истории средних веков. М., 1914; 2) Курс истории средних веков. Средневековая культура. Вторая ступень (Учебная книга для 4 класса мужских гимназий и реальных училищ). М., 1915; *Добрынин К.И.* 1) История средних веков. Курс 4 класса мужских гимназий и реальных училищ. М., 1912; 2) Элементарный курс истории средних веков. Для 5 класса женских гимназий. М., 1915; *Знойко Н.* 1) Краткий курс всеобщей истории. Составлено применительно к программам городс. учил. Изд. 3. Одесса, 1912; 2) Краткое руководство по средней истории. Изд. 2. Одесса, 1906; *Иванов К.А.* 1) История средних веков (Курс систематический). Применительно к последней примерной программе, утвержденной МНП. СПб., 1892; 2) Сокращенный курс истории средних веков (для реальных училищ и женских гимназий). Изд. 4. СПб., 1908; 3) Элементарный курс истории средних веков (для реальных училищ). Изд. 3. СПб., 1907; *Метельский В.* 1) Средние века. Систематический курс всеобщей истории. Руководство для учащихся в средних учебных заведениях и для самообразования. Одесса, 1902; 2) История средних веков. (Систематический курс всеобщей ист.). 2-я ступень. Изд. 2, перераб. Николаев, 1916 и др.

² *Донской Г.М.* «Целый мир уложить на странице...» Учебник истории – от замысла до издания и дальше. Книга для учителя. М., 1992. С. 12.

становится в данный исторический период своего рода способом выражения собственных взглядов его автора на средства и пути модернизации исторического образования, на степень должного соответствия содержания учебного руководства – уровню развития науки, а выбор и изложение материала в нем – новым педагогическим требованиям.

Библиография

- Ананьин В.И.* Учебник всеобщей истории (для высших начальных училищ и торговых школ). Изд. 3. М., 1915. 194 с.
- Васильев А.А.* Курс истории средних веков. Средневековая культура. Вторая ступень (Учебная книга для 4 класса мужских гимназий и реальных училищ). М., 1915. 207 с.
- Васильев А.А.* Учебник истории средних веков. М., 1914. 219 с.
- Виппер Р.Ю.* Школьное преподавание древней истории и новая историческая мысль // Вестник воспитания. 1898. № 1. С. 25–37.
- Добрынин К.И.* История средних веков. Курс 4 класса мужских гимназий и реальных училищ. М., 1912. 280 с.
- Добрынин К.И.* Элементарный курс истории средних веков. Для 5 класса женских гимназий. М., 1915. 231 с.
- Зно́йко Н.* Краткий курс всеобщей истории. Составлено применительно к программам город. учил. Изд. 3. Одесса, 1912. 242 с.
- Зно́йко Н.* Краткое руководство по средней истории. Изд. 2. Одесса, 1906. 184 с.
- Иванов К.* К вопросу о прохождении и повторении исторических курсов // Русская школа. 1892. № 10. С. 15–23.
- Иванов К.А.* Очерки методики истории. СПб.: [Б.и.], 1915. 132 с.
- Иванов К.А.* Сокращенный курс истории средних веков (для реальных училищ и женских гимназий). Изд. 4. СПб., 1908. 146 с.
- Иванов К.А.* Элементарный курс истории средних веков (для реальных училищ). Изд. 3. СПб., 1907. 148 с.
- Иванов К.А.* История средних веков (Курс систематический). Применительно к последней примерной программе, утвержденной МНП. СПб., 1892. 217 с.
- Иловайский Д.И.* Руководство ко всеобщей истории. Средний курс. Изд. 21. М., 1888. 495 с.
- Иловайский Д.И.* Руководство ко всеобщей истории. Средний курс. Изд. 28. М., 1898. 487 с.
- [К.] Методы преподавания и учебники в наших школах (Заметка старого учителя) // Вестник воспитания. 1890. № 7.
- Кареев Н.И.* Заметки о преподавании истории в средней школе. СПб., 1900. 79 с.
- Кареев Н.И.* Очерки по методике истории. Пг., 1917. 214 с.
- Коваленский М.Н.* О методах преподавания истории в средней школе. Труды курсов для учителей средней школы. СПб., 1907.
- Кролюницкий А.* Опыт методики элементарного курса истории (с приложением программы курса, хрестоматии из статей разных авторов и библиографических списков книг, карт и картин, относящихся к курсу). СПб., 1899. С. 263–265.
- Кулжинский Я.С.* Опыт методики систематического курса истории. Изд. 2-е. СПб., 1914. С. 52–53.
- Кулжинский Я.С.* Опыт методики систематического курса истории. СПб., 1904. 179 с.
- Метельский В.* История средних веков. (Систематический курс всеобщей ист.). 2-я ступень. Изд. 2, перераб. Николаев: [Б. и.], 1916. 177 с.

- Метельский В.* Средние века. Систематический курс всеобщей истории. Руководство для учащихся в средних учебных заведениях и для самообразования. Одесса, 1902. 184 с.
- Одесский И.* Как надо составлять учебники // Вестник воспитания. 1896. № 4. Оригинальные и переводные статьи.
- Педагогическое Общество при Императорском Московском университете. Отделение преподавателей истории. К вопросу об элементарном преподавании истории. М., 1902.
- Примерные программы и объяснительные записки, изданные по распоряжению г. министра народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Ч. 60. Приложения. Материалы по реформе средней школы.
- Приселков М. Из бесед по методике преподавания истории // Педагогический сборник. 1917. № 1. С. 371-396.
- Роков Г.* Распоряжение об учебниках // Вестник воспитания. 1899. № 6. Хроника: школа, литература и жизнь. С. 121-122.
- Сигналевич С.П.* Страница из методики истории. Казань, 1917. 49 с.
- Тиандер К.* Мысли о будущей школе // Вестник воспитания. 1908. № 6. Отд. I.
- Учебные планы и примерные программы предметов, преподаваемых в мужских гимназиях и прогимназиях МНП (1 августа 1890 г.) // Журнал Министерства народного просвещения. 1890. Ч. 272. Отд. 1.
- Циркулярное предложение г. министра народного просвещения попечителям учебных округов 25 сентября 1901 года о доставлении программ преподавания истории в младших классах средних учебных заведений // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Ч. 339. Отд. 1.
- Циркулярное предложение г. попечителям учебных округов (28 июня 1899 г.) [Об использовании в учебных заведениях только книг из официальных «каталогов» МНП] // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. Ч. 324. Отд. 1.
- Циркулярное предложение Министра народного просвещения г. попечителям учебных округов о каталоге учебных руководств и пособий (23 июня 1900г., № 16547) // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Ч. 330. Отд. 1.

- Донской Г.М.* «Целый мир уложить на странице...» Учебник истории – от замысла до издания и дальше. Книга для учителя. М.: Просвещение, 1992.
- Егоров С.Ф.* Содержание и методы обучения в системе отечественного образования дореволюционного периода: ретроспектива, тенденции развития (конец XIX – начало XX вв.) // Историко-педагогические основания стратегии развития отечественного образования / под ред. З.И. Равкина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
- Иванова Т.Н., Мягков Г.П.* Школа В.И. Герье: основные черты и место в научном пространстве России // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 44. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 165-185.
- Федорова Н.Г., Золотарев В.П., Мягков Г.П.* Государственная аттестация школьных учебников по всеобщей истории на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Омского университета. 2010. № 1. С. 39-52.
- Федорова Н.Г.* Учебник по истории средних веков в дискурсивном пространстве российского общества (вторая четверть XIX – начало XX вв.). Ч. 1. Казань: Отечество, 2012. 208 с.

Федорова Надежда Георгиевна, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный университет правосудия, Казанский филиал; Казань; nfedorova83@mail.ru

THE HISTORY BOOKS OF THE MIDDLE AGES THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES «SCIENTIFIC DEVELOPMENTS» IN THEM

The end of the XIX century is a particularly important stage in the history of the history textbook. Liberal changes in public life and educational policy contributed to an amazing fact: new scientific ideas, concepts and trends, perhaps for the first time so quickly and volume are directly reflected and embodied in the school literature.

Key word: textbook, history of the middle ages, D.I. Ilovaisky, P.G. Vinogradov, N.I. Karev, R.J. Wipper.

Fedorova Nadezhda Georgievna, Candidate of History, Assistant Professor, Kazan branch of the Russian state University of justice, Kazan; nfedorova83@mail.ru

Раздел 5

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ИСПАНИИ

УДК 94(460)»04/14»

Леонова Т.А.

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСПАНИИ

Рассматриваются новые ракурсы современных зарубежных исследований приходской истории через личностные поступки и ориентиры клириков на материалах визитаций средневековой Испании. Показаны особенности формирования в медиовистике гендерных исследований белого духовенства с учетом целибата и его нарушений, поиски и проблемы обоснования идентичности и маскулинности священников католической церкви.

Ключевые слова: средневековая церковь, епископские регистры, визитации, приход, миряне, священник, конкубинат, маскулинность.

Современные исследования истории приходской жизни католической церкви продолжают и развивают проблемы, поставленные в мировой историографии XX в., в рамках исторической антропологии и гендерной истории. Наметившиеся новации, с одной стороны, связаны с общей тенденцией перехода исследовательской практики от общего к частному, индивидуальному и даже уникальному, что выразилось в исследовании явлений и казусов, отклоняющихся от принятых норм и моделей поведения отдельного человека, не только мирянина, но и клирика, нарушающего государственные и церковные установления и порядок. Это позволило медиовистам выйти на проблему исследования не воображаемого или обобщенного образа «доброего» и «дурного» приходского пастыря, а реальной личности клириков приходских общин в рамках локальной истории регионов Западной Европы. Как правило, подобные исследования тематически связаны с историей введения и соблюдения целибата белого духовенства от начала Григориан-

ской реформы (XI в.) до эпохи Реформации¹. С другой стороны, исследование приходской жизни Средневековья пополнились гендерными темами, традиционно посвященными женщинам, молчаливо сопровождавшим по преимуществу мужскую историю Средневековья. Гендер, как правило, история взаимоотношения мужчин и женщин, с очень устойчивой традицией дани «женской истории», о чем пишет Л.П. Репина, характеризуя современные гендерные исследования².

Исследования конкубината клириков обозначили новые возможности и исследовательские пути как истории гендера в средневековой Европе, так и понимания способов самоидентификации приходского духовенства в условиях целибата. Отталкиваясь от проблем исследования конкубината в средневековой Испании, две современные исследовательницы из США – М. Келлехер и М. Армстронг-Партида, определили два уровня исследовательского интереса: конкубинат духовенства, как источник и способ познания наиболее потаенных страниц истории средневековых женщин, а также – конкубинат, как отправная точка исследования механизма формирования идентичности клириков, нарушающих целибат³. Конкубинат духовенства – это нечто большее чем просто дурное поведение священников, он может многое сказать как о маскулинности, так и о гендере.

Обобщая обильную гендерную историю мужчин, большинство исследователей напрямую связывают возникновение «концепции маскулинности, с представлениями Средневековья о том, что истинный мужчина – это женатый глава домохозяйства. Что касается неженатого, то он вызывал недоверие»⁴. Публикации двух исследовательниц Дж. Тибодо (Великобритания) и М. Армстронг-Партиды (США), представляющих современную медиевистику по обе

¹ *Kúmin B.A.* The English parish in a European perspective // *The Parish in English life, 1400-1600.* Manchester; New York, 1997; *Poos L.R.* Ecclesiastical Courts, Marriage, and Sexuality in the Late Medieval Europe // *New approaches to The History of Late Medieval and Modern Europe: selected proceeding of two International conferences at the Royal Danish Academy of Sciences and Letters in Copenhagen in 1997 and 1999* / Ed. F.L. Neilsen, 2009. *Swanson R.N.* Angels Incarnate: Clergy and Masculinity from Gregorian Reform to Reformation in: *Masculinity in Medieval Europe*, ed. D.M. Hadley. N.Y., 1999.

² *Репина Л.П.* 1) *Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика.* М., 2011. 2) «Новая историческая наука» и социальная история. Изд.2-е, испр. и доп. М., 2009.

³ *Kelleher M.* *The Measure of Woman: Law and Female Identity in the Crown of Aragon.* Philadelphia, 2010; *Armstrong-Partida M.* *Priestly marriage: the tradition of clerical concubinage in the Spanish church* // *Viator* 40, 2009. No.2.

⁴ *Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история... С. 231.

стороны Атлантики, высветили новое направление в современной историографии гендера в связи с проблемой целибата и маскулинности белого духовенства в католической Церкви средневековой Европы¹.

Вопрос, привлекающий внимание к исследованию приходского духовенства современных медиевистов, можно сформулировать следующим образом: как сочетались в идентичности представителя белого духовенства обязанность соблюдать целибат, сохраняя при этом мужественность? Известному английскому медиевисту Р. Свенсону принадлежит броская фраза о том, что клирики были мужчинами, но не были «мужиками», то есть, отвергнув маскулинность, присущую мирянам, они оказались «вне гендерного статуса»².

Постановления католических соборов всех уровней и каноническое право, действительно, категорически утверждали, что клирики высоких разрядов не могли жениться; иметь потомство и воспитывать детей; носить и применять оружие. Средневековое приходское духовенство попало в западню между нормами канонического права и требованиями светской маскулинности, приобретая статус некоего третьего, вне маскулинного пола. Современные исследователи обратили внимание на возникновение, как результата введения целибата, не просто конфликта между нормами мирской и клирикальной маскулинности, но «кризиса маскулинной идентичности», с чем сталкивались молодые люди, вступая в ряды духовенства³.

Проблема исследования маскулинности духовенства побудила некоторых медиевистов выделить особый вид клирикальной мужественности, отличающейся от светской модели. Так, если светская маскулинность определялась в терминах военной силы и сексуальной активности, то маскулинность духовенства, используя военный язык, формировала идеал достижения чистоты в результате битвы против мирского соблазна. Тем самым военные ценности как бы

¹ *Thibodeaux J.D.* The Defence of Clerical Marriage: Religious Identity and Masculinity in the writings of Anglo-Norman Clerics // *Religious Men and Masculine Identity in the Middle Ages* / Ed. P.H. Cullum and Katherine J. Lewis. The Boydell Press, Woodbridge, 2013; *Thibodeaux J.D.* The Manly Priest: Clerical Celibacy, Masculinity and Reform in Normandy and England, 1066-1300. Philadelphia, 2015; *Armstrong-Partida M.* Conflict in the parish: antagonistic relations between clerics and parishioners // *A companion to pastoral care in the Late Middle Ages (1200-1500)*. Leiden, 2010.

² *Swanson R.N.* Angels Incarnate... P. 20.

³ *Werner J.* "Just as the priests have their wives": Priests and concubines in England, 1375-1549 / A dissertation submitted to the faculty of the University of North Carolina at Chapel Hill in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Department of History. Chapel Hill, 2009. P. 50.

перенаправлялись на духовную борьбу¹. Как пишет Дженифер Тибодо, создается впечатление, что чем настойчивее Церковь пыталась отдалить духовенство от мирян, очерчивая иной образ их поведения, тем упорнее клирики иногда предпочитали подстраивать свое поведение к стандартам все-таки светской мужественности². К стандартам светской мужественности исследователи отнесли посещение таверн, скандалы и драки, спортивные и военные игры; использование оружия и отказ от форменной одежды белого духовенства³. В историографии конкубината белого духовенства сложилась своеобразная география представлений об устойчивости данного явления на территории континентальной Европы, особенно в Средиземноморском регионе, в том числе в Испании, что сохранялось вплоть до эпохи Реформации⁴.

Как известно, в США активно продвигаются исследования средневековой Испании в рамках Ассоциации испанских и португальских исторических исследований, начиная с 1969 г. и по настоящее время. В 2015 г. была проведена знаменательная конференция «Переосмысление значения брака для женщин: каталонские женщины и широкое распространение практики конкубината», что отразило сформировавшийся широкий исследовательский интерес к поставленным и разрабатываемым проблемам. Так, исследование клирикального конкубината, проведенное Марией Келлехер в статье о конкубинах диоцеза Барселоны, стало первой публикацией, посвященной жизненному опыту этих женщин⁵.

Продолжая работу над монографией «Мера женщины: закон и женская идентичность в королевстве Арагон», М. Келлехер всесторонне обследовала опубликованные испанские источники, а также архивные материалы приходских визитаций Барселонского диоцеза («*Visitas pastorals*») за период 1312–1328 гг.⁶ Как считает М. Келлехер, конкубины средневекового духовенства – неисчерпа-

¹ Sun J. The clergy of the diocese of Hereford in the Later Middle ages / A thesis submitted to the University of Birmingham for the degree of Doctor of Philosophy. Department of History School of history and cultures College of Arts and Law. University of Birmingham, 2015. P. 284.

² Thibodeaux J.D. The sexual Lives of Medieval Norman Clerics: a New Perspective of Clerical Sexuality // The Cultural Significance of Sexuality in the Middle Ages. N.Y., 2008. P. 480.

³ Леонова Т.А. Земное и Небесное: Повседневная жизнь католического прихода Средневековья. Уфа, 2017. С. 167-168.

⁴ Werner J. "Just as the priests have their wives"... P. 12.

⁵ Kelleher M. "Like Man and Wife": Clerics' Concubines in the Diocese of Barcelona // Journal of Medieval History. 2002. No 28. P. 350.

⁶ Kelleher M. The Measure of Woman: Law and Female Identity in the Crown of Aragon. Philadelphia, 2010.

емая проблема, но исследователи, в основном, игнорируют исторический опыт этих женщин. Конкубины священников – это одно из немногих явлений, возможно, самых скрытых женщин во всей истории Средневековья, чью жизнь можно с трудом проследить по документам. Не признанные законом, они редко появлялись в средневековых документах, пока их незаконные отношения со священниками не замечали служащие церковных судов. Вместе с тем М. Келлехер полагает, что их повседневная жизнь и взаимоотношения с другими членами приходской общины имели гораздо большее значение, чем существовавшие правовые нормы¹. Впрочем, уже исследования предшественников (R. Naboucha) М. Келлехер выдвинули предположение, что широкое распространение конкубината в среде мирян привело к тому, что он «воспринимался терпимо и не везде преследовался»².

Мишель Армстронг-Партида, молодой медиевист из Университета Техаса в Эль Пасо, сосредоточила исследовательские интересы не только на проблемах гендера, но и применения насилия в средневековом обществе Испании и Средиземноморья. Ее публикации посвящены практике конкубината в среде духовенства и мирян, тайным бракам, конкубинам священников, конфликтами и преступлениям клириков Каталонии³. Как и практически все исследователи приходской истории, она опиралась на средневековые документы визитаций, сделал вывод, что они дают очень приблизительные данные о сексуальной активности духовенства, так как инспекции регулярно производились не более чем в ¼ приходов, например, Жироны. Некоторые приходы епископские визитаторы посещали 1-2 раза за 50 лет. Кроме того, бедные приходы не могли оплатить содержание епископа, который и не приезжал к ним с визитацией⁴. Некоторые визитаторы могли побывать с инспекцией за один день в 3-4 приходах, поэтому опрос проводился в спешке, что отражают списки визитаций. Их итоги суммировались краткой записью: «церковь и клирики в подходящем состоянии» или «все хорошо». М. Армстронг-Партида считает, что, учитывая особенности источников, лучшим подходом для верификации ис-

¹ Kelleher M. The Measure of Woman... P. 124.

² Werner J. "Just as the priests have their wives"... P. 24.

³ Armstrong-Partida M. 1) Priestly marriage: the tradition of clerical concubinage in the Spanish church; 2) Conflict in the parish: antagonistic relations between clerics and parishioners // A companion to pastoral care in the Late Middle Ages (1200-1500). Leiden, 2010.

⁴ Armstrong-Partida M. Priestly marriage... P. 228.

следования является сопоставление практики конкубината в диоцезе Жирона с другими территориями Каталонии¹.

Давая характеристику испанской историографии проблемы, М. Армстронг-Партида указывает, что основы исследований приходов средневековой Испании заложили работы Жозе Мариа Марти Бонет (Josep Maria Martí Bonet), главного архивиста диоцеза Барселоны. В 1978 г. он исследовал самые старые из сохранившихся документов визитаций архива Барселоны (Arxiu Diocesa de Barcelona), и выявил нарушения дисциплины в истории каталонской церкви. По его подсчетам только 25% священников были замешаны в конкубинате². М. Армстронг-Партида считает, что работа Ж.М. Марти отразила потребность католической церкви показать, что только меньшинство духовенства не придерживались дисциплины и были «повреждены». Его выводы она охарактеризовала как апологетические, особенно потому что он провозгласил, что каталонские клирики вели «образцовую жизнь»³.

Однако документы Каталонии XIV в. показывают, что большое число каталонских клириков вступали в брачные союзы вопреки существующему уже 200 лет церковному запрету на браки священников. В частности, анализ М. Армстронг-Партиды опубликованных документов визитаций из диоцеза Барселоны открыл высокий уровень конкубината. Из 64 приходов, которые посетил в 1303 г. епископ Ponç de Gualba, в 56 приходах было зафиксировано 19 ректоров, 32 священника, 2 монаха, 2 капеллана, 1 субдьакон и 7 неуказанного статуса клириков были обвинены в конкубинате. Почти в каждом приходе был клирик высокого ранга, находящийся в конкубинатных отношениях. В качестве подтверждения своих исследований она ссылается на данные Пере Бенито и Монклюза (Pere Benito i Moclús), поиски которого шли параллельно исследованию М. Армстронг-Партиды. Более того, П. Бенито подсчитал, что 68% клириков в конкубинате имели детей, указывая, что многие поселяне и прихожане знали об их отцовстве и спокойно к этому факту относились⁴.

М. Армстронг-Партида заключает, что католическая церковь далеко не всегда успешно реформировала и исправляла испанскую религиозную традицию. Например, епископ Сеговии в 1216 г. попытался запретить конкубинат, но священники объединились и принесли «клятву помогать друг другу против епископа», что

¹ *Armstrong-Partida M. Priestly marriage... P. 222.*

² *Ibid. P. 230.*

³ *Ibid. P. 231.*

⁴ *Ibid. P. 230.*

оказалось действенной мерой. Постановления III и IV Латеранского собора имели незначительный эффект в Кастилии, Леоне и Арагоне. Более того, клирики игнорировали и не посещали епископские синоды и соборы¹.

Исследования конкубината клириков, как составляющей части представлений о мужественности белого духовенства, М. Армстронг-Партида дополнила обширным очерком, посвященным конфликтам, возникающим между мирянами и клириками в приходах Каталонии². Она четко определила направленность исследования: «моя цель – обнажить человеческое лицо клира как личностей» с такими же ошибками, как и у мирского населения средневековой Испании³. Исследуя проблему конфликта на приходе, она опиралась на два предположения. Во-первых, вооруженные люди и насилие всегда присутствовали в обществе, где маскулинность была одновременно связана с честью, репутацией, бравадой и физической силой⁴. Во-вторых, клирики Каталонии были полностью включены в общины. Их связи с семьей и друзьями оставались сильными, так как они часто оставались в той общине, где они выросли⁵.

Вооруженный клирик не вызывал удивления в средневековом обществе. Оружие приобретали, наследовали и носили все сословия. Самый прострой инструмент и оружие – нож, который мог согдотиться не только для застолья, но и защиты. Клирики использовали его как оружие против грабителей и воров на ночных улицах. В Барселоне духовенству запрещали носить оружие в городе, за исключением тех случаев, когда они имели лицензию или шли в церковь на заутреню по темным улицам⁶. Вместе с тем Синодальные статуты в диоцезах Барселоны и Жироны, касающиеся вооруженных клириков, постановили, что клирик должен иметь «оправдывающие причины» ношения оружия. Например, защищать себя или из боязни за свою жизнь. Категорически клирикам запрещалось появляться с оружием на Синоде и в кафедральном соборе во время службы. В действительности, епископская власть не смог-

¹ Ibid. P. 234.

² *Armstrong-Partida M. Conflict in the parish: antagonistic relations between clerics and parishioners // A companion to pastoral care in the Late Middle Ages (1200-1500). Leiden, 2010.*

³ Ibid. P. 176.

⁴ Ibid. P. 177.

⁵ Ibid. P. 175.

⁶ Ibid. P. 194.

ла запретить ношение оружия, которое, как свидетельствуют визитации, ежедневно сопровождало жизнь клириков¹.

М. Армстронг-Партида приводит многочисленные свидетельства взаимных нападений мирян и клириков. Клирики могли проявить насилие, защищая честь семьи. Клирик Понс де Рока ответил на оскорбление, нанесенное отцу мирянином Джоном Гилберном. Нарушая иммунитет святого здания церкви, он напал на мирянина с мечом и ранил его в левую руку, которую затем ему пришлось ампутировать².

Персональные фавориты клириков с прихожанами длились годами и завершались кровопролитием не только в Испании³. Роли жертвы и преступника могли меняться. В ряде случаев клирики становились жертвами ненависти прихожан.

М. Армстронг-Партида считает, что мирян возмущало даже не преступления священников, а их особый статус, обеспечивающий клирикам безнаказанность⁴. В 1345 г. епископ Барселоны выразил озабоченность тем, что криминальная деятельность клириков побуждает «людей давать клирикам отпор». Поэтому он даровал аббату власть заключать в тюрьму и штрафовать клириков, живущих на земле аббатства, «чтобы их преступления не остались безнаказанными». Что подразумевал епископ – об этом говорят несколько примеров, которые приводит М. Армстронг-Партида, когда прихожане стали жертвами разбоя духовенства. Особенно впечатляет битва сакриста и мирянина с серпами наперевес, в которой победителем стал священник, избивший не только противника, но и его быков, утверждавший на суде, что это была вынужденная самооборона⁵. Преступные деяния священников в записях визитаций приходов и документах церковных судов, по мнению М. Армстронг-Партиды, отражают тот факт, что клирики, как и миряне, прибегали к насилию для разрешения конфликтов, а также для усиления власти и авторитета в своих приходах⁶.

Результаты своих исследований и публикаций М. Армстронг-Партида подвела в своей первой монографии «Дерзкие священники...», изданной летом 2017 г.⁷ В ее основу положено

¹ Ibid. P. 195.

² Ibid. P. 200.

³ *Леонова Т.А.* Фавориты позднесредневекового католического прихода // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 6.

⁴ *Armstrong-Partida M.* Conflict in the parish... P. 183.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. P. 205, 208.

⁷ *Armstrong-Partida M.* Defiant Priests: Domestic Unions, Violence, and Clerical Masculinity in Fourteenth-Century Catalunya. Cornell University Press, 2017.

исследование того, как браки и преступления *de facto* усиливали клерикальную маскулинность и идентичность белого духовенства Каталонии XIV в.

История Испании и испанской церкви – особая страница в истории средневековой Европе, связанная не только с арабским наследием, но и особым вниманием католической Церкви к восстановлению христианских норм в приходской среде, безусловно, требует особого исследования, чем и занимается современная историография Иберийского полуострова.

Библиография

- Леонова Т.А. Земное и небесное: Повседневная жизнь католического прихода Средневековья. Уфа: Инеш, 2017. 224 с.
- Леонова Т.А. Файды позднесредневекового католического прихода // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 6. С. 161-177. DOI:10.7256/2454-0609.2017.6.24123. URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24123
- Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2009. 390 с.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кружок, 2011. 560 с.
- Armstrong-Partida M. Priestly marriage: the tradition of clerical concubinage in the Spanish church // *Viator* 40. 2009. No. 2. P. 221-253.
- Armstrong-Partida M. Conflict in the parish: antagonistic relations between clerics and parishioners // *A companion to pastoral care in the Late Middle Ages (1200-1500)*. Leiden, 2010. P. 173-212.
- Armstrong-Partida M. *Defiant Priests: Domestic Unions, Violence, and Clerical Masculinity in Fourteenth-Century Catalunya*. Cornell University Press, 2017. 392 p.
- Kelleher M. “Like Man and Wife”: Clerics’ Concubines in the Diocese of Barcelona // *Journal of Medieval History*. 2002. No28. P. 349-360.
- Kelleher M. *The Measure of Woman: Law and Female Identity in the Crown of Aragon*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2010.
- Kúmin B.A. *The English parish in a European perspective* // *The Parish in English life, 1400-1600* / Ed. by K.L. French, G.G. Gibbs, B.A. Kúmin. Manchester; New York, 1997. P. 15-32.
- Thibodeaux J.D. *The Defence of Clerical Marriage: Religious Identity and Masculinity in the writings of Anglo-Norman Clerics* // *Religious Men and Masculine Identity in the Middle Ages* / Ed. P.H. Cullum and Katherine J. Lewis. The Boydell Press, Woodbridge, 2013. P. 46-63.
- Sun J. *The clergy of the diocese of Hereford in the Later Middle ages* / A thesis submitted to the University of Birmingham for the degree of Doctor of Philosophy. Department of History School of history and cultures College of Arts and Law. University of Birmingham, 2015. 573 p. URL: <http://etheses.bham.ac.uk/6161/1/Sun15PhD.pdf>
- Swanson R.N. *Angels Incarnate: Clergy and Masculinity from Gregorian Reform to Reformation* // *Masculinity in Medieval Europe* / Ed. D.M. Hadley. New York: Longman, 1999.
- Thibodeaux J.D. *The sexual Lives of Medieval Norman Clerics: a New Perspective of Clerical Sexuality* // *The Cultural Significance of Sexuality in the Middle Ages*. N.Y., 2008. P. 470–482.

Thibodeaux J.D. The Manly Priest: Clerical Celibacy, Masculinity and Reform in Normandy and England, 1066-1300. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015. 230 p.

Werner J. "Just as the priests have their wives": Priests and concubines in England, 1375-1549 / A dissertation submitted to the faculty of the University of North Carolina at Chapel Hill in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Department of History. Chapel Hill, 2009. 346 p. URL: <https://cdr.lib.unc.edu/indexablecontent/uuid:3b4c2b8e-f983-4220-9a6f-7fada717870a>

Леонова Татьяна Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа; lenotan@mail.ru

NEW DIRECTIONS OF MODERN RESEARCH OF THE PARISH LIFE IN MEDIEVAL SPAIN

New perspectives of contemporary foreign studies of parochial history are examined through personal actions and reference points of clerics on the materials of medieval Spain's visitations. The peculiarities of the formation in the medieval history of gender studies of the white clergy taking into account celibacy and its violations are shown. Searching and resolving the problem of identity and masculinity of the priests of the Catholic Church.

Key words: medieval church, episcopal registers, visitations, parish, laity, priest, concubinage, masculinity.

Leonova Tat`yana Alekseevna, Candidate of History, assistant professor Bashkir State Pedagogical University n.a. M. Akmullah, Ufa; lenotan@mail.ru

Alvarez C.

PROPOSAL OF A QUIXOTIC READING OF A HISTORICAL FACT: THE INITIAL MOMENT OF THE CONVERSION OF SAINT FRANCIS OF ASSISI

Through a *quixotic reading* –faith in books, literalness in following very closely the words and meaning of the adventure, and legacy of the Arthurian legend–, this paper tries to interpret an aspect of the beginning of the conversion of Francis of Assisi. His dream vision on Spoleto led him to a major change of life, when he reflected on the meaning of the terms *to follow, serving, servant* and *lord*. These words are essential in the chivalric ideal and the troubadours' poetry, and they are present in the culture of Francis' time. For Francis, with his faith and creative literalness, it was the Gospel light that illuminated such words and made these take on a more radical and transcendental sense. Thus he definitively started out on a new life of Christian loving service.

Key words: Saint Francis of Assisi, quixotic reading, serving-love, Arthurian chivalric ideal, Christian conversion, Gospel, Christian culture.

Vladimir Vedyushkin has pointed out an interesting detail in the V.K. Piskorsky's works, with which I would like to start out exposing my proposal: Piskorsky projects his concerns on Russian life of 19th century in his studies of medieval Spain¹. That inevitable subjectivity always present in historical works is what I wish to emphasize as a necessary source that, with its obvious limits but with subtlety in the explorations of inclinations and intuitions, allows to propose certain possibilities of understanding a historical fact usually covered in shadows or arousing enigmas that we wish to address and hope to elucidate to a certain extent. For this purpose of “wanting to understand” I follow Henri-Irénée Marrou and Michel de Certeau: “to understand is having to find in the same historical information that which makes it thinkable”², and –we might add– intelligible.

With an analogical approximation, through the characteristics of the most important imaginary character created by the Spanish and universal writer Miguel de Cervantes, I will try to interpret a specific historical episode of Giovanni “Francesco” of Pietro Bernardone, the future Saint Francis of Assisi (1182-1226) that is impossible of knowing in a factual and documentary way as it is understood in the current

¹ *Vedyushkin V.* La España de los historiadores rusos (segunda mitad del siglo XIX – comienzos del siglo XX) // *Eslavística Complutense*. Vol. 14. Madrid, 2014. P. 110.

² *Michel de Certeau.* La escritura de la historia (1975). Translation by Jorge López Mottezuma. 2^a ed. México, 1985.

mainstream of research. I strive to understand what he may have felt or experienced in his heart and in his thought as an aspiring knight, when, on his warrior adventurous journey to Puglia in 1205, he stopped in Spoleto and returned to his native Assisi to start a new life. For this purpose, I will follow some elements of the research in which I have been working for some years and that in other contexts I have called a *quixotic reading*¹.

At least three elements can be observed in the reading of Don Quixote's chivalry romances. Firstly, a *faith* in the books he reads, with the absolute trust that what they say is true. A second aspect concerns the *literalness* of the adventure he undertakes when he wishes to put his reading into practice, trying to faithfully follow his model of the knight-errant, Amadís de Gaula. Finally, although the model is the Amadís, the third element has to do with the inspiration and the definition of the chivalric ideal born, as Don Quixote himself recalls, in the *Arthurian legend*². From the values and ideals shown in the courageous adventures of the legendary King Arthur and his noble knights-errant, Don Quixote finds and forms his conviction, chooses a life profession with this singular literal method, and therefore can describe the inevitable path of confirmation of its mission to seek out adventures to help the weak and the needy. I would like to have in mind these three elements of a *quixotic reading* so as to try a drafting of a perspective concerning the event that led to the beginning of the conversion of Francis of Assisi.

In the often-called *Second Life of Saint Francis*, written by Tommaso da Celano in 1246-1247, that episode is narrated briefly. There we can read as the young merchant of Assisi, with his frustrated aspiration – a bit “snobbish” – to be a knight³, returns to his homeland from Spoleto. In the summer of 1205 he had followed the desire for chivalrous glory after the adventure he had promised an expedition to the Puglia region with the army of Count Walter III of Brienne. His ambition for glory is further enhanced by a splendid dreamlike vision of a palace full of arms and also with the presence in it of a beautiful bride; in this dream that he perceives as prophetic, he hears a voice calling him by his name with the promise of fame and possession of all those warrior goods. But Francis did not continue his enthusiastic journey

¹ Cristian Álvarez. “De la búsqueda y la nostalgia. Una reflexión sobre la lectura quijotesca a partir de algunas líneas de Jorge Luis Borges” en Don Quijote, cosmopolita. Nuevos estudios sobre la recepción internacional de la novela cervantina. Vol. II. Hans Christian Hagedorn (coord.). Cuenca, España, 2009. P. 219-248.

² *Miguel de Cervantes*. Don Quijote de la Mancha (1605), first part, chapter XIII.

³ *Jacques Dalarun*. Francesco: un passaggio. Donna e donne negli scritti e nelle leggende di Francesco d'Assisi (1994). 2^a ed. Roma, 2001. P. 138.

because, feeling ill or unwell, he stopped right near Spoleto, about forty kilometers south of Assisi. There, another enigmatic and dreamlike night vision that blended his intimate being and also the heavenly things, disrupted the way he saw things until that moment and revealed the consequent need to return to his homeland. A precise question problematized the steps to the path that the young man had initiated when he was interrogated with true subtlety by a voice through the mysterious dialogue of his dream vision: "*Quis sibi melius facere queat, servus an dominus?*" ("Who can reward you better, the servant or the lord?")¹. Perhaps the question could be even more refined if we look first to the chivalrous profession rather than to the reward: Whom to follow in order to better serve, the lord or the servant? Undoubtedly, this impressed Francis very much. Upon his return, again and again he reviews the words he heard in that extraordinary dream that taught him much more of his own being, of his intimate desires and aspirations of plenitude, of his reality and of everything he had not been conscious of till that moment. Almost all the biographical testimonies affirm that Francis's sensitivity to the meaning of words was extremely intense and vivid, so that the fact that the young enthusiastic aspiring knight clearly heard the terms *to follow*, *serve*, *servant*, and *lord* in those images of his dream, must have disturbed his confident spirit in the forces of his illusions and incited him to a definitive process of internal questioning. Those precise words are still fundamental in a vision of the ideal of chivalry and its motives for action, and by specifically emphasizing those questions directly addressed to his conscience, they could not remain unnoticed by him in a simple or immediate response. If launching himself into the chivalric adventure offered a promise of glory, what would this glory be and what would it consist of? For a charismatic Francis, continually celebrated in the festive context of the youth of his city, the appetite for fame aspired to extend into a heroic enterprise that could be carried out as a knight, and thus his desire to be invested as such. But, with all those apparent benefits of a glorious aura, chivalry implies service, in its first definition, something essential that vanity always tends to omit. What does to serve mean for a knight?

Francis ceased to be who he had been up to then in the frustrated adventure of chivalry, in the diffuse pursuit of the ideal construction of his person. But, paradoxically, in the further course of doubts and questions, it seems that Francis' being was becoming more intense, and his self-absorption was coinciding with the beginning of another search period that, although somewhat confused, would lead to a real concretion, though still not clear enough to be distinguished. André

¹ Tomasso da Celano. Vita secunda II, 6,6.

Vauchez describes this period as one deep interior search for Francis, both in his intimate being and in the reality that he had to live, the *existential turning* (*retournement*), a progressive but crucial transformation that goes from the chivalric values to an experience based on the Gospel¹. In some way the chivalric values that aroused Francis' adventurous departure will acquire a different and perhaps more radical meaning in his new stage of life.

In this sense, I believe that, from a personal perspective, the fact that prompted the turning of Francisco, wonderful and decisive according to his first biographers, acquires an additional and special significance if we just attend to how he felt, read and understood the value of words –often with this surprising literalness, as well as with an accurate intuition–, and we can further ponder on how this can be related to his fascination with the ideal of legendary chivalry present in the literary and oral tradition of his time.

Probably at the beginning of his ride to Puglia, Francis thought with enthusiasm and also perhaps with certain rashness of the images of exploits in battles, and as consequence he saw himself very soon rewarded with noble reconnaissance and honors, but perhaps he also forgot that to be a warrior does not exactly mean what to be a knight means, although both can be heroes. The chivalry, at least that which formed spiritually in the 12th century, and appears in the prodigious stories of the Arthurian legends, demands something else: the warrior value is oriented towards service, and this cannot correspond with vainglory. Francis must have known some of such stories and their ideality through the oral tradition of his time, and this can be observed in part in certain lines of his texts and the biographies his contemporaries wrote about him that. In the verse novels of Chretien de Troyes (c.1130-c.1180), Lancelot and Perceval are examples of the *chevalier servant*: they serve especially King Arthur and his justice, and also every lady and maiden who is in danger or need. Perceval, with his naive sally and his subsequent conversion to the continuation of his quest for the grail, suggests even more when during the confession with his hermit uncle, near the end of the unfinished novel, it is said that the conscious definition of the chivalric profession begins with the love of God and continues in service². Likewise, with its climax in the same century and coinciding in the context of the *amour courtois* or *fin' amors*, the poetry of the troubadours uses as a metaphor to express

¹ André Vauchez. François d'Assise: Entre histoire et mémoire. Paris, 2009. P. 52.

² Chrétien de Troyes. Le conte du graal ou le roman de Perceval, vv. 6365-6453, edition of the manuscript 354 de Berne. Critical translation, presentation and notes by Charles Méla. Paris, 1990. P. 452-458.

love, the central theme of its *cançó*, the language of feudal vassalage: the term *serving* is synonymous of *loving*¹.

The knight must be a *servant*, and this term in turn is connected to a precise verb, which in literal metaphor leads to meanings of greater transcendence in the context of Christian culture further beyond the chivalrous. Here lies the essential difference, a revelation that is at the same time a disconcerting question that marks the turning point of the curve in the returning of Francis. So, what is chivalric serving? Or more precisely, how can this service be understood as coming forth from the voice of the Lord?

This image of a Francis enthusiastic for the chivalric ideal, but also disappointed, disgruntled and perhaps derided at the time of his return from Spoleto, as also acutely perceived by G. K. Chesterton², suggests that we should deepen some aspects of the saint's life to try to better understand him in the complex process of his inner questions, of his restless spiritual search and of the decisions that would definitively configure the option of his existence: an original way of translating the values of the chivalry's ideal into everyday life through the light of the Gospel.

As I said before, the references to the images and themes of the knightly epic, and equally the courtesy and poetry of the troubadours of the twelfth and thirteenth centuries are very early in the first biographical sources on Francis³, and can also be seen, but certainly in a very small proportion, in some of the writings of the Saint of Assisi. This is not surprising, because they belong or are close to his cultural environment and to the authors of his life's stories; several of them were companions of Francis in the first generation, what later will become known as the Order of Friars Minor. In the texts of and on Francesco, the presence of chivalry and the aspects associated with courtesy, models of language and behavior and sensitivity –following the precise expression of Jacques Le Goff⁴– have been identified and studied by many historians and have also constituted enthusiastic and central motivation for the composition of some biographies, as well as for subtle explanatory comments from other writers on the vital “adventure” of Francis. Whatever the different investigations in this

¹ *Martín de Riquer*. Los trovadores. Historia literaria y textos. Vol. I, N°64-74. Barcelona. P. 77-88.

² *Chesterton G.K.* Saint Francis of Assisi. London; Toronto, 1923. P. 56.

³ The two by Vite Tomasso da Celano, the *Leggenda maggiore* by San Bonaventura da Bagnoregio, the *Leggenda dei tre compagni*, the Anonimo Perugino and *Compilatio Assisiensis*.

⁴ *Le Goff Jacques*. “Franciscanismo y modelos culturales del siglo XIII”. In San Francisco de Asís (1999). Translation; Madrid, 2003. P. 133.

sense, Giovanni Miccoli insists in observing that what is fundamental in the message of Francis in his renewed evangelical proposal is, of course, taken from the Sacred Scriptures¹. For Le Goff, through the “courteous vocabulary” of Francis, furthermore participating “in the cultural models of his secular contemporaries”, he “expressed an internalization of the warrior heroism that characterized the religion of his time”, which is undoubtedly worthy of study. The traits fascinated by the seduction that propitiates the heroic, present in the descriptions of what today we would call “existential struggle”, are not strange in the religious texts of that time². That this heroic vision was impregnated at the same time by the values of courtesy, not only as a manifestation of the culture of those centuries, but as a special attribute in the chivalric legends of Francisco’s time³ would give a particular color to the experience of faith, whose concretion is perceived in gestures, images and words. Miccoli does not exclude this fact, but he observes that what is fundamental in the message of Francis in his renewing evangelical proposal it is, of course, taken from Sacred Scripture.

I believe that Miccoli’s interest in setting the Gospel source as “cornerstone” in the experience of Francis –as he himself expressed it in his *Testament* (N°14) a few months before his passing away in 1226– avoids the loss of the essential in the route of approach to the figure of *il Poverello*, when we attend to the chivalrous elements that are distinguished in the texts that collect his legacy and narrate his history. However, at the same time, it opens up a possibility of investigation that allows us to try a subtle variation in the way of approaching so as to try to understand something more than his *existential turning*, of the particular path that Francis chooses for his life. I try to offer a point of view on the conversion process: to appreciate how a vision of the ideal of chivalry in Francis becomes extreme when it is illuminated by faith in the Gospel, transforming itself into substance and dimensions. I think that at this point certain peculiarities of the extraordinary personality of Francisco that still fascinates us with their authenticity will be the key in this exploration: his *impulsive natural individuality* to undertake every

¹ Giovanni Miccoli. “Francesco d’Assisi e l’ordine dei minori”. In *La storia religiosa*, chapter of *Storia d’Italia*. Volume secondo. Dalla caduta dell’Impero romano al secolo XVIII I. Torino, 1974. P. 736.

² So we can see him in the qualification of Francesco as miles Christi for the first biographers, and even in the same papal bull of his canonization, *Mira circa nos* (n°3), formulated by Gregory IX in 1228, and which compares the exploit of the saint with that of Samson defeating the thousand philistines.

³ A double and paradoxical demand for human nature that is not acquired without an arduous discipline, as C.S. Lewis would say when has reflected on this ideal. Cfr. C.S. Lewis. “The Necessity of Chivalry” (1940). In *Present Concerns*. Edited by Walter Hooper. San Diego; New York; London, 1986. P. 13-14.

action, so surprising for Chesterton; his knowledge of people and things, very different from that of the intellectual vision, which, as Vauchez points out, was based on taste, on tasting, a sensitive and very tangible experience of *saporesapere* (tasting-knowing) in his approach to the divine mystery¹; his *intuition* and his particular *literalness* in understanding readings that led him directly to reality without intermediation.

Turning to the vision of Spoleto and the echo of its words that Francis would meditate on in his literalness and that propose a different path and announce another glory, *to follow the Lord* seems to be translated into a specific form of *service*, which in the metaphor of troubadour means *love*. But is not this precisely what Jesus, the Lord, teaches us with his word and life in the Gospel? Let's see some quotes: "...whoever wants to be great among you will be your servant, and whoever wants to be the first among you will be the servant of all. For the Son of Man did not come to be served, but to serve and give his life as a ransom for many" (Mark 10: 43-45); "...Whoever wishes to come after me must deny himself, take up his cross, and follow me" (Matthew 16: 24); at the Passover dinner at the beginning of his passion, Jesus "he rose from supper and took off his outer garments. He took a towel and tied it around his waist. Then he poured water into a basin and began to wash the disciples' feet and dry them with the towel around his waist (...) So when he had washed their feet and put his garments back on and reclined at table again, he said to them, «Do you realize what I have done for you? You call me 'Lord' and 'master', and rightly so, for indeed I am. If I, therefore, the Lord and master, have washed your feet, you ought to wash one another's feet. I have given you a model to follow, so that as I have done for you, you should also do. Amen, amen, I say to you, no servant is greater than his master, nor any messenger greater than the one who sent him» (...) «I give you a new commandment: love one another. As I have loved you, so you also should love one another. This is how all will know that you are my disciples, if you have love for one another»" (John 13: 4-5; 12-16; 34-35).

After the vision in Spoleto, on his return to Assisi, the deluded and later frustrated would-be knight would have thought based on his faith that truly following the Lord calls for a life of service which, seen through the creative literalness of Francis, exceeds by far the limits of a warrior adventure that only offers glory. Thus he began a period of intimate retreat in the desert, of profound meditation and prayer in

¹ *Pietro Maranesi*. *Facere misericordiam*. La conversione di Francesco d'Assisi: confronto critico tra il Testamento e le Biografie. Santa Maria degli Angeli. Assisi, 2007. P. 295.

solitude, in which the evangelical words about love and service would surely resonate to try to fulfill the “holy and true commandment” of Jesus, as he continually expressed in the prayer before the Crucifix of the little church of San Damiano, the first that he repaired in his deed. Love expresses itself in serving. The search that has definitely changed his life is illuminated by a very specific love service in mercy and attention to lepers, the last and most excluded humans of the society of that time, outside the walls of his city, Assisi. He himself recalls in his *Testament* (N 1-3) that this was the beginning of his path of penance, of his new life converted and in which what he had previously perceived as “the bitter became the sweetness of his spirit and his body”. The loving service of the literal “washing the feet” and the sores to the lepers gives the origin to the historical path that will lead the to the recognition of his holiness.

How close is this attempt at understanding to the singularity of the “historical” Francis or, more specifically, to his religious experience? Grado Giovanni Merlo remembered the impossibility of knowing the historical character completely through his first biographies with their respective nuances of idealization, celebration and postures. Only a continuous dialogue between the texts written by Francisco and his biographies could help us to know a little more about who he was, an issue that will always seem inexhaustible¹.

As I said before, between history, memory and legend, perhaps my contribution to the theme is to show a perspective that just focuses on highlighting only some elements of a legacy of Francis that still touches us and questions us, with the limitations and the questions of an enthusiast of the *quixotic reading* of the chivalry books, in an attempt to understand the non-transferable personal experience of the love of God that the saint of Assisi had: a subjective experience of faith, of profound and intimate commotion that was translated into a historical reality.

Bibliography

A double and paradoxical demand for human nature that is not acquired without an arduous discipline, as C.S. Lewis would say when has reflected on this ideal. Cfr. C.S. Lewis. “The Necessity of Chivalry” (1940) // *Present Concerns*. Edited by Walter Hooper. San Diego; New York; London: Harvest/HBJ Book, 1986.

André Vauchez. François d'Assise: Entre histoire et mémoire. Paris: Librairie Arthème Fayard, 2009.

¹ *Grado Giovanni Merlo*. “L’incidenza degli scritti di Frate Francesco sul rinnovamento della storiografia francescana contemporanea”. In *Verba Domini Mei* gli Opuscula di Francesco d’Assisi a 25 anni dalla edizione di Kajetan Esser, OFM. Atti del Convegno internazionale, Roma 10-12 aprile 2002. Edited by Alvaro Cacciotti. Roma: Edizioni Antonianum, 2003. P. 430-457.

- Chrétien de Troyes*. Le conte du graal ou le roman de Perceval, vv. 6365-6453, edition of the manuscrit 354 de Berne. Critical translation, presentation and notes by Charles Méla. Paris: Lettre Gothiques. Le Livre de Poche, 1990. P. 452-458.
- Cristian Álvarez*. “De la búsqueda y la nostalgia. Una reflexión sobre la lectura quiijotesca a partir de algunas líneas de Jorge Luis Borges” en *Don Quijote, cosmopolita. Nuevos estudios sobre la recepción internacional de la novela cervantina*. Vol. II. Hans Christian Hagedorn (coord.). Cuenca, España: Ediciones de la Universidad de Castilla-La Mancha, 2009. P. 219-248.
- Chesterton G.K. Saint Francis of Assisi*. London; Toronto: Hodder and Stoughton LTD., 1923.
- Giovanni Miccoli*. “Francesco d’Assisi e l’ordine dei minori”. In *La storia religiosa, chapter of Storia d’Italia. Volume secondo. Dalla caduta dell’Impero romano al secolo XVIII I*. Torino: Giulio Einaudi editore, 1974.
- Grado Giovanni Merlo*. “L’incidenza degli scritti di Frate Francesco sul rinnovamento della storiografia francescana contemporanea”. In *Verba Domini Mei gli Opuscula di Francesco d’Assisi a 25 anni dalla edizione di Kajetan Esser, OFM. Atti del Convegno internazionale, Roma 10-12 aprile 2002*. Edited by Alvaro Cacciotti. Roma: Edizioni Antonianum, 2003. P. 430-457.
- Jacques Dalarun*. *Francesco: un passaggio. Donna e donne negli scritti e nelle leggende di Francesco d’Assisi* (1994). 2^a ed. Roma: Viella, 2001.
- Le Goff Jacques*. “Franciscanismo y modelos culturales del siglo XIII”. In *San Francisco de Asis* (1999). Translation: Eduardo Carrero Santamaría. Madrid: Ediciones Akal, 2003.
- Martin de Riquer*. Los trovadores: historia literaria y textos. Vol. I. Nº 64-74. Barcelona: Ariel, 1983. 603 p.
- Michel de Certeau*. *La escritura de la historia* (1975).
- Miguel de Cervantes*. Don Quijote de la Mancha (1605), first part, chapter XIII.
- Pietro Maranesi*. *Facere misericordiam. La conversione di Francesco d’Assisi: confronto critico tra il Testamento e le Biografie*. Santa Maria degli Angeli. Assisi: Edizioni Porziuncola, 2007.
- So we can see him in the qualification of Francesco as *miles Christi* for the first biographers, and even in the same papal bull of his canonization, *Mira circa nos* (nº3), formulated by Gregory IX in 1228, and which compares the exploit of the saint with that of Samson defeating the thousand philistines.
- The two by *Vite Tomasso da Celano*, the *Leggenda maggiore* by San Bonaventura da Bagnoregio, the *Leggenda dei tre compagni*, the *Anonimo Perugino* and *Compilatio Assisiensis*.
- Translation by Jorge López Moctezuma. 2^a ed. México: Universidad Iberoamericana, 1985.
- Vedyushkin V*. La España de los historiadores rusos (segunda mitad del siglo XIX – comienzos del siglo XX) // *Eslavística Complutense*. Vol. 14. Madrid: Universidad Complutense de Madrid, 2014.

Alvarez, Cristian, Doctor on Letters, Master in Contemporary Latin American Literature, and Urbanist. Emeritus Full Professor of Simon Bolivar University, Caracas, Venezuela;

ВАРИАНТ ДОНКИХОТСКОГО ПРОЧТЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКТА: У ИСТОКОВ ОЗАРЕНИЯ СВЯТОГО ФРАНЦИСКА АССИЗСКОГО

В статье предпринята попытка интерпретировать момент трансформации взглядов Франциска Ассизского под влиянием видения в Сполето, приведшего его к кардинальной перемене образа жизни, когда он размышлял о значении слов «следовать», «служение», «слуга» и «господин». Эти слова имманентны рыцарскому идеалу и поэзии трубадуров. Они присутствуют и в культуре времени Франциска. Для него, с его верой и творческой способностью писать, именно свет Евангелия освещал данные слова, придавая им более радикальный и трансцендентный смысл. Так он окончательно начал новую жизнь Христианского служения в любви.

Ключевые слова: Св. Франциск Ассизский, Дон Кихот, Артуриана, Артуровские легенды, христианское служение, Евангелие, христианская культура.

Альварес Кристиан, доктор филологии, Почетный профессор Университета Симона Боливара, Каракас, Венесуэла.

Третьякова М.В.

**ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ КОРОЛЯ ИСПАНИИ ФИЛИППА II
(по данным итогового отчета венецианского посла
в Испании Джованни Соранцо)**

Личная жизнь монархов всегда являлась объектом пристального наблюдения их окружения. Дипломаты, находившиеся при дворе правителей, также в своих депешах / итоговых отчетах сообщали об этой стороне придворной жизни. Так поступил и Джованни Соранцо, венецианский посол, аккредитованный при дворе Филиппа II (1556–1598) в 1562–1564 гг.

Трудно сказать, к какому времени относится начало дипломатической деятельности Джованни Соранцо. Неизвестно также и то, была ли первой эта его миссия – ординарное представительство при дворе Филиппа II в 1562–1564 гг. О Джованни Соранцо нам мало что известно, в основном только то, что он принимал участие в посольствах¹, и то, что о нем писали в своих итоговых отчетах его сыновья – Франческо и Джироламо. Знаем, со слов Франческо и его брата Джироламо, что у их отца – Джованни Соранцо – «политика, дипломата, было четверо детей, двое из которых стали дипломатами»².

Есть сведения, что в 1571 г. Джованни Соранцо был отправлен в Рим для подписания вместе с М. Суриано, который в это время был послом Венеции в папской курии, договора о создании Святой Лиги³. В 1574 г. Джованни Соранцо был направлен к Филиппу II,

¹ Например, Виттор ди Никколо (вторая половина XV в.) был послом Венеции во Флоренции, Милане; Джованни ди Франческо – послом в Испании, Риме, Франции; Джованни ди Лоренцо – байло в Константинополе, попавшим там в заключение; Лоренцо ди Андреа – послом в Англии, Риме, Порте, байло в Константинополе; Франческо ди Джованни – послом в Испании, Риме; Джироламо ди Джованни – послом при дворах императоров Рудольфа, Маттиаса, королях Испании Филиппа III, Филиппа IV, пап Григория XV, Урбана VIII, короля Франции Людовика XIII (Brunetti M. SORANZO // Enciclopedia Italiana. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/soranzo_\(Enciclopedia-Italiana\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/soranzo_(Enciclopedia-Italiana)) (дата обращения: 08.01.2014).

² Relazione di Spagna di Francesco Soranzo cav. ambasciatore a Filippo II e Filippo III dall'anno 1597 al 1602 // Barozzi N., Berchet G. Relazioni degli Stati Europei lette al Senato dagli ambasciatori veneti nel secolo XVII / Raccolte ed annotate Da Nicolò Barozzi e Guglielmo Berchet. Venecia, 1856. Serie. I. Spagna. Vol. I. P. 214. Далее – Relazione di Spagna di Francesco Soranzo.

³ Paruta P. Storia della guerra di Cipro. Libri tre. Siena, 1827. P. 147. Паоло Парута – официальный венецианский историограф.

чтобы сообщить испанскому монарху о заключении мирного договора с Турцией¹.

В 1581 г. у Филиппа II умерла четвертая жена, и венецианское правительство распорядилось отправить посольство, куда входили четыре нобилия: Джакомо Фоскари, Джованни Микеле, Джованни Соранцо, Антонио Тьеполо, чтобы выразить соболезнования от имени Венецианской республики по поводу утраты испанскому королю. В 1598 г. вместе с Паоло Парутой, Якопо Фоскарини, Леонардо Донà Джованни Соранцо входил в состав чрезвычайного посольства к папе Клименту VIII. Посольство было отправлено, чтобы принести поздравления от имени Республики папе по случаю присоединения к папским владениям Феррары².

Возвращаясь к миссии Джованни Соранцо как полномочного ординарного посла Венеции при дворе Филиппа II, следует отметить, что она была освещена венецианским дипломатом в итоговом отчете³.

Так, свой отчет, по данным Е. Альбери, Джованни Соранцо представил в сенат в 1565 г.⁴ Е. Альбери пишет, что Джованни Соранцо был назначен преемником Паоло Тьеполо в статусе ординарного полномочного посла указом от 2 августа 1561. Отправился в Испанию не сразу, оттуда вернулся в 1564 году, в сенате выступил в начале следующего года со своим отчетом. По мнению итальянского издателя, в своем отчете Джованни Соранцо «особенно в описании владений Филиппа II повторил отчет своего предшественника Тьеполо, но дополнил его сведения своими данными об отношениях Филиппа II с правителями государств Европы, а также данными о персоне короля Испании и его окружения»⁵.

Информацию, приведенную Джованни Соранцо в своем отчете, можно разделить на несколько категорий. Первая касается персоны короля Филиппа II и «дома короля» Испании, первых лиц при дворе. Вторая освещает вопросы государственного устройства Испании, ее доходы и расходы, положение разных сословий Испа-

¹ *Vianoli A.M.* *Historia veneta*. Venetia, 1684. Parte 2. P. 284.

² *Degli istorici delle cose veneziane, i quali hanno scritto per publico Decreto*. Venezia, 1718. 6 voll. Paolo Paruta. (voll. 3–4). Vol. 3. P. XXXIII.

³ *Relazione di Giovanni Soranzo, 1563 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato durante il secolo decimosesto / Raccolte ed illustrate da Eugenio Albèri. Serie I. Volume V. Firenze: a spese dell' editore Tipografia Grazzini Giannini E.C., 1861. P. 77–122. Далее: Relazione di Giovanni Soranzo, 1563.*

⁴ *Albèri E.* *Avvertimento // Relazione di Giovanni Soranzo, 1563 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato durante il secolo decimosesto / Raccolte ed illustrate da Eugenio Albèri. Serie I. Volume V. Firenze: a spese dell' editore Tipografia Grazzini Giannini E.C., 1861. P. 78.*

⁵ *Ibid.*

нии, обычаи жителей Пиренейского полуострова. Третья – самая обстоятельная – рассматривает взаимоотношения короля Испании с правителями других государств.

В этой статье рассмотрим данные Джованни Соранцо о личной жизни короля Испании. Сначала несколько слов о личной / частной жизни в раннее новое время. Думается, что для ее определения вполне применимы рассуждения Ю.Л. Бессмертного о том, что для частной жизни была «характерна размытость грани частного и публичного»¹, что «публичный и частный “ингредиенты” человеческих взаимоотношений при этом теснейшим образом переплетались»².

Поэтому, с одной стороны, сложно говорить о личной жизни короля Филиппа II в силу того, что ее вроде и не было, поскольку все ее составляющие – отношения с женой, детьми, домочадцами, охота – являлись частью публичной жизнью короля. С другой стороны, наблюдения венецианского дипломата о проявлении эмоций нежности по отношению к жене и будущим детям, недовольство поведением сына, стремление уединиться, все это свидетельствует о личности и личной жизни монарха.

В своем отчете венецианский посол приводит сведения о внешности короля, дает описание его привычек, образа жизни, манеры поведения, отношений с женой. По такой же схеме, только более кратко, Соранцо описывает и жену короля Испании – Елизавету Валуа: ее внешность, манеру поведения, отношения с королем.

Так, по свидетельству Джованни Соранцо, Филипп II, король Испании, «небольшого роста, приятной наружности». Одной из отличительных черт его внешности являлась знаменитая выдающаяся нижняя челюсть Габсбургов. Король производит благоприятное впечатление, держится с достоинством. Венецианский посол отметил, что Филиппа II отличала изящность и грациозность движений. Кроме того, по мнению дипломата, король отличался и умеренностью в своих привычках. Это касалось еды и одежды. В питании соблюдал режим, не злоупотребляя ни едой, ни напитками. Посол пишет, что король предпочитал «есть в одиночку, не желая, чтобы за его столом присутствовал еще кто-нибудь за исключением королевы, принца и принцессы, которых, однако, приглашает редко»³. Что касается одежды короля, то она шилась из тканей «добротных и изысканных», не украшалась драгоцен-

¹ Бессмертный Ю.Л. Частная жизнь и индивид. Предварительные итоги // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996. С. 345.

² Там же. С. 347.

³ Relazione di Giovanni Soranzo, 1563 ... P. 112.

ными металлами. Фасон одежды короля соответствовал тогдашней моде.

С точки зрения Джованни Соранцо, испанский король «чрезвычайно набожен»¹. Это свое утверждение дипломат проиллюстрировал следующими замечаниями. Так, например, пишет Джованни Соранцо, «когда король Филипп II, находясь в Монсоне во время проведения кортесов, увидев процессию со святыми дарами, которые несли к больной, то сняв головной убор (*berretta*) и неся его в руке, сопровождал эту процессию до двери той, которую соборovali, дождался конца церемонии и сопровождал Святые Дары к церкви, куда они были возвращены»². Кроме того, «король часто посещает службу, ежегодно четырежды причащается»³.

По наблюдениям венецианского посла Джованни Соранцо, Филипп II предпочитал уединение, часто оставлял двор, отправляясь с небольшой группой своих придворных в какое-нибудь укромное место, где мог находиться один или два дня в тишине и покое. Король охотно жил в Мадриде, предпочитая это место потому, что оно расположено недалеко от двух его дворцов («паласио») в лесах в Эль-Пардо⁴ и Аранхуэсе⁵, куда он часто удалялся⁶.

Как известно, в 1563 г. началось строительство Эскориала под началом архитектора Хуана Баутисты де Толедо (ум. 1567). Филипп II внимательно следил за ходом работ. Эскориал стал потом его постоянной резиденцией.

Интересно свидетельство Джованни Соранцо о том, что испанский король «небольшой любитель охоты, турниров, других подобных вещей, как большинство правителей, но очень любит женщин»⁷. По данным венецианского посла, у Филиппа II были внебрачные дети («во Фландрии у него была дочь от молодой жительницы города Брюсселя» и в «Испании от связи с Эуфрасией де Гусман⁸, фрейлиной принцессы, его сестры»)⁹.

Считают, что метрессами Филиппа II¹⁰ были Catalina Láinez, Eufrosia de Guzmán, Doña Elena Zapata, Catalina Leney, Magdalena

¹ Ibid.

² Ibid.

³ Ibid. P. 113.

⁴ Речь идет о королевском дворце в Эль-Пардо.

⁵ Имеется в виду королевский дворец в Аранхуэсе.

⁶ *Relazione di Giovanni Soranzo*, 1563.... P. 114.

⁷ Ibid.

⁸ Речь, возможно, идет о Луисе Антонио Лейве и Гусман (Luis Antonio Leyva y Guzmán), сыне Эуфразии де Гузман (*Hediger H. Felipe II, su imperio, sus esposas y amantes // Ибероамериканские тетради. Вып. 2 (12). М., 2016. P. 25*).

⁹ *Relazione di Giovanni Soranzo*, 1563... P. 114.

¹⁰ *Hediger H. Felipe II, su imperio, sus esposas y amantes ... P. 25*.

Дасе (1538–1608), Isabel de Osorio¹. По слухам, от последней он имел двух незаконнорожденных сыновей: Педро и Бернардино. В список его любовниц включали и Елизавету, сестру его жены Марии I Тюдор, но сие утверждение не доказано². Приписывали Филиппу II и связь с Анной де Мендоса де ла Серда и Сильва Сифуэнтес, принцессой Эболи, герцогиней Пастрана (1540–1592)³.

Следует отметить, что все венецианские послы, аккредитованные при дворе Филиппа II, высоко оценивали этого испанского монарха, пытаясь дать полную информацию о нем своему правительству. В этом отношении показательны свидетельства сына Джованни Соранцо Франческо (1550–1607), венецианского посла при дворе испанского короля в 1597–1601 гг. Именно он был очевидцем смерти Филиппа II и восшествия на престол его сына Филиппа III. В своем отчете он дал сравнительный анализ этих двух правителей Испании, явно отдавая предпочтение Филиппу II⁴.

Третьей женой⁵ Филиппа II была дочь французского короля Генриха II (1547–1559) Елизавета (Изабелла, фр. Elisabeth, исп. Isabel) Валуа (1545–1568). Брак был заключен сначала по доверенности 21 июля 1559 г. в Париже. В роли жениха выступал герцог Альба. Настоящее бракосочетание состоялось 2 февраля 1560 г. в Толедо. По словам венецианского посла Джованни Соранцо, королева Испании «родилась в 1545 г., ей сейчас 20 лет, она сестра нынешнего короля Франции»⁶ (Карла IX – М.Т.). Джованни Соранцо отметил, что она «небольшого роста, не слишком красива, зато хорошо сложена и полна грации. Она умна, обладает прекрасными манерами»⁷. Можно сказать, что описание внешности королевы Испании Изабеллы в отчете венецианского посла совпадает с изображением ее на портретах кисти Алонсо Санчеса Коэльо (1531–1588), портретиста при дворе Филиппа II и придворных живописцев при дворе Филиппа II и Филиппа III Софонисбы Ангвиссолы (1532–1625) и Хуана Пантохи де ла Крус (1553–1608). Правда, стоит все-таки заметить, что современники считали Изабеллу Валуа красавицей.

¹ Ibid. P. 23.

² Las amantes de Felipe II. URL: <http://blogs.ua.es/vidaprivfelipesegundo/category/sus-relaciones-con-sus-familiares>; Royal mistresses, lovers & illegitimate children. URL: <http://forum.alexanderpalace.org/index.php?topic=5081.0;wap2> (дата обращения: 10.03.2016).

³ Hediger H. Felipe II, su imperio, sus esposas y amantes ... P. 25.

⁴ Relazione di Spagna di Francesco Soranzo... P. 147.

⁵ Hediger H. Felipe II, su imperio, sus esposas y amantes ... P. 24.

⁶ Relazione di Giovanni Soranzo, 1563... P. 114.

⁷ Ibid.

По свидетельству венецианского дипломата, «королева любима королем»¹. Правда, далее венецианец пишет, что королева не обладала полнотой свободы действий, что она не имела «права по собственной воле приглашать к себе на службу тех, кого бы хотела, и даже те, кто с ней приехал из Франции, все были отпущены на родину»². Он отметил, что «Его Величество, когда бывает при дворе, редко с ней видится, большую часть ночи спит без нее, днем ее видит редко, ест всегда один»³. По мнению венецианского дипломата, удручает королеву и то, что в ее окружение мало женщин и то, что в ее свите нет никого из ее соотечественников («своего народа»⁴). Как резюме, венецианский посол написал: «так что остаются ей одни королевские почести, но можно не сомневаться в том, что не слишком у нее радостная жизнь...»⁵.

Правда, по словам Джованни Соранцо, королева «при этом всегда благоразумно не выражает какого-либо неудовольствия, никогда не говорит подобных вещей и всегда показывает расположение королю, делая все, как он хочет»⁶. Король, по сведениям венецианского посла, нежно относится к королеве. Крайне остро переживал ее недомогание⁷. Во время и после беременностей королевы⁸, Филипп II, как пишет венецианский посол, «стал вести себя еще более любяще, ибо хотел детей и сомневался в том, что они смогут родиться. Во время всей ее болезни король заботился о ней, посещая много раз за день...»⁹.

Известно, что взаимоотношения между Филиппом II и Изабеллой сложились теплые, он доверял своей молодой жене, обсуждая с ней многие важные проблемы. После ее смерти такие же доверительные отношения связывали Филиппа II с его дочерьми, рожденными Изабеллой Валуа.

Таким образом, с точки зрения венецианского дипломата Джованни Соранцо, большая часть дня испанского короля Филип-

¹ Ibid. P. 118.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid. P. 119.

⁸ Елизавета была беременна пять раз. Первая беременность закончилась рождением сына, умершего вскоре после рождения, вторая закончилась преждевременными родами, третья и четвертая завершились рождением дочерей: в 1566 г. родилась Изабелла Клара Евгения (1566–1633), в 1567 г. – Каталина Микаэла (1567–1597), в 1568 г. Елизавета после пятых преждевременных родов (родилась девочка, умершая вскоре после рождения) умерла.

⁹ Relazione di Giovanni Soranzo, 1563 ... P. 119.

па II была занята отправлением государственных дел, исполнением королевских обязанностей. Личная же жизнь короля Испании Филиппа II являлась частью его публичной жизни, но в то же время отличалась камерностью и интимным содержанием. Короля с его третьей женой Изабеллой Валуа связывали нежные отношения. Король искренне переживал из-за ее здоровья. По сведениям венецианского посла, король Испании имел внебрачные связи. Кроме того, для натуры Филиппа II было свойственно стремление к уединенности как для занятий государственными делами, так и для личных интересов.

Как видим, свидетельства венецианского дипломата Джованни Соранцо рисуют Филиппа II как человека, которому были не чужды и чисто земные радости, а также как внимательного и любящего супруга, отца. Отчеты венецианских послов, аккредитованных при дворе Филиппа II, дают возможность составить более полную и взвешенную характеристику этого испанского монарха. Следует сказать, что, наверное, впервые в отечественной историографии на эти черты характера Филиппа II обратил внимание В.К. Пискорский в своей работе «История Испании и Португалии», вышедшей в 1902 г.¹

Библиография

- Бессмертный Ю.Л.* Частная жизнь и индивид. Предварительные итоги // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / под ред. Ю.Л. Бессмертного. М.: РГГУ, 1996.
- Пискорский В.К.* История Испании и Португалии. М.: Монолит-Евролинц-Традиция, 2002.
- Albèri E.* Avvertimento // Relazione di Giovanni Soranzo, 1563 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato durante il secolo decimosesto / Raccolte ed illustrate da Eugenio Albèri. Serie I. Volume V. Firenze: a spese dell' editore Tipografia Grazzani Giannini E.C., 1861.
- Brunetti M.* SORANZO // Enciclopedia Italiana. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/soranzo_\(Enciclopedia-Italiana\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/soranzo_(Enciclopedia-Italiana)) (дата обращения: 08.01.2014).
- Degli storici delle cose veneziane, i quali hanno scritto per publico Decreto. Venezia, 1718. 6 voll. Paolo Paruta. (voll. 3–4). Vol. 3.
- Hediger H.* Felipe II, su imperio, sus esposas y amantes // Ибероамериканские тетради. Вып. 2 (12) / Гл. редактор А. А. Орлов, отв. редактор выпуска М.В.Ларионова. М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2016.
- Las amantes de Felipe II. URL: <http://blogs.ua.es/vidaprivfelipesecondo/category/sus-relaciones-con-sus-familiares> (дата обращения: 10.03.2016).
- Paruta P.* Storia della guerra di Cipro. Libri tre. Siena, 1827.

¹ *Пискорский В.К.* История Испании и Португалии. СПб.: Тип. «Брокгауз-Ефрон», 1902. Мы пользовались современным изданием: *Пискорский В.К.* История Испании и Португалии. М.: Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. С. 102–104.

- Relazione di Giovanni Soranzo, 1563 // Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato durante il secolo decimosesto / Raccolte ed illustrate da Eugenio Albèri. Serie I. Volume V. Firenze: a spese dell' editore Tipografia Grazzzini Giannini E.C., 1861.
- Relazione di Spagna di Francesco Soranzo cav. ambasciatore a Filippo II e Filippo III dall'anno 1597 al 1602 // Barozzi N., Berchet G. Relazioni degli Stati Europei lette al Senato dagli ambasciatori veneti nel secolo XVII / Raccolte ed annotate Da Nicolò Barozzi e Guglielmo Berchet. Venecia: Dalla Prem. Tip. di Pietro Naratovich, 1856. Serie. I. Spagna. Vol. I.
- Royal mistresses, lovers & illegitimate children. URL: <http://forum.alexanderpalace.org/index.php?topic=5081.0;wap2> (дата обращения: 10.03.2016).
- Vianoli A.M.* Historia veneta. Venetia, 1684.

Третьякова Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, Арзамасский филиал Национального исследовательского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас; marinatretyakova@mail.ru

THE PRIVATE LIFE OF KING PHILIP II OF SPAIN (according to the final report of the venetian ambassador in spain giovanni soranzo)

The article discusses the features of the personal life of king Philip II of Spain in the early 60-ies of the XVI century from the point of view of the Venetian diplomat Giovanni Soranzo. The focus of the author is the final report of the Venetian diplomat, in which he stopped on the relations of Philip II and his third wife Elisabeth of Valois.

Key words: Spain, The XVI century, Giovanni Soranzo, Philip II, Isabella Valois.

Tretyakova Marina Vladimirovna, Candidate of History, Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Arzamas branch, Arzamas; marinatretyakova@mail.ru

Мартынов Д.Е.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КИТАЕ В ИСПАНИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ (XVI–XVII ВВ.)

Статья посвящена первым попыткам осмыслить опыт китайской культуры в Испании XVI–XVII вв. Несмотря на то, что первую попытку добраться до Китая (средневекового Китая) предпринял Христофор Колумб, до побережья империи Мин добрались в конце 1510-х годов португальцы. Эрнан Кортес в 1527 г. предпринял попытку достижения Китая с побережья Мексики, но потерпел неудачу. Первый непосредственный контакт Испании и Китая состоялся в 1574–1575 гг., первым испанским синологом стал Мартин де Рада, он же составил первый испано-китайский словарь. В общем, испанские сочинения, посвящённые Китаю, немногочисленны, а их авторы придерживались определённого набора сюжетов, в первую очередь это было описание проповеди христианства и борьбы с язычеством, а также исследование тех культурных феноменов, которые были совместимы с католицизмом.

Ключевые слова: Востоковедение, империя Мин, Габсбургская Испания, Новая Испания, Филиппины, Тихоокеанский регион.

В эпоху Ренессанса и раннего Нового времени прямое морское сообщение с южноазиатскими и дальневосточными регионами на полтора столетия оказалось монополизировано иберийскими державами, в первую очередь, Португалией¹. Это почти немедленно привело европейские страны к северу от Альп (особенно Англию и Голландию) к проектам освоения Арктики и открытия Северо-Западного и Северо-Восточного прохода². С точки зрения географических представлений того времени, Китай являлся частью Индии, что было зафиксировано в «Книге Марко Поло», являвшейся одним из главных источников информации о Среднем государ-

¹ После пресечения Ависской династии в Португалии в 1580 г. возник острый династический кризис и война за Португальское наследство, победителем в которой стал король Испании Филипп II. До 1640 г. Португалия и её владения были объединены с Испанией личной унией, сохранив однако собственную валюту, систему управления и национальное самосознание. Следует иметь в виду, что в XVI веке «Испания» понималась в географическом смысле – как территория древней римской провинции, а политическое единство было, скорее, декларативным (*Дюверже К.* Кортес. М. 2005, С. 132). Живший до унии Камознс (1524–1580) определял португальцев как «благороднейших из испанцев», имея в виду именно этнокультурное, но не политическое пространство (*Rubiés J.-P.* The Spanish contribution to the ethnology of Asia in the sixteenth and seventeenth centuries // *Renaissance Studies*. 2003. Vol. 17. № 3. Special Issue: Asian Travel in the Renaissance. Rubiés, 2003. P. 446).

² *Saladin d'Anglure B.* The Route to China: Northern Europe's Arctic Delusions // *Arctic*. 1984. Vol. 37. № 4. P. 446.

стве. Подобные представления существовали очень долго; ярким памятником является большая карта Азии и поясняющий трактат португальско-малайского космографа Эмануэля Годиньо де Эредиа (1563–1623), завершённые около 1613 г.¹ Характерно, что при описании Китая Эредиа по-прежнему широко использовал ссылки на Марко Поло, хотя Орден иезуитов вёл активные научные исследования Китая ещё с 1580-х гг., и регулярно пересылал результаты своей деятельности в Европу².

Китай и Христофор Колумб

На сведениях из «Книги Марко Поло» Христофор Колумб обосновывал планы своей трансокеанской экспедиции. Латинское печатное издание с маргиналиями Колумба сохранилось в библиотеке Севильского собора, впервые они были опубликованы и проанализированы французским синологом А. Кордые (1926), а полное издание латинского текста и маргиналий с переводом на испанский язык было осуществлено Х. Хилем в 1992 г. В тексте «Книги» в частях, непосредственно посвящённых Китаю, было всего пять отчёркиваний, преимущественно, касаемых растений и животных³. В «Прологе» дневника первого путешествия Колумба упоминается, что «я осведомил Ваши Высочества о землях Индий и об одном государе, который зовётся “великий хан”, что означает на нашем языке “царь царей”»⁴. Однако из текста самого дневника следует, что Колумб искал известные ему из книги Марко Поло пункты на побережье Восточной Азии. В записи от 13 октября 1492 г. адмирал «желал двигаться дальше в поисках острова Сипанго» (или Чипанго – так Марко Поло называл Японию)⁵. 21 октября Колумб, узнав о существовании Кубы, предположил, что это и есть Чипанго, и «твердо решил двигаться к материковой земле и к городу Кисаю»⁶ (точнее, Кинсаю, как его именовал тот же Марко Поло). Подобные сюжеты в изобилии разбросаны по дневнику. Накануне отплытия с Гаити, 4 января 1493 г. «Адмирал заключает, что страна Сипанго расположена на этом острове, и в ней есть много золота,

¹ Mills J. Eredia's Description of Malaca, Meridional India, and Cathay // Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society. 1930. Vol. 8, No. 1 (109). P. 75–77.

² Маттео Риччи, прибыв в Китай в 1582 г., основал постоянную миссию в Пекине в 1601 г., которая сыграла выдающуюся роль в продвижении современных западных представлений, прежде всего, научных. Иезуиты возглавляли Пекинскую астрономическую обсерваторию до 1730-х гг. (Harris J. Jesuit Scientific Activity in the Overseas Missions, 1540–1773 // Isis. 2005. Vol. 96, No. 1. P. 73–74).

³ Zhang Zhishan. Columbus and China // Monumenta Serica. 1993. Vol. 41. P. 178–179.

⁴ Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы. М., 2008. С. 85.

⁵ Там же. С. 100.

⁶ Там же. С. 110.

пряностей, благовонной смолы и ревеня»¹. Идея, что Куба и Гаити – «провинция Китая», повторялась и в письме Колумба Сантахелю и Санчесу², опубликованному в 1493 г.³ Эти взгляды не изменились и 11 лет спустя, когда Колумб отправился в свою последнюю экспедицию, в ходе которой он действительно достиг материкового побережья в Гондурасе и Никарагуа⁴.

В своей содержательной статье Чжан Чжи-шань установил, что о существовании самого Колумба в Китае стало известно после того, как упоминавшийся М. Риччи в 1602 г. презентовал императору Вань-ли (1572–1620) карту мира (*Кунью ваньго цюаньту* 坤輿萬國全圖). Предложенные Риччи китайские эквиваленты географических названий используются до сих пор, включая сам термин «Земля», обозначения Арктики и Антарктики, понятия широты и долготы, названия континентов, Атлантического океана и Средиземного моря и проч. В печатном виде имя Колумба (в испанской форме «Колон», *Гэлун* 閩龍) появилось в атласе иезуита Джулио Алени *Чжифан вайцзи* (職方外紀, «Карта чужих краёв»), опубликованном в Пекине в 1623 г.⁵ Ситуация тем более парадоксальная, что первыми европейцами, непосредственно достигшими Китая, были именно португальцы и испанцы.

Португальское открытие Китая

Португальское королевство ещё в 1440-е гг. приняло государственную программу судостроения и обследования побережья Африки; первая рукопись «Книги Марко Поло» была доставлена в Лиссабон из Венеции в 1428 г. и напечатана в 1502-м⁶. Важнейшей вехой первооткрывательской – и колонизаторской – деятельности португальцев стало достижение Васко да Гама Малабарского берега Индостана в 1498 г. Однако ещё в самом начале XVI века ни мореплаватели-практики, ни теоретики-космографы и картографы не представляли связи между «Катаем» и «чинами», о которых да Гама слышал в Индии, и привёз образцы китайского фарфора и шёлка⁷. Непосредственный контакт португальских конкистадо-

¹ Там же. С. 174.

² В разных списках письма, датированного 15 февраля 1493 г., различные адреса: покровитель Колумба – старший писец дворцовой палаты Арагона Луис де Сантахель, или Габриэль Санчес – казначей арагонской короны.

³ Путешествия Христофора Колумба... С. 73, 77.

⁴ Zhang, 1993, p. 182; Магидович, 1983, с. 68–69.

⁵ Zhang Zhishan. Columbus and China // Monumenta Serica... P. 184. В современном китайском языке фамилия Колумба транскрибируется как Гэлуньбу (哥伦布).

⁶ Фишман О.Л. Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб., 2003. С. 69–70.

⁷ Там же. С. 70.

ров с китайскими купцами произошёл в Малакке в 1509 г., причём предводитель европейцев дон Диого Лопес де Секейра имел королевские инструкции «расспрашивать о *чинах*, откуда они прибыли, и как издалека». Банкирский центр Южной Европы – дом Медичи получил известия о коммерческих перспективах Китая от итальянцев на португальской службе уже в 1515 г., тогда же появилось осознание, что Китай – крайне закрытая страна¹.

Португальцы достигли Китая в 1513 г. (Жоржи Алвариш); в 1516 г. итальянский купец на португальской службе Рафаэль Перестрелло совершил разведывательный вояж из Малакки в Гуанчжоу. В 1517 г. состоялась экспедиция Фернана Переса д'Андреаде, который на четырех европейских и четырех малайских судах дошёл до острова Шанчуань, откуда до Гуанчжоу пропустили только два корабля. На борту находился Томе Пирес, который был уполномочен губернатором Малакки вести переговоры с Пекином². Пирес составил представление о китайском внешнеполитическом церемониале и политике изоляции, что не мешало вести успешную и прибыльную торговлю. Только в начале 1520 г. Т. Пирес был пропущен в Пекин, но отношения были испорчены: в конце 1519 г. брат командира – Симон д'Андреаде – захватил Дунмэньмао и остров Линдин, являвшиеся удобными перевалочными базами, откуда конкистадоры были вытеснены китайскими войсками. В 1521 г. в Пекин прибыл свергнутый португальцами король Малакки, который жаловался на бесчинства европейцев и требовал отпущения. В том же году скончался император У-цзун (1505–1521), который так и не принял Пиреса. После возвращения в Гуанчжоу члены посольства были арестованы, Пирес умер в 1524 г. в китайской тюрьме, лишь двоим узникам удалось с помощью отправиться в Европу послания о судьбе своих соотечественников³. Отношения Португалии и Китая были прерваны до 1549 г., когда португальцам удалось сделаться посредниками в японо-китайской торговле; с 1555 г. существовал постоянный торговый селтльмент в Макао (Аомыне) под европейским управлением, который воссоединился с Китаем только в 1999 г.⁴

¹ Там же. С. 70–71.

² Т. Пирес в 1512–1513 гг. по поручению индийского вице-короля Албукерки вёл успешную дипломатическую и разведывательную деятельность в Малакке и на Яве, впервые описал Бали и Флорес (см.: *Магидович И.П., Магидович В.И.* Очерки по истории географических открытий. В 5 т. М., 1983. Т. 2. С. 95–96).

³ *Фишман О.Л.* Указ. соч. С. 72–74.

⁴ Там же. С. 76.

Испания, Филиппины и Китай

Испанские власти XVI в. больше интересовались не «Катаем» (который согласно папским буллам 1452–1456 и 1493 гг. был частью Индии, отданной Святым Престолом португальцам)¹, а Островами пряностей, приносящими значительные доходы. Первая кругосветная экспедиция Магеллана – португальца на испанской службе, уже побывавшего в Малакке, привела в 1521 г. к открытию Филиппин и проникновению на Молукки². Следующий шаг в испанском проникновении в Восточную Азию предпринял завоеватель Мексики – Эрнан Кортес (1485–1547). В 1527 г. он снарядил три корабля на тихоокеанском побережье (в Сакатуле) с приказом «идти на Молукки или в Китай»³. Верительное письмо послу – собственному кузену Альваро де Сааведре, Кортес начал с цитаты из «Метафизики» Аристотеля⁴. В 1529 г. король Испании Карл V отказался по Сарагосскому договору от Молуккских островов в пользу Португалии⁵.

Филиппины были колонизированы также с территории Мексики. В 1564 г. баск Мигель Лопес де Легаспи, разбогатевший в Новом Свете, снарядил флотилию и через о. Гуам добрался в феврале 1565 г. до островов Самар, Лейте и Бохоль. Испанцам удалось найти полосу ветров и течений, которые несли их обратно мимо Японских островов и Калифорнии. Отправленные обратно на одном корабле А. Урданета и Ф. де Сальседо, выйдя из Себу 1 июня 1565 г., добрались до Калифорнии 18 сентября, и 8 октября прибыли в Акапулько. Эта трасса, названная «путём Урданеты», позволила наладить регулярное сообщение между Мексикой и Филиппинами, которое стало важнейшим каналом испанского проникновения на Дальний Восток⁶.

Политэкономия испанской колониальной системы была подробно проанализирована в монографии Б. Тремл-Верне. Поскольку даже в XVI–XVII вв. европейско-азиатская торговля была неэквивалентной, Мексика и Филиппины играли роль ресурсной базы и передаточного звена. Испания расплачивалась за китайские и японские товары (в первую очередь, шёлк) звонкой монетой, отчеканенной в Новом Свете из мексиканского (Гуанахуато и Сакатекас) и перуанского (Потоси) серебра. Колониальные песо («мекси-

¹ Магидович И.П., Магидович В.И. Указ. соч. С. 23–24.

² Там же. С. 133–134.

³ Там же. С. 151.

⁴ Дюверже К. Кортес. М., 2005. С. 197.

⁵ Магидович И.П., Магидович В.И. Указ. соч. С. 209.

⁶ Там же. С. 305–307.

канский доллар») на века стали базовой мировой валютой¹. В метрополии Филиппины считались колонией «второго сорта», поскольку не были центром добычи драгоценным металлов или производства пряностей. Однако Манила стала важнейшей перевалочной базой и для китайско-японской торговли, которую более полувека контролировали испанские и португальские предприниматели. Это был первый опыт устойчивой и по-настоящему глобальной модели международной торговли². Устойчивость связи Китая, Японии и Мексики основывалась на высоких ценах на серебро в Восточной Азии и высоких ценах на шёлк в Японии. Ежегодно Китай поглощал не менее 100 тонн мексиканского серебра³. В период 1570–1640 гг. существовала торговая «манильская система», которая затем рухнула из-за экономической стагнации Испании и перехода Китая и Японии к полностью монополюющей государственной системе торговли и закрытия обеих стран для внешнего мира⁴.

Китайцы в Новом Свете

Сразу после установления устойчивой трассы Акапулько – Манила началось проникновение китайцев в Новый Свет. В колониальных документах они именовались *chinos* или даже *indios chinos* («китайские индейцы»)⁵. По оценке Э. Слэка, за два с половиной века функционирования «Манильского галеона» в колонию Новая Испания (т.е. в нынешнюю Мексику и Юго-Запад США) прибыло от 40 до 50 тысяч жителей Восточной Азии, преимущественно, китайцев и филиппинцев. Точная оценка невозможна, однако Дж. Израэль подсчитал, что между 1600–1640 гг. только азиатских рабов в Мексику доставлялось не менее 600 человек в год. Первые китайцы прибыли в Акапулько ещё с Урданетой в 1565 г., это были матросы, нанятые в гаванях Себу и Бохоль. Даже отрывочные данные очень красноречивы: сохранились сведения, что в 1618 г. галеоном «Эспирито-Санто» из Манилы в Акапулько прибыли 75 матросов-китайцев, из которых обратно вернулись только пятеро. Из Акапулько поселенцы разъезжались по всей Мексике от Калифорнии до Юкатана, но преимущественно селились в Мехико, Пуэбле и Веракрусе, то есть важнейших городах – центрах транзитной торговли⁶.

¹ Tremml-Werne B. Spain, China, and Japan in Manila, 1571–1644: Local Comparisons and Global Connections. Amsterdam Univ. Press, 2015. P. 50–51.

² Ibid. P. 16.

³ Ibid. P. 17.

⁴ Ibid. P. 18–19.

⁵ Slack E., Jr. The Chinos in New Spain: A Corrective Lens for a Distorted Image // Journal of World History. 2009. Vol. 20, No. 1. P. 35.

⁶ Ibid. P. 37–39.

Примечательно, что китайцы легко встраивались в колониальный социум, о чем свидетельствуют документы 1640–1650-х гг.: *chinos* монополизировали профессию цирюльников (которые занимались также врачеванием), полностью вытеснив все остальные этнические группы, что вызывало протесты и даже судебные процессы¹. Вдобавок, азиатские торговцы, платящие «королевскую пятину», были освобождены от внутренних налогов, так называемой «алькабалы», если только не участвовали в оптовой транзитной торговле шёлком².

Ранние испанские исследования Китая

Прямые дипломатические контакты между Испанией и Китаем были установлены через Филиппины в 1574 г.: испанцы разгромили пиратскую флотилию, заслужив благодарность китайского командующего Ван Ван-гао (王望高), который был приглашён в Манилу. В 1575 г. состоялся ответный визит в Фуцзянь монахов-августинцев Херонимо Марино и Мартина де Рада³. Король Филипп II поддерживал планы военного вторжения в Китай, Японию и в Камбоджу, миссионеры должны были вести разведывательную деятельность. Неудивительно, что де Рада получил чёткую инструкцию разузнать «все остальные дела и секреты страны, которые можно обнаружить и узнать»⁴. Пробыв в Фуцзяни всего два месяца, Мартин де Рада может быть с полным правом назван первым испанским синологом. Он приобрёл более сотни китайских книг по географии, истории, административному управлению, философии, религии и даже описание игр. Он же составил первый испано-китайский словарь. Материалы де Рада использовались Джованни Пьетро Маттеи, который в 1588 г. выпустил на латыни «Историю Индий». Де Рада считал, что у китайцев нет наук, кроме медицины, и особенно осуждал географию, утверждая, что карты китайцев грубы, а расстояния показаны неправильно. Маттеи, основываясь на материалах де Рада и португальских иезуитов (в частности, Валиньяно), впервые заявил, что китайские науки несовершенны потому, что «видимо, находятся в том же состоянии, в каком находились наши при древних философах до Аристотеля»⁵.

¹ Ibid. P. 46.

² Ibid. P. 47–48.

³ *Фишман О.Л.* Китай в Европе... С. 80–81; *Rubiés J.-P.* The Spanish contribution... P. 421, 423.

⁴ *Фишман О.Л.* Указ. соч. С. 82.

⁵ Там же. С. 82–83.

Из испанских гуманистов, имевших классическое образование, первым заинтересовался Китаем иезуит Хосе д'Акоста (1539–1600), который никогда не был на Востоке (зато 14 лет работал в разных миссиях в Перу), и анализировал, преимущественно, реляции миссионеров своего ордена, хотя и общался с китайцами и японцами в Мексике. В политическом отношении Акоста стремился умиротворить как сторонников вторжения на Дальний Восток, так и партию, представляющую интересы коммерсантов. В 1590 г. он опубликовал в Севилье «Моральную и натуральную историю Индий», в которой самостоятельно открыл различие китайской и японской письменности. Он также упоминал, что у китайцев нет крупных университетов, где бы изучали естественные науки и философию¹. Трактат Акосты был одним из первых произведений новоевропейской науки, которая стремилась рационально выяснить устройство физической вселенной и места человечества в ней. Для образованного испанца индейцы Мексики и Перу и китайцы с японцами были «варварами», однако их культурные достижения заслуживали изучения и сопоставления с высотами западной цивилизации².

Францисканский миссионер Марселло де Рибанедейра (около 1565–1605) в 1601 г. выпустил в свет «Историю Филиппинского архипелага и королевств Великого Китая, Тартарии, Кохинхины, Малакки, Сиамы, Камбоджи и Японии». Преимущественно, он основывался на личном опыте – его миссия в Японию в 1595–1597 гг. оказалась крайне неудачной, из-за конфликта с иезуитами, многие его собратья по ордену были казнены. Основной посыл «Истории» – что восточные страны открыты для миссионеров всех орденов и наций; иезуиты должны делиться накопленным уникальным опытом взаимодействия с восточными народами. Описание Китая Рибанедейры дано по документальному роману «Странствия» Фернана Мендеса Пинто³.

По мнению Жоана-Пау Рубиеса, в Испании и Португалии сложилась собственная традиция исследований, которые могут обозначаться и как востоковедные, и как этнографические. Специфика определялась интеллектуальной средой – иберийские страны были оплотом Конгрегации, а также и политической – кастильской имперской системой⁴. На эту систему накладывалась глобальная и высокоцентрализованная «наука» Иезуитского ордена с центром

¹ Там же. С. 83.

² Rubiés, 2003. P. 437–438.

³ Ibid. P. 426–427; о Пинто см.: *Фишман О.Л.* Указ. соч. С. 85–87.

⁴ *Rubiés J.-P.* The Spanish contribution to the ethnology of Asia in the sixteenth and seventeenth centuries // *Renaissance Studies*. 2003. Vol. 17. № 3. Special Issue: Asian Travel in the Renaissance. P. 445.

в Риме, однако для иезуитских миссионеров национальное происхождение иногда играло существенную роль и, во всяком случае, не замалчивалось. Более того, сложилась определённая «специализация», когда в Китае чаще работали иезуиты-фламандцы, итальянцы и французы, а португальцы и испанцы – во Вьетнаме и Сиаме¹.

Первые испанские путешественники и исследователи Китая пришли в эту страну в последней четверти XVI века, уже имея за плечами опыт взаимодействия с народами Латинской Америки и дискуссии о легитимности Конкисты. Члены духовных орденов являлись носителями «провиденциального католического империализма». Соответственно, в немногих этнографо-исторических трудах содержался определённый набор сюжетов, в первую очередь – описание проповеди христианства и борьбы с язычеством, и исследование тех культурных отличий, которые были совместимы с католицизмом. Ещё не было речи о встраивании истории Азии в европейское понимание мировой истории и попыток выстраивания аналогий.

Библиография

- Mills J.* Eredia's Description of Malaca, Meridional India, and Cathay // *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society.* 1930. Vol. 8, No. 1 (109). P. 1–288.
- Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы / Пер. и коммент. Я.М. Света; вступ. ст. И.П. Магидовича. М.: Эксмо, 2008. 512 с.
- ***
- Harris J.* Jesuit Scientific Activity in the Overseas Missions, 1540–1773 // *Isis.* 2005. Vol. 96, No. 1. P. 71–79.
- Rubiés J.-P.* The Spanish contribution to the ethnology of Asia in the sixteenth and seventeenth centuries // *Renaissance Studies.* 2003. Vol. 17. № 3. Special Issue: Asian Travel in the Renaissance. P. 418–448.
- Saladin d'Anglure B.* The Route to China: Northern Europe's Arctic Delusions // *Arctic.* 1984. Vol. 37, № 4. P. 446–452.
- Slack E., Jr.* The Chinos in New Spain: A Corrective Lens for a Distorted Image // *Journal of World History.* 2009. Vol. 20, No. 1. P. 35–67.
- Tremml-Werne B.* Spain, China, and Japan in Manila, 1571–1644: Local Comparisons and Global Connections. Amsterdam Univ. Press, 2015. 411 p.
- Zhang Zhishan.* Columbus and China // *Monumenta Serica.* 1993. Vol. 41. P. 177–187.
- Дюверже К.* Кортез / Пер. с фр. М.В. Глаголева. М.: Молодая гвардия, 2005. 304 с.
- Магидович И.П., Магидович В.И.* Очерки по истории географических открытий. В 5 т. М.: Просвещение, 1983. Т. 2. 399 с.
- Фишман О.Л.* Китай в Европе: миф и реальность (XIII–XVIII вв.). СПб.: Петерб. вост., 2003. 544 с.

¹ Ibid. P. 446–447.

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань; dmitrymartynov80@mail.ru

FORMATION OF REPRESENTATIONS ON CHINA IN EARLY MODERN SPAIN (XVI–XVII centuries)

The article is devoted to the first attempts to comprehend the experience of Chinese culture in Spain in XVI–XVII centuries. Despite the fact that the first attempt to get to China (medieval Cathay) was undertaken by Christopher Columbus, however to the coast of the Ming Empire reached in 1510s the Portuguese traders. Hernan Cortez in 1527 attempted to reach China from the coast of Mexico, but failed. The first direct contact between Spain and China took place in 1574–1575; the first Spanish synologist was Augustinian monk Martin de Rada, who also compiled the first Spanish-Chinese dictionary. In general, the Early Modern Spanish traits devoted to China are few, and their authors adhered to a certain set of subjects. First, it was a description of the preaching of Christianity, and the struggle against paganism, as well the study of those cultural phenomena that were compatible with Catholicism.

Key words: Oriental Studies, Ming Empire, Hapsburg Spain, New Spain, Philippines, Pacific Region.

Martynov Dmitry Evgenyevich, Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan; dmitrymartynov80@mail.ru

Ерохин В.Н.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ИСТОРИИ ИСПАНИИ

В статье рассматривается понимание формирования испанской государственности в современной испанской исторической науке. На материале средневековой истории Испании обсуждаются проблемы формирования испанской политической нации. Отмечается, что попытки создания централизованного государства в Испании в XVII–XVIII вв. совпали с ослаблением позиций Испании в системе международных отношений, в результате чего королевская власть так и не сумела нивелировать в стране этнический и политический регионализм.

Ключевые слова: Испания, регионализм, национальный вопрос, испанская историография, средние века, новое время, новейшая история.

Одной из характерных особенностей испанской истории в течение долгого времени остается сохранение заметно выраженной региональной этнической и даже политической идентичности. В определенной мере, сам рельеф местности на территории Пиренейского полуострова способствует формированию местных особенностей, культурного разнообразия, регионалистских и сепаратистских движений. Большую часть Пиренейского полуострова занимает плато Месета, но сообщение центральной части полуострова с побережьем затруднено, как и передвижение внутри полуострова, горными цепями. Стало даже обычным подходом понимание истории Испании как постоянной борьбы между действием двух факторов: желанием центрального правительства преодолеть регионализм и создать единую нацию, и не менее энергичными усилиями регионов сохранить свою идентичность¹.

Действующая Конституция 1978 года установила режим автономий и в значительной степени была призвана сформировать предпосылки ослабления сецессионистских устремлений в провинциях страны. Но в современной Испании отличительной чертой сознания большинства граждан страны является верность своей малой родине, осмысление себя в первую очередь как жителей своей области, а не граждан государства в целом. В стране до сих пор доминирует местный патриотизм².

В сохраняющемся в Испании регионализме видят не только влияние географического фактора. Заметным географическим многообразием отличается ведь также и соседняя Франция. Види-

¹ Vilar P. Spain: A Brief History. 2nd ed. Oxford, 1977. P. 3.

² The National Question in Europe in Historical Context. Cambridge, 1993. P. 106-107.

мо, сам ход испанской истории тоже оказал значительное влияние на то, что властям в стране было трудно создать прочное единое государство¹. Причины существования национального вопроса в Испании лежат глубоко в прошлом и являются результатом сочетания сложного взаимного влияния и переплетения политических, экономических и культурных факторов.

Спорным является и вопрос о том, с какого времени можно говорить о рождении испанской нации. В качестве самых ранних сроков формирования предпосылок возникновения испанской нации называют деятельность вестготских королей в конце VI – начале VII вв. Ключевым моментом в образовании испанской нации часто называют объединение Кастилии и Арагона в 1479 году в результате деятельности королей-супругов Изабеллы Кастильской (1451-1504) и Фердинанда Арагонского (1452-1516). Благодаря этому браку оба королевства объединились под правлением одной семьи, что положило начало созданию современной Испании, однако они правили в своих королевствах самостоятельно, оба королевства имели собственные законы и правительства ещё несколько столетий. Есть основания также утверждать, что политическое единство Испании стало возможным только после завершения войны за испанское наследство в правление короля Филиппа V Бурбона (1700-1746) после принятия Декретов Нуэва-Планта 1707-1716 годов, которыми были ликвидированы традиционные привилегии и политические институты Каталонии, Валенсии, Балеарских островов и Арагона². Вместе с тем, эти декреты создали лишь законодательную основу существования единого государства и не привели к исчезновению регионалистского сознания, настойчиво дающего о себе знать по сей день. На этой основе звучат утверждения о том, что Испания как единая нация еще даже не сложилась.

Размышления об исторических судьбах Испании, испанской нации вышли на новый этап на рубеже XIX – XX вв. Представители «поколения 1898 года» винили в упадке Испании нехватку силы воли у испанского народа, который так и не преодолел партикуляризм в стране. Высказывались также призывы к ускоренной европеизации Испании, к преодолению отрыва от европейской политической и культурной мысли. При этом даже осуждалось как ошибка имперское прошлое Испании.

Историки-националисты в конце XIX – начале XX вв. стали объяснять слабость связей между жителями Испании внутренне присущим характеру разных народов Испании индивидуализмом,

¹ Hooper J. *The Spaniards: A Portrait of the New Spain*. Harmondsworth, 1987. P. 205.

² Kamen H. *Spain 1469-1714: A Society of Conflict*. London, 1983. P. 269.

а не какими-то фундаментальными этническими или лингвистическими различиями между, например, каталонцами и кастильцами, о чем писал, в частности, Рамон Менендес Пидаль (1869-1968)¹. Жизнь испанцев в течение 2000 лет, по его словам, не была ошибкой, и централизованное государство в Испании было естественной и нормальной структурой, которая только и могла быть выбрана в тех исторических обстоятельствах, в которых жила Испания. Но сохраняющийся индивидуализм народов, живущих в Испании, проявлялся как противоборствующая тенденция этим стремлениям к централизации. Двухтомная работа Р. Менендеса Пидалья «*Historia de los heterodoxos españoles*» (1880-1882), которую оценивают как «риторическое и шовинистическое изложение истории Испании», повлияла на генерала Франко и его сторонников. Франко изображал националистическое восстание 1936 года как крестовый поход, который предотвратит отклонение Испании от ее исторической судьбы и увенчает действие объединительной тенденции в истории Испании, которую выпало завершить самому Франко. Франко заявлял, что возродит Испанию, и в стране утвердится обновленное чувство патриотизма и национальной солидарности.

Дебаты о формировании испанской нации приобрели новый импульс после публикации в 1948 году книги Америко Кастро (1885-1972) «*España: en su historia: cristianos, moros y judíos*», в которой автор утверждал, что испанцы и испанская душа являются, прежде всего, продуктом долгих восьми веков совместной жизни (*convivencia*) и сосуществования в средние века трех религий: христианской, исламской и иудейской. «Испанскость» сложилась не ранее этого средневекового взаимодействия представителей трех религий, а не в римские или вестготские времена.

Спустя восемь лет в Буэнос-Айресе была опубликована работа выдающегося испанского медиевиста Клаудио Санчес-Альборноса (1893-1984) «*España: un enigma histórico*» в двух томах с яростным опровержением тезисов Америко Кастро, которые рассматривались К. Санчесом-Альборносом как еретическое искажение истории Испании. Высоко эрудированный труд К. Санчеса-Альборноса, тем не менее, тоже был образцом страстной патриотической и порой язвительной риторики. При этом К. Санчес-Альборнос считал свой труд не более и не менее, чем «ключом к пониманию испанской истории». В отличие от А. Кастро, К. Санчес-Альборнос страстно верил в «хомо испаникуса» и считал, что базовые характеристики испанского темперамента, которые формировались климатом и местными географическими условиями Пиренейского полуост-

¹ *Menendez Pidal R. The Spaniards in Their History. London, 1950. P. 179.*

рова, стали складываться даже до появления римлян, хотя потом продолжали эволюционировать, испытав влияние всех веков и эпох испанской истории. Но при этом К. Санчес-Альборнос фактически просто отметил тезис о том, что при формировании испанского характера происходило взаимодействие христианской, мусульманской и исламской культур, и особенно возражал утверждениям, что мусульмане оказали сколько-нибудь значительное влияние на христианскую Испанию: ведь возникновение Испании было результатом долгих веков войны и борьбы между христианами и маврами. Испанские историки вообще любили метафору, согласно которой Реконкиста – это кузница, в которой была выкована Испания. К. Санчес-Альборнос страстно утверждал, что А. Кастро отравляет национальное сознание, творит мрачную неправду об истории его страны.

К. Санчес-Альборнос также считал важной борьбу с центробежными силами регионализма и в сфере исторической науки, потому что принятие утверждений А. Кастро было чревато подрывом исторического единства Испании, могло породить сомнения в том, были ли предки его современников настоящими испанцами. Но, при всех явных различиях своих взглядов, А. Кастро и К. Санчес-Альборнос были согласны в том, что средневековье является решающим периодом в историческом развитии Испании и представляет собой ключ к пониманию и национального темперамента испанцев, и тех несчастий, и испытаний, которые выпали на долю Испании, начиная с XVI века. В этом с ними солидарны и многие другие испанские историки, рассуждающие о становлении испанской нации и об испанском духе.

Вместе с тем продолжал требовать ответа вопрос об основах единства испанской нации. Связывать проблемы в обеспечении единства страны просто с фундаментальным индивидуализмом в характере испанцев, с потерей силы духа и добродетели, неспособностью исполнить историческое предназначение Испании и уготовленную ей судьбу означало, в сущности, впадение в риторику, оказывалось способом избежать реальных ответов на вопросы в изучении истории страны. По словам С. Бартона, такие рассуждения представляли собой «криптопсихологические социо-исторические медитации», которых было много в работах испанских историков¹. Но все эти рассуждения также подводили историков к осознанию несовершенного чувства и понимания национальности в Испании, что и лежало в основе национального вопроса в Испании и порождало кризис идентичности.

¹ The National Question in Europe in Historical Context. Cambridge, 1993. P. 111.

По мнению С. Бартона, большую роль в истории Испании играет то, что Пиренейский полуостров лежит на перекрестке континентов. Природные условия полуострова привлекали переселенцев с самых ранних времен. В I в. до н. э. приходили кельты с севера, с юга и востока – иберийцы, финикийцы, греки, карфагеняне. С III в. до н. э. на Иберийском полуострове появились римляне. Влияние римской цивилизации постепенно стало заметно выраженным в языке, религии, урбанизации, инженерных работах, в административном и культурном единстве, навязанном Римом Иберийскому полуострову. Но при этом в горных районах Галисии, Астурии, Кантабрии, Страны Басков и в римский период в значительной степени сохранилась племенная организация. Трудно при этом говорить также и о существовании в римский период общего регионального сознания, даже на полуострове в целом. Для современников римской власти на Пиренейском полуострове Испания была лишь географическим понятием, ее жителей воспринимали как подданных Римской империи. Даже само понятие «Испания» появилось под влиянием римского завоевания и под этим влиянием стало закрепляться в употреблении. По распространенной этимологии название «Испания» происходит от финикийского И-Шпаням (берег кроликов, якобы из-за их изобилия). Упоминается также версия происхождения названия страны от баскского слова «españa» (угол, отрог, выступ), которая тоже не общепризнана. Название «Испания» применялось в Древнем Риме по отношению ко всему Пиренейскому полуострову. Наряду с ним употреблялось и название «Иберия» (Hiberia, Iberia) – страна иберов. Название государства как Королевства Испании появляется с 1479 года, после объединения Кастилии и Арагона¹.

В 409 году пересекли Пиренейские горы и поселились на полуострове вандалы, свевы и аланы. Затем в 415 году за Пиренеями впервые появились закрепившиеся в Галлии вестготы. Постоянные вестготские поселения не были созданы на полуострове до конца V века, но и тогда вестготы не были активными в их создании. Только веком позднее, проведя успешные кампании против свевов, франков, басков и византийцев, вестготы установили свой контроль практически над всем полуостровом.

Вестготские короли прилагали усилия к тому, чтобы установить в своем государстве централизованную власть над всем Иберийским полуостровом. Король Леовигильд (569–586) сделал Толедо политическим и церемониальным центром королевства, но не

¹ Иллюстрированный атлас мира. География мира: новейший топонимический словарь. М., 2007. С. 210.

смог подчинить басков, и на юге полуострова сохранялся византийский анклав, ликвидированный лишь в правление короля Свинтилы (621-631) в 624 году. Историки приводят свидетельства того, что вестготы стремились укрепить единство в своем государстве. Король Рекаред I (586-601) в 587 году отказался от арианской ереси и перешел в католицизм, что было подтверждено в 589 году на Третьем Толедском соборе. В результате отпало препятствие к более тесным контактам между испано-романским населением и вестготской правящей верхушкой.

В правление короля Реккесвинта (649-672) в 654 году была достигнута унификация законодательства в государстве после принятия «Вестготской правды» (*Lex Visigothorum*, или *Liber Iudicorum*). Хорошую репутацию вестготов у последующих исследователей во многом связывают с влиянием труда Исидора Севильского (556-636) «История готы» (625-626). В результате сложилось мнение, что усилия вестготских королей в создании независимого и объединенного королевства на Иберийском полуострове стали основой для появления испанской нации. Труд Исидора Севильского по истории готы содержит в начале особую «Хвалу Испании» (*Laus Spaniae*), что воспринималось исследователями как голос зарождавшегося испанского национализма. Но широко распространено и скептическое отношение к тому, что вестготы внесли заметный вклад в формирование испанской нации. Философ Х. Ортега-и-Гассет называл вестготов германцами, которые пили романизм (*germanos alcoholizados de romanismo*).

Разгром вестготов арабами при Медине Сидонии в низовьях реки Гвадалквивир при короле Родерихе (710-711) привел к захвату Толедо, а к 718 году под контролем арабов оказался весь Иберийский полуостров. Король Родерих погиб в сражении, после него в еще не завоеванной северо-восточной части вестготского государства королем провозгласили Агилу II (711-714), а его преемником стал некий король Ардо, о котором почти ничего неизвестно. Не завоеванными арабами оставались только горные районы Астурии на северо-западе Иберийского полуострова. Там в 718 году был избран новый король – дон Пелайо (Пелагий) (718-737) [внук вестготского короля Хиндасвинта (642-653), по версии одной хроники, или же меченосец короля Витицы (702-709), согласно другой]. В условиях, когда у погибшего короля Родериха не было ясного признанного преемника, знать бежала за Пиренеи. По сути дела, достоверно неизвестно, была ли вестготская знать в Астурии в то время, когда там провозгласили в 718 году королем дон Пелайо. Под его командованием при Ковадонге (предположительно в 722 г.)

было отражено вторжение арабов. Затем началось восстание, в результате которого из Хихона был изгнан мусульманский правитель Муннуза и, как повествует астурийская Хроника Альбельды, была восстановлена свобода христиан и «волей божественного Провидения» возникло королевство Астурия.

Первый сохранившийся источник об арабском вторжении 711 года, происходящий из христианской среды, – Хроника 754 года, предположительно составленная в Толедо и излагающая события 611-754 гг. Хотя автор Хроники оплакивает «несчастную Испанию», он также уделяет значительное внимание деяниям мусульманских завоевателей и при этом ничего не знает о сопротивлении, которое было оказано мусульманским завоевателям в горах Астурии. Все известия о возникновении и расширении Астурийского королевства основаны на хрониках конца IX – начала X вв., составленных предположительно в Овьедо. В хрониках утверждается, что после арабского завоевания в Астурии укрылась вестготская аристократия. В астурийских хрониках проводится мысль, что мусульманское завоевание стало возможным из-за грехов вестготов, но Пелайо и его преемники рассматриваются как законные наследники власти вестготов. Король Альфонсо II (791-842) установил в Овьедо во дворце и в церкви такие же порядки, какими они были в Толедо при вестготах. Астурийские хроники отражают уверенность и оптимизм, которые возобладали среди христиан к концу IX века. Мусульмане были изгнаны из региона, и в правление Ордоньо I (850-866) и его сына Альфонсо III Великого (866-910) власть христиан на южном направлении простиралась до реки Дуэро.

Астурийские хроники фактически развивали неоготский миф в трактовке происходивших событий. В правление вестготов Астурия была областью, которая наиболее активно сопротивлялась централизаторским усилиям вестготской власти. Сомнительно, что в Астурии действительно было значительное количество представителей вестготской аристократии. Даже вестготские культурные традиции были привнесены в Астурию в основном усилиями мосарабов (христиан, живших под властью мусульман) в VIII–IX вв. Маловероятно, что Пелайо и его соратники с самого начала ставили своей целью сознательное восстановление национального единства в государстве. Действия астурийцев мотивировались интересом к захвату военной добычи и религиозной враждебностью к мусульманам.

Но готский миф в последующие века развивался в христианской историографии и в XIII веке стал идеологическим ядром «Готической истории» Родриго Хименеса. Неоготская идея оказалась

привлекательной даже для современных историков. Победа при Ковадонге уже в начале X века приобрела легендарный размах, Астурия же расценивалась как «колыбель Испании»: по словам Р. Менендеса Пидалья, «Астурия стала инициатором и учителем идеала сопротивления и полного восстановления самостоятельной государственности. Чистый и свободный религиозный дух, который сохранился на севере, придал импульс и национальные цели Реконкисте. Без этой целеустремленности Испания могла отчаяться в продолжении сопротивления и подвергнуться денационализации. В том порыве, который исходил из Астурии, слились в единый идеал стремления к восстановлению вестготской государственности и освобождению захваченных церквей для славы христианства»¹.

Но в ходе борьбы с мусульманами появлялись и новые центры. В VIII–IX вв. в Стране Басков стало укрепляться Королевство Наварра. В результате военных действий франков в 785–801 годах на востоке Пиренеев появилась Испанская Марка. В последующее время существовавшие здесь графства по мере упадка власти франков стали превращаться в самостоятельные политические единицы. К XI веку появились:

- Королевство Леон, включавшее также Астурию и Галисию;
- Кастилия, которая вышла из зависимости от Леона как независимое графство и стала королевством при восшествии на престол в 1035 году Фернандо I, который объединил Кастилию и Леон, разбив в 1037 году своего шурина короля Леона Бермудо III;
- баскское Королевство Наварра;
- Королевство Арагон;
- каталонские графства, среди которых наиболее значительным было графство Барселонское.

Эти христианские государства вступали в союзы или конкурировали друг с другом под влиянием брачных связей, накапливали и хранили славу, приобретенную в сражениях, сохраняли недоверие к соседям, индивидуализм, подогреваемый существованием свободных городов и действиями искателей приключений, как писал о взаимоотношениях испанских государств П. Вилар.

В 1137 году объединились Арагон и Каталония. В 1143 году Португалия объявила о своей независимости от Леона и Кастилии. Правители Астурии со времен Альфонсо III Великого (866–910) в хартиях, которые они издавали, преподносили себя императорами и заявляли претензии на политическое верховенство над всеми областями, населенными христианами. В правление Альфонсо VII (1126–1157) эти притязания стали особенно настойчивыми. Но эти

¹ The National Question in Europe in Historical Context. Cambridge, 1993. P. 116.

притязания никогда не доходили до фактического доминирования Астурии, и после 1157 года были, по сути дела, тихо забыты. Христианские государства Испании оставались разделенными и даже стремившимися к независимости друг от друга, что смущало современников, отмечавших, что это замедляет освобождение Испании от власти мусульман.

Среди исследователей отсутствие политического единства в средневековой Испании периода Реконкисты все же истолковывалось также и как не подрывавшее общую для всех государств идею необходимости борьбы с мусульманами. Испанская идея средневековья и развивалась на основе Реконкисты. Правители разных государств неоднократно предпринимали совместные походы против мусульман. Важная для дальнейшей истории Испании победа христиан в 1212 году при Лас Навас де Толоса была достигнута объединенными силами Кастилии, Наварры и Арагона. Лидирующая роль в Реконкисте стала переходить к Кастилии, «матери Испании», наследнице вестготских и астурийских королей, которая разгромила в итоге в 1492 году Гранаду, воссоединила Испанию и навсегда избавила ее от мусульманской угрозы, а потом перешла к созданию Испанской империи с колониальными владениями.

Но в ходе Реконкисты были периоды, когда отношения между христианскими государствами были сложными, а отношение к мусульманам не было непримиримым. В течение значительной части XI века между христианскими государствами и мусульманами поддерживались даже довольно тесные политические контакты, проявлялась религиозная терпимость. Правитель Леона и Кастилии Альфонсо VI (1065-1109), хотя и завоевал Толедо в 1085 году, преподносил себя как «императора двух вер»¹.

Мотивы действий в ходе Реконкисты не сразу стали ярко выражено религиозными. Родриго Диас де Вивар, прозванный Сидом, создавший в 1094 году свое княжество на территории Валенсии, был военным авантюристом, а не крестоносцем². Крестоносная идея в Испании стала усиливаться в XII веке, что привело к ужесточению отношения к исламу. В XII веке также были видны признаки того, что Кастилия и Арагон еще не думали об общем политическом будущем. В договорах, заключенных в Тудилене в 1151 году и Касоле в 1179 году, которые предусматривали раздел земель, отвоєванных у мусульман, каждое из государств вело себя самосто-

¹ Mackay A. Spain in the Middle Ages: From Frontier to Empire, 1000-1500. London, 1977. P. 15-22.

² Fletcher R. The Quest for El Cid. London, 1989.

ятельно, исходя из своих интересов, и не преследовало цель воссоздания политического единства на полуострове.

Для испанских националистических историков брак Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского, заключенный в 1479 году союз Кастилии и Арагона стал славным завершением долгого процесса Реконксты и воссоединения страны, начатого в Астурии Пелайо и его преемниками. При этом не акцентируется внимание на том, что участвовавшая в борьбе за престол в Кастилии дочь короля Энрике IV Бессильного (1454-1474) Хуана Бельтранъеха (1462-1530), которая была в браке с португальским королем Афонсу V, могла вмешаться в развитие событий и лишить этот процесс такого логического завершения. Только после разгрома в битве при Торо в 1476 году Афонсу V стал склоняться к отказу от претензий на кастильский престол и заключил мир с Изабеллой и Фердинандом.

Хотя Фердинанд и Изабелла проводили согласованную внешнюю политику, не было предпринято достаточно активных действий для объединения двух королевств. Сохранялись таможенные барьеры между Кастилией и Арагоном, оставались неизменными существовавшие управленческие структуры, Арагон по-прежнему делился на пять королевств (Каталония, Арагон, Валенсия, Мальорка, Сардиния) со своими системами управления и законодательства. Внутренние разделения на территории страны отнюдь не исчезли.

Союз Кастилии и Арагона не был союзом равных партнеров. Создание колониальной империи в Новом Свете было предпринято практически исключительно усилиями кастильцев, и они доминировали в имперском аппарате управления. Предпринимались попытки сконцентрировать управление всей страной в центре Испании, хотя монархи в это время управляли страной, передвигаясь по Испании. Еще при Изабелле (ум. в 1504 г.) и Фердинанде (ум. в 1516 г.) в центр управления страной стал превращаться Вальядолид. В 1561 году Филипп II перенес столицу в Мадрид. Но не было предпринято усилий для того, чтобы преодолеть разделение между регионами, оставшиеся со средневекового периода, и в положении отдельных областей страны сохранялась специфика, чем были посеяны семена будущих несогласий.

Региональное недовольство впоследствии осложнилось экономическим упадком центра. Экономическая инициатива стала переходить к регионам, а политическая власть по-прежнему твердо была под контролем Мадрида. Стало распространяться мнение, что центр управляет страной за счет средств областей, и это мнение дожило до современности. Когда главный министр Филиппа IV

(1621-1665) Оливарес в 1640 году предпринял первое серьезное усилие по административной унификации системы управления, эти действия только привели к противоположным его замыслам результатам, спровоцировав восстание в Каталонии и Португалии. Лишь после того, как Филипп V (1700-1746) в 1716 году издал конституционные законы Нуэва Планта, которыми ликвидировались привилегии Королевства Арагон, Испания была по-настоящему в первый раз объединена. Но и в этом случае своими деспотическими действиями, поправ регионалистские чувства, правители Испании породили негодование, продолжавшее подрывать единство нации в последующие годы. Никогда не исчезала угроза того, что Испания может распасться. Современная Испания так и живет с этим наследством, и борьба между центром и регионами продолжается.

Библиография

- Fletcher R.* The Quest for El Cid. London: Oxford University Press, 1989. 217 p.
Hooper J. The Spaniards: A Portrait of the New Spain. Harmondsworth: Penguin Books, 1987. 287 p.
Kamen H. Spain 1469-1714: A Society of Conflict. London; New York: Longman, 1983. XIV, 305 p.
Mackay A. Spain in the Middle Ages: From Frontier to Empire, 1000-1500. London: St. Martin's Press, 1977. 245 p.
Menendez Pidal R. The Spaniards in Their History. London: Norton, 1950. 251 p.
The National Question in Europe in Historical Context / Ed. by Mikulaš Teich and Roy Porter. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. XX, 343 p.
Vilar P. Spain: A Brief History. 2nd ed. Oxford: Pergamon, 1977. 148 p.
Иллюстрированный атлас мира. География мира: новейший топонимический словарь. М.: Русские словари: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007.

Ерохин Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан; erohin_vladimir@inbox.ru

NATIONAL QUESTION IN SPANISH HISTORY

The article deals with understanding of formation of Spanish state system in contemporary Spanish historiography. The author discusses formation of Spanish political nation considering the facts of medieval Spanish history. The author underlines that attempts aimed at construction of Spanish centralized state in 17th – 18th centuries coincided with weakening of Spanish positions in the system of international relations. As a result the royal power in Spain failed to smooth ethnic and political regionalism in Spain.

Key words: Spain, regionalism, national question, Spanish historiography, Middle Ages, Modern History, Contemporary History.

Erokhin Vladimir Nikolaevich, Doctor of History, Professor, North-Eastern state University, Magadan; erohin_vladimir@inbox.ru

Бодров О.В., Воронцова А.В.

ПОКОЛЕНИЕ 98 ГОДА О ПОИСКЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ

В статье рассматривается поиск национальной идеи испанской интеллектуальной элитой на рубеже XIX–XX вв., способы преодоления кризиса национальной идентичности, а также дана краткая характеристика основных течений Поколения 98 года.

Ключевые слова: Поколение 98, национализм, испанизация, кризис идентичности.

Период между 1876 и 1898 годами в истории испанской общественной мысли считается временем кризиса. После череды поражений, которые Испания потерпела в 1898 году, колониальное общество вновь обращает свои взгляды к испанской Славной революции 1868 года, поскольку за три десятилетия после нее искажённая олигархиями политическая жизнь, несмотря на свою стабильность, привела к касикизму (вождизму) и режиму Мирного поворота («эль турно пасифико»). Происходило политическое дробление на внутренние группировки в двух наиболее крупных партиях: прогрессивной и консервативной, а третья – демократическая – оставалась маргинализированной и игнорировалась при распределении власти.

Поколение 98 года (*исп.* Generación del 98) – название, традиционно объединяющее писателей, эссеистов и испанских поэтов, которых глубоко поразили моральный, политический и социальный кризис, имевший место в Испании в результате военного поражения в испано-американской войне и последовавшей потери Пуэрто-Рико, Гуама, Кубы и Филиппин в 1898 году. Все авторы, включенные в это поколение, родились между 1864 и 1876 годами.

По мнению Л. Фалькон, представители Поколения 98 года были вдохновлены другим критическим течением, осмысляющим упадок испанского величия, названным современниками Кановизмом, а позже – регенерационизмом¹. Известный испанский государственный деятель Антонио Кановас дель Кастильо (1828-1897), создатель «кановизма», был автором политического плана под названием

¹ Falcón L. «Mujeres del noventa y ocho» 1 de abril de 1998. El País. URL: https://elpais.com/diario/1998/04/01/opinion/891381605_850215.html (дата обращения: 07.04.2018).

«Мирный поворот» («эль турно пасифико»), согласно которому предполагалось формирование в политической жизни в стране упорядоченной двухпартийной системы, которая должна была функционировать под контролем королевской власти.

Литераторы, составившие основу группы Поколения 98 года, начиная с так называемой «Группы трех», в которую входили П. Бароха, Асорин и Р. де Маэсту, начали писать в новой гиперкритической форме, которая позже будет ориентирована на традиционное в литературе противостояние «старого и нового». Между ними шла полемика по вопросу о существовании поколения. Так, Пио Бароха и Рамиро де Маэсту отрицали существование Поколения 98 года. Позже Педро Салинас все же подтвердил его существование после тщательного анализа в своих университетских курсах и в короткой статье, появившейся в «Revista de Occidente» в декабре 1935 года, следуя идее «литературного поколения», высказанной немецким литературным критиком Ю. Петерсенем.

Хосе Ортега-и-Гассет также выделял два поколения: рожденных в 1857 году и рожденных в 1872 году, одно из которых включало представителей старой консервативной мысли Анхеля Ганивета и Мигеля де Унамуно, а другое – более молодых испанских интеллектуалов. Его ученик Хулио Марияс, используя понятие «историческое поколение», установил, что к нему принадлежат Мигель де Унамуно, Анхель Ганивет, Валье-Инклан, Хасинто Бенаvente, Карлос Арниче, Висенте Бласко Ибаньес, Габриэль-и-Галан, Мануэль Гомес-Морено, Мигель Асин Паласиос, Серафин Альварес Кинтеро, Пио Бароха, Асорин, Хоакин Альварес Кинтеро, Рамиро де Маэсту, Мануэль Мачадо, Антонио Мачадо и Франсиско Вильяэспеса. В этот перечень не вошли женщины, но на самом деле Кармен де Бургос, «Коломбин» (1867-1932) и Конча Эспина (1869-1955) могут, по праву, принадлежать к нему же, поскольку они писали в тот же период времени, и основные характеристики их литературного творчества и взгляды совпадают¹.

Любопытно, что и по сей день во многих испаноязычных и даже некоторых русских работах определение «Поколение 1898 года» сопровождается словами «так называемое», подчеркивая условность существования этой группы. Испанский историк эпохи франкистской Испании Луис Агэрре Прадо писал, что Пио Бароха, который в годы существования «Поколения» был наиболее близок к де Маэсту, отрицал существование какой-либо единой группы, признавая схожесть своих взглядов лишь с некоторыми представителями поколения.

¹ Ibid.

Русский историк и дипломат И.М. Майский писал: «То была очень пестрая группа, <...>, пестрая по возрасту, взглядам, стремлениям, формам деятельности, характеру эволюции, персональным судьбам»¹. Поколение, согласно Майскому, объединяло то, что всех их тревожило будущее родины, к тому же они отражали настроения, вызванные этой тревогой в кругах мелкой, в основном городской буржуазии.

В «большом споре» поколение относят к «прогрессистскому» крылу, однако такое однозначное решение в корне неверно. Важно учитывать то, что все писатели Поколения изначально делились на две эмоционально и интеллектуально разных группы: революционную, с присущей ей идеологизированностью, стремлением к реформированию и уверенностью в корректирующей добродетели политических программ; реставрационную, в которой имели место упадок духа, недоумение от столкновения с неизбежными проблемами, подозрение, которое вдохновляло каждую идею перемен и растущее недоверие к текущей политике².

Поскольку представители обеих групп видели, что обе политические линии – Революция и Реставрация – терпят неудачу, они решили объединиться. Интеллектуалы Поколения 98 года пришли к общему выводу о том, что существует настоятельная необходимость искать средства спасения Испании от ее прогрессирующей каталепсии в областях духовной мысли и деятельности вне политики.

Первое интеллектуальное отречение произошло на заре Реставрации Бурбонов. В 1876 году Франсиско Хинер де лос Риос основал Институт свободного образования. Его задача заключалась в косвенном отказе от официального образования, которое в то время оказалось неэффективным и подверженным репрессивной опеке политических и религиозных сил в стране.

Испанский исследователь Педро Салинас проанализировал степень, в которой Поколение 98 года действительно может рассматриваться в историографии как единая группа. Он отмечал, что все представители поколения поддерживали по крайней мере в самом начале тесную дружбу и выступали против Реставрации Бурбонов.

¹ Майский И.М. Испания 1808 – 1917: исторический очерк. М., 1957. С. 181.

² Костюкович Е.А., Тертерян И.А. «Поколение 1898 г.» и модернисты: [Испанская литература] // История всемирной литературы: В 8 т. М., 1983-1994. С. 276-279. URL: <http://feb-web.ru/feb/ivl/v18/v18-2762.htm?cmd=p> (дата обращения: 07.04.2018).

В целом, согласно П. Салинасу, можно выделить следующие черты Поколения 98 года:

1. Разделение нищей, «настоящей Испании» и ложной, «официальной Испании»¹. Их озабоченность испанской идентичностью являлась причиной так называемых дебатов «о существовании Испании», которые продолжались и в следующих поколениях. «Фальшивым ценностям режима Реставрации интеллектуалы противопоставляли жизнь народа, обращаясь к родникам народной мудрости и фольклору»², – пишет В.В. Кулешова. Характерна фраза М. де Унамуно «У меня болит Испания», в которой емко выражено отношение ко всему происходящему и сформирована цель, к которой должно идти интеллектуальное сообщество, а именно: «необходимость найти обезболивающее», чем и занимались представители поколения³.

2. Писатели проявили большой интерес и любовь к Кастилии «заброшенных и пыльных городов», к переоценке ее ландшафта и ее традиций, ее «подлинного и спонтанного» языка. Они также реанимировали и изучали испанские литературные мифы и романсеро⁴.

3. Это была попытка «сломать» и «обновить» классические формы литературных жанров, создавая в то же время новые формы в них: в описательном стиле Унамуно, импрессионистском и лирическом романе Асорина, который экспериментировал с пространством и временем, открытом и нестройном романе Барохи, навеянном жанром фельетона, или почти театральном и кинематографическом романе Валье-Инклана. В театре это был гротеск и экспрессионизм Валье-Инклана или философские драмы Унамуно⁵.

4. Отвержение эстетики реализма и его стиля «достаточной фразы», риторической разработки и небольшого точного анализа, предпочтение более простого, почти «деревенского» языка и импрессионистского характера.

5. Идеологическое разделение единой платформы течения регенерационизма, в частности, в творчестве Хоакина Косты⁶.

6. Ориентация на субъективность в своих работах. Также представители поколения пытались адаптировать в Испании философские течения европейского иррационализма, особенно работы

¹ Salinas P. Literatura española del siglo XX. Madrid, 1972. P. 11

² Кулешова В.В. Проблема Испании в полемической публицистике Рамиро де Маэсту 1896-1936 годов // Проблемы испанской истории. М., 1979. С. 110.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 112.

⁵ Salinas P. Literatura española del siglo XX. P. 11.

⁶ Ibid.

Фридриха Ницше (Асорин, Маэсту, Унамуно), Артура Шопенгауэра (особенно у Барохи), Сёрен Кьеркегора (у Унамуно) и Анри Бергсона (Антонио Мачадо).

Самые передовые интеллектуалы, иногда поддерживаемые самими критиками, утверждали, что Поколение 98 года характеризовалось ростом эгоизма, ранним и болезненным чувством разочарования, неоромантическим преувеличением личности и его рабским подражанием европейским моделям¹.

Проблемы определения Поколения 98 года сложны, поскольку трудно охарактеризовать совокупность художественных переживаний обширной группы интеллектуалов. Реальность момента была очень сложной и не позволяла понять поколение, основанное на общем опыте, но на разной интерпретации одних и тех же исторических фактов.

Наверное, самой любопытной фигурой в Поколении 98 был Х. Ортега-и-Гассет. Исследователи до конца не пришли к согласию о том, причислять ли его к «Поколению», либо называть его младшим современником и оппонентом Унамуно, как бы выделяя и даже противопоставляя этих двух писателей.

Э. Арментерос, рассматривая «Поколение 98 года» как единое философское направление, выделяет некоторые характерные черты, которые отличают взгляды представителей «поколения» от воззрений Х. Ортеги-и-Гассета. Взгляды «поколения» он называет «прагматизмом», противопоставляя их философскому «идеализму» Ортеги. Главная разница между писателями «поколения» и Ортегой, по мнению Арментероса, была в том, что пока они искали «средства для дела» и выявляли критерии, Ортега искал «чувство для жизни». В качестве основных особенностей философии «поколения» Арментерос выделил религиозный и жизненный скептицизм, выраженный в кризисе веры, который проявляется в романе «Пио Сид» Анхеля Ганивета. «Отсутствие веры и поиск практических указаний, – пишет Арментерос, – характерны для таких работ представителей поколения, как “Трагическое чувство жизни” М. Де Унамуно, “К другой Испании” Р. Де Маэсту, “Новые слова” П. Барохи»².

Главными фигурами в рамках Поколения 98 года можно считать Х. Косту и Мигеля де Унамуно. Эти два человека обладали абсолютно разными мнениями в вопросе о путях восстановления Испании и работали разными методами. М. де Унамуно вошел в ис-

¹ Ibid.

² *Armenteros E. Ortega y el espíritu del 98. El pragmatismo como trasfondo: Ortega, Maeztu y Baroja.*

торию философии в качестве ученого, кабинетного профессора. Х. Коста, однако, был ближе к практике.

Философ и историк права, один из виднейших интеллектуалов Испании конца XIX – начала XX столетия Хоакин Коста (1846-1911) был самым активным представителем Поколения. Собственно, именно ему почти все исследователи присваивают роль родоначальника и идейного руководителя Поколения (иногда вместе с Унамуну). Хоакин Коста происходил из деревенской семьи, отличался острым умом, но физически уродливым телом, при этом был человеком энциклопедических познаний. Он призывал к «европеизации» Испании, то есть к просвещению народа, подлинной демократии и законной экономике.

Х. Коста – один из представителей Поколения, сформулировавших четкий политический проект, получивший имя «Возрождение Испании». Его программа была ориентирована на решение проблем буржуазно-демократической революции. Политический проект Косты заключался в двух элементах – критическом и позитивном. Критический элемент изложен в труде с длинным, но точным названием «Олигархия и касикизм, как фактическая форма правления в Испании»¹. Писатель подверг критическому рассмотрению порядок, основанный режимом Реставрации, в сущности, не оставляя от нее камня на камне. Позитивный элемент, который, помимо критики и порицаний, должен был наметить пути разрешения проблем, был выражен в двух других монографиях с не менее четкими названиями: «Возрождение и европеизация Испании»² и «Политический кризис Испании». Эти две работы вышли на рубеже XIX-XX столетий.

Коста отметил две главные составляющие, требуемые для «исцеления» Испании – просвещение и экономический рост. Он находил ненужными призывы к прошлому, которые были востребованы после 1898 г. По его словам, скорбь о минувшем ни к чему не приведет, «нам нужна сугубо деловая и последовательная европеизация», – писал он³. Под европеизацией Коста рассматривал трансформацию Испании в буржуазно-демократическую страну, вроде Франции и Бельгии, которая, скинув с себя бесчисленные пережитки, сможет быть «демократическим государством» в том смысле, как это в то время понималось на Западе.

¹ *Costa J. Oligarquía y caciquismo como la forma actual de gobierno en España: Urgencia y modo de cambiarla. Madrid, 1901.*

² *Costa J. Reconstrucción y europeización de España y otros escritos. Madrid, 1981.*

³ *Ibid.*

Манифесты Косты и его проект воодушевили отдельных представителей поколения, которые стремились пропагандировать определенные предложения реформистского толка. В их числе были Рамиро де Маэсту, Пио Бароха, Асорин. Они взывали к употреблению в практике научных методов, распространив их как на экономику, так и на прочие области жизни общества. Они стремились активизировать политическую деятельность представителей буржуазии. Бароха выразил идею о том, что желанным условием было установление власти, способной выполнить основательные преобразования. Такое правительство Бароха называл «интеллигентской» либо «технической» диктатурой. Группа в составе Барохи, Маэсту и Асорина обратилась за содействием к М. Унамуно. Тот, занимая несколько иные позиции, позволил им пользоваться в деятельности своим именем, однако подметил, что для возрождения Испании необходимо глубокое возобновление духовной жизни. Он представлял спасение страны только и конкретно в духовности, но никак не в практических переменах.

Библиография

- Armenteros E.* Ortega y el espíritu del 98. El pragmatismo como transfondo: Ortega, Maeztu y Baroja. URL: <http://dspace.unav.es/dspace/handle/10171/19099> (дата обращения: 3.01.2018).
- Falcón, Lidia.* «Mujeres del noventa y ocho» 1 de abril de 1998. El País. URL: https://elpais.com/diario/1998/04/01/opinion/891381605_850215.html (дата обращения: 07.04.2018).
- Salinas, Pedro.* Literatura española del siglo XX. Madrid: Alianza Editorial, 1972. 224 p. Испания. 1918–1972 гг. Исторический очерк / редактор И.М. Майский. М.: Наука, 1975. 496 с.
- Костокович Е.А., Тертерян И.А.* «Поколение 1898 г.» и модернисты: [Испанская литература] // История всемирной литературы: В 9 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Наука, 1983–1994. Т. 8. 1994. С. 276–279. URL: <http://feb-web.ru/feb/ivl/vl8/vl8-2762.htm?cmd=p> (дата обращения: 07.04.2018).
- Кулешова В.В.* Проблема Испании в полемической публицистике Рамиро де Маэсту 1896–1936 годов // Проблемы испанской истории. М.: Наука, 1979. С. 106–134.
- Майский И.М.* Испания 1808–1917: исторический очерк. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 454 с.

Бодров Олег Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань; ovbodrov@mail.ru

Воронцова Анастасия Владимировна, магистрант, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет; г. Казань; anavvoroncova@gmail.com

THE GENERATION OF 1898 FINDING «TRUE NATIONAL» IDEA

The paper deals with the search for Spanish national idea by generation of 1898 and the ways of solving the problem of Spanish national identity. The authors also try to identify key areas of Spanish political thought at the end of 19th century.

Key words: Generation 1898, national catastrophe, Europeanization, identity crisis.

Bodrov Oleg Vyacheslavovich, *Candidate of History, Assistant Professor, Department of Universal History, Kazan Federal University; ovbodrov@mail.ru*

Vorontsova Anastasiya Vladimirovna, *MF Student, Department of Universal History, Kazan Federal University; anavvoroncova@gmail.com*

**КНИГИ ИЗ КАЗАНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ
В.К. ПИСКОРСКОГО**

1.	386-ин	Pierling, Paul. Papes et tsars (1547-1597) d'après des documents nouveaux. – Paris: Retaux-Bray, 1890. – [2], 514 p. Штамп: W.PISKORSKI Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
2.	541-ин	Sagrera y Pijoán, Jaime Fragmentos latinos coleccionados é ilustrados con noticias geográficas, históricas y mitológicas. – Gerona : P.Torres, 1895.- VII, 363 p. Штамп: W.PISKORSKI Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив. Штамп: Jaime Sagrera y Pijoán. Gerona. Надпись: Dº W. Piscorski in Kiewensi Gymnasio professori, Historiae Linguarumque cultu perpolitito viro, hoc Fragmentum Latinorum volumen, uti observantiae atque bonae memoriae pignus, dabat Gerundae pridie Kal. Iunias anni a Cristi Natalibus M.D.C.C.X.C.VII. Jacobus Sagrera. Es propiedad del autor. Nº 114.
3.	774-ин	Knapp, Georg Fridrich Die Bauern-Befreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den älteren Theilen Preuzsens. In 2 v. – Leipzig: Duncker &Humblot, 1887. – VII, 352, VI, 473 S. Штамп: W.PISKORSKI Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив. Тисн. на корешке: W.P.
4.	781-ин	Belov, Georg von. Die Ursachen der Rezeption des Römischen Rechts in Deutschland. – München; Berlin: R.Oldenbourg, 1905. – XII, 166 S. – (Historische Bibliothek, XIX. Band). Надп. на форз.: В. Пискорского Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
5.	838-ин	Brosien, Hermann. Lexikon Der Deutschen Geschichte. – Leipzig: Verlag des Bibliographischen Instituts , 1882. – IV, 458 S. Надп. на форз.: В. Пискорского Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
6.	933-ин	Dändliker, K. Schweizerische Geschichte. – Leipzig: Göschen, 1904. – 180 S. –

		(Sammlung Göschen, No. 188). Надп. на форз.: В. Пискорского Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
7.	960-ин	Stubbs, William Germany in the early Middle Ages, 476-1250 / Edited by Arthur Hassall. – London, New York: Longmans, Green, 1908. – XI, 254 p., map. Надп. на форз.: В. Пискорского Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
8.	975-ин	Hallam, Henry. View of the state of Europe during the middle ages. – London; New York: Ward, Lock and Co., [s.a. 1888]. – 720 p. Штамп: W.PISKORSKI Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
9.	1004-ин	Ammirato, Scipione. Istorie fiorentine di Scipione Ammirato : ridotte all'originale e annotate dal professore Luciano Scarabelli. In 3 v. – Torino: Cugini Pomba e comp., 1853. – 405, 272, 320 p. Надп. на форз.: В. Пискорского Надп. на форз.: В дар Библ. для пр. зан. по вс. ист. от завещующ. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
10.	1012-ин	Morel-Fatio, Alfred. L'Espagne au XVI ^e et XVII ^e siècle. Documents historiques et littéraires. – Heilbronn: Henninger frères, 1878. – 697 p. Надп. на авантит.: В. Пискорского Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
11.	1016-ин	Hinojosa, Eduardo de. El régimen señorial y la cuestión agraria en Cataluña, durante la Edad Media. – Madrid: V. Suárez, 1905. – XVI, 379 p. Надп. на форз.: В. Пискорского Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
12.	1040-ин	Schmidt, Karl. Jus primae noctis. Eine geschichtliche Untersuchung. – Freiburg im Breisgau: Herder, 1881. – XLIII, 397 S. Штамп: W.PISKORSKI Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
13.	3333-ин	Rodríguez Villa, Antonio. Cartas político-económicas escritas por el Conde de Campomanes, primero de este título, al Conde de Lerena / éd. par A. Rodríguez Villa. – Madrid: Librería de M. Murillo, 1878. – XXXVI, 286 p. Штамп: W.PISKORSKI Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.

14.	3335-ин	Balaguer, Victor. Islas Filipinas: (Memoria). – Madrid: R. Angles, 1895. – 80 p. Штамп: W.PISKORSKI Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
15.	3336-ин	Balaguer, Victor. Cristóbal Colón. – Madrid: El Progreso editorial, 1892. – [2], 253 p. Штамп: W.PISKORSKI Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
16.	3337-ин	Altamira y Crevea, Rafael. Derecho consuetudinario y economía popular de la provincia de Alicante. – Madrid: Imp. del Asilo de Huérfanos del S.C.de Jesús, 1905 – 127 p., 1 f.мар. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
17.	3339 -ин	Dou y Bassols, Ramón Lázaro. Conciliación económica y legal de pareceres opuestos en cuanto a laudemios y derechos enfiteuticos. – Cervera: por José Casanovas, 1829. – VII, 103 p. Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
18.	3340 -ин	Martínez Alcubilla, Marcelo. Códigos antiguos de España. Colección completa de todos los códigos de España, desde el Fuero Juzgo hasta la Novísima Recopilacion, con un glosario de las principales voces anticuadas, notas, índices parciales y un repertorio general alfabético de materias. – V. 1. – Madrid: Administración, J. López Comancho, 1885. – 705,[1]p. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
19.	3341 -ин	Colección de documentos inéditos para la historia de España / por el Marqués de la Fuensanta del Valle, D. José Sancho Rayon y Francisco de Zabalburu. – V. 93: Diario del viaje a Moscovia del duque de Liria y Xérica. – Madrid: Imprenta de Miguel Ginesta Hermanos, 1889. – XX, [1], 503 p. Многочисленные пометки и подчеркивания в тексте. Надп. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив. Надп. на авантитуле: Al Vladimir Pikorski Julio 27/96. <>
20.	3344 -ин	Collell, Mossèn Jaume. Floralia: Versos. – Barcelona. J. Thomas y C ^a , 1894. – [2], XXIV, [1], 184, [2] p. На первом шмуцтит. вклеена фотогр. автора. На втор. шмуцтит. надпись: Al sabi professor de la Univesitat de Kiew, entusiasta de Catalunya D. Wladimir Piskorski <> Jaume Collell. Vich. 25 juliol 1897. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив. Вложен лист: Collell, Jaume. L'ultim Perantón. (Premi de la

		“Associació Literaria de Gerona, en lo Certamen de 1897.). – [Gerona, 1897]. – 2 f. (3344/1-ин)
21.	3345 –ин	Altamira y Crevea, Rafael. Historia de España y de la Civilización española. – Т. 3. – Barcelona: Juan Gili, 1906. – 749 p. Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
22.	3347 –ин (конво- лют)	1) Torrents y Monner, Antonio Armonia entre patronos y obreros. – Barcelona: Tip. de la Casa P. de Caridad, 1894. – 45, [2] p. Надп. на авантитуле: Al distinguido economista y Profesor de la Universidad de Kiew W. Piskorski dedica este ejemplar en recuerdo de visita en San Julian de Vilartorta. <> El autor. Julio 1887. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив. 2) Torrents y Monner, Antonio Contabilidad de las asociaciones benéficas, científicas, artísticas, literarias y de recreo. – Barcelona: Impr. de la Casa Provincial de Caridad, 1894. – 40 p. Надп. на обор. тит.л.: Al erudite Professor de la Universidad de Kiew W. Piskorski dedica este ejemplar <> El autor.
23.	3349 –ин	Zorrilla, José Obras de D. José Zorrilla / con su biografía por Ildefonso de Ovejas. – Nueva edición corregida y la sola reconocida por el autor. – Т. 1: Obras poéticas. – Paris: Baudry, 1847. – LIX, 536 p., front. (port.) Штамп: W.PISKORSKI Тисн. на корешке: W.P. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
24.	3351 –ин (конво- лют)	1) Bofarull y Sans, Francisco de Orígenes del pueblo de San Martí de Provencals. Memoria leída en la Real Academia de Buenas Letras en la sesión celebrada el día 19 de febrero de 1889. – Barcelona: Jaime Jepús, 1895. – 59 p. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив. Надп. на форз.: Homenaje del autor – Al distino, <> professor W. Piskorski. Barcelona 10 febrero 1997. Fran. de Bofarull. 2) Bofarull y Sans, Francisco de Generación de Juan I de Aragon. Apéndice documentado á Ios condes de Barcelona vindicados por D. Próspero de Bofarull. Memoria leída en la Real Academia de Buenas Letras en la sesión celebrada el día 23 de marzo de 1896. – Barcelona: Estab. Tip. de J. Jepús, 1896. – 78 p. Надп. на перв. стр.: Al <> W. Piskorski en testimonio de amistad. El autor. 3) Bofarull y de Sartorio, Manuel de. Tres cartas autógrafas é inéditas de Antonio Tallander: Mossén Borra, maestro de los albardanes de D. Fernando el de Antequera, y algunos documentos desconocidos relativos al mismo personaje. – Barcelona: Estab. Tip. de J. Jepús, 1895. – 100 p.

		<p>Надп. на авантут.: A mi distinguido amigo D. W. Piskorski en testimonio de afecto. Francisco de Bofarull.</p> <p>4) Bofarull y Sans, Francisco de. Antigua marina catalana. Memoria leída en la sesión ordinaria celebrada por la Real Academia de Buenas Letras el día 16 de noviembre de 1896. – Barcelona: Estab. Tip. de J. Jepús, 1898. – 123p.; 11 láminas (incl. 1 f. map).</p> <p>Надп. на об. тит. л.: A mi buen amigo W. Piskorski en testimonio de carinoso afecto. El autor.</p> <p>5) Milá y Fontanals, Manuel. Noticia de la vida y escritos de Don Próspero de Bofarull y Mascary, archivero y cronista de la Corona de Aragón. Leída en la sesión pública celebrada por la Academia de Buenas Letras, el día 30 de diciembre de 1860. – Barcelona: Imp. de Juan Oliveres y Monmany, 1869. – 109, [1] p.</p>
25.	3352 -ин (конво- лют)	<p>1) Costa, Joaquín. Colectivismo, comunismo y socialismo en derecho positivo español: (ensayo de un plan). – S.L., 1895. – 32 p. Штамп: W.PISKORSKI Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.</p> <p>2) Circular e instrucciones para la conservación y restauración de los monumentos históricos y artísticos. – Oviedo: Imp. del Hospicio Provincial, 1899. – 18 p.</p> <p>3) Barrau-Dihigo, L. A propos d'un manuscrit hispanique de Leyde (XIIIe siècle). – Paris, H. Champion, 1910. – 9 p. Extrait des “Mélanges offerts à m. Émile Chatelain, 15 avril 1910.” Надп. на тит. л.: A mon excellent ami Monsieur W. Pisk[orski] en souvenir de son court séjour à <> très affectueusement, L. Barrau Dih<igo>. (часть текста срезана при переплете)</p> <p>3) Boletín de la Bibliotheca-Museo-Balaguer. – Villanueva y Geltrú, [1884-1958]. 1900. – № 4-6,9. 1901. – № 21-22. 1902. – № 26.</p>
26.	3358 -ин (конво- лют)	<p>1) Serra y Campdelacreu, José El Archivo Municipal de Vich: su historia, su contenido y su restauración : memoria escrita y presentada al M.I. Ayuntamiento Constitucional de esta ciudad. – Vich: R. Anglada y Pujals, 1879. – XIII, [2], 208 p. Надп. на авантут.: Al eminente historiografo ruso D. W. Piskorski. Homenaje de José Serra y Campdelacreu. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.</p> <p>2) Serra y Campdelacreu, José Bosquejo biográfico de Don Joaquín Salarich y Verdagner con noticias expositivas, críticas y bibliográficas de sus obras. – Vich : Impr. Ramon Anglada y Pujals, 1885. – [2], 162, [16] p., port. Надп. на авантут.: Al eminente historiografo ruso W. Piskorski. Homenaje de El Autor.</p>

27.	3457 -ин	Cogliolo, Pietro. Malinconie universitarie . – Firenze: G. Barbèra, 1887. – 241 p. Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
28.	3458 -ин	Archivio della Reale Societa Romana di Storia Patria. – Vol. 29. – Rome: nella Sede della Società, 1906. – 582 p. Надп. на пер.: В. Пискорского Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
29.	3459 -ин	Sorel, Georges Eugène Degenerazione capitalista e degenerazione socialista / trad. et présentation de Vittorio Racca. – Milano: Remo Sandron, 1907. – XXXII, 398 p. – (Biblioteca di scienze sociali et politiche, 60). Надп. на пер. и шмуцтит.: В. Пискорского. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
30.	3461 -ин	Pellico, Silvio Le mie prigioni, memorie. Dei doveri degli uomini. – Parigi; Lione: B. Cormon e Blanc, 1834. – [7],168, [6], 64 p. Надп. на форз.: В. Пискорского Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
31.	3463 -ин (конво- лют)	1) Regolamenti per le Facoltà Universitarie 1902. – Milano, 1902. – 70 p. 2) Nuovo Regolamento generale Universitario e Regolamenti speciali di facoltà. – Milano, 1904. – 71 p. 3) Regolamento generale Universitario. – Milano, 1906. – 50 p. 4) Regolamenti per le Facoltà Universitarie. – Milano, 1906. – 35 p. 5) Le livret de l'étudiant de Paris. 1895-1896. – Paris: Imp. de l'Université, [1895]. – 172 p. 6) Estatutos y reglamento de la Real Academia de Buenas Letras de Barcelona. – Barcelona: J. Jepús, 1889. – 45 p. 7) Estatutos y reglamento de la Real Academia de Buenas Letras de Barcelona. – Barcelona: J. Jepús, 1903. – 54 p. 8) Real Academia de Buenas Letras de Barcelona. 1903 Año academico CLXXV. – Barcelona: tip. de la casa P. de Caridad, [1903]. – 35 p. Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
32.	3464 -ин	Il Risorgimento d'Italia narrato dai Principi di Casa Savoia e dal Parlamento. (1848 – 1878). – 3 ed. – Firenze: G. Barbèra, 1888. – XVI, 329 p. Надп. на шмуцтит.: В. Пискорского Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
33.	3465 -ин	Gargioli, Girolamo. L'arte della seta in Firenze: trattato del secolo XV pubblicato per la prima volta. E Dialoghi raccolti da Girolamo Gargioli. – Firenze: G. Barbèra, 1868. – X, 339 p. Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.

34.	3466-ин	I martiri della libertà italiana, dal 1799 al 1848. Vite scelte e annotate per cura Rosolino Guastalla. – Firenze: G. Barbera, 1906. – XVIII, 244 p. Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
35.	3469 -ин	Soto y Calvo, Francisco. Cuentos de mi padre. – Buenos Aires: Pablo E. Coni é Hijos, 1897. – 357, [1] p. Надп. на шмуцтит.: Al sabio y eleganté exitor en lengua castelana <> D. W. Piskorski. Con el respeto y admiración hacia el filólogo, y el afecto que atrae hacia su autor el bello artienlo necrológico sobre nuestro querido y comérco amigo Balaguer. Fran. Sotó y Calvo. Paris: 117, ru du Ranclogh <>. Marzo 1901. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
36.	3470 -ин	Soto y Calvo, Francisco. Nostalgia. – Chartres: Durand, 1901. – 617 p. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
37.	3504 -ин	Visconti Venosta, Giovanni. Ricordi di gioventù: cose vedute o sapute, 1847-1860. – 3. ed. illustrata. – Milano: L. F. Cogliati, 1906. – [2], 610 p.: ill. Надп. на обл. и тит. л.: В. Пискорского Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
38.	3506 -ин	Brandileone, Francesco. Sulla storia e la natura della donatio propter nuptias. – Bologna: N. Zanichelli, 1892. – 121 p. Штамп: W.PISKORSKI Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
39.	3507 -ин	Rossi, Alessandro. Dell'Arte della lana in Italia e all'estero giudicata all'Esposizione di Parigi 1867. – Firenze: G. Barbera, 1869. – 235 p.: 5 c. di tav. Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
40.	3510 -ин	Zorrilla, José. Obras de D. José Zorrilla. – T.2: Obras dramaticas. – Paris: Baudry, s.a. – 554 p. Тисн. на корешке: W.P.
41.	3511 -ин	Portal, Emmanuel. Letteratura provenzale: i moderni trovatori : (biografie provenzali). – Milano: Ulrico Hoepli, 1907. -221, 64 p. Надп. на форз.: В. П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
42.	3520 -ин (конво- лют)	1) Guimera, Àngel La Llengua catalana: discurs llegit en la sessió pública celebrada en l'Ateneu Barcelonès lo 30 de novembre de 1895. – Barcelona: L'Avenc, 1896. – 42 p.

		<p>Надп. на тит.л.: В. П.</p> <p>2) Carreras y Candi, Francesch. Lo Cervantisme á Barcelona. – Barcelona: “La catalana” de J. Puigventós, 1895. – 65, [1] p.</p> <p>3) La Renaixensa: diari de Catalunya. – Barcelona, [1881-1905]. 1897. – 5, 6, 7, 8, 11, 12, 13 mars.</p> <p>4) Assambleas Catalanistas (Primera). Manresa. Deliberacions i Acorts. – Barcelona: Imprempta La Renaixensa, 1893. – 246 p. – (Biblioteca de la Unió Catalanista).</p> <p>5) Assambleas catalanistas (segona). Reus. Deliberacions y acorts. – Barcelona: Impremta “La Renaixensa”, 1895. – 176 p. – (Biblioteca de la Unió Catalanista).</p> <p>6) Butlleti del Centre Excursionista de Catalunya. – Barcelona, 1894. – Vol 4, №12 (janer-marc). – 80 p.</p> <p>7) Miret y Sans, Joaquim. Cartoral dels Templers de les comandes de Gardeny y Barbens. – Barcelona: L’Avenç, 1899. – 35 p.</p> <p>Надп. на авантум.: Al Señor professor W. Piskorski autor del “Ensayo sobre el origen de los seis malos usos en Cataluña”, en prueba de amistad y consideracion. Joaquim Miret y Sans.</p> <p>8) Fiter é Inglés, Josep. Una Excursió històrica per las voreras del Cinca. Provincia de Huesca. Montsó-Castejon-Selgua. – Barcelona, 1882. – 24 p. – (Extret del Anuari de la Associació d’Excursions Catalana 1882).</p> <p>Надп. на перв. стр.: Al <> W. Piskorski <> l’autor.</p> <p>9) Moncada, Juan Luís de. Episcopologio de Vich: escrito á mediados del siglo XVII / Publicalo por vez primera con una noticia biográfica y adiciones, D. Jaime Collell. – Vol. 2: (Del siglo XIII al XVI). – Vich: R. Anglada, 1894. – (Biblioteca històrica de la Diócesis de Vich).</p> <p>Надп. на форз.: В этом переплере №Nº753-760. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.</p>
43.	3522 -ин	<p>Balari y Jovany, Jose. Orígenes históricos de Cataluña. – Barcelona: Tip. de Hijos de J. Jepús, 1899. – XXXVII, [2], 751 p.</p> <p>Надп. на авантум.: Al Sr. D. Wladimiro Piskorski, diligente investigador de los Archivos españoles, conocedor peritísimo de sus secretos tesoros, en testimonio de la más distinuida consideración le dedica este ejemplar su <af^{mo}> a. s. s. y c. El Autor.</p> <p>Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.</p>
44.	3523 -ин (конво- лют)	<p>1) Gener, Pompeyo. Heregias: Estudios de Critica Inductiva. – Madrid: Fernando Fé, 1888. – 264 p.</p> <p>2) Gener, Pompeyo. Literaturas malsanas. Estudios de patología literaria contemporánea. – Madrid: Fernando Fé, 1894. – 405 p.</p> <p>Надп. на форз.: В. Пискорского Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.</p>

45.	3524 -ин	Balaguer, Víctor. Los juegos florales en España; Memorias y discursos. – Barcelona: Luis Tasso, 1895. – 481 p. Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
46.	3525-ин	Altamira y Crevea, Rafael Historia de España y de la civilización española. – Т. 2. – Barcelona: Juan gili, 1902. – 570, VI p. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
47.	3530 -ин	Balaguer, Víctor. Tragedias. Texto catalán y traducciones en verso castellano por distinguidos poetas. –Т. 1. – Madrid: El Progreso editorial, 1892. – 418 p. Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
48.	3531-ин	Álvarez Sereix, Rafael. El Dominio Del Capital. Conferencia dada en el Círculo de Contribuyentes de Alcalá de Henares el 5 de mayo de 1895. – Madrid: Ricardo Rojas, 1895. Штамп: W.PISKORSKI Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
49.	3532 -ин	Prescott, Guillermo H. Historia del reinado de los Reyes Católicos, D. Fernando y D. ^a Isabel. – Madrid: Gaspar y Roig, 1855. – 425, [9] p. Штамп: W.PISKORSKI Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
50.	3537 -ин	Braga, Theophilo. O povo portuguez nos seus costumes, crenças e tradições. In 2 v. – Lisboa, Livraria Ferreira, 1885. – 416, 546 p. Надп. на авантит.: В. Пискорского Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
51.	3538 -ин	Bethencourt, Cardozo de. A Bibliotheca da Academia Real das Sciencias de Lisboa. Noticia Summaria. – Lisboa: Typ. da Academia, 1909. – 31 p. На пер. и тит. л. в строке “1 ^o Official da mesma Bibliotheca” первое слово зачеркнуто и надп. Bibliothecario. Надп. на шмуцтит.: A Monsieur le Professeur Piskorski, en souvenir de sa visite à l’Académie Royale des Sciences de Lisbonne. 7 juil. 1910. C. de Bethencourt. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
52.	3539 -ин	Rebello da Silva, Luiz Augusto. História de Portugal nos séculos XVII e XVIII. In 5 t. – Т.1. – Lisboa: Imprensa Nacional, 1860. – XVIII, 565, [1] p. Надп. на шмуцтит.: В. Пискорского Тисн. на корешке: В.П.

		Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
53.	3540 -ин	Rebello da Silva, Luiz Augusto. História de Portugal nos séculos XVII e XVIII. In 5 t. – Т.2. – Lisboa: Imprensa Nacional, 1862. – [8], 661 p. Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
54.	3541 -ин	Rebello da Silva, Luiz Augusto. História de Portugal nos séculos XVII e XVIII. In 5 t. – Т.4. – Lisboa: Imprensa Nacional, 1869. – [8], 661 p. Надп. на шмуцтит.: В. Пискорского Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
55.	3542 -ин	Rebello da Silva, Luiz Augusto. História de Portugal nos séculos XVII e XVIII. In 5 t. – Т.5. – Lisboa: Imprensa Nacional, 1871. – [6], 614 p. Надп. на шмуцтит.: В. Пискорского Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
56.	3543 -ин	Balaguer, Víctor. Poesías catalanas: cada una con su traducción castellana, francesa ó italiana por conocidos literatos. In 2 v. – Ed.6. – Madrid: El Progreso Editorial, 1892. – 371, 396 p. Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
57.	3544 -ин	Martínez Alcubilla, Marcelo. Códigos antiguos de España: colección completa de todos los códigos de España, desde el Fuero juzgo hasta la Novísima recopilación, con un glosario de las principales voces anticuadas, notas, índices parciales y un repertorio general alfabético de materias / publícala D. Martínez Alcubilla. – V. 2. – Madrid: J. López Camacho, impresor, 1885. – P.755-2042. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
58.	3546 -ин	Martínez Marina, Francisco. Ensayo histórico-crítico sobre la antigua legislación y principales cuerpos legales de los reynos de Leon y Castilla, especialmente sobre el código de D. Alonso el Sabio conocido con el nombre de las Siete Partidas. – Madrid: Imprenta de la Hija de D. Joaquín Ibarra, 1808. – 450 p. Штамп: W.PISKORSKI Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
59.	3585 -ин	Pi y Margall, Francisco. Las luchas de nuestros días 1890 Las luchas de nuestros días. Primeros diálogos. – Madrid: El Progreso Tipográfico, 1890. – 441, [1] p. Надп. на шмуцтит.: A W. Piskorsky <>. F. Pi y Margall. На форзаце приклеена фотография автора. Штамп: W.PISKORSKI

		Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
60.	3587-ин	Cervantes Saavedra, Miguel de. El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha. P. 1. – Madrid: José Góngora, 1887. – VIII, 373 p. Надп. на корешке: W.P. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
61.	3588-ин	Cervantes Saavedra, Miguel de. El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha. P. 2. – Madrid: José Góngora, 1887. – 395 p. Надп. на корешке: W.P. Штамп: W.PISKORSKI Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
62.	3589-ин	López Silva, José. Los Barrios Bajos. – Madrid: M. G. Hernández, 1894. – 236,[2] p. На внутр. стор. перепл. приклеено письмо оргкомитета Международного исторического конгресса (Сарагоса, 1908). Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
63.	3591-ин	Borrego, Andrés. Historia de las Cortes de España durante el siglo XIX a partir de la instalacion de las generales y extraordinarias de 1810 hasta el advenimiento del Rey D. Alfonso. T.1. – Madrid: A. Rodero, 1885. – 280 p. Надп. на тит.л.: В. Пискорского Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
64.	3592-ин	Altamira y Crevea, Rafael. Historia de la propiedad comunal. Con un prólogo de D. Gumersindo de Azcárate. – Madrid: J. López Camacho, 1890. – 366 p. Тисн. на корешке: W.P. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
65.	3594-ин	Colmeiro, Manuel. De la constitución y del gobierno de los reinos de León y Castilla. T. 1. – Madrid y Santiago: Librería de Don Angel Calleja, 1855. – 336, [1] p. Штамп: W.PISKORSKI Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
66.	3596-ин	Balaguer, Víctor. Añoranzas. – Ed. 2. – Madrid: Tip. de El Progreso Editorial, 1894. – 223 p. Штамп: W.PISKORSKI Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
67.	3600-ин	Miret y Sans, Joaquín. Investigación histórica sobre el vizcondado de Castellbó con datos inéditos de los condes de Urgell y de los vizcondes de Ager. – Barcelona: Impr. de J. Puigventós, 1900. – 388 p.

		Надп. на шмуцтит.: Al distinguido hispanofilo profesor W. Piskorski de la Universidad de Kiew ofrece este pobre libro en testimonio de profunda consideracion. El Autor. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
68.	3602 -ин	Bofarull y Mascaró, Próspero de. Los condes de Barcelona vindicados, y cronología y genealogía de los reyes de España considerados como soberanos independientes de su marca. In 2v. – Barcelona: J. Oliveres y Monmany, 1836. – 254, 381 p. Штамп: W.PISKORSKI Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
69.	3685 -ин	Fahlbeck, Pontus. La Constitution suédoise et le parlementarisme modern. – Paris: A. Picard, 1905. – 349 p. Надп. на пер.: В. Пискорского Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
70.	3686 -ин	Humboldt, Alexander von. Ansichten der Natur mit wissenschaftlichen Erläuterungen. – Stuttgart: J.G. Cotta'scher Verlag, [s.a.]. – 362 s. Штамп: W.PISKORSKI Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
71.	3937 -ин (конво- лют)	1) Batét y Paret, Joaquín. Almanaque-Guía de la inmortal Gerona. – Gerona: P. Torres, 1897. – 329 p. 2) Carreras i Candi, Francesch. Crónica de la traslació de les despulles de Ramon Berenguer III lo Gran comte soberá de Barcelona en 1893. – [Mataró: Estampa de F. Abadal y Cia.], 1893. – 99, [2] p. 3) Bareny y Casas, José Maria. La Inquisición Fotografiada. – 2 ed., corregida y aumentada por el mismo autor. – Barcelona: Tipografía Católica, 1880. – 98 p. Надп. на тит.л. 3-й кн.: Al professor de Historia D. W. Piskorski. Necuerdo de su estancia en Barcelona y prenda de la ostima y consideration de S. A. S. S. 1897. A. C. V. Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
72.	3961 -ин	Ripollés y Baranda, Mariano. Jurisprudencia Civil de Aragón. In 3 t. T.1. – Zaragoza: Imprenta Calixto Ariño, 1897. – 444, [1] p. Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
73.	4119-ин (конво- лют)	Конволют: "Teatro Catalan". 1) Calderón de la Barca, Pedro. La vida es sueño. – Barcelona: Imp. Mililar y Comercial, 1896. – 91 p. – (Biblioteca de El Teatro universal). 2) Careta Y Vidal, Antoni. Al Cim De La Gloria: Lloansa Dedicada A La Memoria Del Gran

		<p>Poeta Frederich Soler. – Barcelona: F. Badia, 1895. – 32 p. Надп. на тит. л.: Al escriptor rus D. W. Piskorski, en penyora de consideració y simpatia. A. Careta y Vidal. Barcelona, Juliol de 1879.</p> <p>3) Las bravías. Sainete lírico en un acto en cuatro cuadros, en verso basado en la comedia de William Shakespeare La fiera domada. Letra de José López Silva y D. Cárlos Fernandez Shaw, música del maestro Ruperto Chapí. – Barcelona: Imp. de F. Ortega, [s.a.]. – 8 p.</p> <p>4) Nuevos couplets de Gedeón. – S.l., s.a. – 4 p. ШТАМП: W.PISKORSKI</p> <p>5) Burgos, Javier de. Las mujeres: sainete lírico en un acto, dividido en cuatro cuadros, un verso original de Javier de Burgos; música del maestro Gerónimo Giménez. – Madrid: R. Velasco, imp., 1896. – 43 p.</p> <p>6) Romea, Julian. El Padrino de “El Nene”, ó Todo por el arte : sainete lírico en un acto y tres cuadros. Música de los maestros Caballero y Hermoso. – Madrid: Imp. J. Ortega, 1897. – 16 p.</p> <p>7) Burgos, Javier de. Cádiz: episodio nacional cómico-lírico-dramático. Música de los maestros D.F. Chueca y D.J. Valverde. Madrid: A. Alonso, 1896. – 16 p.</p> <p>8) Bretón, Tomás. La Dolores. Argumento de la opera basada en el drama del maestro José Feliu y Codina. Publicado por Molgosa (José Oriol), con autorización exclusiva del autor. – 12 ed. – Barcelona: Imp. Gutenberg, de R. Roca, s.a. – 15 p. – (Teatro del Tívoli).</p> <p>9) Careta Y Vidal, Antoni. Brosta. Qüentos, escenas de costums, tradicions, novelas, fantasias. – Barcelona: Joan Roca y Bros, 1878. – 243, [1] p. Надп. на тит. л.: A D. W. Piskorski, en penyora de bona recordansa, son servidor afm. L’ Autor. ШТАМП: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.</p>
74.	4121-ин	<p>Gener, Pompeyo. Amigos y maestros: contribución al estudio del espíritu humano a fines del siglo XIX. – Madrid: Fernando Fé; Barcelona: Juan Llordachs, 1897. – 364, [2] p. Надп. на шмуцтит.: Al profesor don W. Piskorski, en prueba de simpatia, <>. El Autor.</p>
75.	4622-ин	<p>Lembke, Friedrich Wilhelm. Geschichte von Spanien. Bd. 1.: Die Zeiten von der vollständigen Eroberung durch die Römer bis gegen die Mitte des neunten Jahrhunderts. – Hamburg: F. Perthes, 1831. – 424 S. ШТАМП: W.PISKORSKI ШТАМП: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.</p>
76.	4994-ин	<p>Valentini, Francesco. Taschen-Wörterbuch der italienischen und deutschen Sprache. In 2 v. – Leipzig: F.A. Brockhaus, 1873. – 446, 619 p. Надп. на пер.: В дар Библиотеке для пр. зан. по вс. ист. В. Писк<орский>. ШТАМП: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.</p>

77.	5103-ин	<p>Casanova, Sofia. El doctor Wolski: páginas de Polonia y Rusia. – Madrid: Imp.del Suc. de J. Cruzado, 1894. – 320 p. Штамп: W.PISKORSKI Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.</p>
78.	7846-ин	<p>Dante Alighieri. La Divina Commedia / Riveduta nel Testo e Commentata da G.A. Scartazzini; quinta edizione curata da G. Vandelli col rimario perfezionato di L. Polacco e indice dei nomi propri e di cose notabili. – Milano: Ulrico Hoepli Editore-Libraio Della Real Casa, 1907. – 1047, 124 p. Тисн. на корешке: В.П. Надп. на форз.: В. Пискорского Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.</p>
79.	8018-ин	<p>Coleridge, Samuel Taylor. The poetical works of S.T. Coleridge, including the dramas of Wallenstein, Remorse, and Zapolya. V. 1. – London: William Pickering, 1828. – 353 p. Надп. на форз.: В. Пискорский. 11/X 1887. Надп. на тит. л.: В. К. П. Штамп: Bibliothèque de la P^{sse} Angelina Radziwill. Штамп: Библиотека Казанских высших женских курсов.</p>
80.	8705-ин	<p>Lutoslawski, W. Ueber die Echtheit, Reihenfolge und logische. Theorien von Platos drei ersten Tetralogien // Archiv für Geschichte der Philosophie. 9. Bd. 1. – Berlin, 1895. – S. 67-114. Надп.: Herr Piskorski <> W. Lutoslawski (Lomza, Pologne russe) Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.</p>
81.	8706-ин	<p>Lutoslawski, Wincenty. O logice Platona. C. II: Dotychczasowe poglądy na logikę Platona i zadania dalszych badań nad tym przedmiotem. – Warszawa: E. Wende, 1892. – 60 p. Надп. на тит.л.: Kochanemu kolege Piskorskiemu ofiaruje autor. Madryt 3.IV.96. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.</p>
82.	10251 -ин	<p>Desdevises du Dezert, G. L'Espagne de l'Ancien Régime. In 3 t. T. 1: La Société. – Paris: Société française d'imprimerie et de librairie, 1897. – 294 p. Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.</p>
83.	10252 -ин	<p>Desdevises du Dezert, G. L'Espagne de l'Ancien Régime. In 3 t. T. 2: Les institutions. – Paris: Société française d'imprimerie et de librairie, 1899. – 451 p. Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.</p>

84.	10253 -ин	Desdevises du Dezert, G. L'Espagne de l'Ancien Régime. In 3 t. T. 3: La richesse et la civilisation. – Paris: Société française d'imprimerie et de librairie, 1904. – 422 p. Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
85.	10264 -ин	Esmein, Adhémar. Éléments de droit constitutionnel français et compare. – 4ème éd. revue et augmentée. – Paris: L. Larose & L. Tenin, 1906. – 972 p. Надп. на тит.л.: В. Пискорского Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
86.	10266 -ин	Afanassiev, Georges. Le Commerce des céréales en France au dix-huitième siècle. Étude historique / traduite du russe sous la direction de Paul Boyer. – Paris: A. Picard et fils, 1894. – 576 p. Надп. на форз.: Дорогому другу Владимиру Константиновичу Пискорскому от Афанасьева на память. Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
87.	10472-ин	Loutchisky, Ivan Vasilievitch. La petite propriété en France avant la Révolution et la vente des biens nationaux. – Paris: H.Champion, 1897. – 164, [1] p. Надп. на шмуцтит.: В. Пискорского Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
88.	10474-ин	Maspero, Gaston. Histoire Ancienne des Peuples de l'Orient. – 3e éd. – Paris: Hachette, 1884. – VII, 656 p., maps. Надп. на форз.: В. Пискорского Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
89.	10476-ин	Welschinger, Henri Bismark. – Paris: F. Alcan, 1900. – 210, [1] p. Надп. на пер.: В. Пискорского Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
90.	10478-ин	Hoefler, Jean Chrétien Ferdinand. Dictionnaire théorique et pratique d'agriculture et d'horticulture rédigé d'après les meilleurs ouvrages français, allemands et anglais / sous la direction de M. le Dr Hoefler. – Paris: F. Didot, 1855. – 613 p. Штамп: W. PISKORSKI Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
91.	И65986	Muñoz y Rivero, Jesús. Manual de paleografía diplomática española de los siglos XII al XVII: método teórico-práctico para aprender á leer los documentos españoles de los siglos XII al XVII. – Madrid: Librería de la Sra. Viuda de Bernardo y Compañía, 1889. – 498, [2] p.

		Тисн. на корешке: В.К.П. Надп. на форз.: В. Пискорского Штамп: W. PISKORSKI
92.	И65987	Gross, Charles. Select Cases Concerning the Law Merchant. A.D. 1270–1638. T. I: Local Courts. – London: Bernard Quaritch, 1908. – LV, 312 p. – (Selden Society Publications, vol. XXIII). Надп. на форз.: В. Пискорского Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
93.	И66204 (конво- лют)	1) Les Auteurs latins expliqués d'après une méthode nouvelle par deux traductions françaises. Virgile. Bucoliques. – Paris: Hachette, 1881. – 128 p. 2) Les Auteurs latins expliqués d'après une méthode nouvelle par deux traductions françaises. Virgile. Les Géorgiques. – Paris: Hachette, 1885. – 64, 72, 72, 58 p. Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
94.	И66265 (конво- лют)	1) Brunner, Heinrich. Geschichte der englischen Rechtsquellen im Grundriss. Mit einem Anhang über die normannischen Rechtsquellen. – Leipzig: Duncker & Humblot, 1909. – 75 S. 2) Wittich, Werner. Le Génie national des races française et allemande en Alsace / traduction française de André Korn. – Paris: V. Giard et E. Brière, 1903. – 100 p. – Extrait de la "Revue internationale de sociologie". Надп. на тит.л.: A Monsieur le professeur Piskorski avec homage de l'auteur. Тисн. на корешке: В.П. Надп. на обл.: В. Пискорского Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
95.	И66342	Hartmann, Ludo Moritz. Theodor Mommsen: Eine biographische Skizze. Mit einem Anhang: Ausgewählte politische Aufsätze Mommsens. – Gotha: F.A. Perthes, 1908. – 259 S. Надп. на пер.: В. Пискорского Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
96.	И66378	Mayerhoff, Ernst Theodor. Johann Reuchlin und seine Zeit. – Berlin: Stuhr, 1830. – XV, 280 S. Надп. на форз.: В. Пискорского Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
97.	И66389 (конво- лют)	1) Vidal, Pierre. Notice sur la vie et les travaux de Julien-Bernard Alart ancien archiviste des Pyrénées-Orientales. – Perpignan: Impr. de Charles Latrobe, 1896. – 133 [1] p. 2) Alart, B. (ed.) Cartulaire Roussillonnais. – Perpignan: Impr. de Charles Latrobe, 1880. – 125 p. Надп. на форз.: В. Пискорского

		Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
98.	И66414	Dialogus de Scaccario. By Richard, Son of Nigel, Treasurer of England and Bishop of London / ed. by Arthur Hughes, C. G. Crump, and C. Johnson. – Oxford: Clarendon Press, 1902. – 250 p. Надп. на форз.: В. Пискорского Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
99.	И66427	Werminghoff, Albert. Verfassungsgeschichte der deutschen Kirche im Mittelalter. – Leipzig: Verlag von B.G Teubner, 1907. – 96 S. Надп. на пер.: В. Пискорского Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
100	И66438	Michelet, Jules. Introduction à l'Histoire universelle; suivie du Discours d'ouverture, à la Faculté des lettres. – Paris: C. Lévy, 1882. – III, 248, [1] p. Штамп: W.PISKORSKI Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
101	И66579	Cronicas de los reyes de Castilla: desde don Alfonso el Sabio, hasta los católicos don Fernando y doña Isabel: in 3 v. – Madrid: M. Rivadeneyra, 1875-1878. Содерж.: v. 1. Crónica del rey don Alfonso el Onceno. Crónica del rey don Pedro, por P. López de Ayala. – P. 173-614. v. 2. Crónica del rey don Enrique, Segundo de Castilla. Crónica del rey don Juan, Primero de Castilla é de León. Crónica del rey don Enrique, Tercero de Castilla é de Leon. Crónica del serenísimo príncipe don Juan, segundo rey deste nombre en Castilla y en León, escrita por F. Pérez de Guzmán. Generaciones semblanzas é obras de los excelentes reyes de España don Enrique el Tercero é don Juan el Segundo, y de los venerables perlados y notables caballeros que en los tiempos destes reyes fueron, ordenadas por F. Pérez de Guzmán. – 719 p. Без переплета и обложек отдельные выпуски сложены в папку. Штамп: W. PISKORSKI Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
102	И66730	Neuhaus, Georg. Deutsche Wirtschaftsgeschichte im neunzehnten Jahrhundert. – Kempten; München: J. Kösel, 1907. – 182 S. Надп. на тит.л.: В. Пискорского Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.
103	И66739	Hintze, Otto. Historische und politische Aufsätze: in 4 v. – 4 Bd. – Berlin: Verlag Deutsche Bücherei, [1908]. – 191 S. Надп. на пер.: В. Пискорского Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.

104	И66786	<p>Below, Georg von. Territorium und Stadt. Aufsätze zur deutschen Verfassungs-, Verwaltungs- und Wirtschaftsgeschichte. – München; Leipzig: R. Oldenbourg, 1900. – 342 S. Надп. на форз.: В. Пискорского Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.</p>
105	И66789	<p>Degli Azzi, Giustiniano. L'insurrezione e le stragi di Perugia del Giugno 1859. – Perugia: V. Bartelli, 1909. – 400 p. <i>Штамп и надп. на форз.:</i> Il Comitato e l'Autore in segno di omaggio e di gratitudine al Prof: Wladimiro Piskorski dell'Universita di Kasan. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.</p>
106	И66825	<p>Fiorentino, Francesco. Pietro Pomponazzi: Studi Storici su la Scuola Bolognese e Padovana del secolo XVI. Con molti documenti inediti. – Florence, 1868. – 517, [1] p. Надп. на шмуцтит.: В. Пискорского Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.</p>
107	И67926	<p>Langlois, Ch.-V. La societe française au XIIIe siecle: d'apres dix romans d'aventures. – Paris: Hachette, 1904. – 328, [1] p. Тисн. на корешке: В.П. Штамп: Библиотека для практ. занят. по всеоб. ист. Импер. Каз. унив.</p>

Составитель **Н.Б. Пазина**

СОДЕРЖАНИЕ

«Память его в нашем университете никогда не должна изглаживаться». Приветствие участникам круглого стола Р.Р. Хайрутдинов, Г.П. Мягков	3
Раздел 1. Владимир Константинович Пискорский – выдающийся российский историк	
Новикова Е.А. Вспоминая Владимира Константиновича Пискорского (10.08.1867, г. Одесса – 03.08.1910, г. Казань)	8
Пичугина И.С., Новикова Е.А., Золотухина М.В. «Нет жизненнее науки, чем история»: размышляя о личности В.К. Пискорского	20
Раздел 2. Всеобщая история как исследовательская традиция	
Лучицкая С.И., Новикова Е.А. Иван Васильевич Лучицкий (1845–1918 гг.) – историк и общественный деятель	32
Новикова Е.А. Кружок профессора И.В. Лучицкого	50
Ауров О.В. А.Р. Корсунский и традиции научной школы В.К. Пискорского (о педагогическом наследии ученого)	54
Кузнецов А.А. Как можно стать испанистом в 54 года	62
<i>Приложение. Из эпистолярного наследия С.В. Фрязинова</i>	68
Черниенко Д.А. Личность и научное наследие В.К. Пискорского в историографии Украины	74
Раздел 3. В.К. Пискорский и Казанский университет	
Мягков Г.П., Хамматов Ш.С. В.К. Пискорский в Казани	86
Бушуева Л.А. В.К. Пискорский и Казанский университет его времени (начало XX в.)	116
Янив И.Д. Эпистолярное наследие В.К. Пискорского	125
Кудратов А.О., Онищенко Е.С., Осокин Д.С. Судьба казанской библиотеки В.К. Пискорского: утраты и находки	136
Георгиев П.В. Университетская наука и духовное образование: из опыта слависта В.И. Григоровича	141
Недашковская Н.И. Научный дискурс в наследии европейских нацистроительских проектов (славистика в Казанском университете в 1900-е гг.)	149
Ежова С.А. Александр Иванович Александров (епископ Ямбургский Анастасий): казанский период жизни	155
Валеев Р.М., Мартынова Ю.А. Российское университетское востоковедение: центры и наследие (XIX – начало XX вв.)	171

Сыченоква Л.А. История искусств в Казанском университете: становление изучения и преподавания (1900-е годы)	179
Сидорова И.Б. Создание библиотеки Музея искусств и древностей в Казанском университете (конец XIX – начало XX вв.): предпосылки и результаты	185

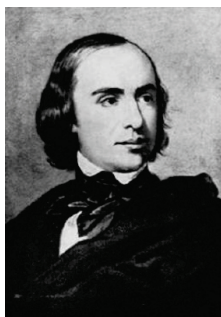
Раздел 4. Наследие В.К. Пискорского и его современников в отечественной и европейской науке

Труш О.М. Володимир Піскорський: джерелознавчо-краєзнавчі студії	194
Кутявин В.В. Комениология В.К. Пискорского	204
Бухараев В.М., Мягков Г.П. На раннем этапе «боев за историю»: методологический опыт Владимира Пискорского 1906 года	210
Девятайкина Н.И. М.О. Гершензон и его вклад в историю раннего Ренессанса (Петрарка)	223
Свешников А.В. И.М. Гревс об Италии XIX века	232
Шадрина Н.А. Компаративные исследования европейского и арабо-мусульманского средневековья в отечественной историографии второй половины XIX – начала XX вв.	241
Руденко К.А. Волжская Булгария и средневековая Испания: пути развития культуры (историографический аспект)	251
Кузнецов А.А. Англо-испанские отношения в 1654–1659 гг. в исследовании С.И. Архангельского	259
Бикеева Н.Ю. Новые подходы к изучению средневековой агиографии на рубеже XIX–XX вв.: исследования Ипполита Делеэ	265
Зипунникова Н.Н. Историко-правовая наука в университетской подготовке российских юристов в начале XX века	274
Федорова Н.Г. Учебники по истории средних веков конца XIX – начала XX вв.: от «коммерческого издания» к «научной книге»	280

Раздел 5. Вопросы изучения истории Испании

Леонова Т.А. Новые направления современных исследований приходской жизни средневековой Испании	291
Alvarez C. Proposal of a quixotic reading of a historical fact: the initial moment of the conversion of Saint Francis of Assisi	301
Третьякова М.В. Личная жизнь короля Испании Филиппа II (по данным итогового отчета венецианского посла в Испании Джованни Соранцо)	311
Мартынов Д.Е. Формирование представлений о Китае в Испании раннего нового времени (XVI–XVII вв.)	319
Ерохин В.Н. Национальный вопрос в истории Испании	329
Бодров О.В., Воронцова А.В. Поколение 98 года. О поиске национальной идеи	340
Книги из казанской библиотеки В.К. Пискорского (составитель Н.Б. Пазина)	348

Поколения учителей

Т.Н. Грановский
(1813-1855)

В.И. Герье
(1837-1919)

И.В. Луцицкий
(1845-1918)

Н.И. Кареев
(1850-1931)

М.М. Ковалевский
(1851-1916)

П.Г. Виноградов
(1854-1925)

Я.Я. Фортинский
(1846-1902)

Е.Г. Афанасьев
(1848-1925)

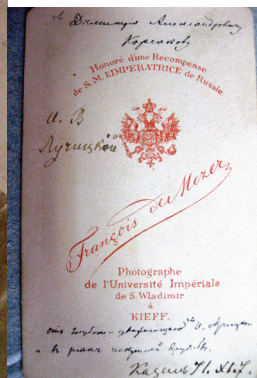
В.П. Бузескул
(1858-1931)

Д.А. Корсаков
(1869 г.)

И.В. Лучицкий
(1871 г.)

17 октября 1871 г. приват-доцент Университета Св. Владимира (Киев) И.В. Лучицкий защитил в Казанском университете магистерскую диссертацию «Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции»

- Фотография с дарственной надписью:
«Дмитрию Александровичу Корсакову от глубокоуважающего И. Лучицкого и в знак искренней дружбы. Казань 71.XI.7»

(НМ РТ. ОПИ. Фонд Д.А. Корсаково. Инв. № 123666)

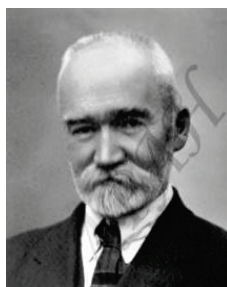
Ученики профессора И.В. Лучицкого

Р.Ю. Виппер
(1859-1954)

Е.А. Кивлицкий
(1861-1921)

Д.М. Петрушевский
(1863-1942)

Е.В. Тарле
(1875-1955)

Проф. И.В. Лучицкий – декану историко-филологического факультета Казанского университета проф. Д.А. Корсакову:

«...Как ученый, он вполне солидная величина. Приобрел имя в европейской литературе, усерднейший труженик, а главное, хороший руководитель практических занятий»

В.К. Пискорский
(1867-1910)

В.К. Пискорский в кругу семьи

Императорский Казанский уни- верситет в начале XX века

В.И. Григорович
(1815-1876)

Н.А. Фирсов
(1831-1896)

Н. А. ОСОКИНЪ, профессоръ казанскаго университета.

Съ фотографъ С. Панаева, въ Казани, рисованъ В. Сурганъ.

Н.А. Осокин
(1843-1895)

Ученые Казани – современники В.К. Пискорского

Д.А. Корсаков
(1843-1920)

И.Н. Смирнов
(1856-1904)

А.В. Смирнов
(1857-1933)

Е.Ф. Будде
(1859-1929)

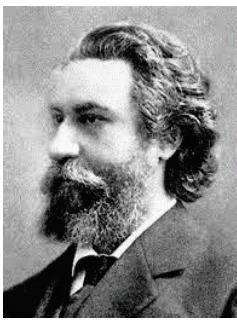
А.И. Александров
(1861-1918)

Н.Ф. Катанов
(1862-1922)

Д.В. Айналов
(1862-1939)

Н.Н. Фирсов
(1864-1933)

С.П. Шестаков
(1864-1940)

А.М. Миронов
(1866-1929)

М.М. Хвостов
(1872-1920)

Н.М. Петровский
(1875-1921)

**Выпускники историко-филологического факультета
Казанского университета 1910 г.
– ученики профессора В.К. Пискорского**

Н.П. Грацианский
(1886-1945)

А.Г. Муравьев
(1887-1924)

С.П. Сингалевич
(1887-1954)

Кабинет всеобщей истории Казанского университета (1912 г.)
На фото – А.Г. Муравьев

В.К. Пискорский и М.М. Хвостов в окружении студентов
в кабинете всеобщей истории Казанского университета (ОР РГБ. Ф. 604. К. 16. Ед. 31)

ОР РГБ. Ф. 604. К. 16. Ед. 46

Научное издание

**В.К. ПИСКОРСКИЙ И РАЗВИТИЕ
НАУКИ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
В РОССИИ**

Сборник научных статей

Оригинал-макет *Г.П. Мязков*

Дизайн обложки *Р.М. Абдрахмановой*

Подписано в печать 19.06.2019 г.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60x84¹/16. Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 21,86

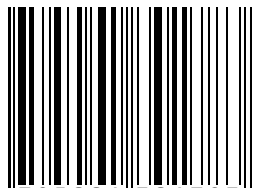
Тираж 500 экз. Заказ 196/6.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. профессора Нужи́на, 1/37

Тел. (843) 233-73-59, 233-73-28

ISBN 978-5-00130-178-3

9 785001 301783 >